Незнакомой, но милой пра-племянницу

Нелли Зариной

преданный Авторъ

А. Неклюдовъ

Ницца,

Февраль 1934.

А. В. Неклюдовъ

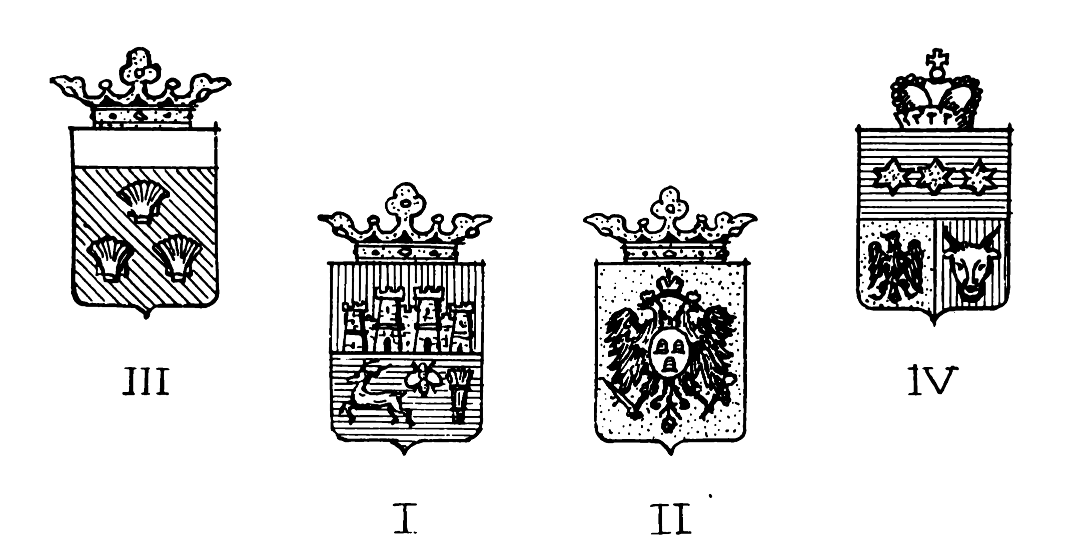
СТАРЫЕ ПОРТРЕТЫ

СЕМЕЙНАЯ ЛѢТОПИСЬ

Часть Вторая

ЧАСТЬ II

Катакази-Камнены-Ретала-Мурузи

Посвящается

вторая часть „Старыхъ Портретовъ“ памяти

Дѣда моего

Гавріила Антоновича

Катакази

Авторъ.

Ницца

Сентябрь 1933.

Hélène Zarine
Nice.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОПЕЧАТКИ

Авторъ покорнѣйше проситъ благосклоннаго читателя отмѣтить, — прежде нежели приступитъ онъ къ чтенію сихъ страницъ, слѣдующіе главные и наиболѣе досадные недосмотры и опечатки:

На страницѣ	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
21-й	16-я	Комнеиновъ	Комниновъ
39-й	31-я	передавемою	передаваемою
56-й	10-я	недругомъ	недугомъ
64-й	18-я	пустѣющимъ	пустующимъ
101-й	16-я	Троскуровою	Торсуковою
104-й	6-я	прорывлась	прорывались
119-й	16-я	какъ выше сказано, въ Смольномъ	какъ принято было говорить, ибо и оффиціальное назва-
124-й	33-я	мой	моей
127-й	26-я	Рачи	Ратчи
146-й	3-я	en	et
148-й	21-я	Мишенька	Митенька
161-й	14-я	Ниртембергской	Виртембергской
168-й	9-я	Никодимійскимъ	Никомидійскимъ
208-й	36-я	антагоинзмъ	антагонизмъ
251-й	23-я	настроенія	нестроенія
264-й	выноска	Бивкгепе	Буюкдере
352-й	18-я	отъ графовъ	отъ графинь

Недосмотры эти, въ коихъ наименѣе виновна типографская сторона изданія, являются естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ тяжелыхъ условій коими обставлено было оборудованіе настоящаго труда, какъ затруднено ими печатаніе, въ нынѣшнія времена, всѣхъ вообще русскихъ книгъ за-границею. Надъ каждою изъ сихъ можно по справедливости выставить эпиграфомъ горькій Овидіевъ стихъ:

Vade sed incultum qualem decet exulis esse...

Авторъ.

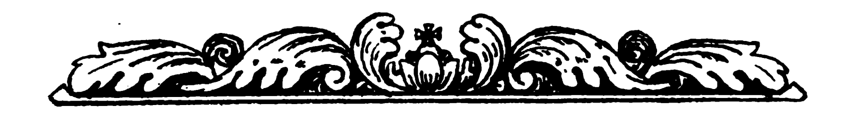
ВВЕДЕНІЕ

„ФАНАРІОТЫ“

Христосъ вѣнчаетъ Византій-скихъ Императора и Императрицу.

Рѣзьба на слоновой кости конца X-го вѣка.

Впитывая жадно и быстро въ себя понятія и познанія Запада, послѣ-Петровская Русь весьма многое изъ этихъ понятій и знаній принимала просто на-вѣру, не подвергая ихъ ни провѣркѣ, ни даже сомнѣнію. Некогда было этимъ заниматься: давай намъ все новое, все доселѣ неизвѣстное; послѣ разберемся! Мы не разобрались и по сію пору.

И вотъ, на ряду съ научно - обоснованными данными, съ плодами разсудкомъ и опытомъ провѣреннаго мышленія, перебрались къ намъ и свили у насъ прочное гнѣздо многіе предразсудки, заблужденія и извращенія западно - Европейской мысли.

Въ исторической наукѣ, однимъ изъ примѣровъ такого извращенія является прежнее отношеніе этой науки ко всей огромной области Византійской культуры и Византійской государственности.

Припомнимъ, какъ преподавалась нашему и предшествовавшимъ поколѣніямъ исторія Среднихъ Вѣковъ Европы со временъ Юстиніана и вплоть до знаменательной эпохи Возрожденія? Съ переселеніемъ народовъ и съ появленіемъ новыхъ, на основѣ племеннаго обособленія созидающихся зачаточныхъ Государствъ, — весь интересъ, весь смыслъ Исторіи переносился преподаваніемъ на-Западъ; межъ тѣмъ какъ все огромное строеніе Римскаго могущества, Греко-Римской образован-

ности и утонченности скатывалось куда-то въ пропасть, въ небытіе, какъ скатывается сознаніе хлороформируемаго паціента! Византія, — «dans morsche Griechische Kaiserreich» — появлялась затѣмъ снова на короткое время изъ потемокъ, когда преподаваніе подходило къ Крестовымъ Походамъ, къ Латинской Имперіи, и наконецъ ко взятію Константинополя Турками, — но появлялась всегда эпизодически, какъ неизбѣжная прибавка къ « заправской » исторіи, — исторіи западнаго міра.

Старое соперничество Папъ и вражда латинскихъ монаховъ, потомъ пренебрежительное высокомѣріе протестантской школы, « философовъ » XVIII-го вѣка и историковъ пошиба Гиббона, — сказались въ этомъ отношеніи къ цѣлой огромной области мірового прошлаго, къ цѣлой половинѣ источниковъ и основъ новой Еврпейской цивилизаціи. И это замалчиванье, это пренебреженіе, это непониманіе передавались цѣлому ряду поколѣній образованнаго общества какъ на Западѣ, такъ, — къ вящему сожалѣнію и удивленію, — и у насъ, въ Россіи.

Новѣйшая Европейская историческая наука отрѣшилась отъ этого вольнаго и невольнаго невѣжества по отношенію къ Византіи. Во французской исторической литературѣ появились такіе замѣчательные труды, какъ книга ученика Fustel de Coulanges'a — Gasquet — Byzance et la Monarchie Franque, книга проливающая должный свѣтъ на то вліяніе, коимъ пользовалась Восточная Имперія между VIII - мъ и XII - мъ вѣками, на вездѣсущіе ея дипломатіи, на продолжавшееся культурное воздѣйствіе Византіи, какъ посредницы между древнимъ, коснымъ въ своей мудрости Востокомъ и заражавшеюся, нетерпѣливо росшею цивилизаціею Запада. Одновременно труды Rambaud, замѣчательныя археологическія возсозданія Du Cange'a и великолѣпныя, бьющія жизнью изслѣдованія Шлумбергера и Diel'a, монографіи нѣкоторыхъ англійскихъ и американскихъ писателей, какъ напр. Wallace'a, — открыли намъ цѣлый новый міръ — міръ Византійской Имперіи, — этого, вплоть до XIII-го вѣка, мощнаго еще пережитка Греко-Римской цивили-

заціи; и исторія Среднихъ Вѣковъ до XI - го столѣтія получила вновь для насъ свое естественное средоточіе.

Изъ подъ искуственно наброшенныхъ потемковъ возстаетъ снова передъ нами Великая Имперія, хотя и съ постоянно колеблющимися границами и со временными потемнѣніями могущества, но съ крѣпкимъ, живучимъ ядромъ своебразныхъ государственности и политики, быта и вѣрованій, умственной культуры и художества. Воскресаетъ борьба съ грозившимъ одно время самому существованію Византіи Арабскимъ Исламомъ; наступательное движеніе паки на Востокъ спасенной и окрѣпшей Имперіи; отвоеваніе Каппадокіи, Киликіи и сѣверной Сиріи; сложные по заготовкѣ и побѣдоносные морскіе походы, возвращающіе осьмиконечному Кресту Критъ и Сицилію; кровопролитныя войны съ Болгарами и возвращеніе подъ скипетръ христіаннѣйшихъ Императоровъ почти всего Балканскаго полуострова, до Силистріи и Дураццо. Всплываютъ флоты гордыхъ кораблей, снабженныхъ не только позлащенными украшеніями и пурпурными стягами, но и запасами сокрушительнаго, въ непроницаемой тайнѣ изготовляемаго «греческаго огня». Встаютъ огромныя ополченія воиновъ: покрытыхъ блестящею, чешуйчатою бронею всадниковъ - «катафрактаріевъ», пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука, воинственныхъ копьеносцевъ-исавровъ и армянъ, потрясающихъ боевыми сѣкирами варяговъ и руссовъ. Вырастаютъ изъ земли среди равнинъ, равно какъ и въ горныхъ тѣснинахъ, мощныя каменныя стѣны и крѣпчайшія четвероугольныя башни старой Римской кладки, о какихъ не имѣлъ понятія, вплоть до Крестовыхъ Походовъ, сѣверо-западъ Европы. Въ защищенныхъ такими стѣнами городахъ и обителяхъ воздвигаются вновь храмы, силящіеся напомнить собою зодческое чудо Святой Софіи; открываются школы ученыхъ грамматиковъ и искусныхъ риторовъ, наростаютъ кое-гдѣ хранилища рукописей, возраждаются стародавнія ремесла — ткацкое и златокузнечное, красильное и кожевенное, оружейное и органное. Мастера «мусійскаго дѣла» покрываютъ своды храмовъ и дворцовъ узоромъ изображеній и орнаментовъ, гармонично сливающихся съ золотистою облицовкою фона; а Панселиносъ и его ученики расписываютъ

стѣны тѣми чудными фресками, въ коихъ «прерафаэлитская» чистота линій и глубокая вдумчивость выраженія соединяются съ античнымъ изяществомъ въ складкахъ одеждъ и покрововъ.

А въ сказочной столицѣ этой — снова могущественной — Римской Имперіи, въ Царственномъ Градѣ ея, развертываются пышность и утонченность жизни, коренящіяся съ одной стороны въ примѣрахъ и преданіяхъ древнихъ Азіатскихъ царствъ, — съ другой въ античной культурѣ Греціи и Рима, этомъ первоисточникѣ всего новѣйшаго Европейскаго просвѣщенія.

Недаромъ, лишь только наступали для второго Рима временные періоды безопасности, внутренняго порядка и обогащенія, — возобновлялся въ Византіи интересъ къ классической литературѣ и наукѣ, къ памятникамъ классическаго искусства; собирались и переписывались старые свитки, откапывались и перевозились въ міровую столицу забытыя произведенія древнихъ мастеровъ скульптурнаго и литейнаго дѣла. Да, почти вплоть до перваго плачевнаго паденія Царьграда, до раззоренія и опустошенія его Крестоносцами въ 1204-мъ году, — на берегахъ Босфора продолжала укрываться и проявлять подъ-часъ неоспоримую жизненность античная греко-римская культура; и изъ сокровищницы этой культуры черпали безостановочно и передавали усвоенное дальше Амальфи и Пиза, Равенна, полу-Византійская Венеція и Флоренція, а одновременно съ ними — Палермо, Гренада и Кордова и весь пышный и быстро отцвѣтшій Могребъ. Продолжала жить Имперія, политическое вліяніе коей чувствовалось одновременно на берегахъ Днѣпра, Дуная и Сены; Имперія, служившая необходимымъ звеномъ между Востокомъ и Западомъ, между прошлымъ и будущимъ, между Аѳинами Перикла и Флоренціею Медичисовъ — этихъ выходцевъ изъ той же Византіи. И когда рушится она наконецъ, эта одиннадцати-вѣковая Имперія, захирѣвшая въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій своего существованія, — то и эта, сметенная Магометомъ II-мъ тѣнь былого величія разсыпается по Италіи новыми очагами классическаго знанія и ускоряетъ пышный расцвѣтъ Ренессанса.

Такою открывается для насъ истинная роль Византіи въ исторіи, и исчезаютъ передъ свѣтомъ знанія историческіе предразсудки, навѣянные, какъ я уже выше сказалъ, враждою и невѣжествомъ и перенесенные съ запада къ намъ, въ ту самую Россію, которая именно Царьграду обязана была столь многимъ, какъ въ области религіознаго и государственнаго сознанія, такъ и въ другихъ проявленіяхъ культуры.

Едва-ли ошибусь я, если той же чужевѣрной враждѣ и чужеземному невѣжеству припишу тѣ предразсудки, тѣ ошибочныя воззрѣнія, которыя доселѣ еще представляютъ собою ходячую монету при оцѣнкѣ своеобразной среды стариннаго и болѣе новаго Константнопольскаго архонтства — такъ называемыхъ *фанаріотовъ*.

Когда Мухамедъ II овладѣлъ Царьградомъ, занялъ мѣсто «Великаго Царя» и превратилъ дивный храмъ Св. Софіи въ главную «Джамію» своего мусульманскаго царства, — онъ съ присущими «правовѣрному» владыкѣ справедливостью и великодушіемъ отдалъ въ распоряженіе Вселенскаго Патріарха второй по размѣрамъ и великолѣпію величественный храмъ Свв. Апостоловъ — усыпальницу Православныхъ Императоровъ и Патріарховъ. Тамъ, на вершинѣ одного изъ семи холмовъ «Новаго Рима», поселился рядомъ со своею каѳедральною церковью, Патріархъ; тамъ же по близости пріютились и новые духовные и свѣтскіе сановники Патріархіи, «тайно образующе» собою былую, высшую іерархію Императорскаго Двора. Въ этотъ храмъ стекались тѣ семьи старой и гордой византійской аристократіи, которыя уцѣлѣли отъ погрома и могли оставаться въ *Городѣ*.

Но постоянныя войны между Мухамеданскою Имперіею и христіанскою Европою; но горделивыя притязанія Блистательной Порты Оттоманской съ одной стороны и проповѣдь общаго Крестоваго похода противъ турокъ — съ другой, не дозволяли укрѣпляться мирному сожительству между христіанскими и мусульманскими подданными Султановъ. Каждое новое возникновеніе вѣковой брьбы Креста и полумѣсяца, каждая побѣда, а тѣмъ паче каждое пораженіе Султанскихъ войскъ или флотовъ, сопровождалось взрывами мусульманскаго фанатизма въ Стамбулѣ и провинціяхъ, преслѣдованіями православныхъ архонтовъ султанскими властями, гоненіями на православное духовенство и приниженіемъ внѣшнихъ, нѣкогда столь пышныхъ проявленій православной обрядности. Колокола снимались и звонъ ихъ замолкалъ надъ христіанскимъ Востокомъ на цѣлыя столѣтія; лучшіе храмы отнимались и превращались въ джаміи. Изгнанъ былъ и Вселенскій Партріаръ изъ великолѣпнаго храма Свв. Апостоловъ и принужденъ перебраться въ другое, менѣе пышное и менѣе извѣстное православное святилище; затѣмъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій, въ еще менѣе знатный кварталъ и въ еще болѣе скромный храмъ; пока, наконецъ, въ началѣ XVII-го вѣка, не загнана была Патріархія на прибрежье Золотого Рога въ кварталъ блудницъ низшаго разбора и гульбы многоязычнаго сброда матросовъ, — Фанаръ. Тамъ около скромнаго приходскаго храма*), превращеннаго въ каѳедральный, осѣли окончательно преемники св. Іоанна Златоустаго, и туда же мало по малу перебрались и основались кругомъ, измѣнивъ весь характеръ нѣкогда шумнаго квартала, семьи православныхъ архонтовъ, жизнь коихъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, связывалась все тѣснѣе и тѣснѣе съ жизнью и судьбами Патріархіи. Съ этого именно времени названіе *Фанаріотовъ* дѣлается синонимомъ Православныхъ Греческихъ архонтовъ, обособляющихся въ своеобразную аристократію и начинающихъ, именно съ XVII-го столѣтія, играть замѣтную роль не только въ дѣлахъ Великой Церкви и «Румъ-Милети» (Греческой народности), но

---

*) Во имя св. Великомученика Георгія, съ придѣломъ во имя иконы Божіей Матери «Всеблаженной» (Παμμακάριστα).

и въ общихъ политическихъ обстоятельствахъ и судьбахъ Оттоманской Имперіи.

Паденіе Константинополя передъ побѣдоносными полчищами Мухамеда II-го застало еще въ Городѣ многочисленныхъ представителей старинной Византійской аристократіи. Старые «сенаторскіе» роды, семейныя преданія коихъ восходили до временъ Основателя Новаго Рима; потомки варварскихъ вождей и заложниковъ — готовъ и скиѳовъ, армянъ и исавровъ, гунновъ и турокъ, превращенные въ архистратиговъ асійскаго и европейскаго воинствъ, въ великихъ дронгаріевъ, въ кубикуляріевъ, спаѳаріевъ и логоѳетовъ; пра-правнуки разныхъ случайныхъ людей, — возницъ и брадобрѣевъ, мимовъ и кулачныхъ бойцовъ, — возведенныхъ Императорскою прихотью изъ поддонковъ на верхи столичнаго общества; внуки крестоносцевъ, норманскихъ и каталанскихъ пиратовъ, западныхъ феодаловъ Латинской Имперіи, осѣвшихъ за послѣднія столѣтія при Дворѣ Комненовъ, Ангеловъ и Палеологовъ; — вся эта столь различная по происхожденію среда превращалась силою вѣкового уклада жизни въ однородный слой Византійской аристократіи. Одна вѣра, одна строгая обрядность — Греческо - Православная; одинъ языкъ, одна образованность — эллинскіе; одинъ политическій идеалъ — Римская Имперія; лишь за послѣдніе два вѣка къ этому примѣшались — легкая окраска итальянскихъ нравовъ и обычаевъ, и обособленіе нѣкоторыхъ семей, — въ силу обстоятельствъ и по западному примѣру, — въ мелкія феодальныя династіи, разбросанныя по Мореѣ, Эпиру, Ѳессаліи и Понтійскому побережью.

Нѣкоторыя изъ архонтскихъ семей Константинополя насчитывали въ своей родословной одного, двухъ Императоровъ-Соправителей, какъ Аргиры, Рангави, Дуки, Малеины, Мелиссино, Ласкари, Кантакузины, Ватаци, а порою и цѣлыя династіи, какъ Комнины и Палеологи. Имперія дробилась, съуживалась и бѣднѣла; вся морская торговля ея перешла изъ греческихъ рукъ въ итальянскія; но самый *Городъ,* благодаря своему исключительному географическому положенію, благодаря славнымъ преданіямъ своего одиннадцативѣкового прошлаго, все еще — и до послѣдней минуты — служилъ средоточіемъ пышности и роскоши; онъ привлекалъ богатѣйшихъ иностранцевъ и удерживалъ своихъ старожиловъ, сильно обѣднѣвшихъ, но неизмѣнно гордившихся своимъ царственнымъ происхожденіемъ и не покидавшихъ надежду на спасеніе Города и на новый расцвѣтъ, счастливо претерпѣвшей уже столько превратностей Имперіи. Городъ этотъ былъ Второй Римъ, — вѣчный и навѣки державный, — и не вѣрилось его обитателямъ вплоть до послѣднихъ трагическихъ дней, вплоть до пробитія бреши у «Топъ-Капу» и въѣзда Мухамеда II-го по нагроможденнымъ трупамъ гражданъ въ святилище Святой Софіи — не вѣрилось въ конечную гибель Имперіи и Римско - Эллинскаго имени!

Паденіе Города разрѣдило въ значительной степени мѣстную византійскую аристократію. Многіе изъ представителей ея пали вмѣстѣ съ Константиномъ XI-мъ при защитѣ Города; еще болѣе многочисленные — съ женами и дѣтьми — при разграбленіи его янычарскими полчищами. Кто могъ, — бѣжалъ моремъ, на Генуэзскихъ судахъ, — одни въ остававшуюся еще свободною Морею, другіе — въ прежнія провинціи Имперіи, гдѣ у нихъ существовало земельное имущество и были связи съ мѣстными Турецкими властями; третьи наконецъ — въ Италію, Далматію и на Іоническіе острова.

Особенно тщились выбраться изъ ближайшаго сосѣдства съ новымъ владыкою Царьграда ближайшіе родственники послѣднихъ Христіаннѣйшихъ Императровъ, и семьи носившія прозвища бывшихъ Императорскихъ родовъ. Достигнувъ Венеціанскихъ, Римскихъ и иныхъ гостепріимныхъ предѣловъ,

они съ гордостью продолжали носить тамъ эти славныя фамиліи Комниновъ, Аргиропуловъ, Палеологовъ, Кантакузиновъ, Ласкарей; удалившись же въ свои провинціальные города, острова и веси, уже подчиненные туркамъ, они, напротивъ того, мѣняли или просто отбрасывали (по турецкому обычаю) свои фамильные прозвища; и цѣлыя столѣтія прожили такимъ образомъ, обрабатывая свои помѣстья, торгуя и обращаясь, подъ именами Василаки - беевъ или Джорджаки - еффендіевъ, — по восточному, поокрно и чинно, — съ мѣснтыми турецкими властями, но сохраняя особую близость къ своимъ православнымъ архипастырямъ, знавшимъ ихъ доподлинныя славныя имена и набиравшимся зачастую изъ ихъ же среды. — Такъ, въ силу историческихъ, экономическихъ и бытовыхъ причинъ, установились близкія и, первое время, почти пріязненныя отношенія между завевателями и завоеванными, какъ въ самомъ Константинополѣ, гдѣ примѣръ покорности подавали высшіе аристократическіе классы, такъ и въ провинціяхъ.

Говоря объ этомъ вступительномъ періодѣ греко - турецкихъ отношеній, не надо прежде всего терять изъ виду одного важнаго историческаго явленія: что еще до завоеванія Константинополя, т. е. съ того времени, когда владычество Османовъ только что утвердилось въ Асійскихъ провинціяхъ Имперіи, начало уже сказываться вліяніе ивзантійскихъ нравовъ и понятій на турецкіе и обратно; и что взаимодѣйстіве это усугубилось со взятіемъ Царьграда Мухамедомъ II-мъ.

Османы не были первою Тюркскою ордою, вторгшеюся въ предѣлы Имперіи; они оказались только несравненно сильнѣе и послѣдовательнѣе своихъ предшественниковъ, осѣвшихъ за

вѣка передъ тѣмъ по горнымъ пастбищамъ Малоазійскаго Полуострова и Сиріи.

Противодѣйствовать новому завоевателю вооруженной силою — на это не хватало у захирѣвшей съ XIII-го вѣка Имперіи ни матеріальныхъ средствъ, ни рѣшимости. Но если заброшены были на берегахъ Золотого Рога арсеналы и верфи, и забыто пориздводство Греческаго огня, если въ пустующей Императорской Казнѣ не доставало золота и серебра для найма и снаряженія сколько нибудь внушительныхъ военныхъ силъ, — то въ арсеналѣ Византійской дипломатіи сохранялось еще одно, — неоднократно и съ успѣхомъ испытанное средство — мириться съ оказавшимся слишкомъ сильнымъ «варваромъ», умилостивлять его дарами и почестями и, наконецъ, пользоваться имъ для отраженія и обезвреженія другихъ непріятелей; такимъ образомъ выиграно будетъ время, и «Вѣчный» Римъ дождется въ концѣ концовъ той минуты, когда внутреннія нестроенія и упадокъ силъ, сопровождающіе обычно соприкосновеніе варваровъ съ высшею цивилизаціею, надломятъ мощь опаснаго врага и предадутъ его въ руки хранящей крѣпко и неизмѣнно свои политическія преданія Императорской власти.

Такимъ образомъ, когда потомки Османа утвердились не только въ Каппадокіи и Киликіи, но и въ Виѳиніи, когда, перейдя въ Европу, они сокрушили и завоевали второе Болгарское царство Асѣней, когда они разгромили даже дальнюю Сербію и стали грозить еще болѣе отдаленной Венгріи, — въ Константинополѣ было не мало умныхъ и вооруженныхъ старымъ историческимъ опытомъ людей, которые относились къ водворившимся чуть ли не у самыхъ вратъ Царьграда Туркамъ со спокойнымъ благодушіемъ и даже благожелательствомъ. «Владѣли же всею Анатоліей Арабы и осаждали самый Константинополь, — и что теперь съ ними сталось? Ищи ихъ господства развѣ въ Испаніи и въ дальнемъ Могребѣ! Подступалъ же къ Городу велерѣчивый и грозный Симеонъ; а что сталось черезъ полтораста лѣтъ съ первымъ Болгарскимъ царствомъ? Владычествовали - же здѣсь, въ самомъ священномъ

Дворцѣ, сто лѣтъ тому назадъ невѣжественные, дерзкіе, еретичные феодалы-франги; а нынѣ правнуки этихъ самыхъ заносчивыхъ Латинянъ сознали превосходство древняго Православнаго благочестія, переняли нашъ языкъ и наши эллинскіе обычаи и вмѣняютъ себѣ въ честь служить нашимъ христіаннѣйшимъ Императорамъ.

«Не раздражайте же грозныхъ Адріанопольскихъ Султановъ; дружите съ ними; старайтесь передать имъ наши обычаи, наши досуги, нашу роскошь; придетъ время — заведется червь въ крѣпкомъ стволѣ Оттоманскаго племени, вспыхнетъ распря въ самомъ Султанскомъ домѣ, и тогда, — съ Божіею благоспоспѣшествующею помощью, — возсоединятъ снова Христіаннѣйшіе Императоры, подъ своимъ благочестивымъ скипетромъ, всю полноту достоянія Животворящаго Креста и Пресвятой Богородицы».

Нѣкоторые Византійцы шли по этому пути еще далѣе и думали, если и не говорили во всеуслышаніе: «Нѣтъ, не во враждѣ, а въ подчиненіи грозному, мудрому и справедливому водительству того сильнаго отпрыска, коему самъ Господь передалъ власть надъ Анатоліей и «Румомъ», — лежитъ спасеніе наше! Почемъ знаемъ мы, не предрѣшилъ ли неисповѣдимый Промыслъ открыть этимъ сильнымъ и справедливымъ владыкамъ свѣтъ истинной вѣры, какъ былъ открытъ онъ нѣкогда и свирѣпому Богорису и неугомонному, женолюбивому Владиміру? — И тогда, вмѣсто нынѣшнихъ нашихъ Горе-Императоровъ, этихъ Ласкарей, Кантакузиновъ и Палеологовъ, — коимъ болѣе приличествовало бы зваться *Неологами,* — полуфранговъ, полу-итальянцевъ, срамящихъ себя короткими, безстудными одеждами, преданныхъ блуду, плясобѣсію и срамному пѣнію, продающихъ за гроши важнѣйшія торговыя привиллегіи Генуезцамъ и Венеціанамъ и погубившихъ такимъ образомъ всю греческую торговлю, склоняющихся, — что всего хуже, — къ Латинству и ищущихъ поддержки у коварной Венеціи и въ еретическомъ Папскомъ Римѣ; — вмѣсто нихъ обрѣтетъ Православный Римъ новыхъ Христіаннѣйшихъ Императоровъ, истовыхъ, сильныхъ, справедливыхъ, которые возстано-

вятъ весь прежній блескъ Царьграда и подчинять ему дальніе предѣлы земли!»

Эти мнѣнія, даже и самыя крайнія, — не были бы лишены основанія и смысла, если бы не различіе между прежнею Византіею и нынѣшнею, между прежними варварскими завоевателями и тѣми, что стояли нынѣ у воротъ Царьграда. Орда Османовъ и родъ ихъ воинственныхъ повелителей представляли собою повидимому особо сильную, живучую и одаренную расу. Всюду, куда приходили Турки, — свирѣпые и безжалостные при подавленіи противодѣйствія, — всюду тщились, они однако, разъ сломивъ сопротивленіе, водворять сильную государственную власть и разумный порядокъ, высказывая при этомъ извѣстную вѣротерпимость и уваженіе къ чужимъ законамъ и обычаямъ. Вотъ почему осѣдали они прочно на мѣстахъ, ими занятыхъ, и превращали зачастую совершенно разоренныя провинціи Византійской Имперіи въ житницы хлѣба и тучныя пастбища — источники равномѣрныхъ доходовъ для Султанской казны. «Варварская» орда отнюдь не выказывала при этомъ склонности къ принятію вѣры завоеванныхъ ею народовъ; напротивъ того среди населенія, подчинявшагося Туркамъ, сказывалось, по временамъ, стремленіе перехода въ Исламъ; и цѣлыя сословія, подчасъ цѣлые округа, почти поголовно измѣняли вѣрѣ отцовъ! И самый Царьградъ былъ уже далеко не тотъ, какимъ знавали его нѣкогда авары и руссы, болгары, арабы, крестоносцы... Слишкомъ многое измѣнилось, слишкомъ многое было безозвратно утрачено за полсѣдніе два съ половиною вѣка, протекшихъ со времени предательскаго занятія Константинополя Дожемъ Дандоло и Балдуиномъ Фландрскимъ! Въ новомъ Императорскомъ дворцѣ, пріютившемся у самыхъ наружныхъ стѣнъ Города (старый Дворецъ, слишкомъ обширный и великолѣпный, покинутъ былъ и разрушался мало-по-малу), въ новомъ дворцѣ, похожемъ на среневѣковый замокъ-плаццо, забыто было черезъ-чуръ многое, и не ощущалось въ особенности того *самодовлѣнія,* той увѣренности въ собственномъ несокрушимомъ величіи, которая составляла одну изъ величайшихъ силъ прежней Имперіи. Всѣ эти Лас-

кари, Кантакузины и Палеологи дѣйствительно слишкомъ объитальянились. На западѣ мнили они найти единственную поддержку своему гибнущему Царству, и это привело ихъ, въ концѣ концовъ, къ Флорентійской уніи, т. е. къ окончательному отреченію отъ исконныхъ завѣтовъ Второго Рима и къ новымъ нестроеніямъ какъ внутри Великаго Города, такъ и въ свободныхъ еще отъ Турецкаго владычества осколкахъ Имперіи.

И часъ паденія Константинополя пробилъ. На его мѣсто сталъ сильный, воинственный *Стамбулъ*, грозившій, въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, самому существованію западной, христіанской Европы.

Въ завоеванномъ Турками Царьградѣ взаимодѣйствіе стараго Византійскаго и новаго мусульманскаго міровъ сказалось еще сильнѣе и притомъ не съ одной внѣшней стороны; не только церквами, превращенными въ джаміи, римскими банями, принявшими названіе «турецкихъ», гинекеями переименованными въ гаремы, евнухами перешедшими исключительно во дворцы мусульманъ; не только словами εἰς τὴν Πόλιν (въ мягкомъ ново-греческомъ произношеніи: *с тим болин*) передѣланными въ роковое имя «Стамбулъ», — имя звучащее какъ грохотъ турецкаго барабана передъ строемъ выходящихъ въ походъ съ бунчуками и зелеными знаменами янычаръ... Вышесказанное взаимодѣйствіе коснулось и внутренней сущности обоихъ міровъ.

Прежде всего сами побѣдители измѣнились мало по малу въ своемъ племенномъ обликѣ. Принимая въ свою среду, по-

средствомъ обращенія въ Исламъ, массу людей всевозможныхъ народностей — грековъ, славянъ, сирійцевъ, албанцевъ, кавказскихъ горцевъ, армянъ, евреевъ, — они мало по малу утратили свой коренной тюркскій типъ. Въ довольствѣ и силѣ раскинувшись по всему лицу Византійской Имперіи, впитавшей въ себя еще раньше столько исконно-восточнаго, древне-Азійскаго, Турецкій Султанатъ довольно быстро превратился въ подобіе классическаго Азіатскаго Царства: Вавилона, Лидіи, Персіи. Сохранились, правда, еще долго воинственность. физическая сила и энергія прежней орды, сохранился языкъ — сильный и мѣткій, но уже въ изящной разговорной рѣчи, а тѣмъ болѣе въ письмѣ, языкъ этотъ запестрѣлъ словами и оборотами арабскими и персидскими. Въ 1517-мъ году Султанъ сталъ *Халифомъ*. Исламъ заслонилъ собою все, и прежде всего — племенное самосознаніе. Исламъ, молящійся только по арабски, проповѣдующій, учащій, даже законодательствующій только на языкѣ Пророка. Извѣстны коренное противорѣчіе, непримиримая вражда, всегда существовашія между Арабами и Турками: со взятіемъ Константинополя, столь неоднократно побѣждавшіе Арабовъ Турки какъ бы добровольно подпали вновь подъ ихъ вліяніе, ибо верхи этого Турецкаго Царства стали прежде всего верхами Ислама въ противуположность къ враждебному христіанскому міру — сначала лишь западному, а потомъ и восточному.

Сообразно съ этими измѣненіями въ обликѣ побѣдителя, измѣнялись мало-по-малу и побѣжденные. Прежняя Византія, какъ я уже сказалъ, впитала въ себя много восточнаго, Азійскаго; по мѣрѣ того, какъ превращалась Тюркская орда въ царство «Великаго Господина», возрастала къ нему — до извѣстной степени — склонность подвластнаго христіанскаго населенія. Сельскій людъ долго хотѣлъ видѣть въ Султанѣ источникъ правосудія и грозу надъ мѣстными правителями. Припоминая изъ Библіи отношеніе Евреевъ къ грознымъ, но справедливымъ Персидскимъ Властителямъ, онъ такъ и называлъ себя «Царскимъ». — Что же касается населенія острововъ и морского побережья, гаваней и торговыхъ центрвъ, то оно съ нескрываемымъ удовлетвореніемъ привѣтствовало уничтоженіе

Турками Венеціанскихъ и Генуэзскихъ торговыхъ привиллегій и монополій. Отнынѣ Греки, обладавшіе изстари столь исключительными торговыми и мореходными способностями, могли снова занять свое прежнее и по праву принадлежавшее имъ мѣсто въ торговыхъ оборотахъ и судоходствѣ Средиземнаго Моря. А это, въ свою очередь, имѣло превостепенное значеніе, какъ въ смыслѣ охраненія и развитія греческой народности, такъ и въ смыслѣ примиренія ея съ новымъ порядкомъ вещей. И можно смѣло утверждать, что вышеуказанная экономическая причина оказала наисильнѣйшее воздѣйствіе на вѣковыя отношенія Грековъ къ Турецкой власти и къ Турецкимъ порядкамъ. Пока власть эта имѣла силу охранять и охраняла торговые интересы своихъ подданныхъ, самая дѣятельная и просвѣщенная часть Греческаго населенія Имперіи готова была служить Султану не то только своею работою, но даже и своею кровью. Большинство матросовъ столь могущественнаго прежде Турецкаго флота набиралось среди грековъ Архипелага; и даже въ сухопутныхъ арміяхъ Падишаха существовали вспомогательныя Греко - Албанскія войска, извѣстныя подъ названіемъ Арматоловъ. — Когда, черезъ три столѣтія, Имперія Османовъ ослабла и центральная власть начала оказываться безсильною противъ бунтующихъ сатраповъ и противъ экономическаго давленія и захвата извнѣ, тогда Греческое населеніе, съизнова поражаемое въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ и удручаемое, и вмѣстѣ съ тѣмъ ободряемое хаотическимъ состояніемъ Имперіи, начало примѣнять всю свою, прирожденную и накопленную вѣками смѣлой, препріимчивой работы энергію, дабы свергнуть съ себя иго, которое, продолжая оскорблять Грековъ въ ихъ національномъ и личномъ достоинствѣ, перестало приносить имъ взамѣнъ существенныя выгоды на почвѣ матеріальной. Но этотъ оборотъ греко-турецкихъ отношеній наступилъ, повторяемъ, лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Греческая аристократическая среда, какъ въ Столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, не могла конечно не слѣдовать за этими обще-народными расположеніями. Она ими чаще всего и руководила.

Архонты съ интересомъ принялись за изученіе восточныхъ языковъ и мусульманскаго законодательства и не безъ удовольствія стали обращаться — восточнымъ чиннымъ порядкомъ — со своими владыками, у коихъ многое перенимали и коимъ передавали кое-что изъ своего. Они вскорѣ стали необходимы Туркамъ: ихъ финансовая опытность, ихъ исключительная способность къ торговлѣ, ихъ гибкость, ихъ познанія въ нѣкоторыхъ наукахъ, какъ-то врачебной, и въ нѣкоторыхъ производствахъ и наконецъ знаніе ими восточныхъ и западныхъ языковъ, — всѣ эти незамѣнимыя качества доставляли имъ — гдѣ терпимость, гдѣ покровительство, а гдѣ и пріязнь ихъ владыкъ. Матеріальный укладъ жизни сравнивался мало по малу, а присущій и побѣдителямъ и побѣжденнымъ фатализмъ покрывалъ и облегчалъ многое.

Таковымъ представлялось однако-же лишь обиходное, повседневное сожительство обѣихъ половинъ населенія, — и притомъ преимущественно въ первые полтораста-двѣсти лѣтъ по завоеваніи Константинополя, т. е. пока Имперія Османовъ управлялась руками сильными и была могущественною во-внѣ и богатою внутри. — Но борьба между Исламомъ и Западнымъ міромъ продолжалась жесточе прежней и, какъ я уже замѣтилъ выше, всякое большое пораженіе султанскихъ силъ на сушѣ или на морѣ, вызывало взрывы мусульманскаго фанатизма и гоненія на тѣхъ, въ коихъ Турки все-таки подозрѣвали тайныхъ своихъ враговъ и доброхотовъ Запада. Учащались издѣвательства, оскорбленія со стороны черни; Греческіе іерархи, архонты и именитые торговцы сажались по тюрьмамъ; Патріархъ, Митрополиты, ссылались изъ столицы въ провинцію, а изъ провинціальныхъ центровъ въ мѣста «болѣе отдаленныя»; лучшіе храмы отбирались; и, въ концѣ концовъ, самыя выдающіяся лица изъ мѣстнаго христіанскаго населе-

нія предавались казни, — либо почетной и замаскированной, въ видѣ шелковаго шнурка или чашки кофе, — либо всенародной, позорной, часто жестокой. И это продолжалось *до тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія.* Исторія виднѣйшихъ Греческихъ родовъ за послѣднее лишь столѣтіе, до реформъ Султана Махмуда, представляетъ собою настоящій мартирологъ.

Такъ въ семьѣ *Каллимахи:* Іоаннъ Каллимахи — великій драгоманъ, затѣмъ Господарь Молдавскій, — обезглавленъ въ 1761 году; сынъ его *Григорій,* также Господарь Молдавскій, — обезглавленъ въ 1769 году; *Скарлатъ* — Господарь Молдавскій — умервщленъ въ 1821 году; братъ его *Іоаннъ* — великій драгоманъ, — сосланъ и удавленъ въ ссылкѣ въ томъ-же году.

Въ семьѣ *Мурузи: Кн. Александръ,* Каймакамъ Самосскій*), обезглавленъ въ 1769-мъ году; *кн. Георгій,* — великій драгоманъ, — сосланъ въ Кипръ въ 1796 году и тамъ умервщленъ; его братъ *Кн. Дмитрій,* великій драгоманъ, подписавшій въ 1812 году Букурештскій миръ съ Россіею, взятъ подъ стражу въ Шумлѣ, и, приведенный въ шатеръ Верх. Визиря, изрубленъ на куски янычарами; третій братъ — *Кн. Панаіотъ,* — драгоманъ Арсенала, — обезглавленъ въ томъ-же 1812 году; *Кн. Константинъ,* великій драгоманъ, обезглавленъ въ 1821 году; его братъ *Кн. Николай,* бывшій драгоманъ Арсенала, обезглавленъ тогда-же.

Въ семьѣ *Мано: Михаилъ,* драгоманъ Арсенала, обезглавленъ въ 1821 году.

Въ семьѣ *Маврокордато: Кн. Георгій* — Гетманъ и великій Банъ Молдавскій — повѣшенъ въ окнѣ собственнаго дома въ Фанарѣ въ 1821 году.

Въ семьѣ *Маврогени: Николай,* драгоманъ Арсенала, обезглавленъ въ 1790 году.

Въ семьѣ *Кантакузиновъ: Кн. Константинъ* — казненъ въ 1661 году; сынъ его — *Кн. Константинъ,* великій Столь-

*) Пра-прадѣдъ автора.

никъ Валашскій, — казненъ въ Константинополѣ въ 1716 году; *Кн. Стефанъ,* сынъ предъидущаго, Господарь Валашскій канзненъ въ томъ же году; *Кн. Първулъ* (Провъ) убитъ, сражаясь съ Турками, въ 1770 году.

Въ семьѣ *Ипсиланти: Іоаннъ,* извѣстный подъ названіемъ Хаджи-Яни, богатый торговецъ (Ипсиланти принадлежали къ древнему Византійскому роду и по женской линіи происходили отъ Комниновъ) — казненъ въ 1740 году, якобы за преданность Австріи; старый *Кн. Александръ,* великій драгоманъ и Господарь Валашскій въ отставкѣ, обезглавленъ въ 1807 году «за преданность Россіи», и такъ далѣе...*).

Не слѣдуетъ также забывать, что эти казни сопровождались зачастую коварствомъ и издѣвательствомъ, о которыхъ съ негодованіемъ вспоминали лица, уцѣлѣвшія отъ кровавыхъ гоненій, и родственники и близкіе погибшихъ. Родители мои знавали еще очевидцевъ террора, царствовашаго въ Константинополѣ въ 1821-мъ году, и повѣствованія этихъ очевидцевъ оставили глубокій слѣдъ въ ихъ памяти. Одинъ изъ членовъ княжеской семьи Каллимахи, уцѣлѣвшій по счастливой случайности и доживавшій свой вѣкъ въ свободной Греціи, такъ напримѣръ разсказывалъ о страшномъ времени, имъ пережитомъ: «Обращались съ нами въ Стамбульской тюрьмѣ не дурно и по-восточному — патріархально. Правда, что дежурившіе при стражѣ янычары ругали насъ самою отборною турецкою бранью и норовили плевать намъ въ лицо; но за-то мусульмане - тюремщики утѣшали и ободряли насъ и, за небольшой бакшишъ, приносили намъ всякихъ припасовъ, оказывая даже кредитъ узникамъ, не имѣвшимъ при себѣ денегъ. Но отъ времени до времени являлся въ тюрьму посланецъ изъ Порты, въ сопровожденіи двухъ - трехъ дюжихъ евнуховъ, и вызывалъ одного изъ заключенныхъ. «Сіяющій, какъ солнце Верховный Визирь, торжественно объявлялъ онъ ему, усмотрѣвъ въ своей безмѣрной справедливости твою, досточтимый Янаки-бей (или Джорджаки-

*) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ родословнаго сборника главнѣйшихъ фанаріотскихъ фамилій, составленнаго Г-мъ Евгеніемъ Ризо-Рангави.

Еффенди) невинность, освобождаетъ тебя изъ темницы и собирается воздать тебѣ великія почести. Облекись въ эти парадныя одежды: мнѣ поручено привезти тебя, высокопочитаемый Бей, въ Блистательную Порту»... Вызванный прекрасно зналъ, что это означаетъ; онъ прощался со своими, находившимися часто тутъ-же въ тюрьмѣ, принималъ напутствіе одного изъ духовныхъ лицъ, раздѣлявшихъ наше заключеніе, облекался съ помощью евнуховъ въ парчевыя одѣянія и высокую мѣховую шапку и, подсаженный своими спутниками, помѣщался съ ними въ просторной, снабженной деревянными ставнями каретѣ. И тогда — либо по дорогѣ набрасывали ему на шею шелковый снуръ и удавливали его, либо привозили дѣйствительно въ Порту, гдѣ въ пріемной передъ «диваномъ» (т. е. кабинетомъ) Верховнаго Визиря подавали ему, по обычаю, воду, сласти и кофе. Отвѣдавъ этого угощенія, онъ падалъ мертвый. Въ обоихъ случаяхъ тѣло его привозили въ его домъ и объявляли тамъ, съ должнымъ соболѣзнованіемъ, что такой то, узнавъ о неизреченной къ нему милости Падишаха и Верховнаго Визиря, такъ обрадовался, что съ нимъ приключился ударъ и онъ скончался въ Блистательной Портѣ (или «по дорогѣ туда»)»...

Часто говорятъ, — у насъ въ особенности, — о злопамятствѣ грековъ (и другихъ Балканскихъ народовъ) и сравниваютъ это злопамятство со спокойнымъ, — въ обычныя времена, — добродушіемъ турокъ. Но забываютъ при этомъ о тѣхъ страшныхъ и иногда отвратительныхъ взрывахъ фанатизма и жестокости, жертвою коихъ становилась періодически христіанская райя. Легко быть добродушнымъ и спокойнымъ, когда вамъ принадлежатъ сила и власть и склоняются передъ вами въ страхѣ порабощенные сограждане. Но нужно сверхчеловѣческое усиліе, — доступное лишь весьма немногимъ избраннымъ, — чтобы простить и не помнить крови и гибели близкихъ и собственныхъ униженій и страха. Постоянно жива горечь этихъ униженій, не изсякаетъ на днѣ души родникъ слезъ и самыя пѣсни складываются невольно въ грозныя и жестокія строфы, посылающія проклятія Вавилону и восхваляющія тѣхъ, кто «иметъ и разбіетъ младенцы его о камень»!..

2

И не надо думать, что подобныя гоненія были удѣломъ лишь знатнѣйшихъ семей и высокихъ чиновниковъ Порты. Греческіе именитые купцы въ столицѣ и провинціальныхъ городахъ, смѣлые и предпріимчивые кораблевладѣльцы и моряки острововъ Эгейскаго моря, архимандриты и протоіереи, и вплоть до сельскихъ старшинъ раздѣляли участь своихъ болѣе выдававшихся единоплеменниковъ и единовѣрцевъ — духовныхъ и свѣтскихъ — въ тѣ роковыя минуты, «когда Султанъ — былъ духомъ гнѣва обуянъ...»

Вышеизложенныя непрекращавшіеся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя бы и спорадически, преслѣдованія содѣйствовали выработкѣ въ христіанской средѣ вообще, — но преимущественно въ архонтской, — своеобразныхъ обычаевъ и нравовъ, своебразнаго направленія ума, своеобразныхъ наслѣдственныхъ особенностей.

Да, фанаріоты и провинціальные греческіе архонты, любя свои родные предѣлы, свой городъ и прилѣпляясь къ нимъ елико могли, не избѣгали обращенія со своими мусульманскими властителями и согражданами; они поступали на службу Султана и служили по-временамъ, какъ я скажу дальше, съ выдающимся усердіемъ; многое въ ихъ повседневномъ обиходѣ и обычаяхъ напоминало тѣхъ мусульманъ, съ коими они постоянно имѣли дѣло; они были несомнѣнно ближе къ нимъ, чѣмъ къ представителямъ Европейскаго Запада. Но рядомъ съ

этимъ сказывалось и коренное различіе въ духовномъ и умственномъ складѣ обоихъ скованныхъ, но не слитыхъ міровъ.

Мусульманская семья зиждется на вѣковомъ міровоззрѣніи, на вѣковыхъ исконныхъ обычаяхъ всего Азійскаго Востока, начиная съ устьевъ Ян-Цзе-Кіанга и кончая Дельтою Нила и горами Атласа. Женщина есть изящный и дорогой сосудъ, дарованный мужу для счастія и утѣхи, но освящаемый лишь дѣторожденіемъ, — особенно рожденіемъ сына. Завоюй или купи себѣ рабовъ и рабынь для услугъ, но добудь себѣ жену, какъ лучшую жемчужину твоего домашняго обихода. Оберегай эту жемчужину ревниво отъ чужого глаза, окружи ее достойною ея блеска оправою; а когда дастъ она тебѣ то, что въ ней есть наиболѣе цѣннаго, — т. е. дѣтей, то можешь со спокойною совѣстью оставить ее въ покоѣ и холѣ и взять себѣ другую жену: оставленная имѣетъ свою жизнь и свое счастіе, какъ мать своихъ дѣтей, окружающихъ ее любовью и почтеніемъ. Мужъ праведный и живущій по повелѣніямъ Божескаго закона, сохраняетъ и подъ сѣдинами силу и привлекательность молодости; онъ вполнѣ заслуживаетъ имѣть и утѣхи молодости и умножать свой честной родъ до положенныхъ Промысломъ и природою предѣловъ. Результатомъ этого міровоззрѣнія явилося многоженство, а у состоятельныхъ классовъ населенія — гаремъ.

Византія, принявшая въ себя, какъ я уже выше сказалъ, столь много исконно - восточнаго, имѣла свои гаремы, называвшіеся «Гинекеями». Переселенные въ Константинополь знатные Римляне перевозили съ собою и передавали своему потомству обычаи и пороки римской аристократіи послѣднихъ вѣковъ Республики и Имперіи. Византійцы водились съ гетерами, танцовщицами и мимами, содержа ихъ роскошно и щедро. Но, подпавъ на берегахъ Босфора подъ вліяніе восточныхъ обычаевъ съ одной стороны и христіанства съ другой, они вовсе не хотѣли, чтобы жены ихъ, дочери и сестры предавались тому открытому разврату, который уже во времена Ювенала позорилъ Римскихъ матронъ. Византійскія аристократки, начиная съ самихъ «Августѣйшихъ», заперты были

— или по-крайней мѣрѣ считались запертыми — въ *гинекеи.* И къ услугамъ ихъ и на стражу имъ покупались *евнухи*, пріобрѣтшіе сразу, какъ довѣренные слуги и какъ пестуны и первые учителя сыновей Императорскихъ, исключительное вліяніе на Дворъ и на судьбы Имперіи. И такъ продолжалось до самаго паденія Константинополя, когда евнухи перешли на тѣ же самыя роли въ гаремы Султана, визирей и наконецъ всякаго достаточнаго мусульманина и представляютъ особою доселѣ одну изъ язвъ восточнаго быта. «Если у тебя есть евнухъ, — убей его; если у тебя нѣтъ евнуха, то купи — и убей!», гласитъ *турецкая* пословица.

Греческій архонтъ конечно не могъ уже имѣть гинекея; да и какой евнухъ посмѣлъ бы защитить христіанскую Госпожу или дѣвушку отъ оскорбленія со стороны мусульманина? Для огражденія своего семейнаго очага христіанину, — какъ знатному, такъ и простому, — приходилось прибѣгать къ тому, что одно только могло защитить очагъ, — т. е. къ своей религіи. Чистота женщины и дѣвушки была однимъ изъ основныхъ требованій христіанской морали. Мусульмане прекрасно знали это и признавали; для нихъ вся область семейнаго права и семейныхъ обычаевъ была и остается доселѣ — областью религіозною. Отсюда слѣдовало, что православное духовенство, въ числѣ прочихъ привиллегій, получило неоспоримое право защиты передъ Султанскими властями женской чести и неприкосновенности семейнаго очага своей паствы.

Но, взамѣнъ этого, требовалось и отъ замужней и отъ незамужней Гречанки много скромности, а отъ мужчинъ — много осторожности. Обиходъ, даже у самыхъ богатыхъ христіанъ, сократился; о прежнихъ привычкахъ показного, роскошнаго разврата нечего было и думать: проходу не было бы отъ турецкихъ насмѣшекъ и оскорбленій. Въ семьяхъ православныхъ архонтовъ водворилась — поневолѣ и по привычкѣ сначала, — по убѣжденію впослѣдствіи, — чистота нравовъ. Женщины и дѣвушки оставались въ своего рода теремѣ, сидя возможно больше дома и выходя на улицу лишь въ темныхъ одѣяніяхъ, скромно потупивъ глаза и въ сопровожденіи двухъ-

трехъ служанокъ и слугъ по-старше и по-почтеннѣе; иначе появляться — было бы просто опасно. Но дома между мужемъ и женою, между отцомъ и дочерьми даже, установились отношенія болѣе близкія, обмѣнъ мыслей, заботъ, надеждъ и опасеній. Среди фанаріотокъ выработался типъ домохозяйки степенной, властной, проявлявшей — въ силу врожденной пытливости и живости ума — интересъ и къ дѣламъ церкви и къ политикѣ, — къ той злободневной политикѣ, отъ которой зависѣли богатство и раззореніе и самая жизнь ея близкихъ; и наконецъ къ эллинскому и даже къ западному просвѣщенію. Дочери ихъ зачастую брали уроки у ученыхъ мужей, профессоровъ Патріаршей Великой-Школы, принадлежавшихъ къ тому же высшему фанаріотскому обществу. Мать второго Великаго Драгомана Порты, знаменитаго Александра Маврокордато, — Роксандра рожденая Скарлато, настолько отличалась умомъ и эрудиціей, что пріѣзжавшіе въ Константинополь Послы и знатные иностранцы не упускали случая побывать въ ея домѣ и удивлялись ея разговору и познаніямъ. И это происходило во второй половинѣ XVII-го столѣтія, въ ту самую пору, когда, по приказанію Верховнаго Визиря, знаменитаго Кепрюлю II-го, былъ повѣшенъ Вселенскій Патріархъ Парѳеній, и когда любимый палачъ Визиря, свирѣпый Сульфикаръ, хвастался, что въ теченіи пяти лѣтъ имъ собственноручно удавлено было тридцать тысячъ жертвъ, — христіанъ и мусульманъ!

Языческій «Эросъ» и его маменька Афродита — были почти совсѣмъ изгнаны изъ строгаго обихода христіанскихъ семей Фанара; красота и взаимная любовь не принимались вовсе въ разсчетъ при заключеніи браковъ; дочь выдавали мать и отецъ, сына женили отецъ и мать; и ни невѣстѣ, ни жениху не приходило въ голову протестовать. Это отразилось безъ сомнѣнія неблагопріятно на физической красотѣ потомства; но на семейномъ укладѣ — нисколько. Черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи брака, жена обыкновенно души не чаяла въ своемъ мужѣ, а тотъ холилъ жену и старался доставить ей всѣ возможныя удобства жизни и возможно большее уваженіе общества.

Мусульмане, въ первые вѣка своего Господства на берегахъ Проливовъ, жили вообще безбѣдно, а высшимъ правящимъ классамъ богатство, какъ говорится, само шло въ руки; добыча постоянныхъ завоеваній и побѣдоносныхъ походовъ, дани, налоги и поборы съ покоренныхъ областей содѣйствовали приливу въ казну и въ карманы чиновниковъ Порты и воиновъ огромныхъ количествъ золота и разныхъ цѣнностей: да и вообще мусульманинъ - завоеватель, въ случаѣ недостатка, чувствовалъ за собой право пополнить этотъ недстатокъ, взявъ что ему нужно, хотя бы силою, у христіанина, и мусульманская власть зачастую терпѣла это.

Христіанинъ, разумѣется, не могъ поддерживать своего благосостоянія подобнымъ пріемомъ; но у него было другое средство использованія своихъ мусульманскихъ согражданъ, а именно путемъ торговыхъ оборотовъ, къ коимъ онъ былъ несравненно способнѣе Турокъ.

Что касается въ частности архонтскихъ родовъ, то зарабатываніе и сохраненіе средствъ къ удобной и пожалуй даже широкой жизни не особенно ихъ затрудняло. У многихъ оставались кое - гдѣ доходные «чифтлики» (хуторныя помѣстья). Торговые и разные денежные обороты приносили имъ значительные барыши въ Константинополѣ и другихъ большихъ городахъ, куда стекалось столько добычи и столько различныхъ продуктовъ съ востока и запада. Весьма часто и охотно изучали сыновья архонтовъ медицину; и врачебное искусство, — отнюдь не безопасное впрочемъ для врачей, — доставляло имъ и богатый заработокъ и близость къ власть имущимъ мусульманамъ и даже ко Двору Падишаха. А, наконецъ живость, умъ и замѣчательныя лингвистическія способности фанаріотовъ дѣлали ихъ незамѣнимыми для Турокъ при сношеніяхъ съ иностранцами; и мало по малу фанаріоты получили, подъ именемъ *драгомановъ* («терджиманъ» = толмачъ) доступъ къ Султанской службѣ и, въ концѣ концовъ, безспорное вліяніе на Султанскую политику.

Образованные Мусульмане: ходжи, улемы, иногда Паши и Визири, — съ коими, какъ я уже говорилъ, охотно обра-

щался фанаріотъ, — интерессвались арабскими и персидскими письменами, исторіею Ислама, восточною поэзіею, собирали рукописи, коментировали изреченія и рѣшенія извѣстныхъ шейховъ и кадіевъ; они украшали джаміи, строили «Медресе», т. е. школы чтенія и разъясненія Ал-Корана, проводили водопроводы и воздвигали изящные мраморные фонтаны, украшенные золотою вязью арабскихъ текстовъ и персидскихъ поэмъ и зеленою эмалью арабесокъ. Всѣмъ этимъ интересовался, съ тонкимъ диллетантизмомъ, и образованный архонтъ-грекъ.

Но, никогда не теряя изъ виду возможнаго освобожденія своего угнетеннаго племени и возрожденія лежащей въ прахѣ но все-же во-вѣки священной Имперіи; считая, что главное основаніе этого возрожденія лежитъ въ непреложномъ превосходствѣ Христіанства надъ Исламомъ и въ умственномъ превосходствѣ его расы назъ «измаильтянами» и турками, — фанаріотъ всѣми силами поддерживалъ права своей Церкви и въ то-же время поощрялъ образованіе, какъ въ своей семьѣ, такъ и среди своего народа. Сыновей своихъ онъ посылалъ, когда могъ, за границу — въ Римъ, въ ученую Болонью, въ знаменитый Падуанскій Университетъ. При самой Патріархіи основапа была «Великая Школа» — гдѣ преподавали выдющіеся ученые, — духовные и свѣтскіе, — вышедшіе изъ той-же фанаріотской среды, — Школа, давшая за одинъ лишь XVII-й вѣкъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Балахіосъ, Спандонисъ, братья Лихуды и Кондоиди, Іаковъ Аргосскій, Хурмузъ, врачъ Іоаннъ Комнинъ (впослѣдствіи «Архіатеръ» Петра Великаго) и другіе.

Ученый Мусульманинъ былъ изящнымъ диллетантомъ и занимался своими специально-мусульманскими наукою и искуствомъ для своего личнаго наслажденія. Грекъ впитывалъ въ себя знанія, всюду, гдѣ могъ ихъ обрѣсти, и эти знанія становились его умственною сущностью, передаваемою имъ своему потомству, расточаемою направо и налѣво всѣмъ единоплеменникамъ, жаждущимъ порсвѣщенія. Фанаріоты представляли собою какъ бы наслѣдственную аристократію образованности и тонкаго ума, высшей доступной ихъ времени и условіямъ ихъ существованія культуры; и двери этой аристократіи широко раскрывались передъ всякимъ, кто хотя и не происходилъ отъ

Императора или вельможи былой Византіи, но, по уму, по познаніямъ и по тонкости обращенія, подходилъ къ принимавшей его въ свое лоно средѣ и могъ явиться свѣточемъ для Греческаго народа. И то, что дѣлалось фанаріотами въ Константинополѣ, то находило себѣ откликъ и подражаніе въ провинціяхъ, — гдѣ, усердіемъ богатыхъ жертвователей и ктиторовъ, строились и обезпечивались содержаніемъ школы, больницы, сиропиталища; — но прежде всего — школы. Можно утверждать, что нигдѣ и никогда не бывало столько щедрыхъ жертвователей на дѣло общественнаго образованія, какъ среди грековъ-архонтовъ, іерарховъ, высшихъ чиновниковъ Порты, именитыхъ торговцевъ и провинціальныхъ купцовъ. Многіе работали и копили всю свою жизнь, дабы все накопленное состояніе завѣщать полностью на просвѣщеніе и призрѣніе своихъ единоплеменниковъ.

Мусульмане грдились и до сихъ поръ гордятся тою прямотою и справедливостью, которую предписываетъ имъ Коранъ. И дѣйствительно доселѣ мухамеданинъ торговецъ, ремесленникъ, садовникъ, въ большинствѣ случаевъ прямѣе, честнѣе, открытѣе своихъ сосѣдей: армянъ, болгаръ, грековъ, сирійцевъ. Но, рядомъ съ этою прямотою и съ этой справедливостью, въ Туркѣ, — лишь только онъ дѣлается лицомъ оффиціальнымъ, лишь только онъ берется за управленіе своими согражданами, — уживаются лихоимство, вымогательство, безцеремонное нарушеніе даннаго слова и двѣ мѣры распредѣленія суда и правды: одна для своихъ, правовѣрныхъ, другая для гяуровъ. А въ исторіи Турецкихъ завоеваній и Турецкаго владычества существуютъ прямо таки потрясающія картины жестокости, коварной, приправленной лицемѣріемъ и издѣвательствомъ.

Фанаріотъ - грекъ, въ силу эллинскаго и византійскаго атавизма, являлся прирожденно «льстивымъ» и склоннымъ къ софизму: тонкость и гибкость его ума переходили зачастую, въ сношеніяхъ политическихъ и торговыхъ, въ интригу и лукавство. Равнымъ образомъ развивалась въ Грекахъ, подъ давленіемъ турецкаго гнета и постоянной опасности, любовь къ деньгамъ, ибо наличность свободныхъ суммъ и возмож-

ность откупиться являлись зачастую единственною заручкою сравнительной безопасности. Но было-бы несправедливымъ слишкомъ обобщать эти отрицательныя черты греческаго архонства. Среди него появлялось много личностей правдивыхъ и много «безсребренниковъ». И эти личности пользовались особымъ почтеніемъ въ своей средѣ: «деньги и ловкость — вещи, увы, необходимыя и полезныя даже и для самого народнаго дѣла; но человѣкъ, по учености, трудамъ своимъ и добродѣтели, стоящій *выше лести* и выше денегъ, — такой человѣкъ является свѣточемъ для всего народа и передъ нимъ должны склоняться съ уваженіемъ головы всѣхъ согражданъ!» Не только хитрый и гибкій, но и разумный, степенный, всегда осторожный и любившій — по восточному — спокойно выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, логически готовясь къ нимъ, старинный грекъ не узналъ бы конечно нынѣшнихъ своихъ потомковъ. Но не для нихъ однихъ, а для многихъ другихъ могъ бы онъ, въ настоящее время, послужить примѣромъ въ области политической и государственной мудрости.

Турки, какъ и всѣ вообще Мусульмане, любили съ одной стороны — *салтанатъ,* т. е. показную пышность, — съ другой — простоту и незатѣйливость въ своей частной жизни. Паша, визирь или беглербей шествовали по улицамъ и стогнамъ Стамбула на великолѣпныхъ коняхъ, въ сопровожденіи толпы кліентовъ, слугъ и рабовъ, сеисовъ, папуджіевъ, кафеджіевъ, скороходовъ, негровъ, при громѣ литавръ и турецкаго барабана. Тотъ же беглербей или визирь отправлялся по-временамъ въ свой загородный чифтликъ въ простомъ темномъ платье, сидя на спокойномъ бѣломъ ослѣ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ почтенныхъ слугъ; а прибывъ на мѣсто, послѣ скромнаго обѣда изъ овощей и йогурта, расположившись на тонкомъ коврѣ-гердезъ подъ густымъ и высокимъ орѣшникомъ (орѣшникъ даетъ, — какъ всѣмъ вѣдомо на Востокѣ, — особо *прохладную* тѣнь), за чашкою кофе и чубукомъ, радушно бесѣдовалъ, — сажая ихъ близъ себя или по-отдаль, — не только съ мѣстнымъ ходжою и двумя-тремя сосѣдями мусульманами, но и со старымъ курдомъ «чобанъ-башей» (главою овечьихъ пастуховъ), и съ сѣдымъ болгариномъ христіаниномъ «бостанджи-

башей» (начальникомъ садовниковъ) и съ другими старыми слугами чифтлика.

Фанаріотъ - Грекъ, живя и обращаясь въ теченіи столѣтій со своими согражданами - мусульманами, перенялъ и этотъ «салтанатъ», — насколько онъ былъ ему доступенъ, — и эту простоту; но видоизмѣнилъ и ихъ согласно особенностямъ своего быта и своимъ природнымъ наклонностямъ. — Фанаріотъ, да и вообще состоятельный грекъ добраго стараго времени не жаловалъ слишкомъ бьющей въ глаза уличной роскоши, да и опасался таковую выказывать иначе нежели на султанской службѣ; но онъ былъ человѣкомъ чиннымъ и церемоннымъ не только на восточный, но и на древній классическій ладъ. Пожилой, почтенный и состоятельный Грекъ выходилъ изъ дому и показывался на улицѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ - трехъ свояковъ или знакомцевъ, опираясь одною рукою на руку старшаго изъ своихъ провожатыхъ, а другою на высокую трость съ цѣннымъ набалдашникомъ; двое - трое младшихъ родственниковъ или кліентовъ — въ крайнемъ случаѣ слугъ — замыкали шествіе. При посѣщеніи другого уважаемаго лица, онъ оставлялъ младшихъ спутниковъ своихъ въ нижней пріемной дома и поднимался въ пріемную хозяина лишь съ однимъ или двумя старшими, которые чинно садились на *миндерлыкъ* по-отдаль, рядомъ съ такими же свояками или кліентами хозяина. Институтъ кліентства процвѣталъ въ Фанаріотской средѣ.

Въ бесѣдѣ Грекъ проявлялъ обыкновенно гораздо болѣе живости нежели Турокъ. Быстрый, гибкій умъ его и прирожденное увлеченіе всякою интересною и тонкою отвлеченностью сквозили зачастую черезъ заимствованную у мусульманъ и столь полезную въ тѣ времена осторожность. Но до вспыльчивости образованный и знатный Грекъ не доходилъ никогда: это онъ предоставлялъ «франгамъ», «варварамъ», а, изъ соотечественниковъ, развѣ что огрубѣлымъ въ своемъ опасномъ ремеслѣ мореходамъ и клефтамъ. Точно также претили ему тѣ «сочныя» выраженія и словца, тѣ посягающія на честь родителей шуточныя и не шуточныя ругательства, которыя такъ любятъ Турки — да и не одни Турки. Грекъ былъ въ тѣ времена въ архонтской сре-

дѣ, какъ и понынѣ въ простонародной, — цѣломудренъ на языкъ; и лучшіе изъ Мусульманъ эту щепетильность своихъ христіанскихъ согражданъ одобряли и цѣнили.

Историческая необходимость пріучила знатныхъ грековъ, — какъ уже сказано выше, къ извѣстному цѣломудрію. Эта привычка сдѣлалась у нихъ мало-по-малу сознательною добродѣтелью. Царившее между мусульманами отношеніе къ женщинѣ не то какъ къ ребенку, не то какъ къ игрушкѣ и орудію чувственной утѣхи, претила доброму греческому pater familias. Но въ особенности претили ему специальныя восточныя отношенія къ красивымъ эфебамъ, служившія у турокъ предметомъ безконечныхъ анекдотовъ и благожелательныхъ шутокъ. Забывая на этотъ разъ своихъ классическихъ предковъ, благочестивый грекъ хотѣлъ видѣть въ этой «мерзости» клеймо, наложенное на турокъ ихъ нечестивымъ закономъ и отъ коего охраняютъ православнаго христіанина таинства и каноны Святой его Церкви.

Однако старая эллинская закваска нѣтъ - нѣтъ а воскресала кое-гдѣ среди греческой молодежи, приводя ее въ такомъ случаѣ обыкновенно къ п о т у р е ч е н і ю, т. е. къ принятію ислама и покровительства знатнаго и властъ имущаго мусульманина. Преданія наилучшихъ греческихъ семей пестрятъ подобными печальными случаями, причемъ нигдѣ ренегатъ не становился въ столь чуждыя и даже враждебныя отношенія къ прежнимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ, какъ на турецкомъ Востокѣ.

Въ домашнемъ обиходѣ своемъ фанаріоты были гостепріимны и цѣнили широкій и барскій, но не бьющій въ глаза комфортъ. Какъ и Турки, они любили природу въ образѣ укромныхъ уголковъ и пейзажей на берегу Босфора и Мраморнаго Моря или въ тѣнистыхъ, прикрытыхъ отъ лишняго взора долинахъ. Любили, какъ и Турки, цвѣты и пахучія травы. Умѣренные въ пищѣ и еще болѣе въ питьѣ они, тѣмъ не менѣе, доро-

жили хорошимъ, тонкимъ, но въ то-же время, здоровымъ столомъ и мѣстными, тщательно выбранными и холеными винами; что, однако, не мѣшало имъ знать толкъ, — подобно Мусульманамъ, — въ хорошей, вкусной и полезной для здоровья водѣ, этомъ главномъ условіи благополучія на Востокѣ. Прекрасная морская рыба, изобилующая въ тѣхъ краяхъ, овощи, плоды, особливо виноградъ и маслины, турецкій *пилафъ* во всѣхъ его вкусныхъ проявленіяхъ, свѣжій козій сыръ, привозимый съ острововъ Архипелага, гдѣ онъ славился еще во времена Дафниса и Хлои, — были тогда — и остались доселѣ — любимою снѣдью Константинопольскихъ Грековъ. —**Dis moi ce que tu manges,— je te dirai qui tu es.**— Греки, итальянцы, провансальцы, южные испанцы поражаютъ васъ зачастую общностью типа, нравовъ, привычекъ, воззрѣній и — гастрономическихъ вкусовъ!

Такъ выработался, въ историческихъ условіяхъ владычества Турокъ въ Азіи и въ Европѣ, типъ Грека - архонта, начиная съ аристократіи Фанара и кончая зажиточными представителями «Румъ - Миллети» въ Малой Азіи, на островахъ Эгейскаго Моря, въ Элладѣ и въ погреченныхъ центрахъ Македоніи, Болгаріи и Румыніи.

Въ религіозной области, — строгій догматикъ и канонистъ, гораздо чаще нежели мистикъ, но твердый въ исповѣданіи Вѣры и покорно склоняющійся въ бѣдѣ предъ волей Божіею; передающій слѣдующимъ поколѣніямъ преданія и обряды Восточнаго Православія какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство, какъ *палладіумъ* народныхъ правъ и счастливой будущности «благочестиваго рода христіанскаго».

Въ области умственной — логичный, живой, склонный къ отвлеченію, увѣренный въ необходимости и въ силѣ просвѣщенія.

Въ дѣловыхъ отношеніяхъ — тонкій, гибкій, уклончивый, часто вѣроломный, — но всегда осторожный и терпѣливый.

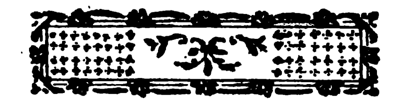
Въ частной жизни — цѣломудренный, добрый семьянинъ, ревниво охраняющій свое внѣшнее и внутреннее достоинство pater familias; — таковъ былъ Фанаріотъ, таковъ былъ стараго вѣка Грекъ въ дѣйствительности, а не какъ рисуютъ его намъ недоброжелательство франкскихъ мемуаристовъ, европейскихъ дипломатовъ и, наконецъ провозвѣстниковъ славянофильства, черпавшихъ свои свѣдѣнія либо у Германскихъ ученыхъ, либо въ жалобахъ и вопляхъ Болгаръ, — этихъ коренныхъ, ожесточенныхъ враговъ всякаго Грека, ненавидящаго въ свою очередь и ихъ.

«Суть же Греци льстиви даже до сего дни», любятъ повторять у насъ слова Нестора. Но если ужъ руководиться отечественными бытописаніями, то не лишнее припомнить, что отъ записанныхъ въ исторіи браковъ между Русскими и Гречанками родились: Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Василій Іоанновичъ.

До средины XVII-го столѣтія Фанаріоты считали наиболѣе для себя почтенною и полезною для «Румъ-Милети» дѣятельностью — службу Церкви, какъ въ духовномъ чинѣ, такъ и въ свѣтскихъ чинахъ Великаго Логоѳета, Великаго Ритора (адвоката) и прочихъ. Изъ ихъ среды избирался обыкновенно самъ Вселенскій Патріархъ и главнѣйшіе Митрополиты «Великой Церкви», коей, въ силу Султанскихъ *хаттовъ* и утвердившагося обычая, предоставлено было право заступничества и за остальныя Православныя Церкви Востока, — (Александрійскую, Антіохійскую и Іерусалимскую), а слѣдовательно и практическое, — если не каноническое, — надъ ними главенство. Главнымъ свѣтскимъ сановникомъ Патріархіи являлся Великій Логоѳетъ, — главноуправляющій обширною областью общественнаго призрѣнія, школъ, церковныхъ имуществъ (*вакуфовъ*); и завѣдывавшій къ тому же всѣми сношеніями Патріархіи съ Блистательною Портою.

Съ конца XVII-го столѣтія, когда передъ Фанаріотами открылось другое, вліятельное и чисто политическое поприще

Великаго Драгомана Порты, Драгомана Адмиралтейства и Господарей Молдавіи и Валахіи, — должность Великаго Логоѳета начала служить одною изъ степеней для достиженія должности Великаго Драгомана. Но встрѣчались между Фанаріотами люди благочестивые и не желавшіе путаться въ опасныхъ и кривыхъ ходахъ политики, которые предпочитали оставаться на высокочтимой должности высшаго свѣтскаго сановника Вселенской Патріархіи. Многіе же изъ членовъ самыхъ знатныхъ семей продолжали посвящать себя съ юности непосредственному служенію церкви.

Въ XVII-мъ вѣкѣ происходитъ знаменательный переломъ въ судьбахъ Турецкой Имперіи, гдѣ, съ 1640 года, цѣлый рядъ слабыхъ, изнѣженныхъ и извращенныхъ гаремнымъ воспитаніемъ, иногда малолѣтнихъ и свергаемыхъ съ престола еще дѣтьми Султановъ олицетворяетъ собою общій упадокъ нравовъ и умаленіе мощи столь грозныхъ вначалѣ завоевателей.

Правда, вмѣсто этихъ слабыхъ Султановъ, — начиная съ Ибрагима I-го и кончая Ахмедомъ III-мъ, который въ теченіи 27 лѣтъ своего царствованія только и дѣлалъ, что вышивалъ золотомъ женскія туфли, болталъ съ гаремными красавицами и слушалъ сплетни старыхъ султаншъ и евнуховъ, — Турціею правили Верховные Визири; но это уже не были тѣ знаменитые беги Соколовичи, династія коихъ прославилась въ XVI-мъ вѣкѣ. Ихъ замѣнила династія беговъ Кепрюлю — энергичныхъ и неглупыхъ, но алчныхъ и сверхъ мѣры жестокихъ; а въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ Кепрлюлю мѣсто Верховнаго Визиря занималъ ихъ своякъ, — еще болѣе алчный и жестокій и къ тому же безразсудный Кара-Мустафа.

Можно почти съ увѣренностью сказать, что если-бы въ то время Европа, западная и восточная, не была раздѣлена на постоянно и непримиримо враждовавшіе между собою лагери: католиковъ и протестантовъ, французовъ и имперцевъ, русскихъ и поляковъ, — то владычеству Турокъ въ Европѣ былъ бы скоро положенъ конецъ. Но, при существовавшихъ политическихъ условіяхъ, Турки долгое время имѣли даже перевѣсъ надъ своими постоянными врагами: Венеціанцами и Имперцами. Послѣ смерти послѣдняго знаменитаго Венеціанскаго адмирала, Мочениго, Туркамъ удалось овладѣть окончательно Критомъ, укрѣпиться въ Мореѣ и, вообще, возстановить свою власть надъ Эгейскимъ Моремъ.

Такъ же счастливы были сперва ихъ дѣйствія въ почти непрекращавшихся войнахъ противъ Имперцевъ. Къ 1680-му году Турецкія войска уже побывали въ Силезіи и крѣпко занимали Каменецъ - Подольскъ и Буковину; а въ 1683-мъ году Кара-Мустафа предпринимаетъ свой знаменитый походъ изъ Венгріи на Вѣну, которую осаждаетъ и чуть-чуть не беретъ. Но это было послѣднею вспышкою военнаго счастья Султановъ и продвиженія впередъ Турецкаго владычества.

Пораженіе Кара-Мустафы Яномъ Собѣсскимъ подъ Вѣною, побѣды Принца Евгенія Савойскаго подъ Будою, подъ Могачемъ и подъ Слан-Каменемъ и Карловицкій мирный договоръ 1699 года, вернувшій Императору Леопольду всю Венгрію, являются рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Турецкой Имперіи. Отнынѣ границы Турціи отходятъ съ сѣвера и запада все дальше назадъ, внутренняя мощь ея разрушается все болѣе и болѣе, и появляется представленіе о «больномъ человѣкѣ», — доселѣ впрочемъ здравствующемъ — и о его наслѣдствѣ...

Эпоха Турецкой Исторіи, только-что вкратцѣ нами очерченная, содѣйствовала возникновенію особаго политическаго значенія фанаріотскихъ родовъ. Съ половины XVII - го вѣка Греки начинаютъ занимать выдающіяся и для нихъ впервые созданныя должности Великаго Драгомана Блистательной Порты и Драгомана Арсенала, иначе Адмирал-

тейства. Къ тому же времени число фанаріотскихъ фамилій значительно увеличивается возвращеніемъ въ Константинополь, — добровольнымъ или вынужденнымъ, — именитыхъ греческихъ семей изъ Салоникъ, Смирны, съ Хіоса и вообще изъ тѣхъ предѣловъ Эгейскаго моря, гдѣ непрекращавшаяся борьба Турціи съ Венеціею дѣлала ихъ пребываніе нежелательнымъ для Турецкой подозрительности и неудобнымъ и опаснымъ для нихъ самихъ. Такимъ образомъ вернулись въ Константинополь семьи Маврокордато, Мурузи, Ипсиланти, Кантакузиновъ и другія.

Для умножившейся фанаріотской среды открылось вскорѣ и еще новое политическое поприще. Къ концу XVII-го столѣтія вымеръ окончательно старый румынскій, — сильно впрочемъ огречившійся, — родъ Бассараба, изъ коего въ теченіи столѣтій «выбирались» мѣстными *боярами*, т. е. дворянствомъ (но конечно подъ давленіемъ Порты), Валашскіе и Молдавскіе Господари. Къ этому же времени, т. е. съ изгнаніемъ Турокъ изъ Венгріи, обострилось для Турціи значеніе Дунайскихъ Княжествъ, какъ пограничной и подверженной Имперскимъ проискамъ области; прямымъ послѣдствіемъ чего явилось стремленіе В. Порты видѣть Господарями этихъ областей лицъ ей послушныхъ и недоступныхъ Австрійскому вліянію.

Такого рода лицами являлись несомнѣнно фанаріоты-греки, котрыхъ Порта держала въ рукахъ ихъ семейными и имущественными интересами и къ услугамъ коихъ, въ дѣлахъ внѣшней политики, она успѣла пріобыкнуть. Съ начала XVIII-го вѣка и до половины XIX-го въ Господари Молдавскіе и Валашскіе назначаются исключительно высшіе православные чиновники Порты изъ греческихъ или совершенно огреченныхъ албанскихъ и румынскихъ семей; и константинопольскіе Греки, еще ранѣе того имѣвшіе постоянныя и тѣсныя вѣроисповѣдныя и торговыя связи съ Дунайскими Княжествами, наводняютъ ихъ отнынѣ и пріобрѣтаютъ тамъ огромныя помѣстья, откупа и значительнѣйшія торги.

Первымъ Великимъ Драгоманомъ Порты былъ Панаіотъ Никусіюсъ, назначенный на эту, для него созданную должность

въ 1661 году. Родомъ съ о. Хіоса, женатый на княжнѣ Кантакузинѣ, онъ извѣстенъ былъ своимъ выдающимся умомъ и образованіемъ. Самое назначеніе его явилось наградою за оказанную имъ Портѣ огромную услугу: ему удалось сговориться съ Венеціанами о сдачѣ туркамъ Кандіи, главнаго и послѣдняго оплота Венеціи на о. Критѣ. Никусіосъ извѣстенъ былъ, между прочимъ, тою пышностью, которую проявлялъ онъ при исполненіи своихъ высокихъ обязанностей; окруженный, подобно знатнѣйшимъ пашамъ, свитою чиновниковъ, чаушей, чубуконосцевъ, голоногихъ скороходовъ съ огромнымъ парчевымъ головнымъ уборомъ, увѣнчаннымъ перьями, Великій Драгоманъ Блистательной Порты ѣхалъ на великолѣпно убранномъ мулѣ*), предшествуемый кровнымъ конемъ, несшимъ на себѣ тотъ драгоцѣнный шелковый коверъ, который разстилался во время аудіенціи подъ высокимъ сановникомъ. Эта пышность перешла, — со временемъ постепенно умаляясь, — къ преемникамъ Никусіоса; но сколь многіе изъ нихъ съ верховъ такого почета низвергались въ заключеніе или въ ссылку, чтобы взойти затѣмъ на плаху!

Преемникомъ Панаіота Никусіоса былъ Александръ Маврокордато (женатый на Султаницѣ Хрисосколеосъ), одинъ изъ самыхъ выдающихся по уму и образованію людей своего времени; онъ превосходно говорилъ и писалъ на восьми восточныхъ и западныхъ языкахъ, кромѣ Греческаго и Латинскаго, и оставилъ послѣ себя десять обширныхъ трактатовъ — медицинскихъ, историческихъ, граматическихъ, и сборники замѣчательныхъ для того времени писемъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ.

Стараніями Александра Маврокордато Порта приведена была къ мирнымъ переговорамъ съ Имперцами и другими своими врагами, нанесшими ей въ концѣ столѣтія столь чувствительныя пораженія. Въ 1699 году открылся Карловицкій конгрессъ, на который Маврокордато посланъ былъ главнымъ уполномоченнымъ Порты съ небываломъ дотолѣ титуломъ «Храни-

*) Въ городахъ и наипаче въ столицѣ христіане, каковъ бы ни былъ ихъ чинъ, не смѣли ѣздить верхомъ на конѣ.

теля Государственныхъ Тайнъ», — по гречески ὁ ἐξ ἀπορρήτων, — подъ каковымъ названіемъ « Екзапоррита », онъ и остался съ тѣхъ поръ извѣстенъ. Въ Карловцахъ Маврокордато упорно, шагъ за шагомъ отставиалъ порученные ему интересы и добился для Турціи условій мира гораздо болѣе легкихъ, чѣмъ можно было ожидать послѣ понесенныхъ ею пораженій.

Много ловкости и гибкости ума требовалось для удачнаго исполненія столь трудныхъ начинаній; и весьма понятны нареканія, возводимыя на него и на его преемниковъ европейскими дипломатами, имѣвшими дѣло съ Великимъ Драгоманомъ и съ Драгоманами Адмиралтейства. Венеціанскіе *баилы*, Имперскіе *интернунціи*. Французскіе послы, Англійскіе и Голландскіе повѣренные въ дѣлахъ взапуски обвиняютъ ихъ въ интригѣ, въ коварствѣ, въ постоянномъ обходѣ даннаго слова. Но во первыхъ, не надо забывать, что, ведя столь трудные переговоры, эти люди все время играли своею головою, а во вторыхъ нужно также помнить тѣ вѣскія причины политическаго свойства, которыя навлекали на нихъ особливое негодованіе Западной дипломатіи, но которыя, для насъ русскихъ, являются ихъ оправданіемъ и снискиваютъ имъ заслуженное уваженіе. Такъ, стараніями Никусіоса и затѣмъ Маврокордато было отражено стремленіе католиковъ овладѣть мѣстами Христіанскаго Поклоненія въ Палестинѣ, и Храмъ Гроба Господень возвращенъ окончательно Православной Іерусалимской Патріархіи. И этотъ успѣхъ достигнутъ былъ въ то самое время, когда Порта, воевавшая съ Имперцами, должна была особенно дорожить благоволеніемъ Людовика XIV-го, — могущественнаго и убѣжденнаго покровителя католиковъ на Турецкомъ Востокѣ! Понятными являются, такимъ образомъ, нареканія западныхъ и въ особенности французскихъ историковъ на лукавство и коварство фанаріотовъ; но совершенно непонятно, что мы, русскіе и православные, повторяемъ подобныя обвиненія, затвердивъ ихъ у иностранныхъ авторовъ!

Вообще же политикою Никусіоса и Маврокордато руководило затаенное, но твердое убѣжденіе, что Турецкая мощь безповоротно слабѣетъ и можетъ быть вскорѣ сведена на нѣтъ; но что поэтому именно и слѣдуетъ всѣми возможными способами за-

Александръ Маврокордато

«Экзапоррить»

ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ ΜΑΥΡΟΚΟΡΔΑΤΟΣ

Ο ΕΞ ΑΓΟΡΡΗΤΩΝ

Dessiné par Jean Melcher à Munich

медлять этотъ процессъ разложенія, ибо въ противномъ случаѣ осколки «Великаго Царства» расхватаны будутъ западными государствами, преимущественно же Латинянами, къ непоправимому ущербу Православія и Византійской идеи. Имѣя постоянно въ виду это главное соображеніе, фанаріотскіе сановники Порты въ XVII-мъ вѣкѣ служили зачастую Султану и Блистательной Портѣ съ тѣмъ усердіемъ, о которомъ я говорилъ выше.

Господарство и служба Фанаріотовъ въ Дунайскихъ Княжествахъ, начавшаяся, какъ я уже сказалъ, вмѣстѣ съ XVIII-мъ вѣкомъ, вдохновлялись менѣе возвышенными политическими соображеніями и оказывали на Фанаріотскую среду скорѣе растлѣвающее вліяніе.

Господарство, въ сущности, покупалось въ Блистательной Портѣ и покупалось не дешево. Вновь назначенный Господарь долженъ былъ прежде всего внести установленный обычаемъ поборъ въ видѣ приношеній Верховному Визирю, «Визиреву другу», высшимъ чиновникамъ Порты, фаворитамъ Султана, даже Кизляръ-Агѣ и т. д. Триста, двѣсти, сто «кошельковъ», — смотря по положенію или вліянію получателя, — были подаркомъ заурядным; «кошелекъ» же стоилъ 500 піастровъ, что, при тогдашней покупной цѣнности піастра, равнялось тысячѣ рублей конца XIX-го столѣтія. Но это было не все. Ежегодно Господарь, черезъ посредство своего «Капу-Кехая» (представителя въ столицѣ), долженъ былъ выплачивать новыя суммы; фавориты Султановъ и Верховнаго Визиря часто мѣнялись; смѣнялся иногда и самъ Верховный Визирь и съ нимъ большинство вліятельныхъ сановниковъ Порты. Но кромѣ того и самая дань, вносимая вассальными Княжествами, подвергалась произвольному увеличенію въ связи съ денежными затрудненіями Порты; формально дань оставалась та-же, но изъ Консатнтинополя намекали на желательность «добровольнаго приношенія» со стороны Господаря и вѣрныхъ вассаловъ. И приношеніе неукоснительно вносилось. Господари были просто-на-просто губернаторами Порты, а самый край, богатый и лишенный всякихъ средствъ защиты, могъ ежеминутно подвергнуться карательному вторженію Виддинскаго или

Рущукскаго, Силистрійскаго или Измаильскаго паши; а всѣмъ вѣдомо было, во что могло обойтись жителямъ и ихъ имуществу подобное нашествіе!

Разлакомленная подарками Господарей при ихъ назначеніи, Блистательная Порта стала мѣнять ихъ какъ перчатки. Съ 1730-го по 1769-й годъ на такъ называемыхъ «престолахъ» Молдавіи и Валахіи перебывало по *семнадцати* Господарей, въ лицѣ двухъ Маврокордато, четырехъ Гика и двухъ Раковица, которыхъ Порта сажала поперемѣнно то въ одно, то въ другое Княжество, оставляя каждаго года по-два, много по-три въ Букурештѣ или Яссахъ. Можно себѣ представить, какъ развращающе дѣйствовала подобная «шатость» и на самихъ временныхъ владыкъ и въ особенности на ихъ непосредственныхъ сотрудниковъ, на мѣстное дворянство и вообще на мѣстные порядки.

Фанаріотъ - Господарь бралъ съ собою изъ Константинополя многочисленную свиту, какъ того требовалъ обычай. Разные родственники, семейные кліенты и знакомцы слѣдовали за новоназначеннымъ «Княземъ»; и, конечно, не для того только, чтобы года черезъ три вернуться съ пустыми руками, да еще раздѣляя немилость, постигшую патрона. Каждый изъ нихъ старался устроиться на мѣстѣ, — если не на службѣ, то по торговой части, пріобрѣсти значительную недвижимую собственность, получить откупъ какой-нибудь подати или выгодный подрядъ; а были и такіе, которые старались возможно скорѣе и больше нажиться на самой службѣ. Все это создавало вокругъ Княжескаго «конака» атмосферу купли и продажи, взятокъ, интригъ и подпольной вражды даже между приближеннѣйшими къ Господарю лицами.

Эти язвы фанаріотскаго Господства въ Дунайскихъ Княжествахъ отмѣчены на-перерывъ въ воспоминаніяхъ и въ донесеніяхъ европейскихъ дипломатовъ, перебывавшихъ тамъ и въ Константинополѣ; онѣ служили предметомъ постоянныхъ жалобъ со стороны и нашихъ военныхъ и гражданскихъ властей въ эпохи временнаго занятія Румынскихъ предѣловъ Русскими войсками въ 1769-1774, въ 1787-1792, въ 1806-1812 годахъ и во времена введенія нами «Органическаго Статута»

въ обоихъ Княжествахъ послѣ 1829 г. Объ этихъ фанаріотскихъ грѣхахъ съ особеннымъ удовольствіемъ распространяются Румынскіе историки позднѣйшаго времени. Эти язвы и эти грѣхи были явленіемъ безспорнымъ, и они много содѣйствовали пониженію нравственнаго уровня въ фанаріотской средѣ вообще, а въ особенности въ тѣхъ греческихъ и погреченныхъ семьяхъ, которыя, владѣя въ Румыніи огромною поземельною собственностью, осѣли съ тѣхъ поръ въ странѣ, отрекшись отъ старозавѣтныхъ греческихъ преданій и сдѣлавшись самыми убѣжденными глашатаями Румынскаго «патріотизма».

Но, признавая охотно эти тѣневыя стороны Фанаріотской дѣятельности въ Дунайскихъ земляхъ, необходимо все-таки принять въ соображеніе и то не менѣе безспорное обстоятельство, что населеніе этихъ земель находилось уже въ полномъ процессѣ угнетенія и разложенія, когда впервые назначены были туда Господарями Фанаріоты; и что именно нѣкоторые изъ этихъ Господарей провели, въ пользу обездоленнаго земледѣльческаго населенія, реформы, знаменательныя для того времени, и вообще заботились о матеріальномъ развитіи и просвѣщенія ввѣреннаго имъ края, насколько то дозволяли трудность и зачастую безвыходность ихъ собственнаго положенія. Имена такихъ Господарей, какъ Николай Маврокордато, какъ Григорій Гика (впослѣдствіи обезглавленный), какъ Скарлато Калимахи, какъ оба Ипсиланти, останутся въ исторіи этого края именами людей честныхъ, доброжелательныхъ, высокопросвѣщенныхъ и видѣвшихъ въ Румынскомъ населеніи прежде всего населеніе единовѣрное, православное...

XVIII - й вѣкъ ознаменовался появленіемъ на поприщѣ Восточнаго Вопроса — внезапно возросшей и мощной Россійской Имперіи. Усиленіе строго - православной Россіи Ца-

ря Алексѣя Михайловича, затѣмъ реформы, побѣды и честолюбивые замыслы Петра, затѣмъ русско - австрійскія совмѣстныя дѣйствія при Аннѣ отозвались среди восточнаго греческаго духовенства и архонства приливомъ новыхъ упованій и возникновеніемъ новыхъ политическихъ теченій. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II-й и съ появленіемъ въ 1770-мъ году ея флотовъ въ Эгейскомъ Морѣ, — эти теченія сливаются въ одно главное русло — преклоненія передъ Великою Монархинею, содѣйствія всѣми возможными способами ея величавымъ предначертаніямъ. Возникаетъ «Греческій проэктъ»; второй внукъ Императрицы получаетъ въ 1778 году многовѣщательное имя Константина и воспитывается, какъ будущій обладатель Царьграда. «Pas si mal comme établissement pour un cadet de famille!», шутитъ Екатерина въ письмѣ къ Гримму. Имя произнесено, цѣль указана; за «великій проэктъ» ратуютъ тамъ, въ полунощной Столицѣ и вплоть до береговъ Евксинскаго Понта, полудержавный властелинъ Князь Таврическій и другіе, оперившіеся въ побѣдахъ и удачѣ Екатерининскіе орлы... И вотъ, на другомъ берегу Понта, всѣ эти Великіе Драгоманы, Господари, Каймакамы, Логоѳеты превращаются, — къ немалому негодованію Западной Европы, — въ преданныхъ сторонниковъ Русской политики и Русскихъ замысловъ. Энтузіазмъ растетъ и идетъ вглубь греческаго и вообще православнаго населенія Турціи. Ряды русской арміи и русскаго флота начинаютъ пестрѣть именами разныхъ Грековъ и Далматинцевъ, полагающихъ основаніе славному черноморскому флоту и готовыхъ отдать свою кровь и всѣ свои немалыя умственныя богатства на службу великой идеѣ и великой Государынѣ. Готовится вторая Турецкая война, готовятся огромныя рѣшительныя перемѣны на самихъ берегахъ Босфора...

Завистливые происки и выступленія Западныхъ Державъ, смерть Потемкина, развитіе Парижской Революціи дали блестящимъ побѣдамъ Русскаго оружія — Очакову и Измаилу — непредвидѣнный, глубоко - печальный и роковой для судебъ самой Россіи исходъ. Вмѣсто крушенія Турціи, — Ясскій мирный договоръ съ Блистательною Портою; вмѣсто возстановле-

нія Греческой Имперіи, — второй, а затѣмъ и третій раздѣлъ Польши... И предназначенный на тронъ Царьграда Константинъ кончитъ свою неудавшуюся жизнь неудачливымъ, отверженнымъ любовникомъ полу - возстановленной, — полу - порабощенной Польши.... наканунѣ ея окончательнаго порабощенія, т. е. влитія въ жилы Россіи тлетворныхъ ядовъ, развивающихся на почвѣ угнетенія, и поражающихъ угнетателя быть можетъ еще сильнѣе, чѣмъ угнетеннаго!

Не слѣдуетъ думать однако, что въ эпоху повсемѣстнаго энтузіазма, возбужденнаго среди православныхъ населеній Востока «Греческимъ Проэктомъ», — вся фанаріотская среда безъ исключенія была проникнута этимъ энтузіазмомъ. Наиболѣе осторожные представители высшаго духовенства и греческіе сановники Порты не слишкомъ спѣшили — да и не могли — окончательно разорвать съ Турецкою властью и старались останавливать своихъ болѣе пылкихъ единоплеменниковъ отъ выступленій несвоевременныхъ или черезчуръ опасныхъ. Но никто, начиная съ самихъ Турокъ, не сомнѣвался въ томъ, что эта умѣренность ничто иное, какъ «тонкая политика», и что нѣтъ Грека, который въ глубинѣ сердца не сочувствовалъ бы Россіи и не призывалъ бы, всѣми своими помыслами, задуманной въ Петрополѣ развязки. Преслѣдованія и казни, коимъ подвергались за все это время, т. е. съ 1769-го по 1798-й годъ знатнѣйшіе фанаріотскіе роды (я упоминалъ выше имена нѣкоторыхъ жертвъ этихъ преслѣдованій), служатъ тому нагляднымъ и кровью начертаннымъ доказательствомъ. Послѣднею яркю вспышкою этихъ обоюдныхъ русско-греческихъ чувствъ явились событія 1821 года, когда снова наполнились Стамбулскія тюрьмы греческими архонтами и стали падать безъ числа жертвы Султанскаго гнѣва и турецкаго фанатизма; когда повѣшенъ былъ въ день Св. Пасхи, въ полномъ облаченіи передъ самымъ каѳедральнымъ Храмомъ своимъ Вселенскій Патріархъ Григорій V-й; когда Русскій Посланникъ Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ тщетно старался подвигнуть раздираемую сомнѣніями совѣсть своего Монарха на властное выступленіе хотя бы лишь для

обузданія дерзкихъ выходокъ Порты противъ самой Россіи*); когда въ концѣ концовъ Русская Миссія должна была покинуть Константинополь и оставить на Востокѣ свободное поле дѣйствій для католическихъ происковъ, вдохновляемыхъ Метернихами, де-Местрами**) e tutti quanti.

Тѣмъ не менѣе, вплоть до войны 1853-1855 годовъ включительно, Греки, въ общей сложности, главныя свои надежды продолжали возлагать на царственную, всемогущую, — какъ тогда казалось, — Россію и «руссофобство» являлось единичнымъ недругомъ въ средѣ греческаго архонства, все еще преданнаго Православію и идеѣ возстановленія Византійскаго Царства.

Съ 1856 года — все это быстро и кореннымъ образомъ измѣнилось. Въ Россіи восторжествовала окончательно и не могла не восторжествовать идея славянская; на Востокѣ, какъ впрочемъ и повсюду, обострилось, — въ связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ началъ демократическихъ, — ревнивое обособленіе народностей, даже одной и той-же расы. Прогремѣла, какъ весенняя гроза, война 1877-78 года, утучнивъ русскою кровью не столько « освобожденную », сколько созданную изъ первобытныхъ элементовъ, — земли и землероба, — Болгарію; и Восточный Вопросъ принялъ совершенно новый обликъ, который и сохранилъ до рокового міроваго столкновенія 1914 года, вызваннаго въ значительной степени этимъ самымъ наболѣвшимъ Восточнымъ Вопросомъ.

Но еще ранѣе этого окончательнаго поворота въ политическихъ судьбахъ Ближняго Востока, Фанаріотская и вообще

---

*) О личности и роли Барона Г. А. Строганова я говорилъ уже выше въ главѣ V-й первой части моего повѣствованія.

**) Самого Жозефа-де-Местра въ то время уже не было въ живыхъ; но онъ оставилъ преданныхъ себѣ и своему дѣлу друзей, имѣвшихъ доступъ къ Александру I-му

греческая архонтская среда испытала значительныя измѣненія въ условіяхъ своей жизни и въ своей духовной и умственной сущности.

То, что не смогъ сдѣлать Западъ, т. е. ослабить елико возможно Православную самобытность греческихъ выдающихся семей и греческаго населенія, — то сдѣлалось само собою въ силу естественной эволюціи и какъ бы соединенными усиліями и того-же Европейскаго Запада, и перерождавшейся коореннымъ образомъ Россіи, и самаго Православнаго Востока.

Первый и рѣшительный ударъ нанесенъ былъ фанаріотскому обществу окончательнымъ превращеніемъ Румынскихъ земель въ автономныя княжества подъ признаннымъ Европою покровительствомъ Русскаго Императорскаго Правительства, — и, одновременно, полнымъ освобожденіемъ Эллады.

Большинство фанаріотскихъ семействъ, владѣвшихъ въ Княжествахъ обширными помѣстьями, издавна осѣдали въ Молдавіи и Валахіи и невольно, подъ могучимъ дѣйствіемъ земли и природы, помѣщичьяго быта и помѣщичьихъ интересовъ, обрумынивались и забывали мало по малу свои Византійско - Греческіе обычаи и широкіе замыслы. Еще быстрѣе шелъ этотъ процессъ въ огречившихся нѣкогда албанскихъ и румынскихъ семьяхъ разныхъ Гикъ, Стурдзъ, Бранкованов, Бальшей. Неизбѣжныя столкновенія съ Русскою военною и консульскою властью, съ Киселевыми, — каковы бы ни были ихъ заслуги передъ краемъ, — съ Дюгамелями и ихъ подчиненными, кидали этихъ обрумынившихся фанаріотовъ, — начиная съ Господарей, — въ оппозицію къ Россіи и ко всему что отзывалось прежними Екатерининскими и Александровскими вѣяніями. — Мы вообще умѣемъ располагать въ нашу пользу покровительствуемые нами народы! — Непростительныя ошибки 1849 года довершили наши другіе промахи, коими тѣмъ самымъ временемъ пользовался неукоснительно Западъ, особенно въ лицѣ принципіально враждебной намъ Франціи Людовика-Филиппа и Февральской Республики. Николаевскому деспотизму противупоставлялись западное конституціонное благоденствіе и французскія симпатіи къ «Латинскимъ сест-

рамъ», къ ихъ пробужденному свободолюбію, къ ихъ «естественнымъ» западно-римскимъ влеченіямъ. Молодые люди изъ маломальски достаточныхъ греко - румынскихъ семей посылались для довершенія своего образованія въ Парижъ; и тамъ «Латинскій Кварталъ», кофейни, общественная лесть и легкія женскія связи довершали то, что начала румынская деревня и румынская кормилица. Посылались воспитываться во Францію, въ лучшіе институты «Святого Сердца Іисусова», и подростки - дочери Румынскихъ помѣщиковъ и возвращались оттуда съ неглубокимъ, но изящно - моднымъ міровоззрѣніемъ, повышавшимъ еще ихъ природную живость ума и дававшимъ удвоенную цѣнность ихъ жгучимъ прелестямъ: онѣ возвращались домой — Парижанками, да еще такими, какихъ мало прирожденныхъ Парижанокъ!

Съ 1856-го года типичный и столь популярный въ Парижѣ Наполеона III-го « Bojar Valaque » заслонилъ собою всецѣло былого Фанаріота-Грека. И въ настоящее время двѣ трети, — по самому скромному разсчету, — потомковъ всѣхъ старыхъ Византійскихъ и Фанаріотскихъ родовъ — уже давно больше не Греки. Они превратились безпоровотно въ румынскихъ арситократовъ и въ совершенно искреннихъ румынскихъ патріотовъ.

Освобожденіе Эллады довершило, какъ я сказалъ выше, раздробленіе Константинопольскаго Фанаріотскаго общества, умаленіе его значенія на мѣстѣ и его исторической роли вообще.

Послѣ ужасовъ и гоненій, претерпѣнныхъ Фанаріотами въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, послѣ окончательнаго освобожденія части греческой земли, — небольшой, но привлекавшей къ себѣ сочувствіе и интересъ всего образованнаго міра, — большинство знатнѣйшихъ фанаріотскихъ семей перебралось совершенно естественнымъ образомъ въ Эллинское Королевство, нуждавшееся къ тому-же въ образованныхъ силахъ. Имена Аргиропуло, Рангави, Сутцо, Маврокордато, Мурузи, Скина встрѣтились въ Аѳинахъ съ именами Колокотрони, Гривасовъ, Кундуріотисовъ, Хаджи - Петро и дру-

гихъ уцѣлѣвшихъ героевъ Греческаго возстанія; туда-же поспѣшили и Греки съ давно уже свободныхъ Іоническихъ острововъ: Ѳеотокисы, Ѳеохарисы, Метакса, Рома, Зографо и иные. Фанаръ началъ пустѣть и, послѣ 1856-го года, опустѣлъ почти совсѣмъ. Въ Константинополѣ остались двѣ-три знатныя греческія фамиліи, члены коихъ продолжали состоять на дипломатической службѣ Султановъ, нѣсколько второстепенныхъ фанаріотскихъ семей, ютящихся вокругъ Патріархіи, нѣсколько крупныхъ торговыхъ дѣятелей, — новѣйшей впрочемъ формаціи; греческая дѣятельность продолжала проявляться на берегахъ Босфора, но то была дѣятельность, руководимая извнѣ, изъ всѣхъ центровъ греческой жизни, греческаго ума и греческихъ богатствъ, но не извнутри, не изъ самого Города...

Мнѣ довелось знавать, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, нѣсколько уцѣлѣвшихъ представителей и представительницъ прежняго Фанара, уже давно впрочемъ перебравшихся изъ этого отдаленнаго квартала въ свои Босфорскія *яли;* то были личности разсудительныя и чрезвычайно осторожныя, съ безспорными способностями и, въ большинствѣ случаевъ, съ общирною эрудиціею; живость своего темперамента они умѣли скрадывать, — живость и тонкость ума сквозила наружу; бесѣда ихъ была всегда содержательная, привычки барскія и широкія, но домосѣдскія...

Гораздо чаще приходилось мнѣ, — и въ то время и позже, — встрѣчаться съ греками и гречанками новой формаціи и разнообразныхъ слоевъ. Они извѣстны всюду и всѣмъ. Къ тому же преувеличенная живость тѣлодвиженій и рѣчи, легкое подпаданіе всякаго рода снобизму, — политическому, общественному и интеллектуальному, — и наконецъ привычка придавать особое, чуть ли не міровое значеніе мелкимъ распрямъ, недочетамъ и успѣхамъ Эллинскаго Королевства, все это вмѣстѣ взятое не дозволяло обходить ихъ вниманіемъ!

Но тѣ, кто исключительно на этихъ внѣшнихъ признакахъ основываютъ сужденіе свое о новыхъ грекахъ, сильно ошибаются. Большія умственныя способности, образованность, интересъ ко всему отвлеченному, пылкая любовь къ своему народу и расовое честолюбіе, — у женщинъ иногда большее нежели

у мужчинъ, — щедрость пожертвованій на дѣла общественныя — все это до сихъ поръ присуще греческому обществу, можно даже смѣло утверждать — всему Греческому народу. Несчастье этого общества, этого народа заключалось въ неполномъ, неудачномъ, если можно такъ выразиться — нищенскомъ разрѣшеніи его вѣковой работы и вѣковыхъ вожделѣній.

Съ XV-го вѣка жили Греки, разсѣянные издавна по всѣмъ побережьямъ и островамъ восточной половины Средиземнаго Моря, мечтою о возстановленіи Византійской Имперіи, которая нѣкогда этому мощному духомъ «разсѣянію» (διασπορά) дала господство «по Римскому чину» надъ большей половиной античнаго цивилизованнаго міра. — Къ концу XVIII-го вѣка времена казались близкими. Сначала великое слово возвѣщено было великою сѣверною Монархинею. Оно затерялось, правда въ Скиѳскихъ степяхъ; но въ тотъ же часъ новый кличъ раздался на крайнемъ Западѣ, — кличъ, пробуждавшій и осуществлявшій, какъ казалось, тѣ отдаленные классическіе вѣка, когда свобода, народовластіе и даже внутренняя борьба гражданъ уживались съ процвѣтаніемъ и силою республикъ, когда отражено и побѣждено было этими Эллинскими республиками огромное варварское царство. И непосредственно за этимъ кличемъ Французской Революціи — Наполеоновская эпопея, пробудившая отъ Рейна и Приморскихъ Альпъ до дельты Нила и Ливана жгучее чувство національности; обаяніе имени великаго полководца, поражавшаго воображеніе современниковъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше они отъ него находились; безграничныя надежды, сопряженныя съ этимъ именемъ.

А одновременно съ симъ обостреніе немощи и безпорядка самой Оттоманской Имперіи, отложеніе взбунтовавшихся сатраповъ: Али-Паши Тебеленскаго, Пазванъ-Оглу Видинскаго, мамелюковъ Египетскихъ; флоты Россіи и Англіи, появляющіеся поперемѣнно передъ передъ самымъ Стамбуломъ, возстаніе Сербовъ подъ водительствомъ Георгія Чернаго и подъ покровительствомъ Русскаго Императора; Русско - Турецкая война 1806-1812 года, Вѣнскій конгрессъ и послѣдовавшее приближеніе къ Александру I-му и вліяніе на Русскую политику великаго греческаго патріота, графа Іоанна Каподистріи... Да, времена казались близкими... и наконецъ, при рукоплесканіяхъ общественнаго мнѣнія и Западной Европы и Россіи, вспыхнуло Греческое возстаніе, — долгое, кровавое, дѣйствительно геройское, вызвавшее самими несчастьями своими и продолжительностью вмѣшательство Державъ и появленіе на свѣтъ, подъ ихъ эгидою, свободной Греціи.

Но какой Греціи! Крошечная «Эллада» — даже безъ Эпира и Ѳессаліи, съ нѣсколькими небольшими островами вокругъ, — до тла опустошенная и обезлюдѣвшая послѣ семилѣтняго возстанія, — возведена была благосклонными державами, — и то не сразу, — въ рангъ «независимаго» Эллинскаго королевства, оторваннаго въ сущности отъ Востока и принужденнаго отнынѣ обращаться лицомъ и надеждами своими къ Европѣ, — перимущественно къ Западной. О «Греческой Имперіи» — ни помину; съ остальнымъ Православнымъ Міромъ — единеніе чисто отвлеченное; кругомъ — пробужденіе новыхъ народностей, — внезапно появившихся сонаслѣдниковъ въ чаемомъ наслѣдствѣ «больного человѣка». А широко - раскинувшееся Греческое «разсѣяніе», оставшееся отнынѣ безъ общепризнаннаго объединяющаго центра, обрекалось повидимому на судьбу другихъ подобныхъ же восточныхъ «разсѣяній» — армянскаго и еврейскаго! Взамѣнъ и въ утѣшеніе, Россія Николая I - го внушала Православнымъ Грекамъ вѣрноподданическое послушаніе «Богомъ данному» Королю Оттону, вчерашнему Баварскому Принцу и кандидату въ Кардиналы Римской Куріи; а либеральный Западъ — предлагалъ свободнымъ Эллинамъ возстановить преданія античной Эллады, ея

народоправство, ея пантеизмъ, ея стремленіе къ изящному, не выходя однако изъ границъ, великодушною Европою этому новому Эллинизму намѣченныхъ...

Въ дѣйствительности же Греки изъ области огромныхъ и величественныхъ возможностей перенсены были сразу на скудную и конкретную почву мелкаго Балканскаго Государства, какихъ впослѣдствіи нарождено было Россіею и Европою до полдюжины..

Переходъ этотъ не могъ не произвести подавляющаго вліянія на греческую молодежь того времени. Все, чѣмъ жили предшествовавшія поколѣнія, рушилось; приходилось создавать новую жизнь, и государственную и свою собственную, на новыхъ, неизвѣданныхъ и стѣсненныхъ основаніяхъ; неудивительно, что постройка эта и доселѣ не наладилась.

Подобныя внезапныя паденія старыхъ устоевъ и старозавѣтныхъ идеаловъ неоднократно отмѣчены исторіею царствъ и народовъ; и всякій разъ наиболѣе роковымъ образомъ отзывались эти паденія на верхнихъ, аристократическихъ, — въ томъ или другомъ смыслѣ, — слояхъ даннаго человѣческаго общества. Такъ было и съ Греками. —Не только Константинопольскій Фанаръ опустѣлъ, но и отжили навсегда прежніе фанаріотскіе типы. Все это прошлое кануло въ вѣчность и представляетъ отнынѣ собою одно изъ тѣхъ историческихъ кладбищъ, мимо коихъ проходятъ съ равнодушнымъ невѣжествомъ или съ предвзятымъ осужденіемъ современныя поколѣнія..

Фанаріотская среда не исчезла однако столь безслѣдно, какъ то могло бы показаться съ перваго взгляда. Фанаръ въ теченіи четырехъ столѣтій оказывалъ всестороннее и глубокое вліяніе на все Греческое населеніе Оттоманской Имперіи, — главнымъ образомъ черезъ посредство высшаго духовенства, которое сами завоеватели поставили во главѣ общественной и

даже политической жизни Православнаго населенія. О бокъ съ этимъ вліяніемъ шли изъ Константинополя въ провинціи заботы о просвѣщеніи всѣхъ классовъ народа и о распространеніи дѣла общественной благотворительности. Такимъ образомъ поддерживался Эллинизмъ въ самыхъ глубокихъ слояхъ и въ провинціальныхъ центрахъ разбросаннаго греческаго населенія; и попутно вкоренялись греческій языкъ и греческое вліяніе среди не-Эллинскихъ народностей Турецкаго царства.

Словомъ, Фанаръ объединялъ вокругъ себя и подчинялъ своему нравственному авторитету всю *райю,* — все это бѣдное *стадо,* столь часто угнетаемое, унижаемое, а подъ часъ и истребляемое своимъ Тюркскимъ пастухомъ!

Слѣдуя античнымъ, естественнымъ склонностямъ эллинскаго духа, архонтская среда Фанара распространялась въ ширь и даль, аристократизируя по своему мелкія общественныя единицы городовъ, мѣстечекъ и деревень, но демократизируясь въ свою очередь сама отъ соприкосновенія съ глубинами народными и заимствуя отъ нихъ то, что всегда было и остается украшеніемъ греческаго простолюдина, — трезвость, чистоту нравовъ, жилищъ и воображенія, семейный авторитетъ и крѣпость семейнаго союза.

И въ силу этого взаимодѣйствія, въ теченіи долгаго времени по исчезновеніи стараго Фанра, — поддерживались по провинціямъ, равно какъ и въ самомъ Константинополѣ, какъ бы нисходящіе сколки съ этой исчезнувшей среды.

То были архонты большихъ городскихъ и коммерческихъ центровъ, начиная съ болѣе или менѣе автентичныхъ потомковъ старыхъ мѣстныхъ византійскихъ семей и кончая предпріимчивыми и смѣлыми матросами и бакалами, нажившими значительныя состоянія въ Египтѣ, въ Румыніи или Новороссіи; то были, на островахъ Архипелага, владѣльцы и шкипера парусныхъ судовъ, бороздившихъ все Средиземное Море и доходившихъ до Америки; то были потомки почтенныхъ мѣстныхъ священниковъ, приставившіе къ своему фамильному прозвищу частичку «Папа»; сыновья преподавателей гимназій и школьныхъ учителей; почетные старожилы мѣстечекъ, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ сборъ коринки или уловъ рыбы и до-

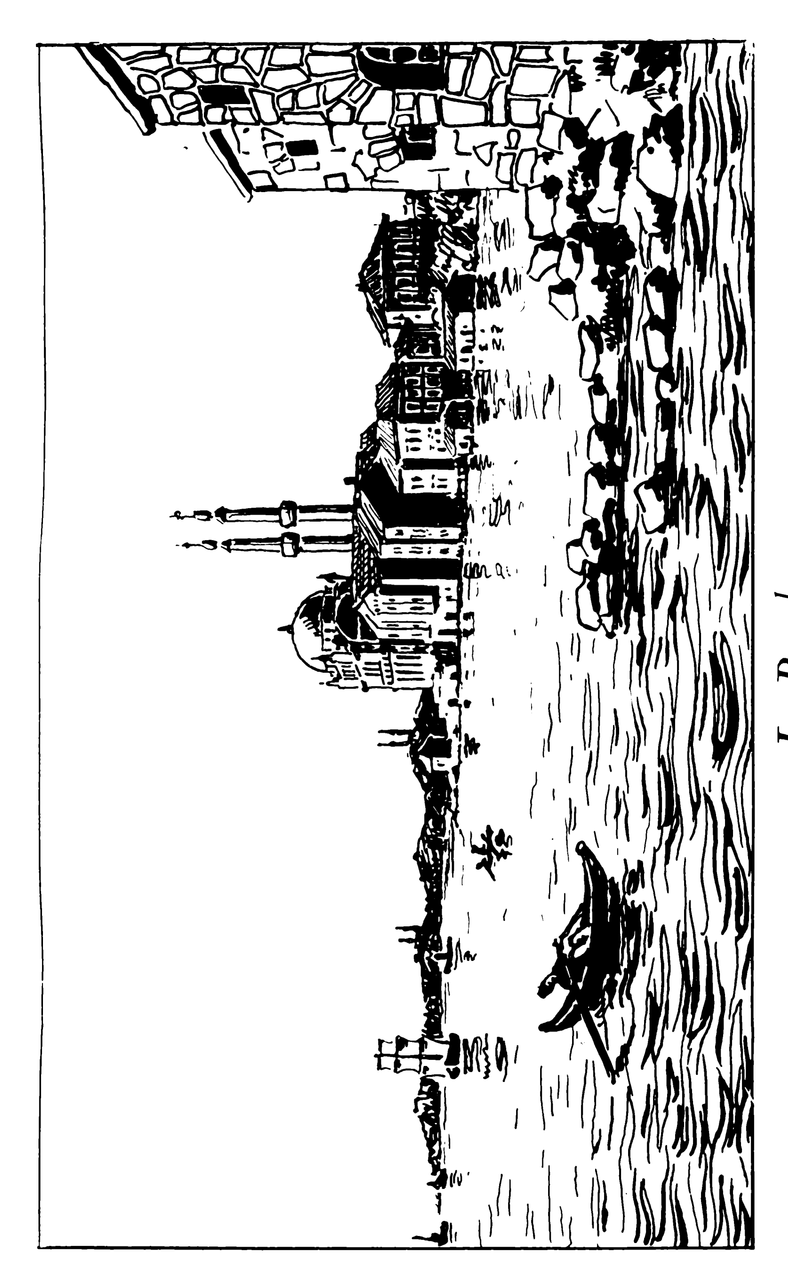
бычу губокъ и коралловъ, и вплоть до простыхъ рыбаковъ и земледѣльцевъ, коихъ супруги, привѣтливыя и застѣнчивыя, встрѣчая посѣтителя въ своихъ чисто выбѣленныхъ внутри домикахъ, подносятъ ему пучекъ пахучей «василики» и стаканъ свѣжей родниковой воды.

Всѣ эти большіе и маленькіе мірки продолжали жить и дѣйствовать, сохраняя стародавнія преданія и обычаи, и до послѣдняго времени вліяли на политическую и общественную жизнь своей народности, сообщая ей тотъ общій вѣковой укладъ, который принято называть Восточнымъ, но который коренится еще глубже — въ классической древности. Много скромныхъ Храмовъ изъ бѣлаго камня, выкрашенныхъ въ традиціонный синій цвѣтъ и съ небольшимъ чугуннымъ крестомъ надъ низкимъ и плоскимъ куполомъ, много «келій» по затеряннымъ пустыннымъ долинкамъ, много «аизмъ», окруженныхъ кипарисами и платанами, возвигнуто этими мѣстными архонтами, много вкладовъ на поминъ души завѣщано ими — митрополіямъ, обѣднѣвшимъ, пустѣющимъ обителямъ, но особливо на дѣла богоугодныя, — на школы, больницы и сиропиталища, — да спасутся и живутъ, неразрывно связанныя со Святою Православною Церковью. — Греческое имя и Эллинская образованность.

Говоря объ этомъ стародавнемъ бытѣ, сохранившемся коегдѣ въ неприкосновенной чистотѣ и цѣлости даже до конца XIX-го столѣтія и до сокрушительнаго вихря міровой войны, мнѣ такъ хотѣлось бы запечатлѣть въ памяти моего потомства

Босфоръ у Орта-Кіоя

Le Bosphore
à Orta-Keuy.

своебразную прелесть этого быта, его класическую и подчасъ библейскую поэзію, и то впечатлѣніе чего-то пережитого, роднаго, исконнаго, которое овладѣло мною, когда, — начиная съ 1881 года, — стали развертываться передъ моимъ взоромъ картины природы и быта православнаго и мусульманскаго Востока, картины знакомыя мнѣ съ дѣтства по разсказамъ старшихъ членовъ семьи.

...Спокойное, старозавѣтное довольство, чистота и тишина старыхъ городскихъ домовъ и загородныхъ «яли», окаймленныхъ тѣнистыми платанами. — Рѣзные деревянные потолки, свѣжія циновки на полу. — Чинно тянущійся по стѣнамъ «мендерлыкъ», покрытый самыми цѣнными коврами и штофными прачевыми подушками; шербеты съ ледяною водою, кофе и папиросы, подносимые вѣжливою, щепетильно и безшумно выступающею мужскою прислугою въ темноцвѣтныхъ, шитыхъ чернымъ гайтаномъ и гарусомъ національныхъ костюмахъ; — между тѣмъ какъ хозяинъ и гости обмѣниваются чинными рѣчами, перебирая янтарныя четки въ холеныхъ, покрытыхъ желтизною загара, рукахъ...

... Прохлада и тѣнь подъ высокимъ куполомъ «джаміи», гдѣ старые, какъ бы завядшія мраморы и изящные персидскіе, всегда свѣжіе изразцы такъ гармонично-спокойно одѣваютъ стѣны; гдѣ высится мраморный «тюрбе», испещренный арабскими письменами и увѣнчанный чалмою, — гробница чтимаго шейха или грознаго Капудана - Паши; гдѣ въ полумракѣ мерцаютъ старинныя золоченыя рѣшетки и свѣсившіеся съ потолка мѣдные, кружевной арабской чеканки лампадаріи; между тѣмъ какъ на дворѣ ослѣпительно сверкаютъ бѣлые стройные минареты надъ траурно - бархатной зеленью вѣковыхъ кипарисовъ; — а мраморный, изукрашенный золотою вязью фонтанъ, отѣненный огромнымъ платаномъ, наполняетъ свѣжей и чистой влагой водоемъ, въ коемъ совершаютъ установленное омовеніе загорѣлые, бѣлобородые старики въ чалмахъ и пьютъ воркующіе голуби, безъ числа гнѣздящіеся подъ кровлей джаміи...

...Богослуженіе въ Православномъ Храмѣ въ провинціи. Голыя стѣны и крашеныя каменныя колонны съ аляповаты-

ми, якобы «византійскими» капителями; высокая рѣзная кипарисная каѳедра налѣво отъ амвона, съ орломъ похожимъ на голубя, коего распростертыя крылья служатъ проповѣднику аналоемъ; такой же рѣзной кипарисовый иконостасъ, передъ которымъ теплятся и дымятъ желтыя восковыя свѣчи въ желѣзныхъ поставцахъ; на клиросѣ *даскалосъ* съ достохвальнымъ усердіемъ выводитъ безконечные переливы невозможно высокихъ нотъ, — а три или четыре благочестивыхъ ученика, гнуся носовыми голосами, стелютъ установленный, жужжащій аккордъ подъ фіоритуры своего наставника. Владыка, видный и бодрый старикъ съ густѣйшими, прямо - греческими бровями, присутствуетъ въ черной рясѣ при богослуженіи, стоя на своемъ епископскомъ мѣстѣ у праваго клироса; а по стѣнамъ храма, въ рѣзныхъ деревянныхъ *стасидіяхъ,* на ступеньку повышеныхъ надъ поломъ, стоятъ, перебирая четки, почтеннѣйшіе изъ прихожанъ: старики въ короткихъ черныхъ шубкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, и въ черныхъ шароварахъ, и старушки въ черныхъ платкахъ; стоятъ чинно, безъ колѣнопреклоненій и почти безъ земныхъ поклоновъ, крестятся по уставу и внимательно прислушиваются къ каждому слову произносимаго Владыкою Символа Вѣры... Было время, когда епископъ, читая исповѣданіе Вѣры, своевольно опускалъ или прибавлялъ какое либо еретическое слово къ словамъ утвержденнымъ въ Никеѣ, и тогда раздавались вдругъ среди паствы возгласы протеста и возникали споръ и смятеніе въ ту самую минуту, когда служащій іерей долженъ былъ приступить къ возношенію Жертвы Безкровной... Эти времена давно прошли, и память о нихъ осталась лишь у начитанныхъ церковниковъ. Но, въ силу атавизма, и понынѣ на востокѣ съ особымъ вниманіемъ слѣдятъ за чтеніемъ Символа Вѣры, за каждымъ словомъ его... « Εἰς μίαν ἁγίαν καθολικὴν καὶ ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν » особенно громко подчеркиваетъ владыка, и кое - кто изъ молящихся стариковъ взволнованнымъ шепотомъ подхватываетъ это торжественное утвержденіе древняго Вселенскаго Православія...

...Ежегодный сельскій праздникъ у чтимой въ округѣ *«аизмы»* — часовни при «живоносномъ источникѣ», запрятанной

среди виноградниковъ и бахчей въ осѣненномъ старыми деревами овражкѣ; гирлянды зелени по стѣнамъ, букеты завядающихъ полевыхъ цвѣтовъ на каменномъ полу аизмы, пропитанной запахомъ мяты, ладану и воску. Кругомъ часовни, въ живописныхъ группахъ, пришедшіе на праздникъ поселяне и горожане; нѣсколько по-одаль — компанія «челеби» — гостей русскаго «консула» и кавасы жарящіе для нихъ на вертелѣ ягненка; тутъ же цыгане, почти черные отъ загара, въ яркихъ, турецкаго покроя острепьяхъ, выводятъ своимъ гортаннымъ голосомъ, подъ звуки бубенъ, безконечные переливы восточной любовной пѣсни: «Аманъ, Аманъ!» (увы, увы!) слышится только, и снова «А-а-а-ма-а-анъ, ам-а-нъ!»... А вотъ сплелись, держася рукою за поясъ сосѣда, и пустились въ мѣрный волнистый плясъ, съ громкой пѣсней, двое - трое парней; другіе прилѣпляются къ нимъ, потомъ двѣ-три дѣвушки, краснѣя и потупя глаза, — и за ними другія ихъ подруги; и все растетъ и растетъ, извиваясь какъ змѣй, древній *хоро*. Первый парень — *хоригосъ* — тщится пройтися по - л и ш е, прискакиваетъ, какъ молодой козелъ и высоко машетъ цвѣтнымъ своимъ платкомъ, и нѣсколько молодыхъ голосовъ то тянутъ, то отчеканиваютъ пѣсню, такую же древнюю, чуть ли не изъ античныхъ временъ до нихъ дошедшую:

...Ну такъ давайте-же топтать ее веселѣй
Эту землю, которая всѣхъ насъ пожретъ:
Богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и простыхъ,
Старцевъ почтенныхъ и нѣжныхъ юношей и дѣвъ!

...Вечеръ — послѣ знойнаго и жаркаго дня, проведеннаго въ сутолокѣ узкихъ базарныхъ улицъ, полныхъ пестрою и кричащею толпою. Въ глазахъ еще рябитъ отъ солнечныхъ бликовъ и яркихъ красокъ. Но здѣсь, на скамьѣ, въ вечерней прохладѣ мощенаго и заросшаго отцвѣтающею пахучею травою двора, подъ сѣнью высокихъ орѣшниковъ и платановъ, въ безмолвіи турецкаго предмѣстья, — все сглаживается и уми-

ряется. Надвигается незамѣтно ночь; и какъ бы выражая собою въ совершенной полнотѣ эту тишину, это умиротвореніе, съ ближняго минарета раздается вечерній призывъ муэззина. «Аллахъ экберъ» — поетъ на всѣ четыре стороны, все тѣмъ же вѣковѣчнымъ восточнымъ переливомъ надтреснутый, но пріятный старческій теноръ; «Ля илла иль Ал-а-ахъ».. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога... Становитесь на молитву, — молитва слаще сна»!..

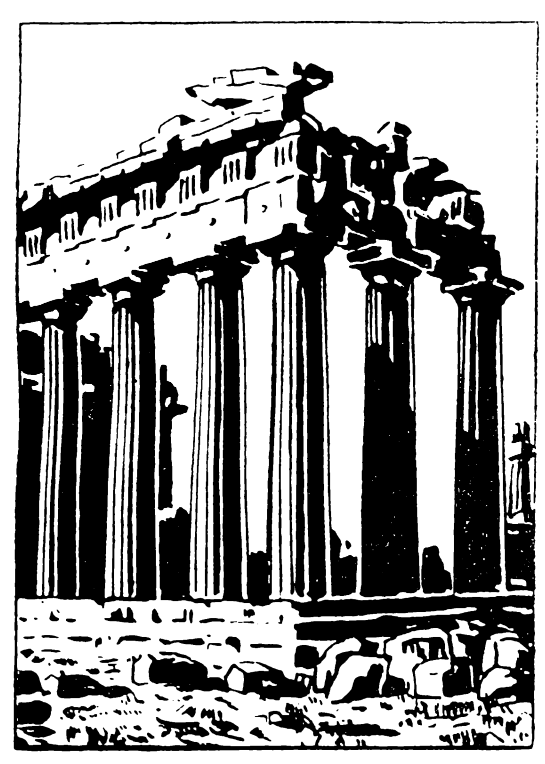
...А картины Стамбула, незигладимыя изъ памяти того, кто разъ ихъ видѣлъ: очертанія высокихъ, мягкаго склона холмовъ, увѣнчанныхъ величественными куполами и стройными минаретами, отъ мыса Стараго Сераля до дальняго Эюба... Очарованіе скользящаго по тихо плещущимъ волнамъ каика, мимо стариннаго красно-розоваго *яли,* отражающагося въ заливѣ, мимо желтой каменной террасы, на которой куритъ свой чубукъ серьезный смуглый ходжа въ коричневомъ халатѣ и въ высокой фескѣ съ зеленымъ тюрбаномъ... Тишина и грусть огромнаго турецкаго кладбища, разбросаннаго въ цѣломъ лѣсу кипарисовъ передъ древними стѣнами Царьграда, уходящими въ обѣ стороны вдаль, и безшумное появленіе изъ Адріанопольскихъ воротъ вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, выступающихъ такъ бережно и такъ плавно, какъ будто ноша ихъ состоитъ изъ драгоцѣннаго и хрупкаго хрусталя...

...А священный трепетъ охватывающій васъ при входѣ подъ неподражаемый по легкости, размѣрамъ и освѣщенію куполъ Святой Софіи...

...А великолѣпная, торжественная, ни съ чѣмъ не сравнимая лѣсная и горная пустыня Аѳона, окаймленная лилово-голубыми волнами моря; величественныя стѣны старыхъ обителей, воздвигнутыя 800 и 900 лѣтъ тому назадъ, келіи, повисшія надъ этими высокими стѣнами, приземистые темно-красные соборы внутри стѣнъ и крѣпчайшая четвероугольная башня (donjon) — послѣднее убѣжище осажденныхъ...

...А старая Смирна, утопающая въ апельсинныхъ садахъ своихъ предмѣстій? А чудная, легкія, сѣро-лиловыя очерта-

нія островковъ Эгейскаго моря, когда держишь путь въ Элладу, и знаешь, что завтра, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, передъ тобой развернется единственная въ мірѣ по прелести красокъ и изяществу линій картина: Саламинъ и Эгина и замыкающіе горизонтъ Гиметъ и Пантеликъ и впереди нихъ, — на кажущемся какъ бы игрушечнымъ, скалистомъ пьедесталѣ, — привѣтливый и безупречно - чистый въ своей нестарѣющей славѣ — Аѳинскій Акрополь!

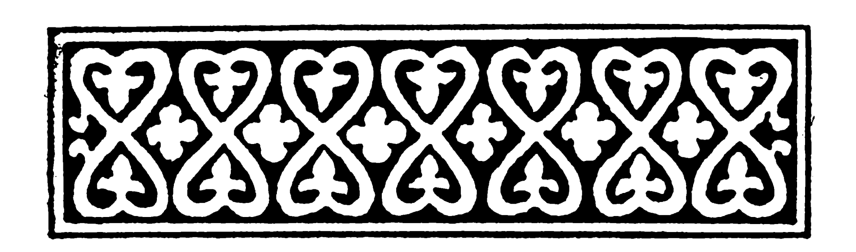

Я позволилъ себѣ такъ долго остановиться на этихъ картинахъ, ибо среди нихъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій про-

текала жизнь моихъ предковъ съ материнской стороны; — жизнь какъ будто тихая и спокойная, но мирное теченіе коей прерывалось подчасъ кровавыми бурями, вспышками неумолимаго гнѣва Падишаха или приливами фанатизма мусульманской черни; издѣвательствами, ссылками, жестокими казнями... Жизнь, какъ будто безсодержательная, но глубокое содержаніе коей давалося тѣмъ, что въ теченіи вѣковъ рѣяло такъ или иначе надъ судьбами всей Европы, что являлось Эдиповой загадкой для ряда поколѣній, что такъ часто надоѣдало и отбрасывалось и возвращалось вновь съ удвоенною навязчивостью, что питало мечты «третьяго Рима» — златоглавой Москвы и содѣйствовало косвенно нашей нынѣшней погибели, что принято называть двумя роковыми, доселѣ неразгаданными и неисчерпанными словами: Восточный Вопросъ!

ГЛАВА I

1. БРАКЪ КОМНЕНА СЪ КНЯЖНОЮ МУРУЗИ.

«Князья Мурузи принадлежатъ къ старинному Византійскому роду. Нѣкоторые изъ греческихъ историковъ отмѣчаютъ, что Мурузи находились въ числѣ семей, послѣдовавшихъ въ 1204 году за дальнимъ потомкомъ царскаго рода Комненовъ въ Трапезундъ, гдѣ основана была этимъ Комненомъ, — въ противовѣсъ «Латинской Имперіи», — Имперія Трапезундская, просуществовашая, особо отъ Константинопольской, до 1471 года. Одно изъ предмѣстій Трапезунда носитъ доселѣ имя Мурузи; на княжнѣ Мурузи женатъ былъ послѣдній Трапезундскій Императоръ — Давидъ Комненъ».

«Въ 1665 году Антіохъ Мурузи вернулся изъ Трапезунда въ Константинополь. Его третій сынъ Димитрій, Великій Постельникъ Молдавскій, женатъ былъ на княжнѣ Султаницѣ, дочери Константина Маврокордато, Господаря Молдавскаго; отъ этого брака родились двое сыновей и дочь. Страшій, Александръ Мурузи женатъ былъ на дочери Николая Сутцо, Великаго Драгомана Порты — Евфросиніи; дочь этого Мурузи вышла впослѣдствіи за Комнена».

Вотъ свѣдѣнія, которыя даетъ о моемъ пра-прадѣдѣ, Александрѣ сынѣ Димитрія Мурузи, извѣстная родословная книга знатнѣйшихъ фанаріотскихъ фамилій, составленная г-мъ Евгеніемъ Ризо-Рангави. Дальнѣйшее я принужденъ черпать изъ семейныхъ преданій, скудныхъ, смутныхъ и къ тому-же

сбивчивыхъ, какъ всѣ семейныя преданія, но подтверждаемыхъ главныхъ чертахъ историческими данными.

Въ 1769 году тесть Александра Мурузи, Великій Драгоманъ Порты Николай Сутцо былъ обвиненъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Россіею и обезглавленъ. Въ томъ-же году началась первая Русско-Турецкая война. Александръ Дмитріевичъ Мурузи, находившійся въ то время на о. Самосѣ, занимая повидимому должность *каймакама* (намѣстника)*) былъ вызванъ въ Константинополь и раздѣлилъ участь своего тестя. Вдова его, оставшись съ малюткой - дочерью на Самосѣ, нашла себѣ убѣжище на одномъ изъ судовъ Русскаго Флота, незадолго передъ тѣмъ сжегшаго Турецкій флотъ при Чесмѣ. Представленная въ Рагузѣ графу Алексѣю Орлову, она упросила его отвезти ея дочь въ Петербургъ и передать ее на руки Могущественной Императрицы, за которую пострадали ея отецъ и мужъ; сама-же перебралась къ роднымъ своимъ въ Дунайскія Княжества.

Маріи Алксандровнѣ Мурузи было въ то время не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ. Это была дѣвочка живая, миловидная, съ южнымъ типомъ лица. Семейныя преданія настаиваютъ на томъ, что она была привезена въ Россію, со своею нянею-гречанкою, именно моремъ. Быть можетъ находилась она на томъже кораблѣ «Ростиславѣ», на коемъ увозили несчастную княжну Тараканову, завлеченную на Русскую эскадру коварствомъ «Чесменскаго» **).

Привезенная въ Петербургъ, маленькая Мурузи была представлена и сразу понравилась Екатеринѣ, которая сдала ее на попеченіе знаменитой Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной; эта послѣдняя воспитала дѣвочку тщательно и строго вмѣстѣ съ внучкою своего брата, Маріей Ардаліоновной Торсуковой, впослѣдствіи Кикиной, съ которою прабарка моя оставалсь до

*) Титула Князя Самосскаго тогда еще не существовало.

**) Княжна Тараканова скончалась въ Петербургѣ, подъ стражей, въ домѣ Комеданта Петропавловской крѣпости, родивъ тамъ сына, крещеннаго близкими ко Двору лицами и усыновленнаго богатою свѣтскою семьею. (Послѣднее свѣдѣніе требуетъ однако документальнаго подтвержденія).

конца дней своихъ въ большой пріязни. Дѣвочку часто водили къ Государынѣ, оказывавшей ей свою ласку и лично провѣрявшей успѣхи воспитанія своей «хорошенькой гречанки» (Ma jolie petite grecque).

По мѣрѣ того, какъ послѣдняя выростала, — и одновременно назрѣвалъ въ умѣ Екатерины «Греческій проэктъ», — все болѣе и болѣе приближала Она къ себѣ «Машеньку» и 16-ти лѣтъ взяла ее окончательно во дворецъ. Машенька, — опять-таки по семейнымъ преданіямъ, — была въ это время красивою дѣвушкой; въ умѣ и характерѣ ей во всю жизнь нельзя было отказать.

Единственное изображеніе моей прабабки, долго сохранявшееся въ семьѣ, — акварельный портретъ*), — не подтверждало какъ будто этой лестной репутаціи красоты. Умное, характерное лицо съ выпуклыми глазами и съ нѣсколько горбатымъ, но широкимъ носомъ, не сохранило, во всякомъ случаѣ въ пожиломъ возрастѣ, ощутительныхъ слѣдовъ былой миловидности.

Но эта миловидность могла всетаки существовать въ ранней молодости. Съ портретомъ прабабки моей поразительно схожи были лица двухъ ея внучекъ, — двоюродныхъ сестеръ моей матери*), — которыхъ я знавалъ пожилыми и некрасивыми, а между тѣмъ, по единогласнымъ отзывамъ сверстниковъ (и даже сверстницъ), онѣ обѣ были въ молодости красивыми дѣвушками, — одна даже очень красивою. Впрочемъ и по семейнымъ преданіямъ прабабушка Мурузи не долго сохранила свою красоту: восемнадцати лѣтъ она заболѣла оспою, которая не обезобразила ее совсѣмъ, но сильно попортила черты ея лица. Державная покровительница бѣдной Машеньки тотчасъ-же поняла, что отнынѣ ея нѣкогда «хорошенькой» гречанкѣ не суждено болѣе плѣнять мужчинъ красотою и что,

*) Оставленный моею сестрою вмѣстѣ со всею остальной ея обстановкою въ 1914 году въ Петербургѣ, онъ вѣроятно пропалъ нынѣ безвозвратно, равно какъ и такой же портретъ единственнаго сына прабабки.

**) Княгини Маріи Алексѣвны Трубецкой и Варвары Алексѣевны Пещуровой.

слѣдовательно, пора искать для нея подходящей партіи, хотя-бы и болѣе скромной, чѣмъ предполагалось раньше.

Машенькѣ было лѣтъ двадцать съ небольшимъ, когда въ 1787 году началась вторая Турецкая война. То былъ расцвѣтъ Греческаго проэкта. Свѣтлѣйшій Князь Таврическій, снабженный самыми широкими полномочіями, отъѣзжалъ къ арміи; Туртукай взятъ былъ съ налету Суворовымъ и прогремѣла морская побѣда подъ Очаковымъ, гдѣ нашъ новорожденный Черноморскій флотъ, подъ начальствомъ блестящаго авантюриста принца Нассау-Зигенскаго, и благоразумнаго грека, адмирала Алексіано, уничтожилъ сильную турецкую эскадру и принудилъ къ сдачѣ Очаковъ.

Но турецкая война вызвала въ скоромъ времени столкновеніе и на сѣверѣ. Густавъ III, долго ждавшій благопріятной минуты воскресить старый шведскій споръ съ Россіею и вернуть хотя-бы часть того, что отнято было ею у Карла XII и у его слабыхъ преемниковъ, — неожиданно сбросилъ маску и объявилъ «своей дорогой кузинѣ» Екатеринѣ II-й войну. Принцъ Нассау - Зигенскій, вызванный съ юга въ Петербургъ, получилъ командованіе надъ галернымъ флотомъ, спѣшно снаряженнымъ въ подмогу парусному, незадолго передъ тѣмъ отстоявшему, подъ командой адмирала Круза, Петербургъ отъ внезапнаго и дерзкаго нападенія непріятельской эскадры. Морская война со Швеціей приняла съ нашей стороны характеръ наступательный; Шведскій и Русскій флоты встрѣтились въ августѣ 1789 года въ Свенскзундѣ, и рѣшительная побѣда увѣнчала русское оружіе. Въ этомъ сраженіи, подъ командою Нассау-Зигена, особенно отличился, по семейнымъ преданіямъ, поступившій недавно на русскую службу полковникъ Христофоръ Марковичъ Комнено, уже участвовавшій во взятіи Очакова.

Объ эту самую пору, наканунѣ Ивана Купала, Машенька Мурузи условилась какъ-то со своими подругами погадать «на суженаго»; для чего слѣдовало, передъ отходомъ ко сну, прочесть извѣстныя молитвы и, ложась, положить подъ изголовье свое ручное зеркальце; суженый долженъ былъ явиться во снѣ. И Машенька, дѣйствительно, увидала своего суженаго: въ пер-

спективѣ столь хорошо знакомой ей дворцовой «амфилады» шелъ, удаляясь отъ нея, какой-то военный въ голубомъ мундирѣ и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Когда на другой день подруги стали распрашивать другъ-дружку о видѣнномъ за прошедшую ночь во снѣ, то большое недоумѣніе вызвалъ цвѣтъ мундира приснившагося Машенькѣ суженаго. «Сколько ни припоминаю, а рѣшительно не припомню, чтобы въ какомъ либо Русскомъ полку были голубые мунидры», говорила одна. «Да и кому въ голову придетъ гулять по Дворцу въ лавровомъ вѣнкѣ», смѣялась другая...

На слѣдующій-же день назначенъ былъ во Дворцѣ вечерній пріемъ, въ самомъ началѣ коего Машеньку подозвали къ Государынѣ, прошедшей впереди своей свиты въ другой покой. Ея Величество изволили милостиво разговаривать съ офицеромъ въ нерусскаго покроя голубомъ мундирѣ съ серебрянымъ шитьемъ. — «Машенька, — обратилась она къ дѣвушкѣ съ ласковою, чарующею своею улыбкою, — « Je Vous présente le colonel de Comneno qui nous arrive couronné de lauriers»...

Бѣдная Машенька обомлѣла; недавній, вѣщій сонъ живо припомнился ей... Но Государыня съ одобрительной усмѣшкой глядѣла на ея смущеніе и вслѣдъ за тѣмъ отошла, оставивъ Машеньку занимать героя вечера. Вѣроятно тутъ, — а можетъ быть и раньше, — зародилась въ умѣ Императрицы мысль выдать свою воспитанницу за храбраго, повидимому хорошо воспитаннаго и уже не первой молодости офицера, носившаго столь громкое имя. «Notre Machenka Mourouzi épousant un Comnène, cela serait un excellent élément pour la cour de Constantin — Empereur de Byzance», — говорила она нѣсколько дней спустя въ присутствіи приближенныхъ лицъ: — и сватовство не замедлило пойти въ ходъ.

Свадьба Маріи Алекасндровны Мурузи съ Христофоромъ Марковичемъ Комнено состоялась въ 1790 году и сыграна была во Дворцѣ съ особымъ блескомъ *). Иждивеніемъ Двора на-

---

*) Что отмѣчаетъ, между прочимъ, Данилевскій въ своемъ историческомъ романѣ «Потемкинъ на Дунаѣ» (глава 1-я).

печатана была брошюра, изъяснявшая высокое происхожденія брачущихся. Государыня изволила собственноручно причесывать новобрачную къ вѣнцу и сама повела ее въ Дворцовую церковь. Оособенную заботливость выказала Императрица относительно приданаго воспитанницы : серебро, наряды, бѣлье въ огромномъ количествѣ, мебель, утварь, экипажи, лошади, — словомъ вся обстановка — пожалованы были отъ Двора и осмотрѣны самою Государыней, причемъ не забыты были мельчайшія подробности: даже каретная и копытная мазь заготовлены были на цѣлый годъ, — разсказывала впослѣдствіи прабабушка своимъ дочерямъ. Не забыто было и изрядное количество бриллiантовъ; то, что изъ нихъ перешло къ четвертой дочери, — моей бабушкѣ, — представляло еще собою извѣстную цѣнность и лишь послѣ неоднократныхъ закладовъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, выкуповъ и потерь, сократилось почти на нѣтъ. Изъ этихъ драгоцѣнностей Бабушка моя особенно дорожила изумрудными серьгами — не особенно крупными, вдѣтыми въ уши Машеньки самою Императрицею и съ которыми она никогда не разставалась и дочери завѣщала не разставаться. Эти серьги подарены были моею тетею Юліею Гавриловною Катакази моей младшей дочери, и я надѣюсь, что и у нея будетъ кому ихъ передать. Также хранится у меня икона Казанской Божіей Матери, въ фольгяной ризѣ, — коею благословила мою прабабку ея Державная Покровительница.

Что касается болѣе существенной части приданаго, то прабабушкѣ пожалована была, — по всему вѣроятію, — довольно крупная, по тогдашнимъ временамъ, денежная сумма. Я думаю такъ, потому что, какъ явствуетъ изъ ея переписки, она, уже овдовѣвъ, въ 1816 и 1818 годахъ, владѣла капиталомъ въ двѣ съ половиною тысячи золотыхъ червонцевъ. Капиталъ же этотъ представлялъ собою, — опять таки по всему вѣроятію, — лишь остатки приданаго капитала, ибо Прабабушка, какъ видно изъ той-же переписки, не особенно горазда была копить денежку, а напротивъ того склонна была жить выше средствъ и брать недостающее изъ капитала.

Такъ благопріятно складывались для новобрачныхъ вначалѣ обстановка и, казалось, будущность ихъ совмѣстной жиз-

ни. Но послѣдующіе годы не принесли имъ особой удачи въ смыслѣ матеріальныхъ благъ и служебныхъ отличій. Христофоръ Марковичъ и Марія Александровна Комнено остались, для той придворной среды въ коей они вращались, людьми мало знатными и скорѣе нуждающимися.

2. МОЙ ПРАДѢДЪ — ХРИСТОФОРЪ МАРКОВИЧЪ КОМНЕНО.

Въ знаменательный день 12-го іюля 1081 года племянники незадолго передъ тѣмъ почившаго и извѣстнаго своимъ благочестіемъ кратковременнаго Императора Исаака Комнина — мужественный и прекрасный собою Алексѣй Комнинъ, — ὁ χρυσοῦς νεανίας Κομνῆνος, — какъ звали его въ народѣ, и его четыре брата спаслись изъ дворца, гдѣ рѣшено было ихъ ослѣпить. Спаслись они на Анатолійскій берегъ Босфора и, на другой-же день, приставъ снова къ Румелійскому берегу, въ сопровожденіи друзей и соратниковъ кинулись на приступъ Города, между тѣмъ, какъ мать ихъ — знаменитая Анна Делассино — удалилась съ женскою свитою своею въ убѣжище Святой Софіи.

И вотъ, въ условленный часъ, на сосѣднемъ съ палатами Комниновъ соборѣ Св. Апостоловъ забили набатъ три большихъ густозвонныхъ колокола этого второго по размѣрамъ и великолѣпію Царьградскаго храма: то былъ условленный знакъ, по которому открылись передъ Комнинами въ двухъ мѣстахъ городскія ворота и поспѣшили отовсюду къ священному Дворцу и къ Святой Софіи вооруженные граждане, дабы свергнуть

дряхлаго и слабаго ставленника сенаторовъ и дворцовыхъ евнуховъ, Никифора Вотоніата, и вернуть Имперіи порядокъ, могущество и блескъ, вознеся на щитъ любимца народа и войскъ — Алексѣя Комнина. Эти три колокола вошли съ тѣхъ поръ въ гербъ Комниновъ. Лазоревые въ серебряномъ полѣ, они украшали собою грудь двуглаваго орла, пока династія Комниновъ занимала Византійскій Престолъ. Впослѣдствіи присовокупленъ былъ къ этому гербу разсѣянными по бѣлу свѣту и захудалыми потомками бывшихъ Императоровъ горькій, но все - же гордый девизъ: «Fama manet Fortuna periit».

Императорская власть оставалась въ родѣ Комниновъ до 1185 года, когда пра-правнукъ Алексѣя, — блестящій, но развратный и жестокій Андроникъ, — былъ вторично свергнутъ возстаніемъ одного изъ своихъ военачальниковъ и растерзанъ толпою на Константинопольскомъ Ипподромѣ. Но родъ Комниновъ пережилъ династію, раздѣленный на нѣсколько вѣтвей. Одна изъ этихъ вѣтвей основала, какъ я уже сказалъ выше, въ 1204 году «Трапезундскую Имперію». Потомки этихъ Трапезундскихъ Комниновъ спаслись впослѣдствіи въ Морею, а изъ Мореи, въ XVII столѣтіи, въ Генуэзскіе предѣлы, причемъ одно изъ развѣтвленій рода поселилось, цѣлымъ кланомъ, т. е. съ домочадцами, кліентами и слугами, на Корсикѣ*).

Другіе Комнины искали убѣжища по всему побережью Средиземнаго моря; нѣкоторые остались, или вѣроятнѣе вернулись въ XVII столѣтіи въ Константинополь.

Многія фамиліи производятъ себя отъ этого знаменитаго рода за-границею; въ Россіи — Ховрины и Головины, ведущіе свое родословіе отъ Скиндера Князя Мангупксаго, происходившаго въ свою очередь отъ Комниновъ Трапезундскихъ; отъ Комниновъ-же производятъ себя и Грузинскіе Князья Ан-

---

*) Однимъ изъ автентичныхъ представителей этой вѣтви былъ французскій генералъ Димитрій Комнено, оставившій два сочиненія о судьбахъ своего рода. Если вѣрить Герцогинѣ д'Абрантесъ (Маршальшѣ Жюно) отъ Комненовъ произошли: ея бабка по матери, Стефанопуло, и родственники и друзья этой самой бабки, Буонапарте, носившіе якобы раньше фамилію Каломеросъ (Καλὸν = buono, μέρος = parte). Ни одинъ серіозный генеалогъ не подтверждаетъ однако этого любопытнаго извѣстія.

дронниковы. Насколько производство это обосновано или произвольно, — не знаю.

Одинъ, повидимому безспорный потомокъ Комниновъ основался въ Россіи подъ собственнымъ именемъ и оставилъ послѣ себя нѣкоторый слѣдъ въ исторіи. Это былъ ученый мужъ Іоаннъ Комнинъ, о которомъ я упоминалъ выше (см. Введеніе)— воспитаникъ, впослѣдствіи профессоръ Константинопольской Патріаршей Великой Школы, изучившій медицину въ Падуѣ и Болоньѣ. Приглашенный позднѣе въ Россію, онъ былъ возведенъ Петромъ Великимъ въ званіе *архіятера* (ἀρχὶ-ἰατὴρ), т. е. главнаго врача при Императорѣ и начальника всей врачебной части Имперіи; впослѣдствіи это греческое названіе было замѣнено болѣе вразумительными для русскаго уха титулами «оберъ - лейбъ-медикуса» и «презуса медицинал - коллегіи». Когда Мазепа, послѣ доноса и гибели Кочубея, вызываемый неоднократно Петромъ на свиданіе съ нимъ и на соединеніе казацкихъ силъ съ русскими войсками, отговаривался тяжелымъ недугомъ и слегъ въ постель, — Царь, все еще довѣрявшій Гетману, послалъ къ нему Комнина, какъ знающаго и искуснаго врача. Вернувшись изъ Глухова, Комнинъ первый всполошилъ Петра, доложивъ, что считаетъ болѣзнь Мазепы совершенно притворною. — Іоаннъ Комнинъ не оставилъ въ Россіи мужского потомства; дочь или внучка его, — навѣрно не знаю, — выйдя замужъ за богатаго астраханскаго торговца - грека Варваци*), присоединила свое имя къ произвищу мужа. Потомки ея существовали до послѣдняго времени подъ именемъ Комнино-Варваци; они продолжали вести крупную торговлю и жертвовали много на греческое дѣло и на дѣла благотворительности вообще; между прочимъ ими построенъ греческій монастырь въ Таганрогѣ, гдѣ были выставлены смертные останки Александра I. Довольно характерно для эпохи, что такіе автентичные потомки знаменитаго царскаго рода оставались въ средѣ торговой, тогда какъ внуки разныхъ гоф - маклеровъ, придворныхъ аптекарей и васильеостровскихъ иностранныхъ негоціантовъ, снабженные кто барон-

*) Варваци, — родомъ съ острова Псары, — судостроители и судовладѣльцы.

скимъ, а кто и графскимъ титуломъ, обращались въ рядахъ высшей нашей придворной арстократіи и роднились со старинною русскою знатью *).

Еще одна вѣтвь Комниновъ — не Трапезундскихъ — поселилась на Далматинскомъ побережьѣ, гдѣ близость къ Венеціи съ одной стороны и къ воинственнымъ православнымъ населеніямъ Турціи — грекамъ, албанцамъ - поскамъ, герцоговинцамъ — съ другой, питали въ этихъ потомкахъ Христіаннѣйшихъ Императоровъ наслѣдственную вражду къ мусульманамъ - завоевателямъ и надежды на освобожденіе наслѣдія Комниновъ отъ унизительнаго ига.

Имя Комниновъ или въ данномъ случаѣ *Комненовъ,* — ибо такъ произносятъ и пишутъ его доселѣ въ Италіи и на Далматинскомъ побережьѣ, — упоминается въ одной изъ извѣстныхъ пѣсенъ сербскаго народно - историческаго эпоса. Хайдукъ Тадія Сеньенинъ отправляется изъ своего города Сеньи, чтобы воевать съ шайкою свирѣпой турецкой амазонки Куны Хасанага. Съ Тадіей тридцать юнаковъ товарищей и Комненъ *байрактаръ* (т. е. знаменоносецъ). По горнымъ лѣснымъ тропинкамъ переходятъ они турецкую границу, и тутъ Тадія велитъ своимъ юнакамъ привести ему изъ близь пасущагося стада живого барана и козу. Несчастныхъ животныхъ обдираютъ по его приказанію живыми и гонятъ затѣмъ сквозь нависшія острыя вѣтви ельника. Коза жалобно блеетъ, баранъ бѣжитъ молча. «Къ чему такая ужасная жестокость»? спрашиваютъ юнаки своего вождя. — «Други, отвѣчаетъ имъ тотъ, я велѣлъ это сдѣлать, чтобы вы видѣли, какимъ страшнымъ мукамъ подвергнется каждый изъ насъ, кто попадетъ живымъ въ руки Куны. Теперь вы это знаете, и если кто изъ васъ не въ силахъ вынести подбныхъ мукъ безмолвно, какъ этотъ ярецъ,

---

*) Въ Россіи существуетъ (или по крайней мѣрѣ существовала недавно) еще одна вѣтвь Комниновъ, а именно Комнино-Камбици; происходятъ они отъ того-же архи-іатера Комнино, или нѣтъ, мнѣ не могли сказать. Одна изъ этихъ Комнино-Камбици была замужемъ за Максимиліаномъ Константиновичемъ Артамоновымъ, владѣвшимъ помѣстьемъ въ Подольской губерніи.

то пусть оставитъ меня и уходитъ домой». Юнаки молчатъ; но мало по малу по одному, по два отстаютъ они отъ своего вождя и возвращаются въ Сенью; съ Тадіей остаются лишь Комненъ - байрактаръ да силачъ - юнакъ Которацъ Іованъ. Пѣсня кончается тѣмъ, что трое удальцовъ смѣлою хитростью обезоруживаютъ и привозятъ связанными въ Сенью самою Куну Хасан-агу и всю ея шайку. Тадія выпускаетъ турокъ за богатый выкупъ — по полному вьюку всякаго «блага» за каждаго плѣнника. Но когда мать начинаетъ упрекать его за то, что «околпачила де его баба», то онъ самой Кунѣ, нагибающейся, чтобы выйдти послѣднею въ низенькую калитку городскихъ воротъ, отсѣкаетъ голову однимъ ударомъ сабли.

Потомки далматинскихъ Комненовъ мало-по-малу совершенно осербились и стали зваться Комненовичами. Мой прадѣдъ Христофоръ Марковичъ принадлежалъ именно къ далматинской вѣтви Комненовъ и писался всегда Комнено (de Comneno). Самыя имя и отчество его могутъ служить косвеннымъ подтвержденіемъ его далматинскаго происхожденія: Христофоръ — въ просторѣчіи *Христо* — является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ именъ среди православныхъ балканскихъ славянъ; *Марко* — имя также часто встрѣчающееся у сербовъ и въ особенности у сербовъ далматинскихъ; кстати и патрономъ Венеціи, имѣвшей такое безспорное вліяніе на все восточное побережье Адріатики, почитается Св. Евангелистъ Маркъ.

Можетъ статься однако, что отецъ или даже дѣдъ Христофора Марковича переселился изъ Далмаціи въ Морею или въ иные предѣлы, находившіеся временно во власти Свѣтлѣйшей Республики и, основавшись тамъ и женившись на мѣстной уроженкѣ, остался на мѣстѣ послѣ 1717 года, когда венеціанцы окончательно вытѣснены были Турками изъ своихъ завоеваній въ Архипелагѣ и Мореѣ.

Все это однако является къ сожалѣнію лишь догадками,

ибо біографія моего прадѣда, до прибытія его въ Россію, мнѣ совершенно невѣдома; а равнымъ образомъ не знаю я, кѣмъ были и гдѣ жили его родители, не говоря уже о дальнѣйшихъ восходящихъ линіяхъ.

По преданіямъ сохранившимся въ семьѣ моей матери, мой прадѣдъ находился одно время на венеціанской военной службѣ; это впрочемъ и вполнѣ правдоподобно: для молодого далматинца, подданнаго Венеціи, — а тѣмъ паче для христіанина высокаго рода, ставшаго недавно волею судебъ Султанскимъ подданымъ, — самымъ естественнымъ было, если только онъ желалъ посвятить себя военной карьерѣ, стать подъ знамена Свѣтлѣйшей Республики, подъ коими неоднократно сражались его предки.

Въ Венеціи же, — по разсказамъ моей бабки Софіи Христофоровны, — сблизился Христофоръ Марковичъ съ Принцемъ Карломъ Нассау - Зигенскимъ, который тамъ подолгу живалъ и предлагалъ свои услуги Свѣтлѣйшей. Приглашенный Екатериною Великою на русскую службу, Принцъ взялъ де съ собою въ Россію и полковника Христофора Комнено. По свѣдѣніямъ же имѣющимся въ семьѣ Крупенскихъ, — внуковъ старшей дочери, — Христофоръ Марковичъ находился въ свитѣ Римскаго Императора Іосифа II, когда сей послѣдній прибылъ въ 1787 году, для встрѣчи съ Екатериною, въ Каневъ. Комнено былъ де при этомъ представленъ Государынѣ и всемилостивѣйше принятъ, съ согласія Императора, на Русскую службу. Впрочемъ обѣ эти версіи отнюдь не противорѣчатъ одна другой: Христофоръ Комнено могъ весьма легко перейдти изъ Венеціанской службы на Австрійскую именно въ виду готовившагося Австро - Русскаго союза противъ Турціи, а затѣмъ искать поступленія на службу преславной Монархини, на которую обращались въ то время взгляды всѣхъ тѣхъ, кто чаялъ побѣды Креста надъ полумѣсяцемъ и изгнанія Турокъ изъ предѣловъ подвластныхъ нѣкогда Христіаннѣйшимъ Императорамъ (въ томъ числѣ и знаменитымъ предкамъ полковника Комнено).

Мой прадѣдъ, въ качествѣ Комнена, считалъ себя, разу-

мѣется, прежде всего «Грекомъ» и съ дѣтства зналъ (или изучалъ) греческій языкъ; но, за исключеніемъ своихъ политическихъ вожделѣній и своей образованности (по всему вѣроятію былъ онъ питомцемъ Падуанскаго Университета), онъ едва-ли имѣлъ много общаго съ описанною мною въ предъидущихъ главахъ Константинопольскою фанаріотскою средою. Родными языками его были, если онъ родился и выросъ на далматинскомъ побережьи, — сербскій и итальянскій; если же его дѣтство протекло среди грековъ Мореи или Архипелага, — то греческій и опять-таки итальянскій; говорилъ онъ всеконечно и по-французски, какъ всѣ образованные люди того вѣка, и зналъ основательно нѣмецкій языкъ; русскою рѣчью онъ овладѣлъ повидимому недурно въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

По условіямъ своей жизни и по избранной имъ карьерѣ Христофоръ Марковичъ Комнено былъ тѣмъ, что называлось тогда «un officier de fortune» т. е храбрымъ офицеромъ, искавшимъ, всюду, гдѣ можно было, военныхъ познаній, боевого опыта и военнаго счастья. Морицъ Саксонскій, Принцъ Карлъ Нассау - Зигенскій были въ XVIII столѣтіи самыми выдающимися представителями этого типа людей. Но Христофора Марковича отличали отъ легкомысленныхъ корифеевъ военнаго искусства для искусства, лишенныхъ понятія о родинѣ, — его серіозность, его благочестіе и одушевлявшій его «греческій» патріотизмъ, т. е. унаслѣдованное имъ отъ длинннаго ряда предковъ стремленіе добиться изгнанія турокъ изъ предѣловъ бывшей Восточно - Римской Имперіи.

Какъ-бы то ни было, прадѣдъ мой одно время связалъ свою карьеру съ карьерой Принца Нассау - Зигенскаго. Интересно было-бы знать, принималъ ли онъ участіе, — подъ начальствомъ своего патрона, — въ извѣстной попыткѣ Нассау-Зигена, получившаго начальство надъ Франко - Испанскою эскадрою (1782), взять Гибралтаръ при помощи изобрѣтенныхъ имъ огромныхъ пловучихъ, бревнами и землею «бронированныхъ» батарей. Англичане раскаленными ядрами успѣли зажечь эти дервянныя плоскодонныя суда, подплывшія къ самому берегу и тяжелыя орудія коихъ начали уже разрушать

Гибралтарскія твердыни; но за Нассау - Зигеномъ осталась всетаки слава остроумнаго и смѣлаго изобрѣтателя въ военно-морскомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ на морскую практику моего прадѣда указываетъ, что Алексіано взялъ его съ собою подъ Очаковъ, а Нассау-Зигенъ въ Свенскзундъ.

Личность моего прадѣда окутана для его потомковъ какою-то таниственностью. Упавшій какъ съ неба въ жизнь своей суженой, да еще вслѣдъ за страннымъ сновидѣніемъ, о коемъ я разсказывалъ выше, — онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своего прошлаго, никакихъ воспоминаній о своемъ отеческомъ домѣ. Про портретъ моего прадѣда говорили въ семьѣ, будто онъ являлся во снѣ своему обладателю передъ каждымъ значительнымъ событіемъ въ жизни его или его близкихъ, передъ каждою кончиною члена семьи. Изъ этого мои дѣти вывели даже заключеніе, что «это дѣдушка, который по ночамъ гуляетъ»... Отъ того-ли, что я всегда очень скептически относился ко всякимъ привидѣніямъ и безпокойнымъ покойникамъ, и что поэтому эти «спектры» меня не жалуютъ, — или, по крайней мѣрѣ, ко мнѣ не жалуютъ, — но мнѣ никогда даже и во снѣ не являлся мой прадѣдъ Комненъ и не возвѣщалъ грядущихъ бѣдъ. А между тѣмъ было, что возвѣщать за послѣдніе годы. Міровая война, славная смерть нашего младшаго сына на полѣ брани, гибель моей Родины, смерть послѣдняго нашего сына... Но прадѣдъ все молчалъ; и доселѣ глядитъ на меня безмолвно и важно изъ рамки портрета его характерное лицо. Впрочемъ, когда я былъ подросткомъ и читалъ завлекательный, недоконченный романъ Шиллера « der Geisterseher», въ коемъ шарлатанъ - спиритъ обманываетъ прибывшаго въ Венецію молодого и впечатлительнаго нѣмецкаго принца, но обманщика обличаетъ какой-то таинственный и молчаливый « Russischer Officier », который оказывается настоящимъ, заправскимъ «Geisterseher'омъ», т. е. духовидцемъ, и вводитъ принца въ міръ тайнъ и чудесъ, — на чемъ романъ обрывается, — я не могъ представить себѣ этого «русскаго офицера», да еще пребывающаго въ Венеціи, иначе какъ подъ чертами прадѣда Комнено и спрашивалъ себя, не имѣлъ-ли Шиллеръ въ виду его, — своего современника, — о коемъ могъ

отъ кого-нибудь слышать, когда началъ писать свой недоконченный разсказъ*)...

Очень можетъ статься, что вся эта таинственность существовала лишь въ воображеніи потомства. Прабабка моя Марія Александровна и ея старшія дочери вѣроятно знали все, что касалось прошлаго ихъ мужа и отца и его семьи; но, какъ я говорилъ уже выше (см. ч. I, гл. I), у насъ въ Россіи обыкновенно такъ мало интересуются семейнымъ прошлымъ, что даже рѣдко передаютъ дѣтямъ разсказы объ этомъ прошломъ, слышанные случайно отъ старшихъ родственниковъ. Существовали у Х. М. Комнено и семейные документы, перешедшіе впослѣдствіи къ его единственному сыну Димитрію, который повидимому этими документами дорожилъ, ибо имѣлъ ихъ всегда при себѣ. Но, послѣ смерти Димитрія Христофоровича, приключившейся въ дорогѣ, вдали отъ сестеръ (матери его уже не было въ живыхъ), документы эти такъ и остались въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ города, гдѣ онъ скончался, — Витебска или Могилева, — не припомню. Даже жизнь и служба Христофора Марковича въ Россіи мнѣ весьма мало извѣстна. Крупенскіе, происходящіе отъ старшей дочери Комнено, производили до войны 1914 года разслѣдованіе о личности и службѣ Христофора Марковича, имѣя вѣроятно въ виду возстановить въ своей семьѣ, въ порядкѣ первородства, знаменитое имя; но они узнали больше моего лишь то, что нашъ общій прадѣдъ получалъ, сверхъ причитавшагося ему жалованія, постоянную пенсію изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Кажется, впрочемъ, что они не обращались къ единственному вѣрному источнику, а именно въ историческіе отдѣлы нашего Генеральнаго Штаба и Адмиралтейства.

Семейныя преданія рисуютъ Христофора Марковича человѣкомъ серьезнымъ, ученымъ, гордымъ своимъ именемъ и самолюбивымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма щепетильнымъ въ

*) Когда я писалъ эти строки, была еще жива моя старшая дочь Баронесса Елена Анатоліевна Гротгусъ. Лишь послѣ ея недавней кончины я узналъ, что ей портретъ Х. М. Комнено дважды являлся во снѣ и между прочимъ незадолго до смерти на полѣ брани ея любимаго брата Сергѣя.

охраненіи своего личнаго достоинства; что было, — замѣтимъ въ скобкахъ, — вовсе не легко въ тѣ времена свѣтскаго владычества фаворитовъ и невыносимой спеси вельможъ въ случаѣ. Въ первое время послѣ свадьбы, когда еще особенно чувствовалось надъ новобрачными сіяніе Монаршаго благоволенія, пріятели совѣтовали моему прадѣду ходатайствовать объ утвержденіи своемъ, — какъ потомка Комниновъ, — въ княжескомъ достоинствѣ. «Что за князь, который пѣшкомъ ходитъ?», отвѣчалъ онъ обыкновенно на подобные совѣты. «Князь долженъ имѣть свой дворецъ, да три-четыре выѣзда цугомъ; вотъ тогда это князь!»

Любопытно знать, остался ли бы Христофоръ Марковичъ при своихъ понятіяхъ о «принципатѣ», если бы могъ предвидѣть, что лѣтъ черезъ сто самый титулъ князя, — да еще князя, носящаго всесвѣтно - извѣстное имя, съ императорскимъ вѣнцомъ на головахъ ряда предковъ, — что эти титулъ и имя получатъ, средь торжества равенства и демократіи, значительную рыночную цѣнность, т. е. обезпечатъ обладателю пышные дворцы и автомобили лучшихъ марокъ, родство съ англійскими дюками и съ римскими князьями, — и все это цѣною короткой и нетрудной церемоніи бракосочетанія съ дочерью любого американскаго милліардера?

И мнѣ всетаки сдается, что кабы могъ Христофоръ Марковичъ предвидѣть все это, — онъ столь-же мало стремился бы облечься въ россійское княжеское «корзно». Ибо уже и въ тѣ времена самолюбіе и строптивость потомка Комниновъ являлись сильнымъ тормазомъ на пути достиженія имъ почестей и благъ земныхъ. Доказательствомъ чего служитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что даже при жизни Державной Покровительницы своей жены онъ не продвинулся ощутительно на службѣ и не взысканъ былъ особыми Монаршими щедротами.

Въ царствованіе Павла I о супругахъ Комнено совершенно не слышно. Весьма понятно, что такой военный, какимъ былъ

Христофоръ Марковичъ Комнено
(1743—1815)

Fama manet Fortvna periit

Le Général Christophore Comnène
(1743-1815)

Христофоръ Марковичъ, не могъ пользоваться никакимъ авторитетомъ во всесильныхъ за это время кругахъ Гатчинскихъ героевъ экзерцирплаца, гауптвахты и шпицрутеновъ; да и все что отзывалось «Греческимъ проэктомъ» Екатерины было предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія со стороны взбалмошнаго Монарха. — Впрочемъ благосклонность, которую выказывала впослѣдствіи къ Маріи Александровнѣ Комнено, или вѣрнѣе къ ея дочерямъ, Императрица Марія Θеодоровна, служитъ косвеннымъ указаніемъ на то, что Христофоръ Марковичъ, если и не продвинулся сколько-нибудь значительно по службѣ, то и не «потерпѣлъ» за четыре года Павловскаго царствованія и, во всякомъ случаѣ, не принималъ участія въ событіи 11 марта 1801 года.

Въ царствованіе Александра I, когда въ 1806 году снова вспыхнула война противъ полумѣсяца, Христофоръ Марковичъ — въ то время генералъ - маіоръ — искалъ и добился назначенія въ дѣйствующую армію. Ему было уже 62 года, и нельзя не отдать должной дани уваженія старику, продолжавшему такъ упорно и твердо стремиться къ той - же завѣтной цѣли своей жизни и предпринимавшему ради нея столь нелегкій въ его годы трудъ Дунайскаго похода. Арміею командовали старые вожди Екатерининскаго времени: Михельсонъ, Князь Прозоровскій, потомъ краткое время блестящій сынъ стараго графа Каменскаго и наконецъ герой Измаила Кутузовъ; всѣ они охотно давали ходъ старому испытанному воину, участнику славной Турецкой войны 1787 - 1792 года. Но новая война затягивалась, велась, — вслѣдствіе высшихъ политическихъ соображеній, — силами недостаточными, да и эти силы отнимались мало-по-малу и посылались на Днѣстръ въ виду угрожающихъ вооруженій Тильзитскаго союзника... Нѣтъ, ясно было, что эта Турецкая война будетъ еще менѣе рѣшительною, нежели послѣдняя Екатерининская; что снова не въ этотъ разъ дойдутъ Русскія войска до Царьграда...

Насколько я помню, Христофоръ Марковичъ въ одномъ изъ сраженій именно этой войны получилъ то тяжелое пораненіе, отъ послѣдствій котораго онъ нѣсколько лѣтъ спустя скон-

чался. Въ то время однако онъ оправился настолько, что могъ оставаться при Арміи, не принимая непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, получивъ въ 1811 году командованіе Дунайскою Арміею, назначилъ Христофора Марковича, — какъ человѣка опытнаго и близко знакомаго съ условіями и обычаями Турецко-Греческаго востока, — вице - предсѣдателемъ Валашскаго Дивана (при Предсѣдателѣ номинальномъ), т. е. въ сущности Главнымъ Начальникомъ Гражданскаго Управленія въ занятой Русскими войсками Валахіи. Немаловажную должность эту Х. М. Комнено занималъ по 1812 г., когда, въ виду предстоящаго замиренія нашего съ Турціею и оставленія Княжествъ Русскою Арміею, Управленіе Княжествами должно было перейдти къ новымъ Господарямъ Валашскому и Молдавскому и къ ихъ «боярамъ», подъ верховнымъ контролемъ Блистательной Порты.

Надвигалась новая и, какъ всѣми чувствовалось, — рѣшительная борьба съ Наполеономъ; и дѣйствительно въ іюнѣ Великая Армія владыки запада вторглась въ предѣлы Россійской Имперіи. Тѣмъ временемъ значительная часть Дунайской Арміи, лишь только подписанъ былъ Ясскій миръ, двинулась, подъ начальствомъ испытаннаго боевого вождя Князя Багратіона, скорыми походами, съ Днѣстра на сѣверо-востокъ. Христофоръ Марковичъ Комнено получилъ дивизію въ этой Арміи и отъѣхалъ изъ Букурешта къ своей части. Однако имени его не встрѣчается на страницахъ Отечественной Войны: послѣдствія пораненія и присоединившаяся къ нимъ изнурительная и упорная дунайская лихорадка заставили стараго генерала, вѣроятно еще съ похода, сдать ввѣренное ему командованіе и вернуться къ своей семьѣ, закончивъ на этомъ свое не безславное военное поприще. Привезенный въ Петербургъ, Христофоръ Марковичъ почти не покидалъ уже одра болѣзни. Бабка моя, Софія Христофоровна Катакази, родившаяся въ 1808 году, разсказывала, что ея отецъ запечатлѣлся въ ея дѣтской памяти больнымъ, блѣднымъ, кутающимся въ мѣховой халатъ, дрожащимъ отъ лихорадки.

Мой прадѣдъ скончался, искренно оплакиваемый семьею, въ 1815 году и погребенъ въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ

Православномъ кладбищѣ. Надгробный камень его украшенъ гербомъ Комненовъ и слѣдующей надписью по-гречески и по-русски*): «Христофоръ Марковичъ Комненъ р. 1744 г. †13 іюля 1815 г. — Прямой и благочестивый мужъ; добрый отецъ, добрый супругъ; родился въ Греціи**) и во второмъ своемъ отечествѣ съ отличіемъ сражался какъ на морѣ такъ и на сухомъ пути».

Отмѣчу тутъ-же, что сходная участь постигла, — но только въ молодыхъ годахъ, — его единственнаго сына, — Димитрія Христофоровича Комнено. Офицеръ Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, онъ при штурмѣ Варны (1829 г.) получилъ тяжелую рану; оправился, продолжалъ службу; но года три спустя, посланный со служебнымъ порученіемъ на югъ, заболѣлъ и умеръ отъ вскрывшихся ранъ. Димитрій Христофоровичъ не былъ женатъ, и съ нимъ угасла во второмъ поколѣніи русская вѣтвь его знаменитаго рода, вѣтвь, чуждая прошлому Россіи, но отдавшая ей свою кровь безъ остатка.

Поясной портретъ моего прадѣда, находившійся, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, въ домѣ моей бабки Софіи Христофоровны Катакази и унаслѣдованный мною въ 1913 году отъ тетки моей Юліи Гавриловны Катакази, изображаетъ Христофора Марковича въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, Владиміромъ на шеѣ и Анненскою лентою и звѣздою. Портретъ, по установившемуся въ семьѣ Крупенскихъ мнѣнію, былъ будто бы написанъ ихъ бабкою, Екатериною Христофоровною, имѣвшею де недюжинное художественное дарованіе и учившеюся у извѣстнаго въ тѣ времена живописца Тончи, соревнователя Доу и личнаго пріятеля моего дѣда***). Но на

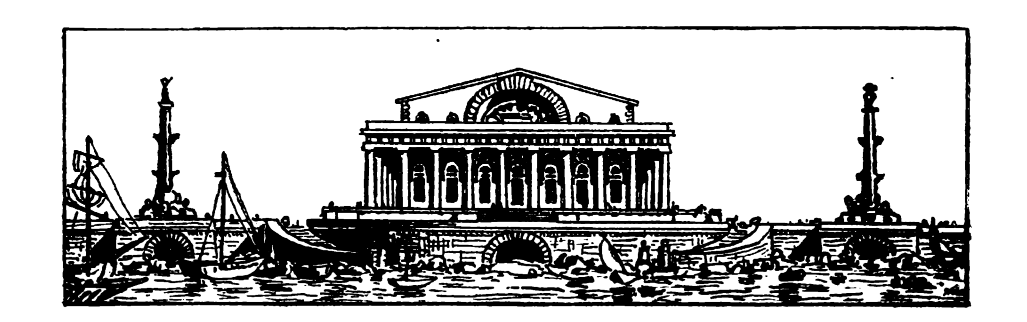
*) С.-Петербугскій Некрополь. Изданіе Вел. Князя Николая Михайловича.

**) «Греціей» называли тогда почти всѣ земли принадлежавшія въ Европѣ Султану.

***) Если обратиться къ любопытнымъ запискамъ Саблукова о смерти Павла I, то Тончи обрисованъ въ нихъ человѣкомъ недюжиннаго и высокаго нравственнаго склада и мистическаго направленія (не былъ-ли онъ розенкрейцеромъ?); а это въ свою очередь даетъ извѣстное, хотя и косвенное указаніе на подобное-же настроеніе его пріятеля — Христофора Марковича Комнено.

мой взглядъ, лицо протрета такъ хорошо написано, что его слѣдуетъ скорѣе приписать самому Тончи: между тѣмъ какъ мундиръ, шитье и ордена, старательно и хорошо выполненные, но съ ошибкою рисунка правой руки, указываютъ скорѣе на ученическую работу. Лицо характерное, не русскаго, но и не восточнаго, а, — сказалъ-бы я, — именно *иллирійскаго* типа, столь часто встрѣчающагося на венеціанскихъ портретахъ. Лицо скорѣе длинное и не полное. Не особенно высокій лобъ, скрытый отчасти подъ прическою « à la Titus » либо бѣлокуро-сѣдѣющихъ, либо слегка напудренныхъ не-густыхъ волосъ; сѣрые глаза глядятъ твердо, смѣло и очень гордо; большой промежутокъ между носомъ и ртомъ отнимаетъ у лица частичку умнаго выраженія, придаваемаго ему тонкимъ, нѣсколько длиннымъ и съ маленькою горбинкою носомъ. Ротъ изящно и довольно пріятно очерченъ; но нѣсколько выдающаяся нижня губа увеличиваетъ впечатлѣніе гордости и презрительнаго недовольства людьми и судьбою у оригинала изображенія. Въ общемъ портретъ подтверждаетъ то, что сохранилось въ семейныхъ преданіяхъ о характерѣ моего прадѣда Комнено: интеллигентность, твердость, прямоту, спокойное мужество и сильно развитое чувство собственнаго достоинства.

ГЛАВА II

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОМНЕНО. — Ея переписка съ дочерью: житье-бытье Марьи Александровны, ея свѣтскій и дружескій кругъ. — Смольный монастырь.

Біографія моей прабабушки Маріи Александровны Комнено раздѣляется на три рѣзко отграниченныя части. Первая, обнимающая ея дѣтство и юность, передана намъ урывками, изъ ея разсказовъ дочерямъ, въ разрозненныхъ и поверхностныхъ, но живыхъ и характерныхъ картинкахъ. Вторая часть, обнимающая ея замужнюю жизнь, отъ 1790 до 1815 года, погружена въ совершеннѣйшій сумракъ, — вродѣ исторіи мидянъ или перувіанскихъ инковъ*); можно подумать, что на судьбѣ ея за эти годы отлиняла таинственность жизни и личности ея супруга. И вдругъ, въ 1816 году, туманъ внезапно разсѣивается, и личность, и житье-бытье Марьи Александровны выступаютъ ярко, рельефно, словно освѣщенныя нарочно на нихъ направленнымъ снопомъ лучей.

Дѣло въ томъ, что въ семействѣ старшей дочери ея, Екатерины Христофоровны Крупенской, сохранились письма прабабушки къ зятю и къ своей любимой дочери за время отъ 1816

---

*) Въ лучшемъ учебникѣ Всеобщей Исторіи того времени, разсказывалъ намъ Отецъ, подъ заголовкомъ «Исторія Мидянъ» (крупнымъ шрифтомъ) стояло въ текстѣ: «Исторія мидянъ — темна и непонятна». И точка!

по 1826 годъ; и письма эти такъ живы, такъ подробны, такъ характерны, что передъ читателемъ ихъ выростаетъ совершенно живой обликъ въ типичной обстановкѣ того времени. И странное дѣло, при чтеніи этихъ пожелтѣвшихъ листковъ, мелко исписанныхъ французскою, довольно-таки шероховатою прозою въ перемежку съ характерною, смачною, екатерининскаго вѣка русскою рѣчью, — при чтеніи листковъ этихъ ни разу не приподымается завѣса надъ прошлою, замужнею жизнью прабабушки, почти ни разу не упоминается даже имя ея покойнаго супруга. Относительно сего послѣдняго мы узнаемъ изъ всей этой обширной переписки только двѣ подробности:

1) Въ небольшомъ письмецѣ къ Е. М. Крупенскому незамужней еще въ то время второй сестры Комнено, Анны Христофоровны, отъ 8-го мая 1816 года, значится:

« Demain, c'est-à-dire le 9, est un jour pour nous bien triste; c'est le jour de nom de papa et un an au juste de sa malheureuse chute ; le pont qui n'est pas mis encore, nous empêchera d'aller à Smolensk (*) faire notre devoir... ».

Изъ чего видно, что кончина Христофора Марковича была ускорена какимъ-то несчастнымъ паденіемъ, приключившимся мѣсяца за два до смерти и вызвавшимъ вѣроятно вскрытіе ранъ.

2) Мы узнаемъ косвеннымъ образомъ, изъ письма самой Маріи Александровны, что Христофоръ Марковичъ Комнено, кромѣ боевыхъ отличій выше мною отмѣченныхъ, имѣлъ еще и золотое оружіе за храбрость. Чрезвычайно характерное письмо прабабушки, изъ коего сіе явствуетъ, я привожу дальше.

Конечно, довольно естественно, что мать, въ письмахъ къ замужней дочери, не перебираетъ воспоминаній о порѣ жизни, проведенной ими обѣими рядомъ другъ съ другомъ; но всетаки видно, что прежніе годы, — кромѣ быть можетъ годовъ дѣтства, — и прежнія связи, хотя-бы даже и супружескія, мирно почивали на кладбищѣ памяти Марьи Александровны; а радости и

*) Т. е. Смоленское Кладбище въ С.-Петербургѣ.

печали ея принадлежали настоящей минутѣ, которая главнымъ образомъ и существовала для бодрой, энергичной «генеральши».

Переписка, о которой я говорю, начинается весною 1816 года, когда двѣ изъ сестеръ Комнено, Екатерина Крупенская и Елизавета Пещурова, были уже замужемъ. Письма прекращаются съ отъѣздомъ Марьи Александровны къ старшей дочери въ Кишиневъ и возобновляются съ возвращеніемъ ея въ Петербургъ весною 1818 года. Вернулась она туда одна, выдавъ дочь Анну въ Кишиневѣ за Петра Софіано, командовавшаго полкомъ гдѣ-то на югѣ; и обрѣла вновь въ Петербургѣ младшую свою дочь, маленькую Софію, оставленную въ Смольномъ.

Подробности эти необходимы для вящаго уразумѣнія тѣхъ выписокъ изъ переписки, которыми я позволю себѣ освѣтить дальнѣйшій разсказъ мой*).

Имущественное положеніе Марьи Александровны нельзя было назвать блестящимъ; по временамъ приходилось ей, съ понятною горечью, испытывать неосоотвѣтствіе своихъ денежныхъ средствъ со своимъ общественнымъ положеніемъ; и особенно чувствовала она это послѣ двухъ почти лѣтъ, проведенныхъ въ зажиточномъ домѣ своего зятя, жившаго и въ деревнѣ и въ Кишиневѣ на широкую помѣщичью ногу. Такъ, вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, она пишетъ своей дочери:

« ...Sophie ne vous a pas écrit puisqu'elle avait mal aux yeux. Elle est charmante cette petite. Je vais la voir tous les jours. Mais comme je n'ai ni chevaux, ni rien, alors il m'arrive assez souvent de revenir sur un извощикъ. Je vous avoue que toutes les fois que cela m'arrive, mon cœur se resserre à un tel point que... mais, ne parlons pas de ces misères ; c'est à moi seule

---

*) Переводъ на русскій языкъ французскихъ писемъ Маріи Александровны Комнено, равно какъ и другихъ лицъ, находится въ приложеніи къ настоящему тому «Старыхъ Портретовъ».

de souffrir ; pourquoi vous tourmenterais-je avec le récit de mon existence actuelle ?... »

Однако прабабушка недолго падала духомъ; къ осени хозяйство ея налаживается, и она снова бодра и весела и пишетъ своей дочери отъ 10 сентября:

...«Теперь стану Тебѣ, моему другу, подробно отвѣчать на всѣ Твои вопросы: 1) Что я дѣлаю — ничего. 2) Таскаютъ меня и утро и вечеръ, чему я очень рада, ибо дома когда сижу, то тоскую слишкомъ. Вчерась была въ другой разъ въ театрѣ, давали Весталку по русски.

3. ... « Mon ménage va très bien ; j'ai acheté mon bois à 10 roubles la sagène. Lorsque je dîne à la maison d'un bifsteck et de deux œufs, tout mon dîner ne revient qu'à 60 kopecks avec un pain de huit sous, et il m'en reste la moitié.

4. ... « J'ai acheté hier 2 chevaux avec les harnais pour 225 roubles ; et je vous prie de ne point rire quand je vous dirai qu'à ce prix j'ai deux chevaux энѣргіе. Je vous promets que j'aurai un petit équipage bien propre ! Яковъ, qui n'a rien à faire, fait mon laquais. Un superbe chapeau galonné et une chinèle toute neuve que je lui ai fait, le rendent tout à fait heureux. Je n'ai que lui avec sa femme, Сидоръ avec la sienne. Tout est tranquille autour de moi et tout va parfaitement en ordre ; j'ai aussi Mlle Дашка qui écrit tout le расходъ de la maison ; жалуемъ ее въ наши штатсъ-секретари. Иванъ est cocher, habillé aussi tout à neuf... Les chambres sont très chaudes et l'on trouve que je suis logé en petite maîtresse.

Моя горка во всемъ нарядѣ. Вотъ, мой другъ, на всѣ Твои пункты мой отвѣтъ; и я не только не удивляюсь Твоимъ вопросамъ, но чту ихъ должными, и не натурально-бы было, ежели моя Катенька оные не дѣлала»...

И вотъ, устроивъ свой домъ и обиходъ, Марія Александровна даетъ просторъ своему врожденному гостепріимству. Въ письмѣ ея отъ 14 октября 1818 года мы читаемъ, между про-

чимъ, слѣдующее: ...«Я долго крѣпилась, а ужъ обѣды начала давать, право. — Ты не повѣришь, а вотъ какъ: ко мнѣ часто въ бостонъ ѣздятъ играть въ вечеру; а одинъ разъ мои гости и пропозируютъ — начать отъ 11 ч. утра до 12 ночью. — Я имъ говорю: «Милости просимъ, только вино и кушанье свое приносите, ибо я живу на походной ногѣ и ничего у меня нѣту». —Итакъ они очень рады были что я имъ позволила, — пріѣхали каждый со своимъ блюдомъ и я тоже со своимъ, — и такъ пировали цѣлый день, а мнѣ ничего не стоило. Вотъ Тебѣ описаніе моихъ дебошей и моихъ обѣдовъ...

« Nous avons le plus beau temps du monde, le globe a tourné !... »

Однако по временамъ заботы снова начинаютъ туманить горизонтъ жизнерадостной генеральши, хотя и къ этимъ заботамъ она относится, въ концѣ концовъ, съ присущимъ ей юморомъ.

«Другъ мой сердечный, Каточикъ мой милый, — пишетъ она дочери въ Екатерининъ день 1818 года, — сей день я провела у своихъ друзей*). 24-ое ноября для меня очень горекъ былъ: первый разъ безъ Тебя мой другъ оный провела. Охъ, охъ... душевно Тебя поздравила и благословила, а друзья наши Твое здоровье пили, и мы однѣ только домашнія за столомъ сидѣли, потому Марья Савишна**) нездорова и всѣмъ отказывали и никого не пригласили; однако-жъ ей лучше, слава Богу. Сейчасъ меня Мари домой проводила, и я сѣла писать, чтобы съ Тобой, моей милой, хоть письменно поболтать. Въ подарокъ посылаю сѣдыхъ своихъ волосъ, пока Богъ дастъ способъ Тебѣ лучшій подарокъ сдѣлать. А теперь я точно крыса магазейская, и ей Богу никакъ и придумать не могу, какъ мнѣ жить: сколько не считаю, — все недостаетъ, а ничего такъ не боюсь, какъ долги дѣлать, — а не миновать этой бѣды...»***).

*) Кикиныхъ.

**) Перекусихина.

***) Выраженіе «крыса магазейская» представляетъ собою въ сущности не совсѣмъ удачный переводъ французскаго выраженія « pauvre comme un rat d'église » Настоящія магазейскія крысы, о продѣлкахъ коихъ она, по всѣму вѣроятію, наслышана была отъ своего мужа, стараго военнаго, были напротивъ того — и остались во всѣ времена — крысами упитанными и благоденствующими.

Погоревавъ о своей участи, прабабушка возвращается къ предметамъ менѣе ее волнующимъ: ...«Я здѣсь на моды раззорилась: дѣлаю два капота вдругъ*) изъ канифасу, что Ты мнѣ въ Отакѣ подарила на именины**). Право, что даже и стыдно: ни въ одномъ магазейнѣ еще не была, а все щеголяю въ своей кишиневской шляпкѣ, — и она вышла здѣсь модная, — ей Богу правда, — у всѣхъ такая, умора для меня. Да прощай-же, Каточикъ, поневолѣ перо остановилось, ибо бумага кончена. Суворова подарила серьги въ 250 Mlle Cardineau, — вотъ и всѣ новости. Аннушка и Сидоръ кланяются».

«Гнѣдопѣгія», купленныя, со сбруею за 225 рублей, оказались не совсѣмъ на высотѣ своего призванія катать ежедневно общительную генеральшу изъ края въ край тогдашняго Петербурга. Вотъ, что пишетъ Марья Александровна въ другомъ письмѣ отъ 24-го же ноября:

...«Я со своими лошадками ѣздила къ Новосильцевой***); она на Сѣнной живетъ; и такъ онѣ раскорячились, что я испугалась, что уже назадъ не повезутъ: однако-жъ Богъ помогъ. Доѣхала до Торсуковой****), а домой — ужъ меня Мари привезла. Смѣхъ и срамъ съ моими лошадьми, а все лучше имѣть ихъ нежели ничего: тащутъ да тащутъ каждый день, а овса только три гарнца (прабабушка пишетъ «гарца») даю: хочу довести и пріучить ихъ весьма умѣренно кушать, — а пусть пьютъ сколько пожелаютъ; да и то не черезъ мѣру, потому имъ-же опять достанется за водой часто ѣздить. Вотъ какъ, Катюша, экономіи въ Петербургѣ въ самой высокой степени научишься. Добро, смѣся дурочка, — ежели у Васъ лошадей много, то и Тебѣ совѣтую послѣдовать моему эксперименту, — конечно если супругъ согласится».

---

*) Т. е. два платья за разъ.

**) «Отаки» — имѣніе Кантакузиновъ насупротивъ Могилева на Днѣстрѣ, по дорогѣ въ большое имѣніе Крупенскихъ — Ламачинцы.

***) Рожденой Торсуковой.

****) Племянница Маріи Савишны Перекусихиной и мать М. А. Кикиной.

Впрочемъ не надо забывать, что при черезчуръ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Марья Александровна Комнено, подобно многимъ другимъ генеральскимъ вдовамъ, старымъ фрейлинамъ и инымъ знатнымъ, но небогатымъ «особамъ обоего пола ко Двору пріѣздъ имѣющимъ», находила прибѣжище въ Монаршихъ щедротахъ и въ Монаршей — не въ примѣръ прочимъ — милости. Солнце этихъ щедротъ и этихъ милостей грѣло ее особенно тепло и привѣтливо при жизни ея первой, могущественной и великодушной Покровительницы. Оно не охладѣло вполнѣ и впослѣдствіи. Конечно времена были уже не тѣ; размѣры пособій и даровъ значительно сократились; да и знаменитый «Греческій проэктъ», простершій свое сіяніе на брачныя узы Христофора Комнено съ княжною Маріею Мурузи, давно уже сданъ былъ въ архивъ отечественной исторіи, непробужденный вновь къ жизни даже и Тильзитскими переговорами. Тѣмъ не менѣе прекраснодушный Імераторъ Александръ I радъ былъ, въ предѣлахъ не преувеличенныхъ (ибо онъ крайне скупъ былъ на русскія казенныя деньги), оказывать помощь «бѣдной Машенькѣ», которую онъ столь издавна зналъ. Вдовство-же Маріи Александровны подогрѣло благоволеніе къ ней и къ ея «сиротамъ» классической Августѣйшей Вдовы — Императрицы Маріи Θеодоровны. Прабабушка получала, повидимому, увеличенную пенсію; младшая ея дочь была принята въ Смольный пенсіонеркою Императрицы Елизаветы Алексѣевны*). Въ 1822 году Маріи Александровнѣ было даже всемилостивѣйше предоставлено помѣщеніе въ Зимнемъ Дворцѣ, отъ котораго она однако отказалась, ибо высота этого помѣщенія — болѣе ста ступеней — оказывалась черезчуръ тяжелой для некрѣпкихъ ногъ общительной и столь любившей выѣзды и пріемы у себя генеральши**). Да и помимо этихъ

---

*) Вѣроятно стараніями Роксандры Скарлатовны Стурдза, ближней фрейлины Ея Величества и доброй родственницы и пріятельницы моей прабабушки.

**) Въ перепискѣ княженъ Туркестановыхъ съ Фердинандомъ Кристиномъ княжны неоднократно жалуются на 114 ступеней ведущихъ къ ихъ квартирѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Послѣдняя стала свободною послѣ трагической смерти княжны Варвары Ильинишны — фрейлины Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Несчастная, какъ извѣстно, отравилась, почувствовавъ себя беременною.

Ч

общепринятыхъ милостей, Марія Александровна въ исключительныхъ случаяхъ рѣшалась прибѣгать лично къ Государю Императору съ просьбами чисто частнаго свойства. По этому поводу бабушка моя живо помнила и разсказывала намъ такую напримѣръ картинку:

Сидитъ въ сумерки у себя въ гостиной Марія Александровна со своею дочерью; появляется пожилой и довѣренный слуга дома, — уже знакомый намъ Сидоръ, — и останавливается въ нѣкоторой нерѣшительности у притолки... — Ну что тебѣ Сидоръ? Говори. Что ты стоишь и молчишь?» — «Осмѣлюсь доложить Вашему Сіятельству, что правое колесо у кареты (дѣло шло о пресловутой «приданой» каретѣ Маріи Александровны) совсѣмъ почитай что развалилось; нужно опять въ починку отдавать...» — «Ну, такъ вели Ивану завтра же везти къ каретнику...» — «Ваше Сіятельство... Вы ужъ меня ради Бога простите, а только я осмѣлюсь доложить, что и чинить то не стоитъ. Вся-то карета ломана - чинена, да снова ломана... Опять-таки и лошади: правая совсѣмъ охромѣла, а лѣвая вторую недѣлю какъ овца кашляетъ. Скоро не на чемъ будетъ Вашему Сіятельству и выѣзжать... Вы меня простите ради Бога...» — «Ну, хорошо, хорошо, Сидоръ, ступай»... — Марья Александровна посидѣла нѣсколько минутъ въ раздумьи; потомъ рѣшительнымъ жестомъ взялась за бронзовый колокольчикъ и дважды позвонила... «Аннушка, принеси свѣчей». Когда Аннушка принесла пару шандаловъ съ сальными свѣчами, — восковыя-то были дороги, — прабабушка сѣла за свой письменный столъ и, выбравъ гусиное перо получше, окунула его въ свою чернильницу ампиръ, — подарокъ Роксандры Скарлацовны Струдза, — представлявшую, на подстаментѣ vert antique, бронзовую фигуру неутѣшной вдовы Мавзола — царицы Артемизы. (Въ тѣ времена люди съ воспитаніемъ и вкусомъ тщательно приноравливали выборъ подарка къ положенію и настроенію одаряемаго лица). Вскорѣ изъ подъ пера Маріи Александровны вылилось довольно длинное посланіе, перечитывая которое она чуточку прослезилась и, *не* присыпавъ страницъ золотистымъ пескомъ (значитъ письмо посылалось лицу высокопоставленному), вложила его въ самодѣльный «пакетъ»

изъ толстой сѣро-синей бумаги, каковой надписала и припечатала вдовьей печатью своею съ двумя княжескими гербами; затѣмъ, черкнувъ небольшую записку и вложивъ заготовленный ранѣе пакетъ въ обложку побольше и, снова надписавъ и припечатавъ, позвонила. «Вотъ, Сидоръ, пакетъ. Одѣнь новую ливрею и отнеси во Дворецъ, на Собственный подъѣздъ, и сдай старшему швейцару, и скажи чтобы доставилъ немедля дежурному флигель-адъютанту... Да смотри, осторожнѣе: внутри-то пакетъ на Высочайшее Имя...» — «Слушаю, Ваше Сіятельство; не извольте безпокоиться. Мнѣ не въ первой...»

Черезъ нѣсколько дней изъ конюшеннаго вѣдомства присланы были Марьѣ Алекснадровнѣ, по высочайшему повелѣнію, въ даръ, подержанная, но недурная и удобная карета и пара пожилыхъ, но добрыхъ еще коней.

Въ 1818 году усилія ея друзей и родственниковъ: престарѣлаго Вязмитинова, Кикина, Стурдзъ, Ипсиланти и графа Каподистріи, — увѣнчиваются успѣхомъ. Государь, въ числѣ другихъ щедротъ,изліянныхъ по случаю отпразднованнаго пребываніемъ Двора въ возрожденной изъ пепла Москвѣ и по случаю рожденія въ первопрестольной столицѣ Великаго Князя Александра Николаевича — будущаго наслѣдника престола, — пожаловалъ и Маріи Александровнѣ Комнено три тысячи десятинъ земли въ любой изъ одиннадцати южныхъ губерній, въ коихъ находились свободныя земли предназначенныя для раздачи.

« On m'a déconseillé de demander en Bessarabie, пишетъ Прабабушка, car il y a déjà deux cent mille dessiatines de promises et à quand, Dieu sait ! et puis les terres seront excessivement bon marché chez vous, puisque tout le monde vendra en même temps. A présent il faudra choisir entre onze gouvernements ! Dieu m'aidera encore... ».

Годъ съ чѣмъ-то спустя Марья Александровна, которая, — какъ и большинство получавшихъ земли, — думала только

о томъ, какъ бы обратить всемилостивѣйшее пожалованіе въ чистыя деньги, устраиваетъ свое дѣло удачно и быстро.

« Avec l'aide de Dieu, пишетъ она, j'ai vendu mes dessiatines, et tout le monde s'étonne à présent comment j'ai réussi à m'en défaire, quoique véritablement c'est un Labyrinthe que les terres à présent. Mais moi, j'ai mieux fait : j'ai vendu ma prétention pour 27.000 roubles et j'ai laissé l'intérêt de l'année ; ainsi l'année prochaine, j'aurai 3.000 roubles de plus ; pour le moment je n'ai qu'une lettre de change de 30.000 roubles ; l'homme est sûr et je suis tranquille... ».

Покупщикъ, нѣкій князь Голицынъ, харьковскій помѣщикъ, дѣйствительно уплатилъ ей сполна 30.000 рублей.

Не станемъ слишкомъ упрекать Марью Алекаснդровну въ легкомысліи, высчитывая, что 3.000 десятинъ земли въ Харьковской губерніи стоили-бы, пятьюдесятью годами позже, около трехсотъ тысячъ рублей, да къ тому-же и рублей въ два съ половиною раза болѣе цѣнныхъ, нежели ассигнаціи 1820 года. Въ тѣ времена ненаселенныя земли — а души не раздавались болѣе со вступленіемъ на Престолъ Александра I, — не давали и не могли давать почти никакого дохода. Этими пустопорожними землями интересовались лишь окрестные помѣщики да, въ рѣдкихъ случаяхъ, иностранные колонисты, начавшіе въ то время селиться на югѣ, но снабженные и безъ того отъ казны достаточнымъ количествомъ степной цѣлины и всякихъ угодій.

Теперь милѣйшая Марья Александровна, нѣсколько успокоенная насчетъ денежныхъ своихъ обстоятельствъ, могла съ болѣе легкимъ сердцемъ предаваться своимъ свѣтскимъ и дружескимъ сношеніямъ. «Гнѣдопѣгія», а съ ними вмѣстѣ и Иванъ-кучеръ, и Яковъ въ своей шинели и шляпѣ съ нѣсколько поблекшимъ галуномъ, проходили сугубый искусъ ѣзды съ Подъяческой и съ Сѣнной на Аглицкую набережную и отъ новаго прекраснаго Томоновскаго зданія биржи, тогдашняго ранде - ву свѣтскаго общества столицы, — гдѣ друзья угощали прабабушку устрицами, до которыхъ она была очень ла-

кома, — въ Смольный монастырь, куда часто ѣздила она навѣщать свою маленькую дочку Софи, которую очень полюбила и расхваливала въ письмахъ къ старшей дочери за миловидность, учтивость, прилежаніе и музыкальный талантъ.

Свѣтскія и дружескія связи Марьи Александровны Комено дѣлились на двѣ главныя категоріи: къ первой принадлежали тѣ лица петербургскаго общества, съ которыми связывали ее старинныя воспоминанія и сношенія временъ ея юности и жизни при Екатерининскомъ Дворѣ; другую часть представляли ея фанаріотскіе родственники и пріятели, появившіеся въ Россіи и въ петербургскомъ свѣтѣ приблизительно съ 1800 года и съ коими она сразу и крѣпко сдружилась.

Въ первой, русской половинѣ — самымъ близкимъ, можно сказать родственнымъ ей домомъ былъ домъ престарѣлой Марьи Савишны Перекусихиной, жившей съ вдовою племянницею своею Троскуровою, съ дочерью сей послѣдней Маріей Ардаліоновной и съ мужемъ этой дочери Статсъ-Секретаремъ у принятія прошеній Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ. Марья Александровна Комнено относится къ своей бывшей воспитательницѣ и, — какъ тогда говорилось, — «благодѣтельницѣ», — съ весьма искреннимъ чувствомъ, ходитъ за нею во время ея частыхъ старческихъ болѣзней и присутствуетъ при ея смертномъ одрѣ (въ 1824 году). Кикины принимаютъ въ свою очередь горячее участіе во всѣхъ радостяхъ и заботахъ генеральши, любятъ и ее и ея дѣтей, и Марья Александровна чувствуетъ себя у нихъ, какъ у добрыхъ и близкихъ родственниковъ.

Но прежде чѣмъ входить въ подробности этихъ дружескихъ отношеній, позволимъ себѣ возстановить характерный обликъ

Перекусихинско - Кикинской семьи по воспоминаніямъ другого частаго посѣтителя ея.

Почтенный старый москвичъ, Дмитрій Николавичъ Свербеевъ*), состоявшій по матери своей (рожденой Обресковой) въ родствѣ съ П. А. Кикинымъ, началъ службу свою въ его канцеляріи, почти ежендевно посѣщалъ домъ Кикиныхъ; и вотъ какъ описываетъ онъ этотъ домъ и его обитателей въ своихъ запискахъ.

«... Съ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ и его женою Маріей Ардаліоновной жили въ одномъ домѣ, — вѣрнѣе сказать самъ онъ и его жена жили въ домѣ очень старой дѣвицы Марьи Савишны Перекусихиной, которая была родная тетка вдовы Катерины Васильевны Торсуковой, урожденной Перекусихиной, матери Кикиной, и жила съ теткой, дочерью и своимъ зятемъ. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1818 году, Марьѣ Савишнѣ было уже подъ 80 лѣтъ; десятки годовъ провела она въ званіи камеръ-фрау при Екатеринѣ II-ой и, какъ извѣстно, пользовалась особымъ милостивымъ расположеніемъ Императрицы. Сказываютъ, что Марья Савишна, будучи ея другомъ и не выставляясь никогда впередъ и на видъ всего Двора, жила вблизи отъ внутреннихъ покоевъ Государыни скромно, въ небольшомъ отведенномъ ей помѣщеніи. Сказываютъ также, что она была постоянной посредницей съ ея фаворитами и что она никогда не имѣла никакого значительнаго вліянія ни на первую, ни на послѣднихъ; что она всѣми вообще всегда была любима и уважаема, держала себя въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ и никогда ни въ какихъ случаяхъ не выставлялась впередъ. Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Екатерину, она одна умѣла не вооружить противъ себя Императора Павла, который, не любя мать, ненавидѣлъ почти всѣхъ къ ней близкихъ. По восшествіи своемъ на престолъ, онъ тотъ-часъ-же отличилъ ее своимъ благоволеніемъ и вскорѣ пожаловалъ ей лично 5.000 десятинъ земли въ Рязанской губерніи изъ казенныхъ дачъ, близкихъ къ имѣнію ея племянницы Торсуковой. Старушка Перекусихина замѣчательна была во многомъ, можно сказать во всѣхъ отно-

*) Родился въ 1799 году.

шеніяхъ. Она не знала ни одного иностраннаго языка, и вѣроятно именно потому Государыня, желавшая выучиться совершенно по-русски (чего она почти и достигла), ее къ себѣ приблизила. Я впрочемъ засталъ еще двухъ дамъ, бывшихъ при Екатеринѣ ея комнатными камеръ-фрау или камеръ-медхенами, которыя также кромѣ русскаго языка никакого не знали. Происходила Марія Савишна изъ дворянскаго небогатаго дома Перекусихиныхъ Рязанской губерніи; братъ ея былъ при Екатеринѣ сенаторомъ.

«Какъ теперь гляжу я на эту милую старушку, скромно но всегда опрятно одѣтую, низенькую ростомъ, худенькую, въ бѣломъ какъ снѣгъ накрахмаленномъ чепчикѣ, изъ подъ котораго виднѣлись слегка напудренные волосы, сидящую за своимъ столомъ съ книжкою или за грандъ-пасьянсомъ и ежедневно до обѣда или раннимъ утромъ радушно принимавшую въ своей гостинной, возлѣ самой прихожей, обычныхъ посѣтителей различныхъ лѣтъ и различнаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Пріемъ у нея былъ не по чинамъ; знатныхъ и незнатныхъ встрѣчала она одинаково, меня-же съ перваго моего появленія въ ея небольшомъ, незатѣйливомъ домѣ всегда принимала съ особеннымъ добродушіемъ, вспоминая дружбу свою къ моему оттцу, когда онъ былъ при Потемкинѣ...

«У нея (еще въ бытность ея во дворцѣ) часто живала и внучатая ея племянница Торсукова (впослѣдствіи Кикина), которой, какъ видно, она уже съ малыхъ лѣтъ внушала не добиваться придворныхъ отличій. Марія Ардаліоновна, дочь екатерининскаго оберъ - гофмейстера и богатая наслѣдница его имѣній, не имѣла фрейлинскаго шифра и отказала его для своей дочери, которая украсилась имъ уже послѣ смерти родителей, выходя замужъ за князя Волконскаго.

«Въ гостиной, спальней и кабинетѣ подруги Екатерины все наполнено было воспоминаніями объ обожаемой ею Государынѣ. Пртретовъ было нѣсколько, мебели, ей пирнадлежавшей и ею ежедневно употребляемой — также, равно какъ и незатѣйливыхъ фарфоровыхъ чашекъ и другихъ мелочныхъ украшеній. Между этими вещами не было ничего драгоцѣннаго, но все было дорого памяти сердца облагодѣтельствованной ею подруги.

«Мать Кикиной, родная племянница Перекусихиной, вдова Екатерина Васильевна Торсукова не походила на свою типичную тетушку и была-бы, даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, совершенно другого пошиба, если - бы Марья Савишна не сдерживала ее постоянно своею житейскою мудростью. Въ ней прорывалась часто выходки ея собственнаго характера, замѣчательно легкомысленнаго. Она вѣроятно, до встрѣчи моей съ нею въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, кое-когда кокетничала, любила посплетничать, увлекалась обольщеніями двора и знатности, и уже конечно не мать отказывала въ шифрѣ своей дочери. Все что было въ ней, въ этой полу-старухѣ нравственнаго, умѣреннаго, серіознаго, все это держалось въ ней по чувству преданности къ своей благочестивой, благородной теткѣ; зато дочь ея, Марія Ардаліоновна, усвоила себѣ всѣ прекрасныя качества бабушки. Лучшей чертой ея характера, при теперешнемъ моемъ о ней воспоминаніи, представляется мнѣ благородная независимость отъ мишурныхъ увлеченій двора и великосвѣтскаго общества, которая проявлялась даже въ своеобразномъ ея туалетѣ, никогда не подчинявшемся модѣ, но всегда приличномъ и даже изящномъ.

«Въ скромной гостинной Марьи Савишны, общей съ ея сожителями, рѣдко являлись значительныя и вліятельныя лица этого времени; она, какъ и всѣхъ, принимала-бы ихъ охотно, но Кикинъ былъ со всею знатью въ разладѣ, никогда съ ними не водился и только по настоянію своихъ домашнихъ дамъ отплачивалъ имъ визиты. Изъ всѣхъ вліятельныхъ и крупныхъ стариковъ того времени, по временамъ показывались тамъ трое: предсѣдатель Комиссіи прошеній и членъ Государственнаго Совѣта замѣчательно остроумный князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ - Ростовскій; тоже членъ Совѣта графъ Николай Николаевичъ Головинъ, которому всѣ, какъ-бы въ какой вѣрный банкъ, ввѣряли свои большіе и малые капиталы и коего совершенное банкротство, оказавшееся послѣ его смерти, разорило многихъ; наконецъ чаще всѣхъ изъ великихъ людей бывалъ тамъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, родоначальникъ славянофиловъ и впослѣдствіи министръ Народнаго Просвѣщенія...

«У Кикиныхъ не было обыкновенія представлять молодыхъ людей даже и короткимъ своимъ знакомымъ. Говоря вообще, всякаго рода юноши, либо родственники, либо являвшіеся въ этотъ домъ по связямъ съ провинціальными родичами, были дѣйствующими лицами безъ рѣчей; и только тѣ, которые были, какъ я, посмѣлѣе съ дамами и барышнями, поступали въ « animali parlanti ». Всѣмъ имъ было томительно скучно и чрезвычайно неловко; военные всегда были въ строгой формѣ, застегнутой на всѣ крючки, а часто и руки по швамъ, отвѣчая старшему по чину; nous autres péquins, т. е. статскіе, — всегда въ благоустроенномъ туалетѣ, во фракахъ, въ панталонахъ подъ высокіе сапоги съ кисточками, т. е. гусарскіе, или, какъ называли по французски « à la Souvaroff». Фраки носили коричневые и синіе со свѣтлыми пуговицами; панталоны и жилеты свѣтлыхъ цвѣтовъ, а франты, — какимъ иногда осмѣливался показаться и я, — позволяли себѣ сапоги съ желтыми отворотами. Этикетная Марья Савишна сначала на такіе сапоги косилась, но потомъ привыкла. Она, пріученная, привыкшая къ фижмамъ и къ робронамъ, къ высокимъ головнымъ уборамъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ, къ французскимъ кафтанамъ и разнымъ мундирамъ совсѣмъ другой формы, а всего болѣе къ пудрѣ у мужчинъ и женщинъ, въ послѣдніе годы жизни, т. е. въ началѣ 20-хъ годовъ, часто повторяла: «Всѣ вы, какъ посмотрю я на васъ, какіе-то общипанные, какъ будто сейчасъ вышли изъ бани». Однажды, опоздавъ нѣсколько къ обѣду (по тогдашнему обычаю приходили за полчаса и ранѣе), вошелъ я въ гостинную, широкія двери коей были какъ разъ противъ небольшого у противуположной стѣны столика, за которымъ съ двумя-тремя дамами сидѣла въ своихъ креслахъ всегда тщательно разодѣтая Марья Савишна. Взглянувъ на меня ласково, когда я ей почтительно поклонился, она вдругъ строго и очень громко спросила: — «Что Ты батюшка? что съ Тобою?» — Я подумалъ, что это былъ упрекъ за то, что явился поздно къ обѣду и сталъ извиняться. — «Не то, совсѣмъ не то... а Ты посмотри на себя, каковъ Ты самъ». Я осмотрѣлся и угадалъ сейчасъ-же, что ей коробятъ глаза мои лѣтніе сверхъ сапогъ, бѣлые какъ снѣгъ панталоны, которые болѣе уже мѣсяца

принято было носить въ первыхъ петербургскихъ домахъ, — «Ну, голубчикъ, что-же Ты молчишь?». Я началъ-было робко объяснять исторію нововведнія бѣлыхъ панталонъ, она не дала мнѣ договорить. «Не у меня только, не у меня... Ко мнѣ, слава Богу, никто еще въ порткахъ не входитъ. Отправляйся домой, переодѣнься и непремѣнно пріѣзжай къ обѣду; я буду ждать». Нечего было дѣлать, уѣзжать — не хотѣлось, а возвращаться еще меньше, однако я къ обѣду пріѣхалъ. Она похвалила за послушаніе, племянница и внучка извинялись за строгости старушки, хозяинъ и прочіе гости надо мною посмѣивались. — Марья Савишна сама всѣмъ разсказывала, какъ будто бы для общаго урока, что она со мною продѣлала.

«Остается мнѣ припомнить въ числѣ дамъ, коротко знакомыхъ въ этомъ домѣ, Марью Александровну Комненъ, гречанку по себѣ и по мужу, вдову генерала этого имени, кажется убитаго на войнѣ. Ко мнѣ больше всѣхъ другихъ барынь была она ласкова и все добродушно говорила мнѣ о своихъ двухъ красавицахъ дочеряхъ, изъ коихъ одна была чудная пѣвица, а обѣ воспитывались въ Смольномъ монастырѣ. Лѣтъ черезъ триддать одну изъ нихъ встрѣтилъ я вдовою сенатора Пещурова въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ она жила у дочери своей Трубецкой, жены теперешняго воронежскаго губернатора. Другая сестра Пещуровой была за первымъ нашимъ посланникомъ въ Греціи, Катакази. Моя милая старушка Комненъ, ихъ мать, знала о томъ, что мужъ ея былъ однимъ изъ потомковъ греческаго императора, но не слишкомъ этимъ важничала; а Кикинскія дамы, видя кое когда нашу съ ней дружбу, подсказывали мнѣ, что не мѣшало-бы мнѣ со временемъ посвататься за одну изъ ея дочерей, и предлагали, чтобы ихъ узрѣть въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, съѣздить для смотринъ съ ними на одинъ изъ публичныхъ баловъ этого воспитательнаго заведенія. Я обѣщалъ, собирался и конечно не собрался».

Но вернемся къ оставленной нами на время перепискѣ моей прабабушки, которая чуть-ли не въ каждомъ письмѣ своемъ къ дочери упоминаетъ о семьѣ Кикиныхъ.

Тотчасъ-же по возвращеніи своемъ изъ Кишинева въ Петербургъ она ѣдетъ къ своимъ друзьямъ и пишетъ затѣмъ своей дочери:

« ...J'étais voir la bonne famille Kikine à la campagne. Leur joie et leur contentement étaient bien sincères ; ils m'ont touchée jusqu'à l'âme. Marie s'est beaucoup intéressée à vous et son mari au vôtre. Ecrivez ma bonne amie à Macha, elle vous aime bien sincèrement. Sa petite *) est un ange de beauté, d'esprit et d'obéissance. Elle n'est pas le moins du monde sauvage, — c'est comme une grande personne qui vous a connu depuis longtemps; Marie et son mari ont joliment engraissés. La bonne Марья Савишна a maigri ! — par conséquent assez faible ; mais c'est Catherine **) qui a vieillie !... »

17-го декабря того-же 1818 года Прабабушка, между прочимъ, пишетъ дочери:

« ...Ah ! si vous saviez, ma bonne amie, quelle journée agréable j'ai passée aujourd'hui ! J'en reviens à l'instant avec Marie et pendant tout le chemin elle n'a fait que me parler de châteaux en Espagne. Voici de quoi il s'agit : elle veut aller en été avec son mari à son village en Pologne ***). Je sais que ce ne peut être que 500 verstes de Kichineff, alors je veux aller avec eux et de là je volerais chez vous si ce n'est que pour une semaine ; n'est-ce pas, душенька, que j'ai plus d'esprit que de force ? Dieu m'en donnera, puisque c'est une folie que je ferai pour voir mes enfants...

Ахъ, ежели-бы это сбылось... и безъ дѣвки, при двухъ рубахахъ, да два капота-бы взяла — и катай... То-то бы Тебѣ, глупенькой, была-бы радость...

---

*) Марья Петровна, впослѣдствіи за свѣтлѣйшимъ княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Волконскимъ.

**) Екатерина Васильевна Торсукова.

***) Рѣчь идетъ объ имѣніи Кикиныхъ, пожалованномъ Екатериною Великою, въ Юго-Западномъ краѣ.

Mais en attendant espérons toujours, ma bonne amie, et si cela ne mène à rien, cela nous fera au moins agréablement passer le temps.

Et puis Marie dit : «А Катенька вѣрно захочетъ Тебя проводить до деревни, итакъ мы ее увидимъ. Какъ весело намъ будетъ».

Предполагавшаяся поѣздка на лѣто къ Кикинымъ однако не состоялась. Лѣтомъ въ 1819 году прабабушка должна была заняться, какъ мы видѣли, реализаціей пожалованныхъ ей «десятинъ»; да и Кикины не собрались въ « leur village en Pologne » : тогда столь далекое путешествіе было не шуткою для людей, не одушевленныхъ бодростью и предпріимчивостью милѣйшей генеральши.

Другими близкими и старыми пріятелями и доброхотами Марьи Александровны Комнено были супруги Вязмитиновы: Сергѣй Кузмичъ, — въ то время престарѣлый Министръ Полиціи, — и супруга его Александра Николаевна, рожденая Энгельгардтъ, — троюродная сестра знаменитыхъ племянницъ Потемкина.

Помните въ «Войнѣ и Мирѣ» разсказъ князя Василія о томъ, какъ старый Вязьмитиновъ, — въ 1906 году занимавшій постъ Санктъ-Петербургскаго Генералъ-Губернатора, — читаетъ въ Государственномъ Совѣтѣ царскій рескриптъ и никакъ не можетъ прочесть изъ-за охватившаго его умиленія чувствъ. «Сергѣй Кузьмичъ,... со всѣхъ сторонъ... со всѣхъ сторонъ... Сергѣй Кузьмичъ... — слезы; со всѣхъ сторонъ... — всхлипыванія. Сергѣй Кузьмичъ... — и опять платокъ и слезы; и опять: — Сергѣй Кузьмичъ, со всѣхъ сторонъ... — и рыданія... Такъ что ужъ попросили прочесть другого».

Вязмитиновъ въ тѣ времена не былъ еще старъ; ему не было и 60 лѣтъ; но очевидно онъ уже и тогда подверженъ былъ старческой слабости легко проливать слезы.

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двѣнадцать и Вязмитиновъ, снова облеченный въ одну изъ отвѣтственнѣйшихъ должностей Имперіи, представлялъ собою, въ 70 съ небольшимъ лѣтъ, обликъ заправскаго старца, еще болѣе прежняго чувствительнаго и подверженнаго слезамъ. То было время, когда Императоръ Александръ I, измѣнившись глубоко самъ и извѣрившись въ друзьяхъ своей юности, счелъ за благо облечь своимъ довѣріемъ и вернуть къ дѣятельности такихъ испытанныхъ, но древнихъ слугъ, какъ Вальтасаръ Вальтасаровичъ фонъ-Кампенгаузенъ, Вязьмитиновъ, князь Лобановъ, Шишковъ...

Сергѣй Кузмичъ былъ нѣкогда, какъ явствуетъ изъ переписки прабабушки, начальникомъ, или во всякомъ случаѣ доброхотомъ Христофора Марковича Комнено. Оба супруга встрѣчаютъ Марью Александровну крайне радушно послѣ двухлѣтняго отсутствія ея изъ Петербурга. Вотъ что пишетъ она про нихъ своей дочери 8-го іюля 1818 года:

« ...Mme Wiazmitinoff est d'une tendresse extrême pour moi. Son pauvre mari, en m'embrassant, avait les larmes aux yeux de contentement. Toutes les fois qu'il allait au Couvent *) il demandait à voir Sophie ; le pauvre a furieusement vieilli et est devenu maladif ; je crains beaucoup pour ce brave, honnête homme... Ellemême est engraissée, rajeunie et prospère ! Софья Петровна**) et sa fille ont beaucoup pleuré en me voyant et m'ont fait mille questions sur votre compte.»

Марья Александровна разсказываетъ въ слѣдующемъ письмѣ своемъ отъ 10-го сентября, что за большимъ обѣдомъ у Вязмитиновыхъ Сергѣй Кузмичъ пилъ здоровье отсутствующихъ дочери и зятя своей гостьи, и что этимъ онъ хотѣлъ оказать ей — и оказалъ — большую честь...

« ...Je vous en prie, внушаетъ Марья Александровна до-

*) Т. е. Смольный Монастырь.

**) Очевидно родственницы Вязмитинова, но фамиліи я не могъ найти.

чери, la première fois que vous m'écrirez, écrivez en bas que je puisse le montrer à M. Wiazmitinoff : « мое нижайшее почтеніе Папинькиному и нашему благодѣтелю Сергѣю Кузьмичу, мое искреннѣйшее высокопочитаніе, ручку у него цѣлую что насъ вспомнилъ. Александрѣ Николаевнѣ présentez aussi mon très humble respect, et je me rappellerai toute ma vie des bontés qu'elle a eu pour nous. Соню милую и любимую Сашу въ душѣ цѣлую; пожалуйста, Маменька, покрѣпче за меня ихъ поцѣлуйте»... A la lettre... copiez cela, car peut-être cela sera nécessaire ! »

С. К. Вязьмитиновъ былъ пожалованъ въ томъ-же году въ графы, а въ слѣдующемъ — уже скончался.

« Très chère Cato, пишетъ Марья Александровна отъ 20-го Октября 1819 года, c'est malheureusement de la maison de notre cher et respectable Comte Wiazmitinoff, que je vous écris ; malheureusement, oui, — très chère Cato, — cet homme qui a vécu si bien, n'existe plus ! Il a fini ses jours le 15 octobre à 9 heures du matin par un coup d'apoplexie, hier on l'a déja enterré, et moi, je reste jour et nuit près de sa malhaureuse veuve. La cérémonie a été magnifique ; elle n'a rien regretté pour lui rendre les derniers devoirs ; cela coûtera plus de 25.000 roubles. Elle a agi très noblement ; aussi comment pouvait-elle se conduire autrement lorsque lui, depuis cinq ans, avait pensé à la moindre particularité ! Il a laissé un testament dans toutes les règles et pouvoirs usités dans les cas pareils ; il l'a laissé maîtresse absolue de tout ce qu'il possédait. Quatre jours avant il a encore bu à votre santé à table, et tout cela pour me faire plaisir ! Enfin j'ai perdu un vrai ami en lui ; mais puisque c'est la volonté de Dieu, je m'en console... ».

Еще одною большою пріятельницею и доброхоткою Марьи Александровны была графиня Анна Владиміровна Бобринская, рожденая Унгернъ-Штернбергъ, вдова перваго графа Бобринскаго. Прабабушка иначе не называетъ ее какъ «доброю» или «добрѣйшею»; и дѣйствительно память, оставленная графинею въ семьѣ и у современниковъ, была памятью глубоко-доброй, благодушной и добродѣтельной женщины. Прабабушка въ своей перепискѣ часто упоминаетъ графиню Бобринскую и ея гостепріимный домъ. 22-го іюля 1820 года она посвящаетъ почти цѣлое письмо описанію одного изъ блестящихъ пріемовъ графини. Привожу это письмо въ русскомъ переводѣ:

«Вотъ какъ болтаю я съ моей дорогой Като, такъ разскажу ей свои подвиги, свои побѣды и свои грандеры. Надо тебѣ сказать мой дружокъ, что графиня Бобринская устроила 19 праздникъ для Императрицы Маріи въ Павловскѣ, гдѣ она проводитъ лѣто. Было всего только 50 человѣкъ, — общество Императрицы, проводящее лѣто въ Павловскѣ; изъ Петербурга не было никого, кромѣ меня и графини Кутайсовой съ дочерью, но онѣ были актрисами. Насупротивъ дома былъ большой хорошо украшеный шатеръ и весь садъ отлично освѣщенъ фонариками всѣхъ цвѣтовъ, а въ четверти версты находился домъ, гдѣ былъ театръ. Рядомъ съ шатромъ былъ еще Salon de Verdure, гдѣ ужинали.

Императрица ужинала въ домѣ, гдѣ столъ былъ только на 12 кувертовъ: Императрица, по одну сторону отъ нея В. К. Михаилъ, по другую — Графиня Бобринская, затѣмъ Ливенша, Нелидова и Фрейлины. Въ 8 часовъ Ея Величество прибыла прямо въ театръ; всѣ были уже тамъ и ждали ее.

Оркестръ былъ изъ лучшихъ музыкантовъ. Сыграли двѣ пьесы. Первая была «La Cloison». Молодая Кутайсова играла прекрасно. Б. и нѣкто молодой Ласунскій были актерами. Затѣмъ занавѣсъ былъ опущенъ, а когда онъ поднялся, графиня Кутайсова-мать спѣла большую итальянскую арію г-жи Каталани и спѣла въ совершенствѣ; она — настоящая пѣвица. Императрица просила ее спѣть еще разъ. Затѣмъ сыграли еще

пьесу: «Un jour de mariage», — и тамъ было еще два актера: Mlle Ушакова, фрейлина Великой Княгини, и князь Александръ Горчаковъ*). Когда спектакль кончился, Императрица перешла въ большой шатеръ и всѣ за ней послѣдовали. Но когда она вошла, въ шатрѣ были только графиня Бобринская и Mlle Крузъ**). Она сдѣлала мнѣ честь ко мнѣ приблизиться и сказала: «Всѣ Ваши дѣти были въ Смольномъ, очевидно, вы хорошаго мнѣнія о нашемъ монастырѣ, сударыня»; и, обрасясь къ Mlle Нелидовой, прибавила: «Дочери Г-жи de Comneno — очаровательныя дѣти». Я поцѣловала Ей руку, но тутъ всѣ вошли и нашъ разговоръ былъ прерванъ. Императрица просила начать балъ. Затѣмъ графъ Бобринскій доложилъ ей, что поданъ ужинъ, и она взяла его руку, чтобы идти къ столу, а я исполняла обязанности хозяйки за другимъ столомъ. Но, — бѣдняжка моя, — усталя я до невозможности! Въ 5 часовъ еще танцовали, и я должна была пуститься въ дорогу, чтобы возвратиться въ Петербургъ въ 7 часовъ; а въ 10 я должна была ѣхать въ Стрѣльну. Зато я разбита; у меня ни одного цѣльнаго сустава нѣтъ. Мнѣ очень жаль только, что Великая Княгиня***) не могла быть на этомъ балу изъ-за беременности, — у нея распухли ноги, — а я очень хотѣла посмотрѣть на нее поближе...»

Нужно надѣяться, что «гнѣдопѣгія» были замѣнены на этотъ разъ четверкою ямскихъ, и нельзя не подивиться энергіи самой милѣйшей генеральши: — было съ чего чувствовать ломъ во всѣхъ суставахъ!

Но мнѣ почему-то сдается, что и помимо этой «курбатюры», Марья Александровна не осталась безусловно довольною своимъ вечеромъ. Добрѣйшая Графиня Бобринская пригласила ее, — единственную не принадлежавшую къ тѣсному Павловскому кругу Императрицы, — посадила ее предсѣдательствовать за

---

*) Будущій Канцлеръ.

**) Дочь адмирала Круза (родомъ англичанина), отразившаго въ 1791 году внезапное нападеніе на Петербургское прибрежье Шведскаго флота.

***) Александра Өеодоровна, супруга Великаго Князя Николая Павловича, будущая Императрица.

вторымъ столомъ, поставила ее гдѣ надо было на пути слѣдованія Августѣйшей Посѣтительницы, — и та дѣйствительно сказала генеральшѣ нѣсколько милостивыхъ словъ; но — исключительно насчетъ ея дочерей, смолнянокъ. И мнѣ сдается еще, что вообще вдовствующая Императрица, относясь съ большою и неизмѣнною благосклонностью къ сиротамъ Комнено, не желала почему-то допускать чрезмѣрной близости къ Своей Особѣ ихъ матери, несмотря на то, что должна была близко знать ее и часто видать въ Екатерининскія времена. Быть можетъ она уже и въ ту пору за что-либо недолюбливала «Машеньку»; а можетъ статься и то, что тутъ продолжала сказываться, — несмотря на долгіе протекшіе годы, — та вражда, которая существовала нѣкогда между Великокняжескою четою и «Пансальвиномъ, княземъ Тьмы», т. е. Потемкинымъ; та ожесточенная критика, которую расточали Павелъ и его близкіе «Великому Греческому проэкту», а слѣдовательно и нерасположеніе его и его Супруги ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, коихъ фаворъ или возвышеніе связаны были съ этимъ проэктомъ и съ ненавистною всѣмъ гатчинцамъ личностью «Великолѣпнаго Князя Тавриды».

Вышеупомянутыми тремя домами не ограничивались свѣтскія сношенія общительной Марьи Александровны; одна, или въ сопровожденіи кого-либо изъ близкихъ пріятельницъ, ѣздитъ она охотно по петербургскимъ гостиннымъ и съ удовольствіемъ разсказываетъ объ этомъ дочери своею милою полуфранцузскою - полурусскою рѣчью, отъ которой такъ и вѣетъ Екатерининскимъ временемъ, и которая, какъ будто послужила образцомъ для знаменитой Мадамъ-де-Курдюковой...

«Ну, теперь, я Тебѣ скажу, пишетъ она, что я рыскаю какъ никогда. Не прогнѣвайтесь, сударыня, — отъ графинь до княгинь...

« ...Avant-hier, j'ai dîné chez la Comtesse Potocky*) avec la Comtesse Wiazmitinoff; nous étions engagés. Il faut vous dire que j'étais fort curieuse de dîner à une table si renommée et si fort vantée. Mais entre nous, мнѣ за нее стыдно стало. Во первыхъ на простомъ fayence, а во вторыхъ, c'était très mesquin : il n'y avait qu'une soupe passable, du bifsteak, въ раковинахъ устрицы (телячья голова изрублена и поджарена какъ будто-бы устрицы), соусъ изъ филейчиковъ, другой соусъ съ гребешками, въ коробочкахъ бумажныхъ родъ пудинга (прескверный), а послѣ — курица съ воробьями на жаркое, а къ оному по половинѣ огурца. Бисквиты вмѣсто пирожнаго, десертъ самый простой, какой можетъ только быть, — даже des bonbons не было ... Вотъ славный столъ, о которомъ она сама такъ громко кричитъ и говоритъ, что — безъ дессерта и безъ вина — 10.000 каждый мѣсяцъ на столъ издерживаетъ...»

Но тутъ прабабушка вспоминаетъ, что жена генерала Алексѣя Николаевича Бахметьева, Бессарабскаго военнаго гуебрнатора, съ коею она сама дружески видалася въ Кишиневѣ и которая и дочери ея оказываетъ любовь и ласку, — рожденая Потоцкая, т. е. близкая свойственница неудачной гастрономши, и спѣшитъ прибавить:

« ...Prenez garde de ne point dire cela à Madame Bakhmeteff. Vous pouvez lui dire tout, excepté que nous avons trouvé la table mesquine. Au reste, il vaut mieux lui dire simplement que j'ay dîné, sans nommer les plats, ni rien... ».

Впрочемъ, если Марья Александровна любила ѣздить въ гости, то столько-же любила она и у себя принимать и угощать. Въ письмахъ къ дочери она отмѣчаетъ часто, кто у нея былъ и кто кушалъ. Будучи, — что грѣха таить? — немножечко, какъ

---

*) Очевидно « la belle Phanariote » — Софія Потоцкая (въ первомъ бракѣ за генераломъ де-Виттъ), — одна изъ «очаровательницъ Ясскаго Двора», т. е. Потемкинской главной квартиры въ 1790-91 годахъ. Портретъ ея, кисти Анжелики Кауфманъ широко извѣстенъ въ гравированныхъ и фотографическихъ снимкахъ; онъ находится въ Дрезденской Галлереѣ.

теперь выражаются, «снобкою» (тогда гоорвили: чванной), она тщательно отмѣчаетъ и продолжительность визитовъ, если только считаетъ посѣтителя человѣкомъ важнымъ и выдающагося положенія. Съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ она дважды долговременныя посѣщенія генерала Паскевича, тогда еще ни графа, ни графа, ни фельдмаршала, но уже командира первой Гвардейской Дивизіи. Называетъ его моя прабабушка упорно Пашкевичемъ, что приводило меня въ нѣкоторое недоумѣніе. Но съ тѣхъ поръ я вычиталъ въ генеалогическомъ сборникѣ малороссійскихъ фамилій Модзалевскаго, что Паскевичи часто писались прежде Пашкевичами. Паскевичъ, равно какъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ (о немъ будетъ рѣчь дальше) были соратниками Христофора Марковича Комнено въ Турецкую кампанію 1806-1812 года; и ихъ вниманіе къ овдовѣвшей генеральшѣ, которая ни въ коемъ случаѣ никакой протекціи оказать имъ не могла, доказываетъ, что они высоко цѣнили покойнаго ея мужа.

Будучи столь гостепріимною, любила Марья Александровна, какъ мы уже видѣли, чтобы квартира ея была хорошо — по тогдашнему вкусу — убрана и столъ изящно сервированъ. Желаніе это заставляетъ ее даже однажды отнестись легкомысленно къ вещи, которая должна была-бы всетаки имѣть для нея завѣтный и неприкосновенный характеръ:

«...И еще пріобрѣла я, пишетъ она отъ 24-го октября 1824 года, 15 дессертныхъ приборовъ вызолоченныхъ, прекрасныхъ; да еще что Тебѣ скажу, — ни копейки не стоило, будто — даромъ пришлось!

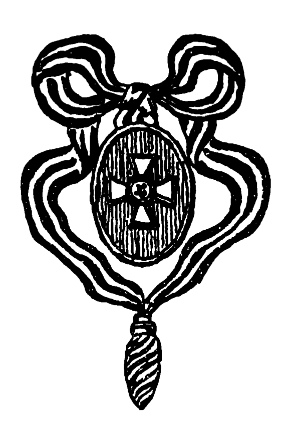
« ...Je vois d'ici votre curiosité, ma Cato... eh bien, je m'en vais vous satisfaire ! Vous vous rappelez de l'épée en or que Papa avait ; je l'ai toujours soigneusement gardée pensant qu'un jour Митинка pouvait s'en servir. Mais lorsqu'on m'a dit que les épées d'aujourd'hui sont absolument différentes de celles qu'on donnait autrefois, et qu'elle ne pourrait jamais servir à

mon fils, alors tout en pensant (comme je le fais ordinairement) il m'est venu l'idée de cet échange. Et me voilà à présent parfaitement en état de garnir ma petite table... И буду чваниться первый обѣдъ который дамъ... Какъ весело... — Точно будто мнѣ ихъ подарили, и даже лучше гораздо потому, je n'ai d'obligation à personne. Car les cadeaux qu'on reçoit sans pouvoir les rendre donnent des indigestions terribles à mon estomac. Grâce au Ciel cela n'arrive pas... »

По нынѣшнимъ понятіямъ, прабабушка въ данномъ случаѣ какъ будто-то хватила черезъ край, обмѣнявъ на золоченые приборы золотое георгіевское оружіе своего покойнаго супруга; но таково уже было жизнерадостное, легкомысленное настроеніе, почерпнутое ею изъ XVIII-го столѣтія — поры ея молодости — и не покидавшее ее чуть не до самой кончины, несмотря на всѣ испытанія и неизбѣжныя горести жизни.

Есть, впрочемъ въ этомъ легкомысліи и эпическая черточка, которая такъ пристала къ тому времени почти безпрерывныхъ войнъ, лишь въ 1815 году закончившихся: вдова храбреца заранѣе и со спокойствіемъ высчитываетъ, что ея единственный сынъ заслужитъ какъ-нибудь золотое оружіе и что лишь на этотъ случай надлежало бы сохранить то, которое носилъ его отецъ. И Митенька, т. е. Дмитрій Христофоровичъ Комнено, черезъ пять лѣтъ дѣйствительно заслуживаетъ золотую шпагу. Это отличіе покупаетъ онъ тяжкою раною, послѣдствія коей свели его въ преждевременную могилу... Его золотая шпага, съ выгравированными на клинкѣ именемъ и комненовскимъ гербомъ, хранилась въ семьѣ Крупенскихъ и утрачена была лишь недавно, во время разгрома и бѣгства всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ какія-либо семейныя преданія. Также хранился въ Неклюдовской семьѣ золотой Кульмскій палашъ моего дѣда; также хранимъ и мы съ женою шашку нашего сына, получившаго золотое оружіе за славную смерть свою въ 1916 году на Волыни... А впрочемъ, не оказалась-ли въ концѣ концовъ правою прабабушка Марья Александровна? Къ чему теперь трофеи мужества и славы, когда то, изъ-за чего умирали и проливали кровь свою наши

дѣды, наши отцы и наши дѣти, — Отечество наше, Великодержавная Россія, — осквернено, повержено въ прахъ, и наврядъ-ли возродится когда-либо въ прежней мощи и въ прежнемъ величіи...

Но забудемъ на минуту нынѣшнее лихолѣтье и вернемся за сто лѣтъ назадъ къ милѣйшей прабабушкѣ, желудокъ коей такъ плохо переваривалъ подарки, когда не могла она таковыхъ отдарить. Эта черта, замѣтимъ въ скобкахъ, на самомъ дѣлѣ проходитъ черезъ всѣ ея письма. Постоянно поручаетъ она дочери и зятю присылать ей, — за ея счетъ разумѣется и не иначе, — то бессарабскаго вина, то восточныхъ шербетовъ и вареній для подарковъ своимъ друзьямъ — Вязмитиновымъ, Кикинымъ и другимъ.

Почти въ каждомъ письмѣ своемъ даетъ Марья Александровна дочери вѣсти о происходящемъ въ Петербургскомъ свѣтѣ: придворныхъ новостяхъ, свадьбахъ, смертяхъ. Вѣсти эти помогли мнѣ, между прочимъ, опредѣлить съ точностью годы писемъ моей прабабушки, отмѣченныхъ только мѣсяцами и

числами. Въ тѣ времена для жившихъ въ провинціи подобныя сообщенія были драгоцѣнны: было въ свою очередь о чемъ сообщать своимъ друзьямъ, знакомымъ, начальству...

Такъ, въ письмѣ прабабушки отъ 29-го іюля 1818 года мы читаемъ: «...Наши здѣшнія новости: Государь ѣдетъ въ концѣ Августа*); Государыня Елисавета Алексѣевна тоже ѣдетъ за нимъ къ Матушкѣ своей. Государыня Марія Өеодоровна изволитъ тоже ѣхать навѣстить всѣхъ своихъ дочерей**). Вообрази какая здѣсь будетъ пустота. Свадебъ много: Сипягинъ женится на Всеволожской — пребогатая невѣста. Закревскій женится на какой-то Толстой, — богатая тоже очень; Полторацкій, генералъ, на княжнѣ Голицыной Борисъ».

Въ письмѣ отъ 10 декабря 1818 года:

« ...Mlle Arkharoff épouse Wassiltchikoff, frère de Mme Kotchoubey ; la fille de la Comtesse Stroganoff a accouché d'un graçon ; dites à M. Luttke que j'ai vu son cousin et que nous avons beaucoup parlé de lui ; sa femme est charmante (le Général Pankratieff)... ».

17-го декабря 1818 года:

« ...Le Comte Miloradovitch est amoureux de la Comtesse Olga (*)..., il lui fait faire pour adieu un superbe album qui coûtera 15.000 roubles, avec des mosaïques superbes, et puis différentes pierres précieuses ; des dessins des premiers maîtres; et pour la forcer d'accepter un cadeau si mangnifique, il met dans l'album le portrait de la Grande Duchesse Alexandrine...

« Edouard (**) est parti sans prendre congé de la Comtesse Potocky... La Svétchine, Catherine Vass. Engelhardt se meurt, elle a l'étisie... ».

---

*) Въ Ахенъ.

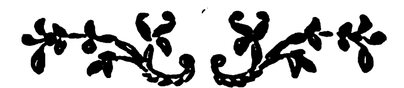
**) Марію Павловну въ Веймарѣ; Екатерину Павловну въ Штутгартѣ; Анну Павловну въ Гаагѣ.

***) Повидимому здѣсь говорится о гр. Потоцкой, дочери графа Щенснаго и графини Софіи.

****) Намъ не удалось узнать кто этотъ Эдуаръ (графъ — молодой красавецъ), о коемъ прабабушка дважды упоминаетъ въ своей перепискѣ.

9-го ноября 1820 года Марья Александровна пишетъ:

« ...Je vous dirai maintenant un secret que l'on m'a confié ces jours-ci : Alexis Bobrinsky se marie à la Comtesse Samoïloff. Sa mère m'a fait cette confidence et personne ne le sait encore. Cela ne sera déclaré qu'au mois de février après son retour de Moscou. Elle part ces jours-ci pour revenir dans dix jours, vous pouvez dire cela à Alexandre *), mais à personne autre ne le dites pas ; on pourrait écrire de chez vous ici et ce ne serait pas bien de ma part. C'est tout à fait drôle : les jeunes amants ne se voient que chez la Comtesse Lieven pour que personne ne puisse rien s'apercevoir ; la vieille est dans le secret... »

Значительную роль игралъ въ Петербургской жизни моей Прабабушки Смольный монастырь, — la Communauté, — какъ выше сказно, въ Смольномъ. Три старшія уже вышли ніе этого учреждепія было еще: «Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ».

Всѣ четыре дочери Марьи Александровны воспитывались, какъ выше сказано, въ Смольномъ. Три старшія уже вышли оттуда и двѣ уже были за-мужемъ, когда прабабушка лѣтомъ 1816 года уѣхала въ Кишиневъ. Но оставалась еще младшая Софи (моя бабушка), которой было всего 8 лѣтъ. Брать ее съ собою въ столь далекій путь, прервавъ только - что начатыя занятія ея, Марія Александровна считала очевидно крайне неблагоразумнымъ. Но какъ быть? Прабабушкѣ помогли и въ этомъ случаѣ давнія пріятельскія связи ея съ Екатериною Ивановною Нелидовой, продолжавшею жить въ общинѣ и представлять собою какъ-бы вер-

*) Александръ Ипсиланти, уѣхавшій въ Кишиневъ лѣтомъ 1820 г. и повидимому особо близкій къ Бобринскимъ.

ховную намѣстницу своей Державной подруги — Императрицы Маріи Ѳеодоровны, — и съ госпожею Юліею Ѳедоровною Адлербергъ, рожденою Багговутъ, оффиціальною и дѣятельною начальницей Смольнаго монастыря. По ихъ ходатайству 8-ми лѣтняя Софія Комнено принята была въ особое малолѣтнее отдѣленіе Общины, въ которомъ, — подъ личнымъ и истинно материнскимъ надзоромъ Нелидовой, — воспитывалось нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ изъ высшаго придворнаго и служебнаго круга, матери коихъ, — въ силу какой-нибудь особо вѣской причины, — лишены были возможности воспитывать своихъ дѣтей дома. Дѣвочки эти были: двѣ Барановы*) — Марья Трофимовна (вышедшая впослѣдствіи за Пашкова) и Луиза Трофимовна (вышедшая за кн. Мих. Ѳед. Голицына); Марья Павфимовна Чихачева, впослѣдствіи жена Генералъ - Адъютанта Александра Александровича Кавелина, — одного изъ воспитателей Александра II.- го; наконецъ родная племянница Екатерины Ивановны — Марья Васильевна Нелидова (по матери внучка знаменитаго Адмирала Спиридова), вышедшая впослѣдствіи за Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, сына начальницы Смольнаго монастыря и брата вышеупомянутой Юліи Ѳедоровны Барановой). Бабушка моя, Софья Христофоровна до конца жизни осталась въ добрыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ этими подругами своего ранняго дѣтства; но въ особенности дружна была она съ добрѣйшею Маріей Васильевной Адлербергъ.

Мужъ ея былъ съ измолоду взятъ адъютантомъ къ Великому Князю Николаю Павловичу; повышаемый непрестанно по службѣ съ той минуты, какъ его Высокій патронъ сталъ Императоромъ Всероссійскимъ, Адлербергъ сдѣлался въ концѣ концовъ Министромъ Двора и Удѣловъ и пожалованъ былъ въ графы. Онъ былъ безупречно честнымъ и добрымъ человѣкомъ и неоднократно пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ при Николаѣ Павловичѣ, чтобы вступаться за тѣхъ, на кого невинно падалъ гнѣвъ черезчуръ строгаго и часто поддававшагося предубѣжденіямъ Монарха. — Но особенно достойнымъ, умнымъ,

*) Дочери Юліи Ѳедорвны Барановой, рожденой Адлербергъ, воспитательницы Высочайшихъ Дѣтей; съ 1826 года — графини.

образованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ былъ сынъ Владиміра Ѳедоровича, графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, товарищъ дѣтства и личный другъ Императора Александра II и впослѣдствіи также Министръ Двора. Онъ недолго пережилъ своего ВѣнценоснагоДруга, и звѣзда Адлерберговъ какъ-то сразу закатилась съ кончиною Царя-Освободителя...

Но вернемся къ маленькой Софи Комнено и къ Смольному. Когда прабабушка лѣтомъ 1818 года возвратилась изъ Кишинева, она нашла свою дочку выросшею и уже поступившею въ младшій, собственно институтскій классъ. Съ этого времени возобновились понятнымъ образомъ особенно частыя сношенія Маріи Александровны съ Е. И. Нелидовой и Юл. Ѳед. Адлербергъ. Любезностью и добротою сей послѣдней она не нахвалится въ письмахъ своихъ къ младшей дочери. То добрѣйшая госпожа Адлербергъ предлагаетъ ей ночевать у себя, когда она пріѣзжаетъ навѣстить больную дочь и должна на другой день снова вернуться въ лазаретъ Смольнаго; то устраиваетъ ей приглашенія на «семейныя» торжества въ Смольномъ въ присутствіи Императрицы Матери. То, вмѣстѣ съ Екатериною Ивановною Нелидовой посѣщаетъ Марью Александровну вечеркомъ и просиживаетъ у нея два часа, причемъ посѣтительницы, какъ пишетъ на другой день прабабушка, « ont été bonnes pour moi comme des sœurs ».

8-го ноября 1821 года она пишетъ*):

«12 ноября даютъ грандіознѣйшій праздникъ въ Смольномъ, чтобы ознаменовать 25-лѣтіе того, какъ Императрица взяла монастырь подъ свое покровительство. Ну, это будетъ очень блестящій праздникъ, какихъ — еще и не бывало. Дѣти, послѣ благодарственаго молебствія, будутъ танцовать и пѣть. При входѣ будетъ произнесена великолѣпная рѣчь г. Шишковымъ, который тоже состоитъ членомъ совѣта Воспитательнаго Общества. Приглашенныхъ не будетъ, кромѣ тѣхъ, кого привезетъ съ собой Императрица, — ни одной души больше; я тамъ буду инкогнито.

*) Мы приводимъ это и слѣдующее письмо въ русскомъ переводѣ.

Ты посмѣешься, когда я скажу тебѣ, что въ городѣ уже говорятъ о голосѣ нашей Софи, а она только - только начинаетъ учить первый сольфеджъ; суди же, что это будтъ черезъ годъ? Слава Богу, — потому что это очень пріятный талантъ для дѣвицы. Одно убранство будетъ стоитъ больше двухъ тысячъ рублей; бюстъ Императрицы украсятъ пальмами. Будетъ болѣе 500 аршинъ гирляндъ для танца, 70 вѣнковъ, столько же корзинъ и Богъ вѣсть, сколько букетовъ; всѣ эти цвѣты будутъ сдѣланы самими монастырками. Это будетъ волшебный праздникъ, и потомъ весь монастырь будетъ освѣщенъ и снаружи и внутри; и потомъ великолѣпный ужинъ. Этотъ праздникъ обойдется въ 12.000 рублей, но вѣдь и можно отпраздновать такую милостивую Мать...»

27-го ноября 1822 года Марья Александровна пишетъ:

«Какая превосходная особа эта госпожа Адлербергъ. Клянусь тебѣ, что она любитъ меня, какъ милую сестру. И я чувствую всю цѣну ея дружбы. Готовится еще большой праздникъ въ Смольномъ (монастырѣ) по случаю пріѣзда Великой Княгини Маріи Павловны, которая скоро прибудетъ сюда. Ангельская Императрица занимается нашими дѣтьми, какъ, если бы онѣ были ея собственными... И какимъ блестящимъ будетъ этотъ выпускъ. Думаю самый блестящій. Надо тебѣ сказать, моя Като, — невѣроятно, какъ онѣ уже образованы. И наша очень старается. Посуди, — бѣдняжка встаетъ въ 4 часа утра, чтобы учиться. Это слишкомъ. Я браню ее, потому что это можетъ повредить ея здоровью, а при окончаніи она всетаки не получитъ шифра, потому что есть слишкомъ много большихъ 18-19 лѣтнихъ, а нашей нѣтъ еще и 14-ти. Она первая по пѣнію и вторая по клавесину...»

ГЛАВА III

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОМНЕНО (продолженіе) — Ея родичи-фанаріоты въ Санктъ-Петербургѣ. — Александръ Ипсиланти и Гетерія. — Греческое возстаніе 1821-го года. — Кончина Императора Александра I-го.

Такъ обрисовывается, въ перепискѣ Марьи Александровны Комнено съ дочерью, одна сторона ея житья-бытья, та, коею соприкасалась она съ Петербургскимъ свѣтомъ, съ Дворомъ и съ тѣмъ обособленнымъ міромъ дѣвичьяго воспитанія, который на другомъ концѣ столицы, раскинувшись вокругъ великолѣпнаго Растрелліевскаго купола, освѣщался и согрѣвался воистину материнскими попеченіями Императрицы Маріи Өеодоровны и ея двухъ главныхъ пособницъ — Екатерины Ивановны Нелидовой и Юліи Өедоровны Адлербергъ.

Но была въ жизни Маріи Александровны Комнено, рожденой Мурузи, и другая обширная областъ, — область отношеній ея къ греческимъ родственникамъ и единоплеменникамъ, и притомъ не только къ ихъ личнымъ обстоятельствамъ, но и къ ихъ политическимъ стремленіямъ и надеждамъ.

Тутъ опять-таки первый лучъ свѣта появляется для насъ лишь въ 1816 году. Изъ переданныхъ намъ разсказовъ Марьи Александровны о своемъ дѣтствѣ, мы знаемъ только, что «маленькую гречанку» учили, по приказанію Екатерины, говорить и писать по гречески, но не болѣе. Имѣла ли она какія либо извѣстія о своей матери, гдѣ жила эта послѣдняя, не вышла ли она вторично замужъ, — все это покрыто для насъ мракомъ. Въ генеалогическомъ сборникѣ Ризо-Рангави, въ первомъ изданіи, сказано только, что Александръ Мурузи и его жена имѣли одну дочь, вышедшую впослѣдствіи за Комнена.

По этому поводу бабушка моя Софья Христофоровна разсказывала своимъ дочерямъ случай, крайне поразившій ее въ раннемъ дѣтствѣ. Однажды вернувшись домой, она застаетъ у своей матери небольшого роста старушку, южнаго типа, съ которою Марья Александровна бесѣдуетъ на половину по- гречески, на половину по-французски. (Марьѣ Александровнѣ было въ то время лѣтъ 50, а дочери ея лѣтъ 8). «Et voici la petite Sophie», говоритъ Марья Александровна старушкѣ. Софи низко присѣла, и такъ какъ посѣтительница притянула ее за руку, чтобы поцѣловать, то разумѣется (по тогдашнему) и сама приложилась къ ея ручкѣ. Вскорѣ за-симъ старушка встала, чтобы уходить; хозяйка и гостья поцѣловались, при чемъ Марья Александровна поцѣловала старушкѣ руку и проводила ее до лѣстницы, — «Кто эта старушка?» — позволила себѣ Софи спросить свою мать... — «C'est ma mère», — совершенно спокойно и просто отвѣтила та, давая однако понять своимъ тономъ, что дальнѣйшіе разспросы неумѣстны. Хорошо вышколенная Софи приняла это къ свѣдѣнію и такъ и осталась на всю жизнь въ невѣдѣніи, откуда появилась и куда пропала затѣмъ ея бабушка, о которой дотолѣ она ни слова отъ своей матери не слыхала.

Затѣмъ въ письмахъ Марьи Александровны дважды упоминается ея б р а т ъ, наѣзжавшій какъ будто въ Петербургъ, — но откуда, — неизвѣстно! Братъ этотъ былъ женатъ, но о женѣ его прабабушка отзывается неодобрительно и была съ нею настолько не въ ладахъ, что та однажды четыре мѣсяца провела въ Петербургѣ, не заѣзжая даже къ своей золовкѣ. Напротивъ, о братѣ своемъ Марья Александровна говоритъ оба раза съ симпатіей, но какъ-то вскользь и не упоминая его по имени: «Mon Frère», — и все тутъ. Такъ какъ въ сборникѣ Ризо-Рангави не упоминается о существованіи какого бы то ни было сына у Александра Мурузи, женатаго на Евфросиніи Сутцо, то я предполагаю, что мать моей прабабки вступила въ Румыніи во второй бракъ и что упоминаемый въ перепискѣ Маріи Александровны «братъ», былъ ея единоутробнымъ братомъ и не носилъ фамиліи Мурузи.

Въ противовѣсъ такой слабости ближайшихъ родственныхъ узъ, прабабушка моя, какъ я уже сказалъ выше, была въ самыхъ тѣсныхъ и дружескихъ отношеніяхъ со своими отдаленными родственниками, а именно, съ семьями своей двоюродной сестры Султаны Стурдза, рожденой Мурузи, и своего двоюроднаго брата Константина Александровича Ипсиланти. Такъ же родственно печется она о сыновьяхъ своего двоюроднаго брата Дмитрія Константиновича Мурузи*) спасшихся въ Россію послѣ трагической смерти ихъ отца и весьма милостиво принятыхъ Императоромъ Александромъ I. Я лично знавалъ въ отрочествѣ младшаго изъ этихъ трехъ Мурузи, почтеннѣйшаго князя Александра Дмитріевича, владѣльца извѣстнаго Петербуржцамъ огромнаго дома на Литейной; онъ былъ очень близокъ и друженъ съ моимъ дѣдомъ и бабкою Катакази и со всею семьею моей матери.

Скарлатъ Димитріевичъ Стурдза (мужъ Султаны Мурузи) принадлежалъ къ роду безспорно Румынскаго происхожденія; но, какъ уже сказано мною въ введеніи, родъ этотъ, какъ и многія другія Румынскія фамиліи, получилъ въ теченіи XVII и XVIII столѣтій совершенно фанаріотскую окраску, породнился со знатнѣйшею греческою знатью Царьграда, и въ эпоху, предшествовавшую Греческому возстанію, какъ самъ Скарлатъ Дмитріевичъ, такъ въ особенности его сынъ — Александръ Скарлатовичъ — были на виду въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ и дѣятельныхъ филэллиновъ.

Скарлатъ Дмитріевичъ, принужденный бѣжать съ семьею въ Россію еще въ 1791 году, т. е. послѣ Ясскаго мира, и поселившійся сначала въ Одессѣ, былъ, послѣ присоединенія Бессарабіи, назначенъ Гражданскимъ Губернаторомъ этой вновь присоединенной области и оставался въ этой должности до кончины своей въ 1816-мъ году. Сынъ его Александръ Скарлатовичъ, поступившій на русскую дипломатическую службу, пользовался особымъ благоволеніемъ Императора Александра I-го. Онъ сопровождалъ Государя въ Вѣну въ 1815 году, подалъ ему

*) Великаго Драгомана Порты, умерщвленнаго янычарами въ Шумлѣ въ 1812 г. по заключеніи имъ въ Букарештѣ мирнаго договора съ Россіей.

тамъ записку о Греческомъ и вообще Восточномъ вопросѣ, произведшую на Александра Павловича сильное и благопріятное впечатлѣніе. Онъ же представилъ Александру І-му своего друга, графа Іоанна Каподистріа, который сразу завоевалъ сердце и умъ впечатлительнаго Монарха и, въ 1816-мъ году, произведенный въ статсъ - секретари, сдѣлался и оставался до 1822 года правою рукою Государя въ вопросахъ внѣшней политики. Старшая дочь Скарлата Дмитріевича, Роксандра, умная и честолюбивая, назначена была фрейлиною къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ 1822 году она вышла, довольно поздно, замужъ за Саксенъ-Веймарскаго Министра-Резидента при Русскомъ Дворѣ, графа Эдлинга и послѣ сего проживала предпочтительно въ Одессѣ; она оставила очень интересныя записки, изъ коихъ между прочимъ явствуетъ, что, за время ея пребыванія при Дворѣ, всѣ ея симпатіи были обращены къ столь обаятельной для современниковъ и въ особенности для современницъ личности Александра І-го, между тѣмъ какъ Елизавету Алексѣевну она обвиняетъ, между строкъ, въ холодности и въ неумѣніи обращать къ себѣ сердца даже тѣхъ, кого она наиболѣе любила. Вторая сестра Стурдза вышла замужъ за русскаго дипломата Дмитрія Петровича Северина*) и скончалась рано — въ 1818 году. Вся семья Стурдза отличалась ученостью, глубокою гуманностью и черпала удовлетвореніе этой гуманности и этой любви къ просвѣщенію предпочтительно въ

---

*) Вашъ дѣдъ — портной, вашъ дядя поваръ,
А вы — вы модный господинъ:
Таковъ про васъ народный говоръ,
Высокородный Северинъ!

«Народный говоръ» едва ли былъ въ данномъ случаѣ обоснованъ, но Пушкинъ приводитъ его съ очевиднымъ удовольствіемъ, дабы заклеймить лишній разъ нравственое лакейство Дм. Петр. Северина. Особенно приближенный, вслѣдствіе брака своего съ Маріей Скарлатовной Стурдза, къ графу Каподистріи, — Северинъ, послѣ отставки и отъѣзда заграницу своего покровителя, немедленно перешелъ въ лагерь Шеппинговъ и другихъ остзейскихъ поклонниковъ Меттерниховскихъ «принциповъ» и сталъ усиленно ухаживать за Нессельроде, безраздѣльно возглавившимъ отнынѣ наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Подобное невысокой пробы поведеніе возбуждало противъ Северина негодованіе его сверстниковъ въ петербургскомъ обществѣ, сочувствовавшихъ и обаятельной личности графа Іоанна Каподистріи и отчаянной борьбѣ грековъ за свободу. — Северинъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ русскимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.

тогдашней нѣмецкой романтической литературѣ, въ нѣмецкой философіи и въ обращеніи съ выдающимися германскими умами; излишне прибавлять, что молодое поколѣніе Стурдза превосходно владѣло нѣмецкимъ языкомъ. Александръ Скарлатовичъ женился въ 1821 году на Маріи Гуфеландъ, дочери знаменитаго въ то время Германскаго медика Гуфеланда, Берлинскаго придворнаго врача и профессора, человѣка извѣстнаго своею всеобщею культурностью и филантропіей *).

Я не невзначай позволилъ себѣ отмѣтить здѣсь германскія симпатіи такой высоко-просвѣщенной семьи, какъ семья Стурдза. Въ самой Россіи въ это время, послѣ довольно краткаго, но сильнаго воздѣйствія французскихъ энциклопедистовъ и Ж. Ж. Руссо, снова водворялось вліяніе Германіи какъ первоисточника знаній, мышленія, нравственныхъ и даже государственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Одно пребываніе среди русскаго высшаго общества между 1807 и 1813 годами такого выдающагося и страстнаго проповѣдника германскаго идеализма, какимъ былъ знаменитый фонъ - Штейнъ, дало въ этомъ смыслѣ большій толчекъ, нежели чтеніе цѣлаго ряда новыхъ сочиненій. Достойно примѣчанія, что это новое завоеваніе русской мысли германскою шло одновременно съ заполоненіемъ помысловъ и дѣяній всей возглавлявшей Россію Фамиліи Прусскими военными идеалами и Прусскими порядками. Сухозанеты и Клейнмихели съ одной стороны, Штейны и Арндты съ другой, Коцебу и Гумбольты, Шварцы и Гаазы — въ перемежку; — словомъ «Рачи» и «Леммы», — дѣйствовали и вліяли одновременно. И можно, не боясь впасть въ парадоксъ, утверждать, что пресловутая борьба между «восточнымъ Царизмомъ» и «прирожденнымъ свободолюбіемъ Русскаго народа» являлась на дѣлѣ — между 1801 и 1856 годами — перенесенною на русскую почву борьбою Прусскаго юнкерства съ Германскимъ идеализмомъ и Германскою просвѣщенною мыслью. Въ самой Германіи оба теченія, — по видимости столь непримиримыя,

*) Гуфеландъ извѣстенъ между прочимъ тѣмъ, что посланъ былъ въ 1813 году Королемъ Прусскимъ въ Бунцлау къ одру умиравшаго тамъ на походѣ отъ старческаго истощенія Фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова свѣтл. Князя Смоленскаго.

— слились подъ конецъ въ одно мощное, хотя опасное и для себя и для другихъ существо — германскаго Имперіализма. У насъ же эти теченія все болѣе расходились, все ожесточеннѣе, подъ спудомъ, боролись. И рѣзко обозначились плоды этой борьбы въ шестидесятыхъ годахъ, когда на смѣну идеалистамъ высокой и чистой пробы, появилось цѣлое поколѣніе, возненавидѣвшее все свое родное прошлое, всю русскую государственность и стремившееся, — вначалѣ безсознательно, а потомъ уже и вполнѣ сознательно, — внести въ косную массу только что освобожденнаго народа не истинное просвѣщеніе и не смягченіе нравовъ, а ненависть, озлобленіе и поблажку всѣмъ свойственнымъ человѣческой природѣ инстинктамъ разрушенія.

Мнѣ не нужно конечно говорить, что такіе люди, какъ Стурдза, сходились въ своихъ воззрѣніяхъ именно съ выдающимися представителями Германской мысли, среди коихъ къ тому же возникали въ это время филэллинскія симпатіи и находили сочувственный отголосокъ страданія и надежды Грековъ. Но уже на личности Александра Стурдзы отразилась весьма непріятнымъ для него образомъ возникшая съ 1815 года борьба между Германскою университетскою молодежью и старымъ благонамѣреннымъ укладомъ нѣмецкой мысли. Стурдза представилъ въ то время Александру I-му записку относительно этой борьбы, указывая на опасности новаго, «революціоннаго» движенія германской мысли. Записка эта, содержаніе и авторъ коей стали скоро извѣстными, возбудила наравнѣ съ дѣятельность оффиціальнаго соглядатая — извѣстнаго Коцебу (превращеннаго въ русскаго дипломата нѣмецкаго драматурга) страшное негодованіе герамнскихъ «буршей». Коцебу былъ, какъ извѣстно, убитъ фанатикомъ Зандтомъ, а Струдзу искали по всей Германіи, чтобы освистать и избить его; такъ что шутникъ и острословъ Кн. Меньшиковъ, путешествовавшій въ это самое время по нѣмецкимъ землямъ, не упускалъ наклеивать на двери своего помѣщенія листъ бумаги съ крупною надписью: «Der Strudza wohnt nich hier!»

Добрѣйшаго Александра Скарлатовича эти враждебныя демонстраціи глубоко огорчали и удручали, такъ какъ у него-то

конечно и въ мысляхъ не было «доносить» на Германскую молодежь и подвергать ее полицейскому обузданію; и его, менѣе чѣмъ кого бы то ни было, можно было подозрѣвать въ сочувствіи Метерниховскому режиму. Но такова уже обычная злая доля всѣхъ искреннихъ идеалистовъ: когда они склоняются въ сторону побужденій гуманитарныхъ, ихъ авторитетомъ прикрываются разные смутьяны и разрушители; когда же защищають они старый укладъ, основанный на вѣрѣ и вѣрности, то ихъ именемъ пользуются проповѣдники мракобѣсія и угнетатели всякой мысли и всякой свободы.

Чтобы вернуться къ моей Прабабушкѣ, замѣчу мимоходомъ, что ей лично повидимому чужды были и нѣмецкій романтизмъ и вообще Германскія вѣянія; но дѣти ея уже хорошо знали по нѣмецки. Такъ Марья Александровна, посылая старшей дочери французское письмо одиннадцатилѣтней Софи, дѣйствительно очень мило и почти совершенно правильно написанное, добавляетъ, что по-нѣмецки Софи пишетъ еще лучше; что на-дняхъ братъ Митенька написалъ ей письмо по нѣмецки и что она отвѣтила ему также по нѣмецки и такъ хорошо, что «всѣ» удивлялись...

Князь Константинъ Александровичъ Ипсиланти, двоюродный братъ моей прабабки по матери своей, рожденой Мурузи, — былъ сыномъ Князя Александра Ипсиланти, бывшаго Господаря Валашскаго, человѣка достойнѣйшаго, коего управленіе (1774-1785) называлось современниками золотымъ вѣкомъ Валахіи. Въ 1802 г. Князь Константинъ назначенъ былъ Портою въ свою очередь Валашскимъ Господаремъ; но года три послѣ того сношенія между Портою и Россіею испортились и въ 1806 г. вспыхнула Русско-Турецкая война. Константинъ Ипсиланти, узнавъ, что въ Константинополѣ рѣшены уже его смѣщеніе и казнь, удалился въ Россію; одновременно съ симъ престарѣлый отецъ его, благородный князь Александръ, коего приня-

5

то было считать главою Русской Партіи среди фанаріотовъ, былъ взятъ подъ стражу по проискамъ французскаго Посла генерала Себастіани и, послѣ довольно продолжительнаго слѣдствія, подвергнутъ жестокой казни, причемъ все имѣніе его отобрано было, по обычаю, въ Султанскую казну; а прекрасный лѣтній загородный домъ съ паркомъ въ Терапіи подаренъ Падишахомъ Французскому Посольству. Этотъ типичный старозавѣтный «яли», слывшій съ тѣхъ поръ въ народѣ подъ именемъ «дома крови», стоялъ долгіе годы въ неизмѣнномъ видѣ, служа лѣтнею резиденціею Французскимъ Посламъ. Онъ сгорѣлъ, — неизбѣжная участь подобныхъ построекъ, — лишь незадолго до міровой войны.

Въ 1807 году, послѣ Тильзитскаго свиданія и мира, тотъ же Французскій Посолъ Себастіани, очутившись со дня на день изъ врага Россіи ея доброхотомъ, уговорилъ Порту вернуть Валашскій престолъ Князю Константину Ипсиланти, который могъ въ Букурештѣ служить соединительнымъ звеномъ между Константинополемъ и Русскимъ Главнокомандующимъ на предметъ возможнаго замиренія. Ипсиланти не вернулся сразу, а управлялъ Валахіей черезъ своего Каймакама (намѣстника), каковымъ былъ мой прадѣдъ Антонъ Катакази. Вернувшись временно въ Букурештъ въ 1809 году, онъ въ 1812 году, послѣ Букурештскаго мира, выселился окончательно въ Россію вмѣстѣ со своимъ семействомъ и всѣми своими приближенными. Человѣкъ очень образованный, онъ оставилъ нѣсколько литературныхъ трудовъ, изъ коихъ главные:

« Anecdotes sur le Sérail », *« Traductions d'Anacréon »* (en vers italiens), *« Traductions de Pindare »*.

Поселившись въ Кіевѣ, онъ скончался тамъ въ 1816 году. Вдова его, Княгиня Елизавета рожденая Вакареско, была, несмотря на свое чисто Румынское имя, всю жизнь пламенною филэллинкою. Въ этихъ же чувствахъ воспитаны были ея шестеро сыновей, изъ коихъ старшіе Александръ, Николай и Георгій, находились до 1821 года на русской военной службѣ, между тѣмъ какъ ихъ мать переселилась изъ Кіева въ Кишиневъ къ старшей дочери своей Екатеринѣ Константиновнѣ, вы-

шедшей замужъ за Константина Антоновича Катакази (старшаго брата моего дѣда).

Князь Александръ Ипсиланти, отличавшійся, какъ и его братья, мужествомъ, замѣченнымъ даже и въ то время, потерялъ руку подъ Лейпцигомъ и, обласканный Императоромъ Александромъ I и назначенный Флигель-Адъютантомъ, былъ въ 1817 году уже Генералъ-Маіоромъ русской службы. Отправившись въ 1820 году на побывку къ матери въ Кишиневъ, онъ въ февралѣ 1821 года, во главѣ «гетеристовъ» вторгся черезъ русскую границу въ Молдавію, но не успѣлъ поднять румынскаго населенія Княжествъ и, послѣ отчаянной борьбы съ вдесятеро сильнѣйшими силами Турокъ, долженъ былъ, вмѣстѣ со своими братьями и немногими оставшимися въ живыхъ товарищами, спастись черезъ ближайшую границу въ Австрію, гдѣ всѣ они были разсажены по крѣпостямъ. Поступокъ Александра Ипсиланти былъ крайне непріятенъ Императору Александру I-му, который отказался вступиться за гетеристовъ. Лишь по ходатайству Императора Николая Павловича братья Ипсиланти были выпущены изъ Австрійскихъ тюремъ; но старшій Александръ умеръ въ Вѣнѣ въ 1828 году, а Николай и Георгій вскорѣ послѣ своего освобожденія*).

Кромѣ членовъ семьи Стурдза и Ипсиланти въ корреспонденціи моей Прабабушки весьма часто встрѣчаются имена Калліархи, женатаго на Мурузи, Негри, женатаго на старшей дочери Ипсиланти, г-жи Влангали, рожденой Мано (матери Александра Егоровича Влангали, бывшаго впослѣдствіи русскимъ Посланникомъ въ Пекинѣ, Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Посломъ въ Римѣ); затѣмъ поступившихъ на службу въ Министерство Иностраныхъ Дѣлъ бывшихъ приближенныхъ Князя Ипсиланти: Гавріила Антоновича Катакази, другого брата Негри и еще одного молодого человѣка, имя

*) Четвертый братъ, Димитрій, отправившійся подымать возстаніе въ Элладу, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за независимость и былъ членомъ перваго греческаго революціоннаго правительства.

коего остается неизвѣстнымъ, ибо прабабушка зоветъ его въ своихъ письмахъ не иначе какъ « Commisso », иногда въ уменьшительно-ласкательной греческой формѣ «Commissaki-mou», тогда какъ это прозвище было лишь названіемъ чина или званія въ бывшей іерархіи валашскихъ и молдавскихъ чиновниковъ. Также часто упоминаетъ Прабабушка Бальша, Мазаровича (впослѣдствіи русскаго Посланника въ Персіи).

Вся эта Греческая среда группировалась въ то время вокругъ графа Іоанна Каподистріи, который съ 1816 года состоялъ, вмѣстѣ съ графомъ Нессельродомъ, статсъ - секретаремъ по Иностраннымъ Дѣламъ и, какъ я уже сказалъ выше, имѣлъ до 1822 года преобладающее вліяніе на Государя въ вопросахъ внѣшней политики; кромѣ того на графа Каподистріа возложены были всѣ дѣла и доклады по управленію новоприсоединенною Бессарабскою Областью.

Обратимся теперь снова къ корреспонденціи моей Прабабушки, дабы изъ ея писемъ почерпнуть небезинтересныя подробности о сношеніяхъ ея со всѣми вышеупомянутыми лицами.

Марья Александровна находилась, какъ я уже сказалъ выше, въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ семьѣ Стурдза. Какимъ образомъ выражались эти отношенія въ теченіи долгаго періода времени, истекшаго между прибытіемъ въ Россію семьи Стурдза и смертью стараго князя Скарлата Димитріевича, — періода совпадавшаго какъ разъ съ замужнею жизнью Маріи Александровны, — мы не знаемъ. Но въ 1818 году Прабабушка, вернувшись въ Петербургъ и найдя свою овдовѣвшую и слабую здоровьемъ кузину въ новомъ и тяжкомъ горѣ, всѣдствіи кончины ея младшей дочери Севериной,

— поселяется у нея на дачѣ на Аптекарскомъ островy, ухаживаетъ за нею и утѣшаетъ ее по мѣрѣ силъ, хотя отдаленіе острововъ отъ Смольнаго было для Марьи Александровны очень неудобно и даже тяжело.

« ...Ma pauvre cousine, пишетъ Марья Александровна дочери отъ 15-го іюля 1818 года, est toujours fort triste. L'Empereur a la bonté, tous les jours, d'envoyer demander de ses nouvelles.»... Вотъ какъ завоевывалъ Александръ сердца близкихъ ему лицъ, въ особенности дамъ... — Вообще семья Струдза, кромѣ бодрой Роксандры Скарлатовны, не отличалась здоровьемъ. Въ письмѣ отъ 8-го ноября 1825 года Марья Александровна пишетъ дочери:

« ...Avant-hier j'ai donné à dîner à notre bon Aleko avec sa femme qui est une excellente personne, mais bien faible de santé ! »

Однако хилая Княгиня Стурдза пережила на двѣнадцать лѣтъ свою младшую и бодрую двоюродную сестру! Въ корреспонденціи Екатерины Христофоровны Крупенской я нашелъ письмо Князя Александра Скарлатовича Стурдза, отъ 8-го апрѣля 1839 года, въ коемъ онъ извѣщаетъ кузину о кончинѣ своей матери Княгини Султаны, — кончинѣ такой же назидательной и глубоко христіанской, какою была вся жизнь почившей. Письмо это вообще носитъ отпечатокъ большой искренности и благородства чувствъ самого писавшаго; а французская проза письма проста и безупречна*).

Еще въ 1816-мъ году, когда Прабабушка ожидала въ Петербургѣ разрѣшенія отъ бремени своей дочери Екатерины Христофоровны, чтобы ѣхать затѣмъ къ зятю въ Кишиневъ, въ письмахъ ея къ этому послѣднему постоянно говорится о почти ежедневныхъ дружескихъ встрѣчахъ съ вышеупомяну-

---

*) Единственное мѣсто, гдѣ, на мой взглядъ, можно было бы найти какіе нибудь слѣды жизни моихъ Прадѣда и Прабабки Комнено до 1816 года, — это архивъ семьи Стурдза, если только таковой сохранился въ Манзырѣ, — бывшемъ Бессарабскомъ маіоратномъ имѣніи Князей Гагариныхъ-Стурдза.

тыми молодыми сыновьями, родственниками и приближенными стараго Князя Ипсиланти. То Марья Александровна принимаетъ ихъ у себя, то, вмѣстѣ съ дочерью проводитъ вечеръ у нихъ и играетъ въ свой любимый бостонъ; самъ графъ Каподистріа, начальникъ этой молодежи, часто появляется у Комненовъ въ ихъ старой квартирѣ на Подъяческой въ домѣ барона Николаи.

Въ 1818 году, съ самыхъ первыхъ дней возвращенія Прабабушки изъ Кишинева въ Петербургъ, эти близкія отношенія возобновляются.

«Le Comte, — пишетъ она дочери 8-го іюля 1818 года, — est parfaitement bon pour moi. L'autre soir je suis allée en ville pour voir Sophie et le soir, en rentrant chez moi, le Comte est venu partager mon ennui. (Прабабушка очевидно хотѣла сказать: ma solitude; для нея одиночество и скука были повидимому синонимами). « Il y est resté presque jusqu'à minuit. Quel homme angélique! Je lui ai parlé de mes affaires et de mes circonstances, il fera tout ce qui dépendra de lui pour m'être utile. Il m'a engagée le lendemain à dîner chez lui et m'a traité parfaitement, m'a demandé à son tour si je voulais qu'il engageat quelqu'un. Cela s'entend que je n'avais rien désiré et alors il a engagé Alexis (*) qui est arrivé ici pour une semaine, et Mazarovitch. Ensuite il m'a offert son équipage — pour 24 heures disait-il; alors je n'ai pas fait de façons, j'ai pris la voiture et j'ai été voir la bonne famille Kikine à la campagne... ».

Три дня спустя Прабабушка, снова прибывшая на три дня въ свою Петербургскую квартиру, пишетъ:

« ...Je n'ai pas fait savoir au Comte que je suis en ville, car il m'aurait proposé sa voiture pour tous les jours, car il m'en a déjà parlé de l'accepter; et vous savez, ma Cato, si je veux jamais abuser de l'amitié de mes amis... »

---

*) Алексѣй Никитичъ Пещуровъ, второй зять Марьи Александровны.

Имя Александра Ипсиланти постоянно встрѣчается въ письмахъ Марьи Александровны; повидимому, этотъ блестящій и умный, молодой еще человѣкъ окружалъ особыми попеченіями и вниманіемъ свою пожилую родственницу и находилъ удовольствіе въ ея обществѣ; а она платила ему искреннею благодарностью и любовью.

Затѣмъ такъ же постоянно встрѣчается въ перепискѣ имя Гавріила Антоновича Катакази (иногда подъ шуточнымъ прозвищемъ «челебаки», т. е. «щеголька»). Марья Александровна, чуть ли не съ 1818 года прочила его въ мужья своей младшей дочери Софи, которой не было еще десяти лѣтъ. Она принимаетъ горячее участіе въ его карьерѣ, шедшей весьма успѣшно, наблюдаетъ даже за его нравственностью и очень строго относится къ одной изъ знакомыхъ ей дамъ мѣстнаго греческаго общества, благосклонностью коей пользовался повидимому молодой человѣкъ. Г. А. Катакази уѣхалъ въ 1819 году въ Константинополь, будучи назначенъ вторымъ секретаремъ при Миссіи Барона Г. А. Строганова; вернувшись въ Петербургъ немного раньше разрыва сношеній съ Портою, онъ снова началъ посѣщать домъ Комнено на совершенно родственной ногѣ.

« ...Notre Gabriel, пишетъ она дочери отъ 8-го ноября 1821 года, — a reçu la croix de Sainte Anne en brillants au cou et l'appointement d'une année en gratification... Je suis le mieux du monde avec Gabriel et ne suis plus du tout jalouse de lui depuis que je lui connais une nouvelle intrigue. Voilà un coq bien vif — deux à la fois ! Aussi je lui ai déclaré qu'il n'était plus digne de posséder Mlle Sophie !

Il s'en défend et me dit : Mais pourquoi pas ? Je vous assure que je serai un mari parfait, que j'adorerai ma femme... — Sur quoi je lui dis : — Non, mon cher, vous êtes trop libertin !... Et nous finissons par beaucoup rire ! Il m'aime véritablement ce cher Gabriel et je lui rends la pareille, mais maintenant sans intérêt particulier. »

Такъ и вѣетъ отъ этихъ строкъ Екатерининскимъ временемъ и становится понятнымъ, что молодые люди могли находить удовольствіе въ обществѣ пожилой генеральши, съ которою и поговорить можно было просто и непринужденно обо всемъ, и посмѣяться.

Судя по письмамъ Марьи Александровны, въ небольшомъ кружкѣ ея греческихъ друзей господствовали вообще прекрасныя взаимныя отношенія и готовность придти другъ другу на помощь. То Калліархи — человѣкъ состятельный — дальній родственникъ Прабабушки, узнавъ что она временно нуждается въ деньгахъ, самъ пріѣзжаетъ предложить ей нужную сумму; то Марья Александровна проводитъ дни и ночи у госпожи Влангали, ожидающей родовъ, и ходитъ за нею, какъ мать и т. д.

Двухлѣтнее пребываніе въ Кишиневѣ, коего общество носило тогда преимущественно греческій обликъ, очевидно много содѣйствовало пробужденію въ душѣ съ измалолѣтства покинувшей родину Гречанки симпатій къ своимъ единоплеменникамъ, къ ихъ быту и обиходу. Изъ переписки чувствуется, что сердцемъ Марья Александровна не только съ нѣжно любимою дочерью, но и тамъ, на дальней окраинѣ Россіи, откуда Пушкинъ въ то самое время писалъ въ великолѣпномъ своемъ посланіи «Къ Овидію»:

... Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь,
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь;
На Скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный Декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга,
Зима дышала тамъ, — а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ,

Свободныя поля взрывалъ ужь ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тусклѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи...

. . . .

Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу призывалъ...

Какъ для Пушкина, такъ и для Марьи Александровны Комнено, выросшей «въ снѣгахъ угрюмой полуночи», то былъ безспорно югъ; и чѣмъ то теплымъ, роднымъ, давно позабытымъ и всетаки знакомымъ вѣяло для нея и отъ все еще задумчивой и степной, но мягкой природы и отъ радушной простоты гостепріимства и долгихъ визитовъ посѣтителей, и отъ живости рѣчей и жестовъ мужчинъ, такъ охотно посѣщавшихъ умную и бойкую генеральшу, и отъ восточной скромности дамъ, стыдливо потуплявшихъ черные глаза свои, оттѣненные длинными рѣсницами, и говорившихъ предпочтительно о вареньяхъ, шербетахъ и дѣтскомъ здоровьѣ.

Прелесть этой скромности была конечно совсѣмъ непонятна рѣзвому, неугомонному Пушкину, который одно изъ описаній своихъ Кишиневскаго общества заключалъ стихами:

Подогнувъ подъ . . . . . . ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ*).

Но для Марьи Александровны эта въ потъ бросающая застѣнчивость, хотя совершенно чуждая ея собственной природѣ, была мила, какъ нѣчто давно утраченное и вдругъ найденное...

Тамъ въ Кишиневѣ, въ первый разъ въ жизни, почувствовала себя Марья Александровна совершенно дома; и, какъ это

*) Эти шуточные куплеты, которыхъ въ рукописи шесть, написаны размѣромъ «джока», т. е. пѣсенъ, которыя пѣлись молдаванами во время этого мѣстнаго танца. См. Рус. Арх. 1866, 1158-1159, и разсказы А. Ѳ. Вельтмана о Кишиневѣ Пушкинскихъ временъ въ Вѣстн. Евр. 1881, № 3.

часто бываетъ съ пожилыми людьми, — на склонѣ лѣтъ жизни съ удвоенною ясностью и силою начали вставать передъ нею ея дѣтскіе и ранніе дѣвическіе годы. Годы, когда именно ея греческое происхожденіе, греческое имя какимъ-то особымъ ореоломъ окаймляли ея головку и привлекали къ ней вниманіе и милость того Существа, которое казалось ей въ тѣ времена столь неизмѣримо высокимъ и благимъ; когда эта милость возбуждала въ свою очередь вокругъ маленькой гречанки, — « la jolie petite Grecque », — снисхожденіе и сочувствіе со стороны и другихъ, нарядныхъ и важныхъ особъ, столь склонныхъ иначе къ пренебрежительной спеси, къ грубоватому издѣвательству надъ тѣмъ, что не укладывалось опредѣленнымъ образомъ въ ихъ среду, въ ихъ издавнія привычки и понятія.

Иные годы прошли затѣмъ, неизвѣстные намъ годы замужней жизни Марьи Александровны, но въ теченіе коихъ частенько приходилось ей вѣроятно испытывать на себѣ и на мужѣ своемъ, что значитъ обращаться въ обществѣ вамъ всетаки не родномъ и являться въ сущности чуждыми и печалямъ и радостямъ этого общества. Но вотъ, начиная съ войны 1806 года, собирается вокругъ нея мало-по-малу среда незнакомыхъ доселѣ родственниковъ съ береговъ Босфора и съ береговъ Дуная; а нѣсколько лѣтъ спустя, и особенно съ появленіемъ графа Каподистріи, снова начинаетъ ощущаться въ Сѣверной Столицѣ столь знакомая пожилой и овдовѣвшей генеральшѣ — отъ дней ея юности — атмосфера обращенныхъ на Востокъ чаяній; снова встаетъ миражъ «Великаго Проэкта».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не для того только, чтобы поиграть въ бостонъ, покалякать о свѣтскихъ новостяхъ и покушать ѣздилъ къ Марьѣ Александровнѣ Комнено и проводилъ у нея цѣлые вечера такой серьезный и выдающійся политическій дѣятель, какъ Графъ Іоаннъ Каподистріа. Вся греческая среда, столь дружная съ моей Прабабкою, начинала волноваться и горѣть чаяніемъ грядущихъ событій; и тамъ, гдѣ собирались Александръ Скарлатовичъ Стурдза, Александръ Ипсиланти, пылавшій желаніемъ обнажить мечъ для возстановленія поруганной родины

и отмщенія крови и мукъ своихъ ближайшихъ родныхъ, Роксандра Стурдза всецѣло охваченная филэллинскою проповѣдью, — тамъ политика безъ всякаго сомнѣнія руководила и мыслями и бесѣдами.

Перенесемся же на минуту за сто лѣтъ назадъ, на Подъяческую во второй этажъ скромнаго, вѣроятно деревяннаго дома, на квартиру Генеральши Комнено. — Между тѣмъ какъ въ буфетной уже знакомыя намъ Аннушка и «Mlle Дашка» перемываютъ въ круглой деревянной лохани гарднеровскія чашки и десертныя изъ краснаго граненаго хрусталя тарелочки, а Сидоръ и Яковъ выносятъ и вносятъ обратно подносы, — въ гостепріимной столовой Марьи Александровны, освѣщенной свѣчами, — пожалуй что, по случаю гостей и восковыми, — вставленными въ массивные серебряные шандалы, и гдѣ красуется «въ полномъ нарядѣ» горка со стариннымъ серебромъ и фарфоромъ, — собрались за самоваромъ дорогіе гости. Тутъ и Графъ Каподистріа, съ тонкой улыбкой на умномъ, спокойномъ и вдумчивомъ лицѣ, и однорукій Александръ Ипсиланти съ затаеннымъ огнемъ рѣшимости и безумной отваги во взглядѣ, и братъ и сестра Стурдзы, выдающіеся изяществомъ строго дисциплинированнаго ума и искренняго, но чуждаго крайностей религіознаго чувства, и еще кое-кто изъ того же Греческаго общества Петербурга.

Сама Марья Александровна чувствуетъ себя въ этой средѣ чѣмъ-то вродѣ стараго, забытаго знамени, вынесеннаго изъ цейхгауза Зимняго Дворца, — знамени съ Греческимъ Крестомъ, которое на извѣстномъ Эрмитажномъ протретѣ кисти Бромптона держитъ въ своихъ ручонкахъ малютка Константинъ, между тѣмъ какъ Александръ разсѣкаетъ игрушечнымъ мечемъ Гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса... Ибо бесѣда за чайнымъ столомъ ведется снова о тѣхъ же чаемыхъ на Восто-

кѣ событіяхъ, о которыхъ говорилось тридцать и сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, — объ изгнаніи Турокъ изъ Европы, о водруженіи Креста надъ безсмертнымъ куполомъ Святой Софіи, о возстановленіи подъ верховнымъ покровительствомъ Вѣнценоснаго «Ангела» (— о, если бы только далъ Онъ волю влеченіямъ своего сердца!) — Православной Греческой Имперіи на берегахъ Босфора, Пропонтиды и Эгейскаго моря.

Надъ этими собраніями, надъ этими бесѣдами и спорами рѣетъ какъ будто бы тѣнь «Великой», — для младшаго поколѣнія облеченная въ порфиру и золотой глазетъ, съ вышитыми по немъ орлами, съ маленькой брилліантовой короной надъ характернымъ, открытымъ челомъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и съ важно-привѣтливымъ движеніемъ лѣвой, выступающая изъ-за пышной бархатной завѣсы промежъ мраморныхъ и яшмовыхъ колоннъ... Но для Марьи Александровны эта тѣнь воскресала охотнѣй и чаще не на блестящей сценѣ торжественыхъ пріемовъ и дворцовыхъ «дѣйствъ», а въ столь знакомой обстановкѣ внутреннихъ покоевъ и уединенныхъ Царскосельскихъ аллей, въ «пудермантелѣ» или въ утреннемъ капотѣ, какъ увѣковѣчила Ее кисть Боровиковскаго.

Ибо живо, словно то было вчера, помнила старѣющая генеральша біеніе своего дѣтскаго сердца, когда впускали ее утромъ въ опочивальню или въ уборную Императрицы и ощущала она прикосновеніе прекрасной, нѣжной и бѣлой руки, трепавшей ее по щекѣ, и слышала звуки привѣтливаго голоса:

« ...Марья Савишна m'a dit qu'elle était très satisfaite de vous ; cela m'a fait plaisir, ma petite... J'espère que vous vous appliquez aux leçons de grec? Souvenez-vous bien que c'est votre langue maternelle !... — Oui, Madame! отвѣчала дѣвочка, смотря Ей прямо въ глаза, ибо Она не любила, чтобы передъ Ея взоромъ безъ нужды потуплялись взгляды...

« Voici, Machenka, aidez-moi à dévider cette laine; si vous tenez l'écheveau bien tendu et si vous me récitez pendant ce temps une fable de La Fontaine, — je vous

Dessiné et Gravé par Aug. S.t Aubin.

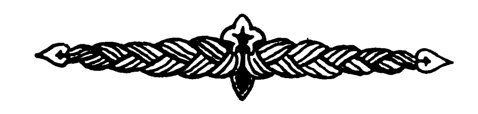
laisserai entrer pour un moment chez le petit Alexandre ; seulement, vous ne le prendrez pas sur les bras... ». И дѣвочка прямо, какъ солдатъ во фрунтѣ, держалась, растопыривъ пальчики, и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, начинала: — «Le chêne un jour dit au roseau...» гордясь превыше мѣры тѣмъ, что и она можетъ услужить Государынѣ, и что забавно-старательная декламація ея вызываетъ улыбку одобренія на добромъ — такомъ добромъ въ эту минуту — лицѣ, которое видала она однако и строгимъ... Дѣвочку снова треплютъ по щечкѣ и цѣлуютъ въ лобъ, и вотъ улыбающійся камердинеръ впускаетъ ее въ свѣтлую, открытую на Царскосельскій паркъ высокими окнами дѣтскую; она опускается на колѣни передъ прелестнымъ маленькимъ существомъ съ головкою покрытою золотистыми кудряшками и съ ласковыми, небеснаго цвѣта глазенками. Ребенокъ, подъ одобрительные возгласы чинной и всегда ясной Madame Gessler*), переступаетъ растопыренными, пухлыми, но крѣпкими ножками по мягкому ковру и протягиваетъ къ новоприбывшей дѣвочкѣ свои бѣленькія, съ розовыми ладошками и «ниточками» вокругъ кистей ручки... На эту головку тяжело легъ нынѣ Царственный Вѣнецъ обширнѣйшей въ мірѣ Монархіи; эти ручки держатъ скипетръ и державу; онѣ недавно еще принуждены были схватиться за мечъ и низринули въ прахъ надменнаго и неодолимаго дотолѣ Корсиканца; онѣ, — несомнѣнно онѣ, — разсѣкутъ и гордіевъ узелъ завязавшійся на берегахъ Босфора... А тѣ, незабвенные глаза, то строгіе, то такіе добрые и чарующе-ласковые, закрылись, — говорятъ, — на вѣки...

Да, для Марьи Александровны Комнено величавая тѣнь усопшей Властительницы продолжала быть живымъ, любимымъ существомъ; а благополучно царствующій Императоръ Александръ Павловичъ, коего можно было ежедневно встрѣтить совершающимъ свою установленную прогулку по набережнымъ

---

*) Англичанка - бонна, жена нѣмецкаго камердинера Великаго Князя Павла Петровича. Александръ Павловичъ очень любилъ и уважалъ эту прекрасную женщину, отъ которой научился онъ и англійскому языку.

Невы и Фонтанки, въ форменной шляпѣ, надѣтой «съ поля», въ ботфортахъ, и въ длинномъ сюртукѣ тщательно стянутомъ въ тучнѣющей таліи, — этотъ столь знакомый всѣмъ Петербуржцамъ обликъ становился подчасъ свѣтлою, неуловимою тѣнью минувшаго... И собесѣдники ея это чувствовали, и невольно усугубляли они почтеніе свое къ пожилой, небогатой, но умной, бойкой, властнаго, прямого характера женщинѣ...

Моя Прабабушка была, разумѣется, чрезвычайно осторожна въ своихъ письмахъ. То было время, когда добрѣйшій Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, перлюстрируя корреспонденцію, отправляемую изъ Москвы, приписывалъ иногда собственноручно къ письму отъ пріятеля къ пріятелю: «И еще — сердечно (или «дружески») кланяется тебѣ (или «Вамъ») Почтдиректоръ Булгаковъ». — Поэтому изъ корреспонденціи Марьи Александровны съ дочерью и зятемъ я не могъ почерпнуть никакихъ новыхъ свѣдѣній изъ области греческихъ или какихъ либо иныхъ дѣлъ; но проскальзываютъ кое-гдѣ интересные намеки на происходящее.

Такъ 10-го Декабря 1818 года Прабабушка пишетъ:

« ...Le comte a reçu le Grand Cordon de Saint-Wladimir et l'Aigle Noir de Prusse ; il est écrit dans la gazette qu'il a un semestre (т. е. отпускъ) d'un an ; cependant ce n'est pas du tout sûr, je vous le dirai dans quelques jours. J'espère son retour pour mes terres *). Je crois cependant qu'il ne restera pas longtemps chez son père **).

*) Т. е. для вопроса о пожалованіи М. А. Комнено земли.

**) Въ Корфу.

И дѣйствительно, въ 1818 году положеніе Каподистріи казалось поколебленнымъ и изъ Вѣны пускались, какъ пробные шары, извѣстія о его близкой отставкѣ. Но на этотъ разъ Каподистріа остался, и лишь въ 1822 году, передъ Веронскимъ Конгрессомъ, Меттерниху удалось отдѣлаться отъ того, кого онъ называлъ не иначе, какъ «Jean l'Apocalyptique» и о чьемъ предстоящемъ удаленіи онъ съ торжествомъ извѣщалъ своихъ единомышленниковъ.

Въ 1818 году положеніе дѣлъ на Востокѣ продолжало глубоко интересовать Императора Александра I-го, который уже на Вѣнскомъ Конгрессѣ выказывалъ сочувствіе свое къ Грекамъ и вообще къ Православному населенію Турціи, Востокъ волновался. Въ Сербіи Милошъ Обреновичъ въ 1817 году сбросилъ маску Турецкаго ставленника и доброхота и возобновилъ вооруженную борьбу съ мѣстными мусульманами, засылая однако въ Константинополь увѣренія въ вѣрности своей Блистательной Портѣ и Падишаху. Въ Элладѣ, Эпирѣ и другихъ греческихъ областяхъ населеніе почти открыто готовилось къ возстанію.

9-го іюня 1820 года Марья Александровна пишетъ своей дочери:

« ...Mon Alexandre *) est parti le 24 au soir ; il a logé la dernière semaine chez moi, nous étions inséparables. Jugez du vide qu'il a laissé — représentez-vous. Eh bien, c'était le second(неразборчиво) ; je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête que je ne le reverrai plus **) et cela fait que j'ai perdu tout le courage que je possédais. Vous connaissez son attachement pour moi ; eh bien, il me semble qu'il l'a triplé. Aussi c'est un fils que je regrette, d'ailleurs étant si seule. Dans tous les cas de la vie ou de la mort, c'est en lui seul que j'espérais. Mais, hélas, le bon Dieu me punit par l'endroit le plsu sensible, — tout ce qui m'est cher, doit être loin de moi. Que sa Volonté soit faite ! Il daigna aussi m'envoyer du secours : mon frère ne m'a point quitté

*) Ипсиланти.
**) Что, увы, и сбылось!

un instant et c'était une grande consolation dans l'état où j'étais... ».

Когда припоминаешь, что менѣе восьми мѣсяцевъ послѣ отсылки Прабабушкою этого грустнаго письма Александръ Ипсиланти, — отъѣзжавшій тогда въ Кишиневъ якобы на побывку къ своей матери, — осуществилъ свое безумное предпріятіе вторженія съ горстью Гетеристовъ въ Дунайскія Княжества, — то становится яснымъ, что ея любимецъ повѣрилъ ей, по крайней мѣрѣ отчасти, свои намѣренія.

Бѣда, которую предчувствовала Марья Александровна, стряслась въ февралѣ 1821 года. Слухи о происшедшемъ проникли въ Петербургъ въ мартѣ и волновали понятнымъ образомъ всю греческую колонію, многіе изъ молодыхъ членовъ коей послѣдовали за братьями Ипсиланти.

22-го марта 1821 года Марья Александровна пишетъ:

« ...Hier, ma bonne amie, j'ai reçu votre chère lettre du 23 février. Pourquoi ne me dites-vous rien de mon Alexandre ? Pourquoi ne dites-vous pas le mot de Georges Mano *) ? Ses parents, ici sont à plaindre véritablement, il ne leur écrit pas un mot et ils doutent même de son existence... La bonne et excellente Princesse **) se porte bien, dites-vous ? Béni en soit le Ciel ! Je lui baise les mains et je lui écrirai par une occasion, s'il s'en trouvait ***). Ici, dans ce moment, on n'apprend que des choses très sérieuses pour la Nation grecque. Je crois que l'on fait un tas de mensonges, car lorsqu'on ne voit pas aucun document sur tout ce qu'on dit, on a peine à croire à toutes ces histoires. Au reste, il se fera ce que Dieu voudra ; je n'aime pas à me mêler ni parler politique, car je n'y entends guère à cela, puis ce n'est pas l'affaire d'une femme » ****).

«Простите, мои друзья, будьте здоровы и благополучны; любите меня и молитесь Господу Богу за меня — бѣдную

*) Племянникъ г-жи Влангали.
**) Ипсиланти, мать Александра.
***) Т. е. не почтою.
****) Писано очевидно для почты!

старуху. Кто знаетъ — можетъ и Митюша къ Вамъ будетъ. Твори, Господи, волю Твою Святую, аминь...»

Прабабушка ожидала очевидно развитія событій и войны; и въ такомъ случаѣ для нея вполнѣ ясно было, что сынъ ея, Димитрій Христофоровичъ Комненъ, долженъ въ первую очередь стать въ ряды сражающихся противъ полумѣсяца и слѣдовательно искать перевода въ войска, расположенныя на южной границѣ, т. е. въ Бессарабіи.

Немного позже Марья Александровна пишетъ, — уже не дочери, — а зятю, и не по почтѣ а съ вѣрной, повидимому, оказіей, ибо языкъ ея, на этотъ разъ, гораздо откровеннѣе:

« ...Il y a quelques jours, le Comte *) a été chez moi ; nous étions absolument seuls pendant deux heures ; après quoi Gabriel **) est venu passer le reste de la soirée devant lui... Vous savez que cette maheureuse affaire des Grecs a déplu à l'Empereur. Même le Comte a été chancelant pour quelque temps. Vous savez que l'Empereur ne veut pas entendre parler de notre bon ami Catacazy ***) Il est persuadé qu'il savait tout ce qui se tramait à Kichineff. J'ai bien persuadé le comte qu'il n'en savait rien ****), mais il dit que tant pis : comme Gouverneur il ne devait pas l'ignorer et, quoique parent, s'il le savait, qu'il devait en informer le gouvernement d'après le serment de fidélité ! Ainsi donc, dans tous les cas, on dit que notre ami est fautif. Mais j'espère en Dieu que cela ne durera pas longtemps. Une fois la guerre décidée, tout sera oublié et pardonné, car notre Empereur est un agne de bonté... La guerre, je crois, est inévitable. En attendant, on fait dans toutes les églises des quêtes pour les malheureux réfugiés grecs. C'est Roxandre *****) qui a écrit une lettre au

---

*) Каподистріа.

**) Гавріилъ Антоновичъ Катакази.

***) Константинъ Антоновичъ, женатый на Княж. Ипсиланти, тогдашній Бессарабскій граждан. губернаторъ.

****) Что было правдой: домомъ, мужемъ, и областью управляла энергичная Екатерина Константиновна, пламенная Филэллинка, равно какъ и жившая съ нею мать, Княгиня Ипсиланти.

*****) Роксандра Скарлатовна Стурдза.

prince Galitzine du Synode, et il l'a présenté à notre angélique Empereur qui a permis que ce secours leur soit accordé; et tout sera arrangé en perfection en on enverra un ordre à tous les gouverneurs à ce sujet... Ecrivez donc de temps en temps un petit mot de Yakovaki : Mme Wlangali, la pauvrette, ne fait que s'inquiéter pour sa sœur et son neveu qui était avec mon bien-aimé Alexandre... » *).

Но, несмотря на желанія и предсказанія Марьи Александровны, война не вспыхнула на этотъ разъ, и Греки предоставлены были въ концѣ концовъ собственной участи, а съ 1822 года англійскому вліянію. И «Великому Проэкту» никогда не суждено было вновь возродиться.

Тяжелая борьба, происходившая въ душѣ Александра I-го между личнымъ сочувствіемъ его возставшимъ единовѣрцамъ и страхомъ передъ новою войною и новымъ раздѣленіемъ Европы на два враждующіе лагеря; удрученное состояніе Государя вслѣдствіе недавней исторіи въ Семеновскомъ Полку и первыхъ свѣдѣній о широко раскинутой дѣятельности тайныхъ обществъ; постепенный, соотвѣтственно съ симъ, — ростъ вліянія на уязвленную душу и впечатлительный умъ Русскаго Монарха навѣтовъ и убѣжденій Князя Меттерниха, написавшаго на своемъ знамени, «что покорность народовъ отъ Бога дарованнымъ правительствамъ есть первое и непремѣнное условіе сохраненія мира, спокойнаго преуспѣнія общественности и блаженства отдѣльныхъ гражданъ»; филэллинское броженіе, охватившее значительную часть русскаго культурнаго общества, включая прежде всего военную молодежь, — броженіе, давшее новый подъемъ проповѣди тайныхъ обществъ; состязаніе между Меттернихомъ и Каподистріей, кончившееся удаленіемъ отъ дѣлъ знаменитаго Грека; — все это не находитъ ни малѣйшаго отклика въ письмахъ Марьи Александровны. Можетъ статься, что писала она кое-что своему зятю съ вѣрными оказіями, но конечно всякій разъ съ припискою никому этихъ писемъ — кромѣ Като — не показывать и немед-

*) Т. е. въ числѣ гетеристовъ.

ленно по прочтеніи ихъ сжигать, что неукоснительно исполнялось столь же осторожнымъ, какъ и она, зятемъ. Но позволено думать также, что со свойствеными ей оптимизмомъ и умѣніемъ мириться съ неизбѣжнымъ, Прабабушка не изводилась свыше мѣры неисполненіемъ или, вѣрнѣе, отсрочкою своихъ горячихъ пожеланій, будучи увѣренною, что, въ концѣ концовъ «l'Angélique Empereur» не можетъ не придти на помощь ея геройски борющимся единоплеменникамъ и введетъ снова свою Царственную политику въ славное русло Екатерининскихъ предначертаній...

Но и этимъ надеждамъ пришелъ черезъ три года неожиданный и печальный конецъ. Въ концѣ ноября 1825 года получена была въ столицѣ и быстро распространилась среди публики горестная вѣсть о кончинѣ Императора Александра I-го въ Таганрогѣ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ событіи Марья Александровна въ письмѣ къ дочери отъ 1-го декабря 1825 г. (Приводимъ это письмо въ русскомъ переводѣ):

«Я получила, дорогая Като, твое письмо отъ 1-го ноября въ минуту скорби и отчаянія за всю Россію, — о себѣ я больше не говорю: кажется, судьбѣ угодно было довести меня до полнаго отчаянія, и подавить меня еще больше. Ты знаешь, моя Като, какъ сей ангелъ доброты осыпалъ меня своими благодѣяніями. Что же мнѣ еще болѣе сказать? Молиться за его душу и завѣщать потомству благоговѣть къ его памяти... Мое здоровье лучше, чѣмъ можно бы думать въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Посуди, дружокъ, въ какомъ я очутилась положеніи: такъ какъ я не говѣла лѣтомъ, я сочла долгомъ сдѣлать это теперь, я торопилась покончить съ этимъ дѣломъ до пріѣзда Габріэля*). Мы ждали священника, чтобы исповѣдаться; пока, послѣ обѣда, я по обыкновенію прилегла немного отдохнуть. И вотъ Дашка пришла сказать Софи, что нѣтъ боль-

*) Гавріилъ Антоновичъ Катакази уже былъ въ то время оффиціально помолвленъ съ Софіей Христофоровною Комнено, а передъ свадьбою поѣхалъ на югъ къ своимъ роднымъ.

ше нашего ангельскаго Императора... Софи, перепуганная, оглушенная этой ужасной вѣстью, бѣжитъ внизъ къ дамамъ, которыя тамъ живутъ, и ей положительно подтверждаютъ, что несчастіе вполнѣ достовѣрно. Тогда она ждетъ, пока я встану, и послѣ всякихъ приготовленій сообщаетъ мнѣ роковую новость. Пріѣзжаетъ священникъ и я ему заявляю, что ни голова, ни сердце у меня не готовы, чтобы приступить въ Святому Покаянію. Но онъ увѣрилъ меня, что это — испытаніе, посланное мнѣ преблагимъ Богомъ и что это — какъ разъ минута выказать мою покорность Его неизмѣннымъ рѣшеніямъ. И я повиновалась. Но утромъ, идя къ обѣднѣ къ причастію, ахъ, Като, дружокъ, что я вижу... весь Преображенскій полкъ собрался на панихиду; нѣтъ больше поминовенія на ектеньи, я думала, что умру съ горя... Но помощь Всеблагого Бога не покинула меня и послала мнѣ обиліе слезъ, которыя много облегчили меня. Мы просили Высшее Существо за новаго Государя, котораго Оно посылаетъ намъ. (Nous avons prié l'Etre Suprême pour le nouveau maître qu'il nous envoyait).

Теперь больше не безпокойся о моемъ здоровьѣ; Пресвятая Дѣва соблаговолитъ дать мнѣ нужныя силы, а молитва сдѣлаетъ остальное...

Софи и Мишенька тебя цѣлуютъ отъ всего сердца. Послѣдняго здѣсь нѣтъ, — но онъ все-таки пріѣхалъ повидать меня тотчасъ же, какъ узналъ о нашемъ несчастіи, но снова уѣхалъ черезъ нѣсколько часовъ *).

Въ этихъ столь искреннихъ строкахъ сказывается прежде всего глубокая религіозность моей Прабабушки. Проглядываетъ также въ нихъ и обычная ея осторожность: «Nous avons prié l'Etre Suprême pour le nouveau maître qu'il nous envoyait»... Имени Константина *не* произносится. По всему вѣроятію 1-го декабря у Марьи Александровны уже были свѣдѣнія, что Александру I - му наслѣдуетъ не Константинъ,

*) Повидимому Д. Х. Камнено былъ еще адъютантомъ при Закревскомъ въ Финляндіи.

котораго уже поминали на ектеніяхъ, а Николай; но она выходитъ изъ затрудненія, называя будущаго вѣнценосца просто «le Nouveau Maître.» Также не нашелъ я слѣда, въ корреспонденціи Прабабушки, о событіяхъ 14 - го Декабря. Впрочемъ надо сказать и то, что нѣту въ этой корреспонденціи даже упоминовенія о грозномъ наводненіи ноября 1824 года! Во всякомъ случаѣ кончина Александра I-го была для Марьи Александровны тяжелымъ ударомъ и искреннимъ горемъ: обрывалось сразу все дорогое прошлое, обрывались и дальнѣйшія надежды...

Прабабушку поддержали въ этомъ горѣ столь желанный ею сговоръ ея младшей дочери съ Гавріиломъ Антоновичемъ Катакази и надежда на скорый отъѣздъ свой въ Бессарабію, къ любимой Като. Быть можетъ предчувствовала она также, что не долго уже ей волноваться событіями вѣка, строить планы и питать надежды на будущее, къ чему такъ падко человѣческое сердце во всякомъ возрастѣ, а у иныхъ и до послѣдняго біенія...

Но прежде чѣмъ проститься съ обликомъ моей Прабабушки, скажу нѣсколько словъ о ея сынѣ и четырехъ дочеряхъ, изъ коихъ младшая была моею бабушкою.

ГЛАВА IV

СЫНЪ И ДОЧЕРИ СУПРУГОВЪ КОМНЕНО. — Бракъ Софіи Христофоровны Комнено съ Гавріиломъ Катокази.

Въ которомъ точно году родился, гдѣ и когда воспитывался «Митинька», т. е. единственный сынъ супруговъ Комнено — Димитрій Христофоровичъ — я не знаю. 1819 - й годъ застаетъ его подпоручикомъ армейскаго полка (кажется Нейшлотскаго), четыре слишкомъ года послѣ производства его въ офицеры. Нужно слѣдовательно предполагать, что родился онъ около 1798-го года, ибо въ тѣ времена надѣвали обыкновенно офицерскія эполеты 16-ти или 17-ти лѣтъ отъ роду.

Между 1818-мъ и 1826-мъ годами имя его довольно часто упоминается въ прабабушкиныхъ письмахъ, и эти небольшіе отрывки кидаютъ всетаки нѣкоторый свѣтъ на его личность.

«... Отъ Митеньки ни одного слова не получила», пишетъ Марья Александровна дочери тотчасъ по возвращеніи своемъ въ 1818 -мъ году въ Петербургъ.

« ...Cependant on m'a proposé une très bonne chose pour lui : c'est de le faire aide-de-camp du général Hermoloff (sic); il en aura, dit-on, grand soin de lui faire sa carrière. Je ne sais l'endroit où le régiment Нейшлотскій (очевидно полкъ въ которомъ служилъ въ то время Димитрій Христофоровичъ) restera ; dans quelle ville ? Si vous le savez, dites-le moi... »

Изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ можно заключить, что А. П. Ермоловъ, назначенный въ то время на Кавказъ, — зна-

валъ и уважалъ Христофора Марковича Комнено. Иначе съ какой стати принималъ бы онъ участіе въ карьерѣ его сына?

Въ письмѣ отъ 24-го ноября 1818 года про Митиньку говорится съ большими подробностями: «... Познакомилась я, пишетъ Прабабушка, съ полковникомъ Лутковскимъ; онъ Митиньку очень хвалитъ и говоритъ мнѣ: «Повѣрьте мнѣ, ежели бы мы его не знали, то я самъ для себя бы не рисковалъ ему дать лучшую гренадерскую роту *); это капитанскій постъ, а онъ подпоручикъ и ея заслужилъ. Только у него, говоритъ, одинъ порокъ — денежки не любитъ беречь, а въ карты не играетъ. Да у него теперь ни алтына нѣтъ». Я ему сукна посылаю на мундиръ, пуговицы и эполеты въ подарокъ, ибо совсѣмъ, говоритъ полковникъ, обносился; а сто рублей посылаю въ счетъ годовыхъ денегъ, ибо плаща не дѣлалъ уже четвертый годъ, и не мудрено, что уже старъ сталъ. Только этотъ полковникъ пречестной и предоброй человѣкъ».

Но Димитрій Христофоровичъ не попадетъ къ Ермолову на Кавказъ. Мать устраиваетъ его около 1820 года поближе къ Петербургу — Адъютантомъ къ финляндскому Генералъ-Губернатору Графу Штейнгелю. И тамъ служба молодого офицера, повидимому аккуратнаго и усерднаго, идетъ успѣшно.

« ...J'ai reçu une lettre bien consolante de Mitinka, пишетъ Марья Александровна 6 марта 1821 г. Его Графъ**) употребилъ дежурствомъ управлять ! C'est une grande distinction car il est le plus jeune des aide-de-camp ! Il lui a donné 500 roubles d'argent de table ***) et en outre cela, son logement sera payé à part ; c'est encore un objet de 300 roubles en plus. Et lorsqu'il viendra à présent ici, le Comte veut prier l'Empereur de le prendre aux Gardes. Voilà bien des choses heureuses, grâce à la bonté Divine... Sa lettre est à mourir de rire! Vous le connaissez, aussi vous pouvez juger de cela !... ».

23-го февраля 1823 года Прабабушка съ торжествомъ извѣщаетъ свою дочь: ... «Господинъ Димитрій Комнено сегод-

---

*) Марья Александровна пишетъ: «Гарнадерскую».
**) Штейнгель.
***) «Столовыхъ».

ня пожалованъ Штабсъ-Капитаномъ; меня навѣрно увѣряютъ, что черезъ годъ будетъ капитаномъ; слава Богу... Онъ милостью Своею сиротъ не оставляетъ...»

Въ концѣ февраля 1824 года Митинька, уже гвардейскій офицеръ, и все еще адъютантъ финляндскаго Генералъ-Губернатора, пріѣзжаетъ въ Петербургъ къ семейному торжеству выпуска Софи изъ Смольнаго. 14-го марта Марья Александровна отмѣчаетъ отъѣздъ его.

« ...Mitinka est déjà parti ; il nous a laissé un grand vide, Sophie en était bien triste. Que faire? tout dans ce bas monde est momentané, les plaisirs comme les chagrins. — Mais je vous avoue que je suis inquiète sur le sort de Mitinka. Si le général Zakrevsky *) veut le prendre près de lui, alors je suis tranquille. Mais s'il doit venir ici dans son régiment (кажется Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ)les dépenses étant si fortement augmentées chez moi par la sortie de Sophie, je n'ai aucune idée, comment je pourrais encore y suffire à entretenir Mitinka, car il ne pourrait pas passer ici avec les mille roubles que je lui donnais en Finlande. Охъ, Господи! C'est Lui et Lui seul qui daignera m'aider avec sa grande miséricorde !... »
«Не будемъ унывать, ибо Господь никого никогда не покинулъ».

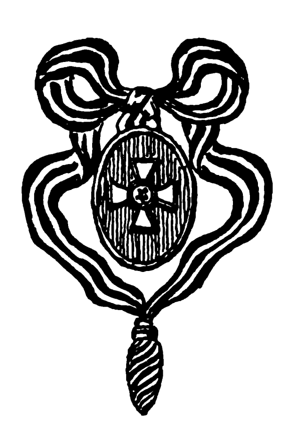
Димитрій Христофоровичъ Комнено остался однако адъютантомъ у Закревскаго и былъ, повидимому, въ Финляндіи еще въ началѣ 1826 года. Дальнѣйшая судьба его уже рзсказана мною. По преданіямъ, сохранившимся въ семьѣ Крупенскихъ, онъ былъ впослѣдствіи взятъ адъютантомъ къ графу Дибичу, въ этомъ качествѣ сдѣлалъ походъ 1829-го года и получилъ тяжелую рану не на штурмѣ Варны, какъ разсказывалось у насъ, а при взятіи Адріанополя**). Въ которомъ именно году онъ скончался, отъ вскрытія раны, мнѣ неизвѣстно.

---

*) Арсеній Андреевичъ Закревскій — впослѣдствіи графъ — замѣстилъ незадолго передъ тѣмъ во главѣ Финляндіи Графа Штейнгеля.

**) Это не вѣрно: Адріанополь былъ занятъ нашими войсками безъ боя вскорѣ послѣ побѣдоноснаго сраженія при Айдосѣ, находящемся отъ Адріанополя въ разстояніи значительномъ.

Акварельный портретъ, утерянный нынѣ въ Россіи, изображалъ Димитрія Христофоровича очень юнымъ офицеромъ, въ мундирѣ съ синими лацканами и серебряными пуговицами, — вѣроятно въ мунидрѣ его (Нейшлотскаго?) полка. Красавцемъ, судя по портрету, его никакъ нельзя было назвать. На отца своего онъ, повидимому, совсѣмъ не былъ похожъ, а скорѣе на мать; лицо открытое, немножко наивное, — какъ, впрочемъ и полагалось столь юному офицеру. По семейнымъ преданіямъ, онъ имѣлъ большой талантъ къ рисованію и характера былъ чрезвычайно веселаго. Изъ корреспонденціи Марьи Алекасндровны съ дочерью видно, что она одно время устраивала бракъ сына съ Княжною Маврокордато, — но съ которою именно, — неизвѣстно. Молодые люди считались какъ будто уже помолвленными; но затѣмъ дѣло разошлось, по капризу — какъ пишетъ Марья Александровна — Княгини Маврокордато. Впрочемъ она тутъ же добавляетъ, что Митинька вовсе не былъ увлеченъ своею суженою, что «приданаго у этой послѣдней почитай что совсѣмъ нѣту», а мать — «просто сумасшедшая»; и что слѣдовательно нечего объ этомъ печалиться.

Корреспонденція моей Прабабушки со своею старшею дочерью и съ зятемъ оставляетъ впечатлѣніе почти дружескихъ

отношеній ея со своими дѣтьми. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы такъ было на самомъ дѣлѣ и существовало всегда.

Разсказы моей бабушки Софьи Христофоровны своимъ дочерямъ обрисовывали и другую стороны материнскаго обихода Прабабушки. Судя по этимъ разсказамъ, Марья Александровна выказывала дѣйствительно большое и постоянное попеченіе о дѣтяхъ, но въ то же время была строга и непреклонна въ требованіяхъ, предъявляемыхъ ею къ дочерямъ и къ сыну; а требованія эти сводились главнымъ образомъ къ безпрекословному повиновенію материнскому авторитету. Таковы были времена. Марья Александровна и сама была воспитана въ строгости и «страхѣ Божіемъ», что не мѣшало ей сохранить до конца самыя благодарныя чувства къ воспитавшимъ ее лицамъ. Къ тому же не надо упускать изъ виду, что письма Прабабушки написаны къ дочери уже замужней, къ «самостоятельной» барынѣ, хозяйкѣ зажиточнаго дома, гдѣ мать ея съ такимъ удовольствіемъ гостила и еще собиралась гостить.

Впрочемъ и изъ самыхъ писемъ видно, что Прабабушка не ровно относилась къ своимъ четыремъ дочерямъ: старшую Като и младшую Софи она повидимому любила гораздо больше среднихъ — Аннетъ и Лизы. Такъ, напримѣръ, въ Кишиневъ она рвется всѣмъ сердцемъ; она готова ѣхать на край свѣта съ Кикиными и оттуда летѣть за пятьсотъ верстъ «одна и безъ дѣвки, съ двумя капотами», чтобы повидать хоть на недѣлю дочь, зятя и внука. Но за всѣ восемь лѣтъ, которые обнимаетъ ея корреспонденція, она ни разу и не думаетъ посѣтить свою третью дочь Елизавету Христофоровну Пещурову, живщую въ деревнѣ, въ Опоченскомъ уѣздѣ, не далѣе 200 верстъ отъ Петербурга. Ранняя кончина ея дочери Анны Христофоровны Софіано (до августа 1824 года) не отражается ощутительно на состояніи духа Марьи Александровны; въ пачкѣ сохранившихся писемъ не находится очевидно тѣхъ, которыя написаны были ею сейчасъ же послѣ этого грустнаго событія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что Прабабушка поплакала, потужила, но затѣмъ, призвавъ на помощь свою обычную покорность волѣ Господней, снова и въ скоромъ времени об-

ратилась къ предметамъ заботъ и радостей настоящей минуты; а этими предметами были въ 1824-мъ и въ 1825-мъ годахъ выпускъ изъ Смольнаго и возврщеніе подъ материнскій кровъ младшей дочери, ея выѣзды и сговоръ ея съ Гавріиломъ Антоновичемъ Катакази, — человѣкомъ, въ коемъ Прабабушка чаяла — и не ошибочно — совершенно подходящаго мужа для своей милой рѣзвушки и пѣвуньи Софи.

Старшая изъ сестеръ Комнено, Екатерина Христофоровна, отличилась уже въ Смольномъ прилежаніемъ и образцовымъ поведеніемъ и пользовалась повидимому особымъ благоволеніемъ Императрицы Маріи Өеодоровны. Когда въ августѣ 1814-го года, т. е. еще при жизни отца, она сдѣлалась невѣстою и обратилась съ испрошеніемъ соизволенія на бракъ къ своей Августѣйшей Покровительницѣ, то Та отвѣтила ей собственноручнымъ письмомъ (точнѣе рескриптомъ) слѣдующаго содержанія:

« ...Mademoiselle de Comneno, — j'ai reçu votre lettre par laquelle vous m'annoncez votre prochain mariage, en me demandant ma bénédiction, et je me fais un plaisir de vous exprimer les vœux que j'adresse au Ciel, pour qu'il daigne bénir votre union et la rendre heureuse. Elle le sera certainement, si, comme je n'en doute nullement, vous êtes toujours restée pénétrée des principes qui vous ont été inculqués à la Communauté et qui vous apprendront à remplir les devoirs de votre nouvel état de manière à mériter les bénédictions du Ciel. Ce sera de même un moyen assuré de conserver toujours un titre à la bienveillance avec laquelle je suis. — Votre affectionnée : Marie. »

Pavlovsk, le 21 Août 1814. *)

Подобнаго рода письма Государыня писала лишь особо отличеннымъ Ею воспитанницмъ своей Смольной Общины.

*) Надпись, — собственноручная же, — надъ письмомъ: «Г-жѣ Комнено, жительствующей въ Большой Подъяческой въ домѣ Барона Николаи возлѣ Сіезжей». (Съѣзжей).

По разсказамъ моей бабушки, бракъ Екатерины Христофоровны съ зажиточнымъ Бессарабскимъ и Молдавскимъ помѣщикомъ Матвѣемъ Егоровичемъ Крупенскимъ устроенъ былъ добрѣйшею и практичною княжною Роксандрою Скарлатовною Стурдза. Въ одинъ прекрасный день Марья Александровна обратилась къ своей старшей дочери:

« ...Cato, ma chère, nous allons ce soir chez la princesse Roxandre. Vous mettrez votre robe mauve, vous vous coifferez plus soigneusement que la dernière fois et vous serez très aimable avec un Monsieur Kroupensky qu'on nous présentera... »

Като отвѣчала: «Oui, Maman» и постаралась исполнить въ точности преподаныя ей инструкціи; и черезъ нѣсколько недѣль бракъ былъ устроенъ и объявленъ.

Екатерина Христофоровна была не только послушною дочерью, но имѣла и личныя достоинства. Не особенно красивая, она съумѣла привязать къ себѣ своего мужа и сдѣлать свой домъ пріятнымъ центромъ для мѣстнаго Бессарабскаго и Русскаго Общества. Пушкинъ въ своихъ письмахъ изъ Кишинева отзывается о ней, какъ о женщинѣ пріятной, умной и образованной. Черезъ своихъ двухъ сыновей она стала родоначальницею чрезвычайно многочисленнаго потомства, до послѣднихъ лѣтъ благоденствовавшаго въ Россіи. Дочерей своихъ она выдала за представителей самаго родовитаго фанаріотскаго общества, а именно за князя Кантакузина (бессарабца) и за Аргиропуло и Сутцо (грековъ). При этомъ отнюдь не принимались во вниманіе желанія и вкусы самихъ дочерей, а дѣло рѣшалось исключительно родительскою волею. Повидимому Екатерина Христофоровна «разсуждала за благо» слѣдовать въ этихъ случаяхъ примѣру своей матери.

Какъ я уже говорилъ выше, вся переписка Марьи Александровны Комнено съ дочерью свидѣтельствуетъ о нѣжной любви, которую питала она къ своей старшей «умницѣ». Эти чувства пернесла она и на зятя своего Матвѣя Егоровича Крупенскаго и на своихъ первыхъ внука и двухъ внучекъ, — единственныхъ коихъ ей довелось видѣть и пестать. Нѣтъ пись-

ма, въ коемъ не было бы нѣжностей по адресу «ангела и херувима Зозо», — о воспитаніи коего его бабушка заботилась заглазно и весьма заблаговременно. Въ одномъ письмѣ, напримѣръ, — совѣтуетъ она пріучать его заранѣе къ французскому языку:

« ...Si vous voulez me donner une grande marque de votre obéissance, de votre tendresse et de votre amour, — dès le même jour que vous recevrez cette lettre, vous commencerez à apprendre à Zozo le français; — tous les jours par trois mots ; le premier jour que ce soit Dieu et le second, la Sainte Vierge; après, tout ce qu'il vous plaira, mais absolument trois mots par jour — le pain, l'eau, le sel... Voilà la plus grande preuve que vous pourrez me donner de votre attachement... ».

Въ другой разъ Марья Александровна настоятельно внушаетъ дочери и зятю научить малютку первымъ молитвамъ: «Что мой ангелъ, мой внукъ, мой херувимъ дѣлаетъ?... Молишься ты Богу?.. Умѣешь ли Отче нашъ, Богородицу?»... и прибавляетъ дальше съ упрекомъ:«... Vous lui apprenez des fables avant les prières!...»

Въ томъ же письмѣ есть приписка: «Нянюшкѣ мой поклонъ. Nanette бздунью (sic) хорошо сдѣлала, что отправила». — Потомство, къ счастью, никогда не узнаетъ, кто была эта, столь безаппеляціонно опороченная *Nanette !...*

Херувимъ Зозо, впрочемъ, такъ и не научился ни молитвамъ, ни французскимъ реченіямъ: онъ умеръ въ младенчествѣ, горячо оплаканный своею Бабушкою.

Вторая сестра Комнено, также Смольнянка, Анна Христофоровна, по семейнымъ преданіямъ — милая, кроткая и добродушная, любимица отца, который пожелалъ дать ей завѣтное Комненовское имя Анны, — вышла замужъ между 1816--мъ и 1818-мъ годами за Петра Софіано, родомъ грека,

командовавшаго полкомъ гдѣ-то на югѣ Россіи. Анна Христофоровна скончалась рано, до 1824 года, чуть ли не отъ послѣдствій третьихъ родовъ; а мужъ ея былъ убитъ въ Польскую кампанію 1831 года. Сироты Софіано воспитаны были попеченіями Княжны Маврокордато, уже не молодой дѣвицы, помолвленной съ вдовцомъ Софіано передъ кампаніей. Особенно заботилась она о маленькомъ Леонидѣ, сынѣ своего нареченнаго и оплакиваемаго жениха, и выдала за него впослѣдствіи свою племянницу Графиню Марію Александровну Санти. Съ этимъ почтеннѣйшимъ и милѣйшимъ двоюроднымъ братомъ моей матери — Леонидомъ Петровичемъ Софіано, мои родители находились всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и я самъ храню объ немъ съ дѣтства свѣтлыя воспоминанія. Онъ скончался въ преклонной старости Генералъ - Адъютантомъ и Андреевскимъ Кавалеромъ, пробывши долгіе годы Товарищемъ Генералъ - Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича, питавшаго къ нему безграничное довѣріе и дружбу. Одна изъ его сестеръ, Марья Петровна была замужемъ за Севастопольскимъ героемъ Адмираломъ Аполлинаріемъ Александорвичемъ Заринымъ, другая за Псковскимъ помѣщикомъ Окуневымъ.

Для Елизаветы Христофоровны Комнено, очень хорошенькой дѣвушки (я ее помню въ старости, и рѣдко видалъ болѣе хорошенькую старушку), нашли подходящаго жениха тотчасъ по выходѣ ея изъ Смольнаго. То былъ Алексѣй Никитичъ Пещуровъ, очень состоятельный Псковской помѣщикъ, дѣлавшій къ тому же хорошую служебную карьеру. Онъ былъ очень сутуловатъ — почти горбатъ — и скорѣе некрасивъ лицомъ. Бѣдная Лизанька ни за что не хотѣла выходить за нелюбимаго человѣка. Но Марья Александровна осталась непреклонною. Сама воспитанная строго, она не могла постигнуть, чтобы дочери, котрыхъ она такъ любила и о которыхъ такъ много заботилась, не послушались ея совѣтовъ, а, въ крайнемъ случаѣ, ея приказаній; да онѣ въ дѣйствительности и не смѣ-

ли на это рѣшиться, воспитанныя съ младенчества въ привычкѣ безпрекословнаго повиновенія волѣ родительской. Къ тому же, будучи женщиной умной и проницательной и прекрасно зная характеры своихъ «дѣвочекъ», Марья Александровна почти безошибочно угадывала, въ чемъ могло заключаться счастье каждой изъ нихъ. И въ данномъ случаѣ она также не ошиблась. Увезенная мужемъ сначала въ деревню, а потомъ въ Псковъ, куда онъ впослѣдствіи былъ назначенъ Губернаторомъ*) Елизавета Христофоровна вернулась въ Петербургъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда А. Н. Пещуровъ назначенъ былъ Сенаторомъ. И кто бы могъ подумать? — она души не чаяла въ своемъ мужѣ, называя его не иначе, какъ «mon Ange Alexis », гладя его по кудрявымъ волосамъ, восхищаясь не только его лбомъ и глазами, которые были дѣйствительно умны и выразительны, но даже его отвислою чувственною губою. И до самой смерти мужа продолжалось это безоблачное счастье, хотя всѣ знали — да и Елизавета Христофоровна первая, — что ея возлюбленный Алексисъ оказывалъ благосклонность также и красавицѣ крѣпостной, произведенной въ ключницы; но ревность только усугубляла любовь жены. Правда и то, что Алексѣй Никитичъ, — человѣкъ умный и тонко по тогдашнему образованный, — окружалъ свою супругу изысканнымъ вниманіемъ, и что бракъ съ нимъ далъ ей прекрасное общественное положеніе и зажиточный обиходъ, коимъ она весьма дорожила. Пещуровы оставили пять дочерей: Княгиню Марію Ал. Трубецкую, Софію Ал. Пальчикову, Наталію Ал. Галахову, Княгиню Ольгу Ал. Дондукову-Корсакову и Варвару Ал. Пещурову, оставшуюся не замужемъ. Со всѣми ними моя мать и ея сестры состояли въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ.

*) Кн. А. М. Горчаковъ (будущій Канцлеръ) родственникъ Пещуровыхъ, былъ при немъ Чиновникомъ Особыхъ Порученій и встрѣтился случайно на станціи съ опальнымъ Пушкинымъ, сосланнымъ въ Михайловское: «Но на большой дорогѣ мы встрѣтились и братски обнялись!»

Софія Христофоровна Комнено

«СМОЛЬНЯНКОЮ»

Mlle Sophie Comnène

(en 1820)

Изъ переписки Прабабушки можно, годъ за годомъ, прослѣдить превращеніе маленькой Софи Комнено въ молоденькую Дѣвушку. Покинула она родительскій домъ, какъ я уже сказалъ, весьма рано, т. е. восьмилѣтнимъ ребенкомъ и, соотвѣтственно съ симъ, поступила необычайно рано въ первый институтскій классъ Общины. Вѣроятно вслѣдствіе ея малолѣтства, ее, какъ и нѣкоторыхъ другихъ воспитанницъ, — по особой ли протекціи, или-же за добавочную плату, — этого я не знаю, — устроили жительствомъ у одной изъ классныхъ дамъ Общины, что избавляло дѣвочку отъ всегда тяжелаго для дѣтей испытанія общаго дортуара. Классная дама эта, къ которой Софи очень привязалась, Mlle Каховская, взята была года черезъ три воспитательницей къ дочерямъ Великой Княгини Екатерины Павловны, наслѣдной принцессы Виртембергской; (вотъ какъ высоко былъ поставленъ въ то время выборъ классныхъ дамъ Общины). Софи Комнено должна была перейти такимъ образомъ къ другой классной дамѣ, Mlle Оконишниковой, съ которою она впрочемъ также очень скоро поладила. Способности у дѣвочки были замѣчательныя: она кончила Институтъ одною изъ первыхъ ученицъ, не достигши еще шестнадцатилѣтняго возраста. Въ Смольномъ же развился ея музыкальный талантъ. До старости своей она любила и понимала серьезную музыку, а голосъ ея и манера пѣнія были, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по свидѣтельству всѣхъ ее знавшихъ, незаурядными.

Прабабушка Марья Александровна, повидимому, очень любила свою младшую дочь и гордилась ея успѣхами. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, — почти наканунѣ выпуска Софи изъ Смольнаго, она рисуетъ Екатеринѣ Христофоровнѣ портретъ ея младшей сестры; само собою разумѣется, что она видитъ свою молоденькую дочку сквозь призму своей материнской любви; однако, по всѣмъ отзывамъ, бабушка моя была миловидною дѣвушкою, а въ замужествѣ — женщиною пріятной наружности, умѣвшей, какъ говорятъ французы, носить туалетъ; она была небольшого роста, но всю свою жизнь стройною.

У меня имѣются два старинныхъ изображенія моей Бабушки: одно, писанное акварелью, — по семейному преданію,

6

одною изъ ея товарокъ по Институту, — и представляющее Софью Христофоровну уже по выходѣ изъ Смольнаго въ бѣломъ платьѣ декольте и въ позѣ жертвы, приносимой вѣроятно страшному и невѣдомому богу Гименея; — глаза устремлены горе, руки — не особенно красивыя — сложены на груди въ молитвенной позѣ; лицо Бабушки на этомъ изображеніи почти не напоминаетъ чертъ ея въ старости, отлично сохранившихся въ моей памяти. Напротивъ того, другой рисунокъ карандашомъ, представляющій Бабушку Смольнянкой въ *зеленомъ* классѣ (рукава и корсажъ платья слегка оттѣнены зеленою акварелью), поразительно напоминаетъ ее въ пожиломъ и даже старомъ возрастѣ; на этомъ рисункѣ Бабушка является миловиднымъ подросткомъ, съ личикомъ дѣтскимъ, веселымъ, но въ тоже время умнымъ, т. е. оправдываетъ въ общихъ чертахъ описаніе, дѣлаемое Марьей Александровною.

Послѣдняя, какъ я уже говорилъ выше, весьма заблаговременно намѣтила дочери жениха въ лицѣ Гавріила Антоновича Катакази. Имущественныя соображенія отнюдь не руководили этимъ выборомъ Прабабушки; она сама сознается въ письмѣ къ своей старшей дочери, что задуманный ею бракъ — «ce serait la faim épousant la soif». Но во первыхъ она была увѣрена, — и не ошиблась, — въ скорой и успѣшной карьерѣ намѣченнаго ею зятя; быть можетъ надѣялась она также, что братьямъ Катакази удастся со временемъ получить хотя бы часть довольно значительнаго семейнаго состоянія, конфискованнаго Турками, когда отецъ ихъ эмигрировалъ съ ними въ Россію. Но главнымъ образомъ руководила ею материнская прозорливость, подсказывавшая ей, что Гавріилъ Антоновичъ будетъ всю свою жизнь примѣрнымъ супругомъ, — добрымъ, вѣрнымъ, заботливымъ, окружающимъ свою жену постоянными попеченіями.

Какъ бы то ни было, но молоденькая Софи, по выходѣ своемъ изъ Смольнаго, почувствовала себя какъ бы заранѣе и совершенно независимо отъ собственной воли связанною съ человѣкомъ, котораго она правда знала, который отнюдь ей не былъ антипатиченъ, но всетаки не олицетворялъ собою мужского идеала той эпохи, господствовавшаго среди неопытныхъ

и мечтательныхъ дѣвушекъ, — ея институтскихъ подругъ. И уже самое это сознаніе заблаговременно другими рѣшенной судьбы не могло быть для нея особенно пріятнымъ.

Софья Христофоровна была въ то время дѣвушкою не только очень молоденькою, но и жизнерадостною и рѣзвою; (эта жизнерадостность и рѣзвость не покидали ее до самой ея кончины, въ преклонныхъ лѣтахъ). Тѣмъ болѣе на зарѣ своей жизни любила она веселье, танцы, общество молодыхъ сверстницъ и веселыхъ юношей. Въ одного изъ таковыхъ, молоденькаго и красиваго Ламздорфа, сына воспитателя Великихъ Князей, она была въ то время влюблена; это былъ изрядный кавалеръ и она часто съ нимъ танцовала на небольшихъ вечеринкахъ для молодежи, устраиваемыхъ въ Смольномъ и вообще въ «антуражѣ» Императрицы - Матери, очень поощрявшей это невинное времяпрепровожденіе.

Проститься такъ быстро со своими дѣвичьими забавами и интересами, да еще выйти замужъ за человѣка ей въ сущности безразличнаго и казавшагося ей такимъ взрослымъ и серіознымъ, — (дѣдушкѣ было тогда 32 года) — ей вовсе не улыбалось, и она попробовала-было, не внимая материнскимъ совѣтамъ, отваживать искателя ея руки ясно выказываемою холодностью. Марья Александровна немного баловала ее, какъ младшую, и не имѣла духу прибѣгнуть съ нею къ обычному способу категорическаго приказанія. Но она прибѣгла къ другому средству, еще болѣе дѣйствительному и которое къ тому же отвѣчало ея тогдашнему настроенію быстро старѣющей и затронутой недугомъ женщины. «Софи», — объявила она однажды торжественно своей дочери, — «если ты не внемлешь моимъ совѣтамъ и не согласишься выйти за этого прекраснаго человѣка, то ты будешь моею седьмою гробовою доской...». Фраза эта повторялась затѣмъ при каждомъ новомъ разговорѣ о задуманномъ бракѣ; и, въ концѣ концовъ, молоденькая Софи, горячо любившая и чтившая свою родительницу и вовсе не желавшая очутиться въ зловѣщей и отвѣтственной роли «седьмой гробовой доски» своей собственной матери, дала сквозь слезы свое согласіе, и сватовство Гавріила Антоновича Катакази было принято.

Это было осенью 1825 года, когда Императоръ Александръ I и Его Супруга только что уѣхали въ Таганрогъ.

О состоявшемся сватовствѣ Марья Александровна Комнено не замедлила оповѣстить своихъ Августѣйшихъ Покровителей. Въ моемъ личномъ архивѣ хранятся слѣдующіе отзывы на это оповѣщеніе:

« ...S. M. l'Impératrice, писалъ Генеральшѣ Комнено изъ Таганрога отъ 11-го октября 1825 года, секретарь Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Н М. Лонгиновъ, — me charge d'accuser réception de la lettre que vous venez de lui adresser et de vous informer, Madame, de la satisfaction avec laquelle Elle a appris la nouvelle de l'union prochaine de Mademoiselle Votre Fille avec le Conseiller du Collège Catacazi. En faisant des vœux que l'établissement de Mademoiselle Comnéno puisse assurer son bonheur et Vous offrir des consolations, Sa Majesté Impériale désire lui donner une marque de bienveillance et de l'intérêt qu'elle prendra toujours au sort de sa pensionnaire. Elle vient de lui désigner un fermoir en diamands que j'ai l'honneur de vous transmettre ci-joint.

Quant à la supplique que Vous avez adressée à Sa Majesté, l'Empereur, l'Impératrice me charge de vous dire qu'elle n'a pas eu l'occasion d'employer ses bons offices à votre égard, l'Empereur par l'effet de sa bonté particulière pour Vous, ayant daigné assigner une somme pour subvenir aux frais que nécessite la dotation de Mademoiselle Comnèno.

En m'acquittant des ordres de Sa Majesté Impériale j'ai l'honneur de vous offrir, avec mes félicitations, les hommages de ma considération très distinguée, etc... ».

Отвѣта Императрицы Маріи Ѳеодоровны я не нашелъ; но у меня сохранилась позднѣйшая собственноручная записка Императрицы къ моей Прабабкѣ слѣдующаго содержанія:

« ...Madame de Comnèno, je permets très volontiers que le mariage de Votre aimable fille se fasse à l'Eglise de la Communauté, où elle a été une des bonnes élèves. Je fais des vœux bien sincères pour son bonheur et vous renouvelle l'expression des sentiments de bienveillance avec lesquels Je suis

Votre affectionnée MARIE.

Свадьба моей бабки Софіи Христофоровны съ Гавріиломъ Антоновичемъ Катакази, отложенная вѣроятно вслѣдствіе глубокаго придворнаго траура, состоялась, какъ явствуетъ изъ вышеприведеннаго рескрипта Императрицы Маріи Өеодровны, въ августѣ 1826 года.

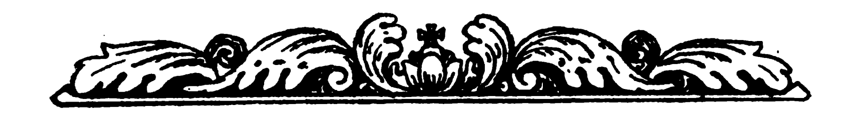
А въ маѣ 1827 года Марьи Александровны Комнено уже не было въ живыхъ.

Когда именно и отъ какой болѣзни скончалась незадолго еще передъ тѣмъ столь жизнерадостная генеральша, — я не знаю. Похоронена она в ѣ р о я т н о рядомъ съ мужемъ своимъ на Смоленскомъ Кладбищѣ, говорю «вѣроятно», ибо въ С.-Петербургскомъ Некрополѣ никакой надписи, ея касающейся, не имѣется.

Годомъ позднѣе скончалась и вдовствующая Императрица Марія Өеодоровна, переживъ лишь на два-два съ половиною года своего царственнаго сына и невѣстку, Императрицу Елизавету Алексѣевну.

Небезславный Александровскій вѣкъ кончался, и корифеи этого вѣка удалялись одинъ за другимъ въ элизіумъ тѣней, уступая поприще новой жизни и дѣлъ новымъ поколѣніямъ.

ГЛАВА V

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СЕМЬЯ МОЕГО ДѢДА Г. А. КАТАКАЗИ. — Антонъ Катакази «Каймакамъ» Валашскій. — Его супруга и ихъ ближайшее потомство.

Я весьма мало знаю про родъ и предковъ моего дѣда. По семейнымъ преданіямъ, коихъ мнѣ никогда не доводилось провѣрять, Катакази — происхожденія Итальянскаго и звалися прежде Quatracasi. Гербъ ихъ, издавна существующій, представляетъ четыре серебряныхъ башни въ лазоревомъ полѣ (armes parlantes*). Происхожденіе изъ Италіи было довольно обыденнымъ явленіемъ между Фанаріотскими семьями. Много Итальянскихъ нобилей поселилось на островахъ Архипелага за время перехода этихъ острововъ изъ Турецкихъ въ Венеціанскія руки и обратно, т. е. въ теченіи XVII-го столѣтія. Эти Итальянцы, осѣвши на мѣстахъ и поженившись на Гречанкахъ, принимали Православіе и смѣшивались совершенно съ мѣстною архонтскою средою, иногда измѣнивъ или упростивъ свои фамильныя прозвища. Катакази осѣли на островѣ Занте**); тамъ былъ у нихъ и фамильный домъ.

---

*) Въ нижней части герба — выходящій изъ лѣса олень, — символъ бѣгства изъ родины, эмиграціи, — былъ очевидно добавленъ впослѣдствіи, быть можетъ даже въ нашемъ Департаментѣ Герольдіи, гдѣ разные спеціалисты иностраннаго происхожденія любили щегольнуть знаніемъ эмблемъ западной Геральдики.

**) Самомъ южномъ изъ Іонійскихъ острововъ лежащемъ, — на отлетѣ отъ другихъ, — противъ западнаго берега Мореи.

Отецъ моего дѣда, Антонъ Катакази, принадлежалъ повидимому уже всецѣло къ Константинопольскому Фанаріотскому обществу, ибо за него выдалъ свою дочь почтенный и извѣстный своимъ благочестіемъ и старозавѣтнымъ укладомъ жизни Великій Логоѳетъ Вселенской Патріархіи Гавріилъ Фетала, принадлежавшій къ одному изъ видныхъ Фанаріотскихъ родовъ. Фамиліи этой болѣе не существуетъ: сынъ Гавріила Фетала, послѣдній въ родѣ, принялъ иночество подъ именемъ Мелетія и былъ впослѣдствіи Митрополитомъ Никодимійскимъ. Изъ двухъ дочерей Фетала одна, — Елена, — вышла, какъ я уже сказалъ, за Антона Катакази, другая, — Марія, — за Димитрія Скина, принадлежавшаго, какъ и она сама, къ старой Фанаріотской средѣ.

Мой прадѣдъ Антонъ Катакази*) былъ человѣкомъ состоятельнымъ и, по тогдашнему, образованнымъ; онъ, между прочимъ, хорошо зналъ французскій языкъ, что какъ бы предопредѣляло его къ службѣ въ Драгоманатѣ Блистательной Порты или же при одномъ изъ Господарей въ Дунайскихъ Княжествахъ. Какія посты занималъ онъ послѣдовательно до 1802 года, я не знаю.

Впрочемъ, едва-ли какая либо послѣдовательность на служебномъ, да и вообще на жизненномъ поприщѣ, существовала для Фанаріотовъ и даже для знатныхъ Мусульманъ въ тѣ времена, когда Антонъ Катакази могъ принимать участіе въ дѣлахъ Румъ-Милети или же служить Блистательной Портѣ.

То было страшное время безпрерывныхъ волненій по всей Турецкой Имперіи, возстаній и отложеній сатраповъ-пашей и настоящихъ войнъ между ними, хозяйничанья вооруженныхъ шаекъ Кирджаліевъ и Дагліевъ, повсемѣстныхъ грабежей и насилій, кровавыхъ мятежей янычаръ какъ въ крѣпостныхъ гарнизонахъ, такъ и въ самомъ Стамбулѣ, — съ пожарами города, осадами Сераля, головами Верховныхъ Визирей и иныхъ приближенныхъ Падишаха, кидаемыми подъ ноги возмутив-

---

*) По отцу, вѣроятно, Константиновичъ, т. к. въ Фанаріотскихъ семьяхъ сыновей называли неукоснительно: старшаго — по дѣду съ отцовской стороны, а второго — по дѣду съ материнской стороны, сыновья же Антона Катакази были названы: старшій — Константиномъ, а младшій — Гавріиломъ.

шейся толпы, дабы умиротворить ее и спасти хоть на сутки положеніе. Анархія, которая — какъ извѣстно — достигла своего апогея съ 1805 по 1808 годъ, т. е. въ послѣдніе годы Селима III-го и начала понемногу стихать лишь съ того знаменательнаго въ исторіи Турціи дня*), когда молодой МахмудъII-й — будущій преобразователь — принимая вождей янычаръ, уже вторгшихся въ Сераль, началъ рѣчь свою къ нимъ съ хладнокровнаго заявленія: «Тѣмъ временемъ мой братъ скончался...» Махмудъ за полчаса передъ тѣмъ велѣлъ удавить своего брата Мустафу IV, кратковременнаго, свирѣпаго и незадолго передъ тѣмъ сверженнаго Султана, — и остался такимъ образомъ единственнымъ и послѣднимъ отпрыскомъ священнаго рода Османовъ. Янычары не осмѣлились убить послѣдняго Халифа и истребить династію. Махмудъ осмѣлился черезъ 17 лѣтъ истребить совершенно все янычарское воинство и дать Турціи новый обликъ.

Да, въ эти времена главною заботою всѣхъ, хоть сколько-нибудь на виду стоявшихъ подданныхъ Султана, было — уцѣлѣть! Но тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этимъ, жизнь шла все-таки своимъ чередомъ, и честолюбіе, и жажда хотя бы минутнаго развлеченія, и сильнѣйшая чѣмъ когда либо потребность въ наличныхъ средствахъ продолжали двигать помыслами и поступками злополучныхъ смертныхъ, между тѣмъ какъ поддерживала ихъ никогда не умирающая въ сердцѣ человѣка надежда, что авось да удастся мнѣ пережить опасные дни и спастись, какъ спаслися въ подобныхъ же передѣлкахъ такой-то и такой-то! Многіе изъ соотечественниковъ моихъ прошли, увы, черезъ подобные ужасы и испытали подобныя же чувства; но потомки ихъ станутъ передъ правдивыми описаніями прошлаго въ тупикъ, забывая, что потребности, мелкія радости и мелкія огорченія ежедневной жизни существуютъ и не теряютъ своихъ правъ о бокъ съ самыми ужасными катастрофами и опасностями.

Когда въ 1802-мъ году Константинъ (сынъ Александра) Ипсиланти возведенъ былъ въ санъ Господаря Валашскаго,

*) 16-го ноября 1808 года.

мой прадѣдъ Антонъ Катакази, находившійся очевидно уже издавна въ тѣсномъ приближеніи къ семьѣ Ипсиланти, соединилъ свою дальнѣйшую судьбу съ судьбою князя Константина. По семейнымъ преданіямъ, которыя я однако не имѣлъ возможности провѣрить, Катакази былъ сначала назначенъ на должность Капу - Кехайя Господаря Валашскаго, т. е. представителемъ его при Блистательной Портѣ, — положеніе высокое въ служебной іерахіи и весьма довѣренное. Если мой прадѣдъ дѣйствительно занималъ эту должность, то онъ очевидно оставилъ ее и отъѣхалъ къ своему патрону въ Букурештъ до 1806-го года, т. е. до того времени, когда, по проискамъ французскаго посла Себастіани, Порта незаконно смѣстила Князей Ипсиланти и Мурузи, назначенныхъ въ Валахію и Молдавію на семилѣтній срокъ по соглашенію съ тогда еще союзнымъ Русскимъ Правительствомъ. Если бы бывшій Капу-Кехайя сверженнаго и спасшагося въ Россію Господаря Валашскаго находился еще въ Константинополѣ, то онъ неминуемо раздѣлилъ бы участь стараго князя Александра Ипсиланти, казненнаго, — по тѣмъ же французскимъ проискамъ, — въ началѣ 1807-го года. Какъ бы то ни было, конецъ 1807 года застаетъ Антона Катакази въ Букурештѣ въ высокомъ званіи Каймакама, т. е. намѣстника Валашскаго, временнаго замѣстителя Господаря, не вернувшагося еще изъ Россіи. Въ этой должности Катакази оказывалъ посильныя услуги Русскимъ военнымъ властямъ. Въ бумагахъ дѣда моего сохранилось письмо къ Антону Катакази тогдашняго Главнокомандующаго князя Прозоровскаго, редактированное въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ и изъявляющее благодарность за доставленныя Каймакамомъ свѣдѣнія изъ Константинополя:

« Monsieur, l'extrait de la lettre de Constantinople que vous m'avez fait parvenir, me donne une nouvelle preuve de votre zèle pour le service de Sa Majesté Impériale et je ne puis que vous en témoigner ma reconnaissance. La lecture bien réfléchie que j'ai prise du contenu de cette lettre me la fait regarder comme un épouvantail fabriqué à dessein soit par le parti turc, soit par celui des anglais ; il se pourrait aussi que ces

nouvelles dussent le jour au Prince Maurocordato qui, pendant la durée des hostilités, se trouvait à Jassy et qui depuis la conclusion de la trève (*) s'est retiré à Constantinople. Je le présume avec d'autant plus de raison que j'ai peine à croire que des événements de cette importante et qu'on a tâché de rendre aussi allarmants aient pu être un mystère pour Son Excellence M. le Général Sebastiani, Ambassadeur de France à Constantinople (**). Quoiqu'il en soit, je vous prie de vouloir bien continuer à me donner connaissance des nouvelles qui vous parviendront, comme aussi de croire à la considération distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être, Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur,

Prince PROZOROVSKY (***).

Въ 1812 году, по заключеніи Букурештскаго мира, для Ипсиланти не оставалось конечно иного исхода, какъ снова искать убѣжища въ Россіи. Съ нимъ выѣхали и всѣ приближенные къ нему «Волошскіе бояре» и, въ первую голову, разумѣется, Катакази и Негри (бывшій Каймакамъ Молдавскій), коихъ старшіе сыновья поженились тѣмъ временемъ на дочеряхъ князя Ипсиланти. Антонъ Катакази и его супруга поселились, равно какъ и старики Ипсиланти, въ Кіевѣ, гдѣ они не долго пережили князя Констнтина, скончавшагося въ 1816 году. Люди, проходившіе черезъ вышеописанные ужасы, постоянныя тревоги, жившіе въ нервномъ напряженіи ежедневнаго ожиданія либо гибели, либо облеченія въ пышность и власть, — эти люди, попавъ наконецъ въ тихую пристань безопасности и бездѣйствія, быстро старѣли и не долго жили.

Вотъ все, что я знаю про моего прадѣда Антона Катакази. Что касается его супруги — Елены Гавріиловны — то,

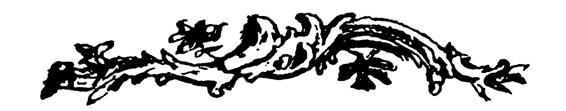
---

*) Слободзійское перемиріе, заключенное на мѣстѣ, но не утвержденное Александромъ I-мъ.

**) Послѣ Тильзита, Французскій Посолъ въ Константинополѣ обратился изъ врага нашего въ союзника.

***) Послѣдняя строчка написана собственноручно старческимъ почеркомъ Фельдмаршала.

по семейнымъ преданіямъ, она отличалась, — какъ то подобало дочери Гавріила Фетала, — болшою набожностью и неукоснительною преданностью Православной Церкви. Опять таки по семейнымъ преданіямъ,оба супруга похоронены въ Кіевѣ, на Аскольдовой Могилѣ. Но такъ какъ Кіевскій (и вообще южный) Некрополь не успѣлъ быть изданнымъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, то я и лишенъ возможности провѣрить эти свѣдѣнія и почерпнуть изъ эпитафій хотя бы годы рожденія и кончины родителей моего дѣда.

Антонъ Константиновичъ и Елена Гавріиловна Катакази оставили двухъ сыновей и трехъ дочерей: Константина, Гавріила, Екатерину, Марію и Өарсисъ.

Старшій (лѣтъ на восемь) братъ моего дѣда, Константинъ Антоновичъ, женатый на княжнѣ Екатеринѣ Константиновнѣ Ипсиланти,часто упоминается въ предъидущей главѣ, т. е. въ корреспонденціи Маріи Александровны Комнено. Дѣдъ мой любилъ своего брата и оказывалъ ему, какъ старшему, всякое почтеніе; но бабушка и младшіе члены семьи относились къ своему дядюшкѣ скорѣе насмѣшливо. Это былъ по разсказамъ моей Матери, маленькій, чистенькій, аккуратный и чопорный человѣкъ, говорившій изысканнымъ — на старинный ладъ — французскимъ языкомъ и заканчивавшій письма свои къ брату неизмѣнными словами: «Sur ce, mon cher frère, je vous donne mon accolade fraternelle ». (Бабушка всякій разъ вставляла —«ma c h o c o l a d e fraternelle»). Семьею и дѣлами, — не исключая и служебныхъ, — вертѣла умная и энергичная жена его Екатерина Константиновна и теща, Княгиня Елисавета Николаевна Ипсиланти, рожденая Вакареско, обѣ пламенныя филэллинки.

Назѣвавшись у обѣдни,
Къ Катакази ѣду въ домъ:
Что за греческія бредни,
Что за греческій Содомъ!

пишетъ Пушкинъ изъ Кишинева. Къ обѣднѣ гнало его въ тѣ времена чувство самосохраненія: недаромъ Гр. Воронцовъ доносилъ на него въ Петербургъ, что онъ «продолжаетъ упражняться въ атеизмѣ»; манкировать церковными службами было слѣдовательно опасно: неровенъ часъ еще дальше упллютъ! То же чувство благоразумія побуждало его, по всему вѣроятію, являться еженедѣльно къ Гражданскому Губернатору, гдѣ его впрочемъ принимали радушно и не стѣснялись передъ нимъ филэллинскими мечтами, выражаемыми со свойственною южанамъ экспансивностью. Вѣдь это происходило всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ «какъ на брега Дуная — великодушный Грекъ свободу призывалъ» — и этотъ «великодушный грекъ» былъ сыномъ Княгини Елисаветы Ипсиланти и роднымъ братомъ Екатерины Константиновны Катакази.

Другой разъ Пушкинъ, описывая молдавскій танецъ «Джокъ», безъ котораго не обходился ни одинъ балъ въ Кишиневѣ и въ которомъ съ особою охотою принимали участіе мѣстные старички, называетъ въ числѣ дефилирующихъ: «Въ первой парѣ Катакази — съ скромной Скиновой женой...» (эта госпожа Скина, рожденая Ипсиланти, доводилась своему кавалеру съ двухъ сторонъ двоюродной сестрой, почему вѣроятно и рѣшалась она, несмотря на всю свою скромность, пройтись съ нимъ «джокъ»).

Константинъ Антоновичъ Катакази оставилъ трехъ сыновей: Антона, женатаго на княжнѣ Гика, Гавріила, богатаго по женѣ Бессарабскаго помѣщика, учредившаго семейный маіоратъ, и Михаила — правовѣда, одно время Кіевскаго губернатора, закончившаго свое служебное поприще Сенаторомъ Кассаціоннаго Департамента.

Изъ всего многочисленнаго потомства Константина Антоновича Катакази осталось нынѣ въ живыхъ лишь двое вну-

ковъ (оба старые и бездѣтные; такъ что семья Катакази въ скорости вѣроятно исчезнетъ). Дочь Константина Антоновича (единственная бывшая замужемъ), Екатерина Константиновна, была очень дружна и съ моей бабушкою Софьей Христофоровной и съ моей Матерью. Она воспитывалась въ Смольномъ еще при жизни Маріи Александровны Комнено, которая очень о ней заботилась и ее полюбила и часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ. Екатерина Константиновна вышла за Семякина, котораго я отлично помню. Это былъ старый генералъ, добраго былыхъ временъ армейскаго пошиба; онъ отличался въ Севастополѣ, а въ концѣ своей службы былъ Начальникомъ Казанскаго Военнаго Округа. Тамъ же въ Казани и умерли на разстояніи двухъ дней оба супруга, нѣжно другъ друга любившіе. Изъ пяти сыновей ихъ — ни одинъ не оставилъ потомства.

Изъ трехъ сестеръ моего дѣда, не оставившихъ потомства, Екатерина была за-мужемъ за офицеромъ русской службы княземъ Скарлатомъ Степановичемъ Маврокордато, Марія за Георгіемъ Типальдо, весьма ученымъ грекомъ, докторомъ медицины и впослѣдствіи Директоромъ Королевской Публичной Библіотеки въ Аѳинахъ (онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ); вторая его жена была рожденая Скина; и наконецъ, Ѳарсисъ, оставшаяся незамужнею и жившая въ Кишиневѣ; имя ея часто встрѣчается въ корреспонденціи Маріи Александровны Комнено. Она-же упоминается въ приведенныхъ выше шуточныхъ стихахъ А. С. Пушкина, посвященныхъ Кишиневскому обществу:

Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Пучеокая Ѳарсисъ;

Ѳарсисъ Антоновна Катакази

Mlle Tharsis de Catacazy
(en 1821)

Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа,
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша!

Просьба трудно исполнимая!

ГЛАВА VI

ДѢДЪ МОИ ГАВРІИЛЪ АНТОНОВИЧЪ КАТАКАЗИ. — Его воспитаніе и первые годы службы (1794—1826).

Дѣдъ мой Гавріилъ Антоновичъ Катакази родился въ Константинополѣ въ 1794 г. Онъ слѣдовательно былъ еще ребенкомъ, когда переѣхалъ съ матерью и братомъ въ Букурештъ и вскорѣ затѣмъ въ Кіевъ. Для воспитанія его старшаго брата и его выписанъ былъ французскій аббатъ, какихъ много выбросила за-границу Французская Революція; были между ними никуда негодные люди, но были и достойные. Воспитатель моего дѣда принадлежалъ къ послѣдней категоріи; онъ былъ хорошимъ педагогомъ и подъ его руководствомъ молодые Катакази основательно ознакомились съ французскимъ и латинскимъ языками, съ исторіей и миѳологіей. За просвѣщеніемъ ихъ въ догматахъ и богослуженіи Православной Церкви рачительно наблюдала ихъ мать. Мой дѣдъ, равно какъ и его братъ, впослѣдствіи превосходно владѣли французскою рѣчью и французскимъ письмомъ. Мой дѣдъ, замѣчу въ скобкахъ, былъ гораздо умнѣе своего старшаго брата, но и тотъ получилъ, — по тогдашнему, — тонкое и основательное образованіе.

Дѣду едва минуло 13 лѣтъ, когда, по вкоренившемуся въ Дунайскихъ Княжествахъ обычаю (или вѣрнѣе злоупотребленію), мальчика зачислили заочно на службу (какъ у насъ до Павла Петровича записывали сержантами въ Гвардію), и въ 1807 году, грамотою Господаря, онъ былъ произведенъ въ чинъ К а м и н а р а, что давало ему право на званіе Валашскаго боярина; одновременно съ нимъ произведенъ былъ въ тотъ же чинъ его сверстникъ Иванъ Персіани, между тѣмъ какъ ихъ старшіе братья и товарищи Эммануилъ Персіани, Константинъ

Катакази и Александръ Негри, которымъ было уже болѣе двадцати лѣтъ и которые находились на дѣйствительной службѣ въ Букурештѣ, получили еще болѣе высокопарныя званія — Гетмана, Постельника и Спаѳаря.

Когда въ 1812 году, по заключеніи Букурештскаго мира, князю Константину Ипсиланти и его приближеннымъ пришлось окончательно покинуть Княжества и искать постояннаго убѣжища въ Россіи, — мой дѣдъ, не выѣзжавшій изъ Кіева, продолжалъ тамъ свое образованіе, готовясь къ поступленію на Русскую службу и прилежно изучая, сообразно съ симъ, русскій языкъ, русскую исторію и законовѣдѣніе. Гавріилъ Антоновичъ впослѣдствіи вполнѣ правильно говорилъ и совершенно грамотно, нѣсколько устарѣвшимъ «штилемъ» писалъ по-русски; но настоящими, родными языками его остались: греческій, на которомъ онъ до конца жизни каждое утро читалъ установленныя Православною Церковью молитвы, и французскій, коимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, какъ владѣли имъ въ Александровскія времена люди, дѣйствительно этотъ языкъ знавшіе.

Старшій братъ Гавріила Антоновича остался въ Бессарабіи и при Скарлатѣ Димитріевичѣ Стурдза, который былъ въ 1812 году назначенъ Гражданскимъ Губернаторомъ новоприсоединенной области; а Гавріилъ Антоновичъ предопредѣлялъ себя къ дипломатической службѣ. Въ 1815 году, съ назначеніемъ Графа Іоанна Каподистріи статсъ-секретаремъ при Императорѣ Александрѣ I-мъ по дѣламъ иностранной политики и по управленію Бессарабской Областью, — оба брата Катакази приняты были окончательно на русскую службу и въ Русское подданство и «пожалованы изъ Волошскихъ бояръ» (точное выраженіе послужного списка моего дѣда) — старшій въ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, а младшій въ чинъ Коллежскаго Совѣтника, что, — по табели о рангахъ, — соотвѣтствовало, какъ извѣстно, полковничьему чину. Ему минулъ ровно 21 годъ; вотъ какъ выгодно поступали тогда иностранцы на Русскую Императорскую службу; между тѣмъ какъ Русскіе служащіе, даже при наличіи высшаго образованія, могли достигнуть подобнаго чина (а чинъ въ

тѣ времена значилъ много на службѣ) отнюдь не моложе 28-30 лѣтъ. По отношенію къ приближеннымъ князя Ипсиланти это еще не такъ кидалось въ глаза: нужно же было отличить и наградить чѣмъ-либо людей, потерявшихъ все на родинѣ изъ-за вѣры своей въ Россію. Но такія же исключенія дѣлались въ Александровскія времена и въ пользу лицъ часто совершенно чуждыхъ и вѣрѣ Русскаго Народа, и какимъ бы то ни было традиціямъ русской политики. И это пораждало въ средѣ дворянско-чиновничьей много неудовольствія противъ нѣкогда столь популярнаго Александра и противъ пріемовъ его правленія.

Графъ Каподистріа глубоко чтилъ семью Ипсиланти и былъ связанъ тѣсною дружбою съ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою; по рекомендаціи ихъ онъ съ удовольствіемъ принялъ младшаго Катакази въ 1816 году въ вѣдомство Иностранныхъ Дѣлъ. Молодой человѣкъ съ первыхъ же шаговъ, съумѣлъ снискать своимъ замѣчательнымъ прилежаніемъ, споростью работы и глубокою порядочностью, довѣріе и сердечное расположеніе Графа Каподистріи, который началъ вскорѣ пользоваться имъ какъ своимъ личнымъ секретаремъ. Дѣдъ мой до конца жизни питалъ чувства глубочайшаго уваженія и благодарности къ памяти Графа Каподистріи, коего считалъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ и чистыхъ людей своего вѣка.

Въ корреспонденціи моей прабабушки Комнено за 1816-й годъ уже часто упоминается, какъ я сказалъ выше, имя Гавріила Антоновича. Въ то время вся компанія молодыхъ людей, прибывшихъ въ Россію съ княземъ Ипсиланти и коимъ оказывалъ свое покровительство и благожеланіе Гр. Каподистріа, поселилась на общей квартирѣ на Англійской набережной; то были: мой дѣдъ, Александръ Негри, еще одинъ, котораго моя прабабка зоветъ не по имени, а по Валашскому чину — comisso, — во главѣ ихъ одинъ изъ братьевъ Ипсиланти. «Ils sont logés comme des petits maîtres», говоритъ прабабушка, описывая своему зятю вечеръ съ партіей въ бостонъ, который дали эти молодые люди въ честь ея и ея замужней дочери. Дѣдъ мой въ свои молодые годы любилъ быть изящно одѣтымъ и любилъ вообще изящество въ своемъ обиходѣ, по-

чему и получилъ отъ своихъ близкихъ прозваніе *челебаки*, что значитъ приблизительно «молодой щеголь, франтикъ», и такъ его Марья Александровна и называетъ обыкновенно въ своихъ письмахъ.

Не надо однако думать, что канцелярія Графа Каподистріи состояла только изъ молодыхъ людей греческаго происхожденія. Подъ начальство графа, ставшаго быстро популярнымъ въ самыхъ образованныхъ слояхъ Петербургскаго общества, стремились стать молодые люди изъ лучшихъ русскихъ семей, получившіе основательное образованіе и одушевленные самымъ благороднымъ честолюбіемъ. Дмитрій Андреевичъ Блудовъ (впослѣдствіи статсъ-секретарь, графъ), Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ (впослѣдствіи Министръ Юстиціи), Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (впослѣдствіи Статсъ-секретарь и Министръ Юстиціи), Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ и нѣкоторые другіе молодые люди того же пошиба начали свою служебную карьеру въ это именно время въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ подъ ближайшимъ руководствомъ Графа Іоанна Каподистріи, къ коему ихъ привязывало искреннее и глубокое уваженіе. Гавріилъ Антоновичъ Катакази былъ въ это время и остался до конца въ самыхъ искреннихъ и лучшихъ отношеніяхъ со всѣми вышепоименованными лицами*).

---

*) Изъ числа вышеупомянутыхъ молодыхъ сотрудниковъ Графа Каподистріи москвичи Дмитрій Андреевичъ Блудовъ и Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ принадлежали къ тому, — вылетѣвшему изъ Московскаго Университета или изъ «Университетскаго Пансіона», — роя, который на первыхъ порахъ и до окончательнаго взлета, осѣлъ въ залахъ и сводчатыхъ хранилищахъ хартій Московскаго Государственнаго Архива. Большинство изъ этихъ молодыхъ людей я уже имѣлъ случай упомянуть въ первой части моего труда: братьевъ (поэта) Дмитрія Владимір-ча и Алексѣя Владим-ча Веневитиновыхъ, Ѳедора Степановича Хомякова, Николая Ал-ча Мельгунова, Владиміра Павловича Титова, братьевъ Ивана Вас. и Петра Вас. Кирѣевскихъ, кн. Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, Александра Ивановича Кошелева, Сергѣя Александровича Соболевскаго.

Въ исторіи русскаго общества культурныя поколѣнія чередовались вообще съ большею быстротою нежели на западѣ: «Архивные юноши», какъ называетъ ихъ съ отѣнкомъ насмѣшки Пушкинъ, были всего на 8-9 лѣтъ моложе его, но уже значительно разнились отъ лицейскихъ однокашниковъ поэта — Дельвига съ одной стороны, Пущина и Кюхельбекера съ другой, не говоря уже

Гавріилъ Антоновичъ никогда не былъ очень крѣпкаго здоровья; понятнымъ образомъ онъ плохо переносилъ Петербургскій климатъ, съ коимъ ему пришлось свыкаться послѣ дѣтства и первой юности, проведенныхъ въ Константинополѣ и въ Кіевѣ. Быть можетъ это и явилось одною изъ причинъ для столь искренно благожелательнаго къ нему Графа Каподистріа причислить его, вскорѣ по поступленіи на службу, къ нашей Миссіи въ Константинополѣ, куда дѣдъ мой отправился въ концѣ 1816 года; но были тому и другія причины.

Посланникомъ нашимъ при Блистательной Портѣ назначенъ былъ въ это время Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ*). Строгановъ весьма скоро полюбилъ своего молодого подчиненнаго и оцѣнилъ его способности, трудолюбіе и порядочность. Уже въ 1818 году, по представленію своего начальника, Гавріилъ Антоновичъ былъ награжденъ орденомъ и назначенъ, — согласно съ новоутвержденными штатами, — вторымъ секретаремъ Миссіи. Позволяемъ себѣ привести въ подлинникѣ оффиціальное письмо, коимъ Баронъ Строгановъ извѣщалъ объ этихъ Монаршихъ милостяхъ своего подчиненнаго. Письмо это характерно и совершенно въ духѣ времени, т. е. второй половины царствованія Александра I; оно же бросаетъ свѣтъ и на тѣ служебныя условія, при коихъ два года передъ тѣмъ состоялось назначеніе моего дѣда въ Константинополь.

« Buyukdéré, le 18 août 1818. — Monsieur, Appelé par la confiance de l'Empereur, notre Auguste Souverain, à la tâche honorable de réorganiser, d'après les

---

про старшихъ декабристовъ. Это новое поколѣніе обладало большею «дисциплиною» научнаго развитія, — не даромъ стали одни изъ нихъ въ ряды «Любомудровъ», а другіе перешли въ лагерь славянофиловъ и внесли въ свои споры значительную долю философіи, при чемъ однако и сами «любомудры» отнюдь не были исключительно «европейцами» какъ были ихъ отцы и старшіе братья.

Въ рядахъ русской дипломатіи стяжали себѣ изъ архивныхъ юношей извѣстность Владиміръ Павловичъ Титовъ, Блудовъ и Дашковъ, память о коихъ была еще жива, когда я поступалъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

*) О немъ много говорено уже въ главѣ V-й первой части настоящей лѣтописи.

principes d'une sévère morale, le service de sa MAJESTÉ dans le Levant, j'ai retrouvé la plus précieuse récompense de mes efforts dans l'accueil gracieux dont SA MAJESTÉ IMPÉRIALE a daigné honorer les témoignages de justice que j'ai rendus à tous mes subordonnés. Sa Majesté daignant apprécier les principes et le zèle qui caractérisent vos services ainsi que la manière distinguée dont vous remplissez les fonctions de Secrétaire du Comité *), a bien voulu vous accorder, comme témoignage de SA haute bienveillance la décoration de l'ordre de Sainte-Anne de la deuxième classe et la place de second Secrétaire de Légation avec l'addition de traitement fixée par le nouvel Etat de la Mission. SA MAJESTÉ en récompensant ses fidèles serviteurs, a voulu constater la probité et le zèle, comme des qualités inséparables du service de Russie : une justice vigilante et active frapperait d'animadversion et d'une disgrâce complète le premier des employés qui aurait le malheur de s'écarter des principes de morale qui doivent caractériser sa conduite toute entière dans toute affaire quelconque, soit publique, soit particulière.

Je me félicite de vous annoncer, Monsieur, la récompense dont vous a honoré SA MAJESTÉ IMPÉRIALE et je transmets ci-joint la copie de l'Oukaze émané à cet effet. Ce témoignage de la bienveillance de notre AUGUSTE MAITRE redoublera, j'en suis sûr, le zèle et le dévouement dont vous êtes animé pour SON service.

J'ai l'honneur d'être, avec une profonde considération, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur. — Le Baron Stroganoff.

Искорененіе денежныхъ хищеній и взятокъ было всегдашнимъ конькомъ Александра I-го. Онъ не успѣлъ провести этого стремленія своего въ Государственную жизнь Россіи, ибо, во-первыхъ, порокъ былъ слишкомъ распространенъ и болѣзнь

*) Объ этомъ Комитетѣ будетъ говорено дальше.

слишкомъ застарѣла, а во-вторыхъ ибо Верховная Власть, въ лицѣ прекраснодушнаго Александра, не умѣла, — а часто и не хотѣла, — вручать настоящій контроль надъ службою людямъ дѣйствительно достойнымъ и учрежденіямъ независимымъ. Но когда Государь самолично убѣждался въ какомъ либо злоупотребленіи, онъ неукоснительно подвергалъ уличеннаго строгой отвѣтственности и возобновлялъ предписанія и предупрежденія свои по сему излюбленному имъ предмету.

Лица, служившія въ тѣ времена въ нашихъ восточныхъ Миссіяхъ и Консульствахъ, неоднократно подвергались нареканіямъ, — и весьма часто справедливымъ, — въ своекорыстномъ использованіи широкихъ полномочій, коими, въ силу самихъ условій службы, они были облечены. Необходимость прибѣгать ежечасно къ содѣйствію мѣстныхъ дѣльцовъ, знавшихъ мѣстные языки и обычаи, врожденная барская халатность высшихъ начальниковъ, передававшихъ въ концѣ концовъ свою власть разнымъ нештатнымъ и штатнымъ пройдохамъ, невозможность замѣщенія большинства консульскихъ постовъ иначе какъ мѣстными уроженцами, ибо мало-мальски подготовленныхъ къ этой спеціальной службѣ, — да и вообще къ дипломатической службѣ, — рускихъ чиновниковъ было весьма мало*), — все это, вмѣстѣ взятое, создавало вокругъ нашихъ Миссій въ Константинополѣ и Тегеранѣ и вокругъ Консульствъ, отъ нихъ зависѣвшихъ, атмосферу взятокъ, покровительства разнымъ темнымъ дѣламъ и темнымъ личностямъ, корыстнаго использованія «капитуляцій». Это прекрасно знали въ Петербургѣ и это не могло быть скрыто отъ Государя.

При назначеніи своемъ на постъ Посланника въ Константинополѣ, Баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ получилъ, — какъ явствуетъ изъ вышеприведеннаго письма его, — особыя Высочайшія инструкціи по сему предмету и, будучи

*) На Западѣ успѣшную и полезную карьеру дѣлали получившіе за-границею основательное воспитаніе сыновья настоятелей и членовъ причта нашихъ посольскихъ церквей за-границею, какъ-то Стахіевы, Лонгиновы, Полуденскіе, Северины и другіе немногіе. Но на Востокѣ не существовало и этого источника набора, ибо туда посылались настоятелями и причетниками — монахи.

самъ одушевленъ патріотическимъ рвеніемъ и одаренъ безспорною энергіею, принялся съ удовольствіемъ за оздоровленіе (въ то время говорили: за «морализацію») русской дипломатической службы на Востокѣ.

Въ новѣйшее время къ подобной задачѣ приступили бы весьма просто и прямолинейно, т. е. повыгнали бы со службы всѣхъ лицъ греческаго и иного восточнаго происхожденія и замѣнили бы ихъ русскими чиновниками, набранными конечно случайно, а наипаче по рекомендаціи разныхъ главныхъ начальниковъ, желающихъ именно отъ этихъ своихъ подчиненныхъ отдѣлаться... Но въ тѣ времена къ служебнымъ вопросамъ такъ радикально не относились; да и наврядъ-ли согласился бы на подобную мѣру стоявшій во главѣ Вѣдомства Иностранныхъ дѣлъ Графъ Каподистріа: руководимый не только греческими симпатіями, но и присущею ему Государственною мудростью, графъ предпочелъ дать вновь назначенному въ Константинополь Русскому Посланику нѣсколькихъ сотрудниковъ, въ честности и порядочности коихъ онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, но при томъ хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями. Эти лица должны были образовать на Востокѣ новые служебные кадры, въ которые вливались бы затѣмъ молодые чиновники чисто русскаго происхожденія (— и Православнаго вѣроисповѣданія), по мѣрѣ того какъ подготовлялись бы они изъ Университетской, Лицейской и Семинарской молодежи.

Незнакомый лично съ Константинопольскою почвою (вся предыдущая дѣятельность его протекла на Іоническихъ Островахъ, въ Петербургѣ, въ Дунайскихъ Княжествахъ и въ Швейцаріи), Каподистріа сталъ искать подобныхъ совершенно надежныхъ лицъ прежде всего между приближенными князя Константина Ипсиланти, коего онъ глубоко уважалъ, и между пріятелями Александра Скарлатовича Стурдзы, съ коимъ его связывала тѣсная дружба. Такимъ образомъ пущены были, въ первую голову, въ ходъ Гавріилъ Антоновичъ Катакази, Графъ Булгари, оба брата Негри, Иванъ Александровичъ Персіани, Минчаки и Егоръ Влангали, пріобрѣтшій впослѣдствіи полное и заслуженное довѣріе Строганова. Директоромъ же Азіатскаго

Департамента состоялъ ученый и почтенный Родофиникинъ (также грекъ родомъ), — первый изъ блестящаго рода составившихъ себѣ имя начальниковъ этого Департамента, послѣднимъ изъ коихъ былъ, — на мой взглядъ, — Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что всѣ эти лица греческаго происхожденія оставили по себѣ, и на Востокѣ и въ Россіи, славу людей вполнѣ порядочныхъ и, прежде всего, безкорыстныхъ. Также, въ огромномъ большинствѣ вѣрными и полезными слугами своего Русскаго отечества были и преемники ихъ въ слѣдующемъ поколѣніи. Съ удовольствіемъ припоминаю имена и черты опытнаго, тонкаго и благожелательнаго дипломата Александра Еговича Влангали*); даровитаго и выдающагося благородствомъ и прямотою характера Александра Ивановича Персіани**), умнѣйшаго и образованнѣйшаго Михаила Константиновича Ону***), — глубокаго знатока Востока; честнаго и полезнаго труженика Кимона Алкивіадовича Аргиропуло****). Все это были люди безусловно чистые, чрезвычайно работоспособные, а зачастую и выдающіеся на томъ поприщѣ службы, которое они такъ превосходно изучили и знали и гдѣ оставили по себѣ безукоризненную память.

*) Ген. Консулъ въ Бѣлградѣ, Посланникъ въ Пекинѣ, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Посолъ въ Римѣ.

**) Долговременный Посланникъ въ Бѣлградѣ.

***) Перый Драгоманъ, а потомъ Совѣтникъ Посольства въ Константинополѣ, Посланникъ въ Аѳинахъ.

****) Посланникъ въ Цетинье, въ Тегеранѣ, Старшій Совѣтникъ Министерства.

Лѣтомъ 1820 года Гавріилъ Антоновичъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ состава нашей Миссіи въ Константинополѣ. Нижеслѣдующее письмо его начальника Барона Строганова Графу Нессельроде служитъ доказательствомъ того, что рѣшенію этому были чужды какія бы то ни было служебныя недоразумѣнія:

« Buyukdéré, le 9 juin 1820. — Monsieur le Comte, Je regrette bien vivement d'être dans le cas d'appuyer auprès du Ministère de Sa Majesté la demande de rappel ci-jointe du Conseiller de Collège Catacazy, deuxième Secrétaire de la Légation. L'influence du climat sur sa santé l'y oblige, il ne m'est donc pas permis de ne pas adhérer à ses instances, quelque soit la perte sensible que j'éprouverai par l'éloignement d'un des employés les plus essentiels et les plus activement occupés de la Mission. Votre Excellence sait qu'en qualité de Secrétaire du Comité, il s'était spécialement chargé de la partie commerciale et litigieuse il y réunissait aussi la correspondance avec les Consulats du Levant; et dans ce travail étendu et compliqué, étranger même à la sphère purement diplomatique, il n'a cessé de déployer le zèle le plus actif et le plus éclairé, des connaissances journellement accrues par la pratique et des talents réels qui le désignent comme un sujet éminemment capable pour la carrière des affaires étrangères à laquelle il s'est voué. Il était aussi l'intermédiaire des communications secrètes sur les affaires religieuses et s'en est acquitté avec autant de zèle et de sagacité. A ces témoignages que je me fais un devoir de rendre à l'activité et aux talents de M. Catacazy, je n'en dois pas moins aux principes infiniment honorables et aux qualités personnelles que des rapports de quatre années m'ont fait reconnaître en lui et ont de jour en jour renforcé l'estime et la confiance que m'inspire son caractère.

C'est donc à tous égards qu'il a droit à mon intérêt et à mes vœux pour le succès de sa carrière et que

Гавріилъ Антоновичъ Катакази
въ молодости

Mr. Gabriel de Catacazy
(en 1820)

je prends la liberté de fixer sur lui l'attention de Sa Majesté Impériale et la bienveillance de Son Ministère... (*).

Если, — что можетъ быть, — климатическія условія были лишь предлогомъ ходатайства моего дѣда о возвращеніи на службу въ Петербургъ, то Баронъ Строгановъ былъ конечно освѣдомленъ о настоящихъ причинахъ этого шага и сочувствовалъ принятому Гавріиломъ Антоновичемъ рѣшенію, хотя бы и для того, чтобъ имѣть въ Министерствѣ вѣрнаго и дѣльнаго проводника своихъ воззрѣній на происходившее въ Константинополѣ. По возвращеніи Строганова съ Русскою Миссіею въ предѣлы Россіи (въ 1821-мъ году), Гавріилъ Антоновичъ получилъ, въ воздаяніе его служебнаго рвенія, орденъ Св. Анны 2-й степени, украшенный бриллiантами и годовое жалованье по должности 2-го Секретаря въ размѣрѣ 8.000 рублей ассигнаціями.

Баронъ (съ 1826-го года — Графъ) Григорій Александровичъ остался до конца жизни искренно расположенъ къ Гавріилу Антоновичу, который пользовался также и пріязнью второй жены Строганова, Графини Юліи Петровны**), (въ первомъ бракѣ бывшей за Португальскимъ дипломатомъ Графомъ д-Егга), что, замѣтимъ въ скобкахъ, не располагало къ нему остальной Строгановской семьи, отнюдь не жаловавшей Графиню Юлію Петровну***).

Въ послужномъ спискѣ моего дѣда значится, что онъ вернулся въ Россію съ Миссіею въ 1821-мъ году. Съ другой стороны я слышалъ въ бытность мою 2-мъ секретаремъ Посольства въ Константтинополѣ изъ устъ почтеннаго Г-на Фенерли, врача Патріархіи, разсказъ, относящійся къ послѣднимъ днямъ жизни Патріарха Григорія V, принявшаго вѣнецъ мученика въ Свѣтлое Христово Воскресенье 1821 года, и гдѣ однимъ изъ

*) Слѣдуетъ вопросъ о замѣщеніи Г. А. Катакази: на его мѣсто въ качествѣ секретаря комитета Строгановъ рекомендуетъ Г-на Минчаки, впослѣдствіи (въ 1824 и 1825 годахъ) Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ.

**) Рожденой Альмейда-Ойенгаузенъ.

***) Смотри главу III-ю первой части «Семейной Лѣтописи».

дѣйствующихъ лицъ является будто бы мой дѣдъ. «За нѣсколько дней до Пасхи», — разсказывалъ Г-ну Фенерли его отецъ, при всемъ этомъ присутствовавшій, — «въ двери Патріархіи постучались поздно вечеромъ два знатныхъ иностранца. Принятые Патріархомъ, они сообщили ему, что, по имѣющимся у нихъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Порта рѣшила схватить и казнить его въ самый день Воскресенія Христова: что они совѣтуютъ ему удалиться временно изъ Константинополя и что, стараніями Русской Миссіи, ему уже обезпечено мѣсто на кораблѣ, отплывающемъ въ Черное Море. Иностранцы эти были — самъ Русскій Посланникъ Баронъ Строгановъ и его секретарь Катакази. — Патріархъ, вздохнувъ глубоко и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ все, что требовала Порта и что могло бы пожалуй, остановить пролитіе «столькихъ кровей», т. е. обнародовалъ Пастырское свое воззваніе, осуждающее всякій мятежъ противъ поставленнаго волею Божіею Правительства; если туркамъ и этого мало и они хотятъ непремѣнно его казнить, — то пусть будетъ и на это воля Божія; а онъ паствы своей въ такое страшное время не покинетъ...»

Однако вышеприведенное письмо Барона Строганова къ Графу Нессельроду и свидѣтельство Маріи Александровны Комнено*), которая пишетъ дочери и зятю весною 1821 года, что Гавріилъ Антоновичъ ее часто посѣщаетъ, — заставляютъ заключить, что дѣдъ мой дѣйствительно вернулся въ Россію позднею осенью 1820 года и не былъ свидѣтелемъ событій, сопровождавшихъ въ Константинополѣ начало греческаго возстанія. Въ разсказѣ Г-на Фенерли нужно просто замѣнить имя Катакази именемъ Влангали или иного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Русскаго Посланника; а что касается записи въ послужномъ спискѣ дѣда, то очевидно онъ продолжалъ числиться Вторымъ Секретаремъ Миссіи и получать жалованье по этой должности, работая въ самомъ Министерствѣ.

*) Смотри выше главу IV-ю.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Гавріилъ Антоновичъ снова, — но уже обладая значительно большимъ и изъ жизни почерпнутымъ опытомъ, — вернулся въ сущности къ роли личнаго секретаря Графа Каподистріи. По разсказамъ дѣда, работа въ Министерствѣ была въ это время огромная, тѣмъ болѣе, что личный составъ Министерства былъ чрезвычайно ограниченъ. Почти ежедневно, — или вѣрнѣе еженощно, — дѣдушкѣ приходилось возвращаться отъ своего начальника домой въ два или три часа утра и засыпать, идучи знакомой и прямой дорогой съ Дворцовой набережной на Англійскую, — такъ основательно засыпать, что, проснувшись утромъ у себя въ постели, онъ не помнилъ, какъ входилъ въ домъ и квартиру, какъ раздѣвался и ложился.

Работа эта, тяжелая, но столь интересная и пріятная при любимомъ и глубоко почитаемомъ начальникѣ, измѣнила свой характеръ съ уходомъ Графа Каподистріи въ отставку и отъѣздомъ его за-границу осенью 1822-го года. Для дѣдушки это было чувствительнымъ ударомъ. Однако, какъ показали послѣдующіе годы, удаленіе Каподистріи не повліяло неблагопріятно на дальнѣйшую карьеру Гавріила Антоновича. Въ Министерствѣ за нимъ уже утвердилась слава неутомимаго и совѣстливаго работника, имѣвшаго къ тому-же опытъ въ Турецкихъ дѣлахъ. А Графъ Нессельроде, который отнюдь не раздѣлялъ филэллинскихъ симпатій своего бывшаго сотоварища по управленію Министерствомъ и находился въ полномъ подчиненіи мыслямъ и системѣ Графа Меттерниха, не питалъ тѣмъ не менѣе никакой личной непріязни къ Графу Каподистріа, съ которымъ онъ въ ежедневномъ обиходѣ, за всѣ шесть лѣтъ совмѣстной службы, ладилъ; ибо оба были прежде всего людьми благовоспитаными, утонченно вѣжливыми и мягкими. Такимъ образомъ о гоненіи на любимцевъ Каподистріи не было и рѣчи. Нессельроде, издавна знакомый со способностями и свойствами Гавріила Антоновича, могъ быть увѣреннымъ, что Катакази, каковы бы ни были его греческія симпатіи, останется въ томъ, что касается порученной ему работы, совѣстливымъ и осторожнымъ исполнителемъ и, такъ же какъ и преж-

де, поставить свои знанія и свою опытность въ полное распоряженіе своего главнаго начальника.

Въ формальномъ отношеніи Гавріилъ Антоновичъ продолжалъ числиться Вторымъ Секретаремъ Миссіи нашей въ Константинополѣ, каковая расформирована не была, а продолжала существовать и работать по дѣламъ Турецкаго Востока въ самомъ Петербургѣ, имѣя во главѣ Совѣтника Миссіи Дашкова*). Это продолженіе совмѣстной службы укрѣпило дружескія отношенія, установившіяся еще въ Константинополѣ между Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ и моимъ дѣдомъ.

---

*) Впослѣдствіи Статсъ-Секретарь и Министръ Юстиціи въ первыя лѣта царствованія Николая I-го.

Софія Христофоровна Катакази рожд. Комнено

(1808—1882)

въ молодости

Madame Sophie de Catacazy

née Comnène (en 1826)

ГЛАВА VII

БРАКЪ МОЕГО ДѢДА. — НАВАРИНЪ. — Служба въ Петербургѣ и въ Константинополѣ до назначенія посланникомъ въ Аѳины (1826—1832).

Въ 1824 году осенью, какъ это видно изъ корреспонденціи Маріи Александровны Комнено, дѣдъ мой перенесъ сильный тифъ. Марія Александровна приняла горячее участіе въ его болѣзни и, насколько могла, ходила за нимъ. Планы ея относительно соединенія брачными узами внушавшаго ей столько довѣрія молодого человѣка съ младшею ея дочерью послѣ этого еще болѣе опредѣлились. Самъ Гавріилъ Антоновичъ начиналъ мало-по-малу увлекаться молоденькою, веселою, умною и миловидною Софи, только что вышедшею изъ Смольнаго. Марья Александровна съ своей стороны вліяла, — какъ я разсказывалъ выше, — на рѣшеніе своей дочери, и, лѣтомъ 1825 года, сговоръ состоялся. Бракъ былъ объявленъ осенью, но совершенъ лишь въ августѣ 1826 года. Моему дѣду было въ это время 32 года отъ роду, а бабушкѣ еле минуло 17.

Итакъ Гавріилъ Антоновичъ и Софья Христофоровна Катакази зажили въ Петербургѣ самостоятельною жизнью; — жизнью молодой, небогатой парочки, принадлежащей къ болѣе высокому слою чиновничьяго міра и чающей настоящихъ и будущихъ благъ исключительно отъ работы и карьеры мужа.

Въ Петербургѣ къ тому времени развелось довольно много подобныхъ маленькихъ очаговъ труда, порядочности, цивилизованнаго быта и скромнаго счастія. Дворъ имъ покровительствовалъ, — особенно если хоть одинъ изъ супруговъ былъ происхожденія иностраннаго. И молодой человѣкъ, рѣшившійся основать свою семейную жизнь на этихъ скромнымъ и почтен-

ныхъ началахъ, поддерживалъ себя увѣренностью, что, — служи только усердно и честно, — а Царь и начальство его не оставятъ: — тамъ рублей пятьсотъ на леченье дадутъ, тамъ подарокъ на крестины ребенка, тамъ дочь или сына въ Институтъ или въ Правовѣдѣніе на казенный счетъ примутъ; казенную квартиру отведутъ и наконецъ аренду пожалуютъ; а ласку свою, — въ глазахъ свѣта возвышающую, — неизмѣнно оказывать будутъ. Анъ, смотришь — ужъ и жизнь прожита и заканчивается въ заслуженномъ покоѣ и почетѣ... Многіе изъ весьма почтенныхъ дѣятелей эпохи Николая I-го и Александра II-го прожили и проработали весь свой вѣкъ въ подобныхъ условіяхъ и оставили по себѣ добрую память.

За послѣдніе сорокъ - пятьдесятъ лѣтъ этотъ типъ людей и эта среда исчезли подъ напоромъ силы вещей, т. е. новыхъ, усложненныхъ условій государственной и частной жизни и новыхъ воззрѣній и вѣяній; нарождалась и проникала все далѣе и глубже въ общество англо - американская болѣзнь снобизма, неудержимо слабѣла связь между особою Монарха и служащимъ людомъ даже верхнихъ слоевъ; открывались иныя «свободныя» карьеры для дѣловыхъ способностей и труда, а главное, — межъ тѣмъ какъ сглаживались и спутывались въ общественномъ сознаніи границы, отдѣляющія добро отъ зла, дозволенное отъ недозволеннаго, — все опредѣленнѣе и шире «утверждалась пропасть» между людьми обладающими деньгою и людьми состоянія не имѣющими...

Для Гавріила Антоновича 1826-й годъ не принесъ въ служебномъ отношеніи никакихъ особыхъ перемѣнъ кромѣ опредѣленія его «въ Коммиссію, по волѣ Государя Императора учрежденную для разсмотрѣнія требованій Россіи на Портѣ Оттоманской, а равно подданныхъ первой державы на таковыхъ же второй»**). Но въ политическомъ воздухѣ чувствовалась съ 1826 г. благопріятная для греческаго дѣла перемѣна настроеній Державъ. Въ Парижѣ и Лондонѣ дѣло это пріобрѣло все болѣе и болѣе вліятельныхъ сторонниковъ и покровителей, между тѣмъ

*) Послужной списокъ дѣда.

какъ новый, молодой и энергичный Русскій Императоръ не скрывалъ своего участія къ страданіямъ и геройской борьбѣ православныхъ христіанъ Востока и своего гнѣва на упорство и дерзость Порты по отношенію къ самымъ умѣреннымъ и законнымъ требованіямъ Россіи.

Въ Мартѣ 1826 года въ С-.Петербургъ прибылъ, дабы привѣтствовать новаго Русскаго Самодержца, Герцогъ Веллингтонъ и 23 марта - 4 апрѣля того же года подписанъ Герцогомъ съ англійской стороны, а графомъ Нессельроде и княземъ Ливеномъ съ русской — С-тъ Петербургскій протоколъ, установившій соглашеніе между Великобританіей и Россіей съ цѣлью примиренія турокъ съ греками на слѣдующихъ условіяхъ:

«Султанъ сохраняетъ верховную власть надъ автономною Греціею, которая платитъ ей разъ навсегда опредѣленную дань; земли турецкихъ собственниковъ въ Мореѣ и Архипелагѣ отходятъ къ Грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями народомъ избранными и утвержденными Портою, но пользуется независимостью внутренняго управленія, свободою совѣсти и торговли. Если предложенное обѣими Державами посредничество не принято будетъ Портою, то всетаки Россія и Великобританія будутъ держаться установленнаго ими соглашенія какъ основанія для примиренія Порты съ греками, которое должно совершиться при ихъ участіи, общемъ или единоличномъ, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами для воздѣйствія путемъ своего вліянія на обѣ стороны... Протоколъ имѣетъ быть сообщенъ Дворамъ Вѣнскому, Парижскому и Берлинскому».

Совершенно независимо отъ С.-Петербургскаго Протокола, Россія, 24 марта - 5 апрѣля 1826 года, потребовала ультимативно въ Константинополѣ исполненія слѣдующихъ пунктовъ: Порта должна 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 года; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константино-

7

полѣ, и даровать Сербскому народу всѣ преимущества, выговореныя въ его пользу статьею 8-го Букурештскаго договора (1812 года); 3) отправить своихъ уполномоченныхъ на Русскую границу для возобновленія переговоровъ, веденныхъ барономъ Строгановымъ съ 1816-го по 1821-й годъ по поводу русско-турецкихъ отношеній и для заключенія соглашенія, которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи и Турціи».

1-го іюня 1826 года открыты были, — въ силу этого требованія Россіи, — переговоры въ Аккерманѣ между русскими уполномоченными графомъ Мих. Сем. Воронцовымъ и графомъ Рипобьеромъ и турецкими — Мегмедомъ-Гади и Ибрагимъ-Афетомъ.

Въ началѣ того же 1826 года Графъ Каподистріа представилъ Императору Николаю Павловичу изъ Женевы новую «меморію» по греческому вопросу, и меморія эта была принята благосклонно. Русскій Дворъ сочувственно отнесся къ переговорамъ возглавленнаго Каподистріей Филэллинскаго Комитета съ Принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ*), коему этотъ Комитетъ предлагалъ заранѣе Греческую корону. Когда же окончательный отказъ Принца разстроилъ эту комбинацію и народное собраніе возставшихъ Грековъ выбрало Каподистрію Президентомъ и главою временнаго народнаго Правительства, Николай I-й одобрилъ и это рѣшеніе и милостиво разрѣшилъ графу прибыть въ Петербургъ. Весною 1827 года Гавріилъ Антоновичъ могъ съ живѣйшею радостью привѣтствовать своего бывшаго начальника и покровителя, съ которымъ не видался съ осени 1822 года, но благороднымъ внушеніямъ и мыслямъ коего онъ продолжалъ быть вѣренъ и остался вѣренъ до конца.

Свиданіе съ Каподистріей явилось для моего дѣда свѣтлымъ и радостнымъ лучемъ среди большихъ семейныхъ печалей и тревогъ. Въ началѣ 1827 года скончалась Марья Алек-

---

*) Братомъ Великой Княгини Анны Θедоровны (разведенной супруги Константина Павловича) и только что овдовѣвшимъ супругомъ наслѣдницы Великобританскаго Престола Принцессы Шарлотты.

сандровна Комнено, возрастъ коей вовсе не оправдывалъ столь быстраго исчезновенія ея со сцены жизненныхъ тревогъ и земныхъ радостей. Вскорѣ послѣ этого событія, явившагося тяжкимъ и неожиданнымъ ударомъ для Софіи Христофоровны, и искреннимъ горемъ для ея мужа, сама молодая женщина, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, заболѣла внезапно довольно тяжкой формой оспы. Сильный и здоровый организмъ ея справился съ болѣзнью, не оставившею къ счастью сколько нибудь ощутительныхъ слѣдовъ на ея свѣжемъ личикѣ; и, какъ это часто бываетъ въ жизни, послѣ ряда испытаній наступило для молодой четы счастливое событіе. 17-го мая родился у бабушки совершенно благополучно первый ребенокъ, дочь — здоровая и крѣпенькая — (моя будущая мать), которую родители разумѣется назвали Маріей. Эта семейная радость ознаменована была весьма милостивымъ знакомъ благоволенія со стороны вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны, благоволенія выразившагося въ слѣдующемъ извѣщеніи Секретаря Ея Величества Вилламова:

« Pavlovsk, ce 1er juin 1827. N° 2067. — Monsieur, Sa Majesté l'Impératrice-Mère me charge de vous dire qu'Elle réclame l'Enfant dont Madame de Katacazi est accouchée et qu'Elle daigne en être la Marraine. Sa Majesté Impériale désire être remplacée au baptême par Madame d'Adlerberg, Supérieure de la Communauté. Je m'empresse, Monsieur, de vous informer de ces dispositions gracieuses de Sa Majesté Impériale, ayant l'honneur d'être...».

Крестнымъ отцомъ моей Матери молодые родители попросили быть Графа Іоанна Каподистріа, еще не выѣхавшаго изъ Петербурга, и Крестины состоялись въ Смольномъ Монастырѣ. Моей Матери не довелось, къ сожалѣнію, знавать и помнить своихъ знаменитыхъ крестныхъ родителей: Императрица Марія Θеодоровна скончалась въ 1828 году, а графъ Каподистріа, не покидавшій съ 1827 года Греціи, былъ убитъ въ Навпліи Майнотами Мавромихали 9-го октября 1831 года.

Каподистріа уѣхалъ изъ Петербурга довольный и обнадеженный тѣмъ пріемомъ, котораго удостоилъ его Императоръ Николай. «Онъ былъ принятъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ*) Д. Н. Свербеевъ, — не только съ чрезвычайнымъ благоволеніемъ, но и съ выраженіемъ ему искренняго и глубокаго отъ Государя уваженія. Встрѣтившій ихъ вмѣстѣ Петръ Андреевичъ Кикинъ говорилъ мнѣ, что новый Государь, державшій себя со всѣми съ неприступнымъ почти достоинствомъ своего высокаго сана, въ обхожденіи съ Графомъ былъ, противъ обыкновеннаго, ласковъ и привѣтливъ, какъ ни съ кѣмъ изъ иностранцевъ, за исключеніемъ развѣ Герцога Веллингтона».

Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что всегда столь благоволившій къ моему дѣду Графъ, рекомендовалъ его лично Государю Императору, и что именно эта рекомендація отразилась вскорѣ благопріятнымъ образомъ на дальнѣйшей судьбѣ Гавріила Антоновича Катакази.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года Дѣдъ мой «по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ на Эскадру подъ командою Вице-Адмирала Сенявина состоящую, для дипломатической переписки съ жалованьемъ по 2500 рублей въ 250 Нидерландскихъ Ценсовъ**)». Назначеніе было весьма лестное и значительное, ибо эскадра шла въ Архипелагъ, дабы произвести на Порту, совмѣстно съ Англійскою и Французскою эскадрами, извѣстное давленіе и прекратить такимъ образомъ рѣзню въ Греческихъ областяхъ Турціи.

Но какъ быть съ молоденькой, только что разрѣшившейся отъ бремени женою, у которой къ этому времени не оставалось въ Петербургѣ никого изъ близкихъ родныхъ? Дѣдъ рѣшился, въ подобныхъ обстоятельствахъ, обратиться къ Императрицѣ - Матери.

« ...Une commission relative au service de Sa Majesté l'Empereur, — писалъ дѣдушка въ своемъ всеподдан-

*) Уже цитированныхъ выше.

**) Послужной списокъ моего дѣда.

нѣйшемъ прошенiи, — vient de m'être confiée par le Ministère des Affaires Etrangères et l'ordre m'a été donné de m'embarquer à bord de la Flotte Impériale qui doit incessamment mettre à la voile. Pénétré de gratitude pour cette marque de confiance et désirant ardemment remplir les ordres de mon Souverain avec zèle et promptitude, je quitte sous peu de jours la capitale sans connaître l'époque de mon retour.

Eloignée de tous ses parents et des miens, sans expérience du monde, privée récemment de sa mère et relevant à peine d'une cruelle maladie, mon épouse devenue mère depuis peu de jours, devra rester dans cette ville sans protection, sans guide, sans appui. Mon premier devoir sera de consacrer toutes les ressources dont je puis disposer pour assurer ses moyens d'existence ; mais elle n'en serait pas moins à plaindre dans cet abandon ; et peut-être même aurait-elle le malheur d'être exposée au blâme du monde.

Une parole de Votre Majesté Impériale pourrait changer entièrement sa situation. Daignez, Madame, permettre qu'elle retourne pour quelques mois sous le même toit où elle a passé neuf années de sa vie. Daignez ordonner, dans Votre ineffable bonté, qu'on lui assigne un très petit logement, soit dans le Couvent de Smolni, soit dans la Maison des Veuves qui se trouve dans la même enceinte , sans qu'elle soit nullement à charge de la Communauté. Elle y trouverait un asile sacré et l'Auguste protection de Votre Majesté Impériale serait pour moi une seconde Providence. »

На обращенiе это послѣдовалъ 5-го iюня благопрiятный отвѣтъ черезъ Секретаря Императрицы, Вилламова:

« Monsieur, Sa Majesté l'Impératrice me charge de vous informer que votre demande sort à la vérité des règles ordinaires qui n'y seraient pas favorables, mais que l'intérêt particulier dont Sa Majesté a toujours daigné honorer Madame de Katacazi, L'a engagée de s'oc-

cuper des moyens de lui prouver la protection que vous sollicitez pour elle. Prenant donc en considération la protection Suprême dont Madame votre Belle-Mère a constamment joui et qui s'étendait sur votre épouse, comme Mademoiselle de Comneno et comme élève de la Communauté, ainsi que la circonstance tout extraordinaire de votre départ subit, Sa Majesté Impériale a daigné permettre que la Maison des Veuves accorde à Madame Katacazi et à son enfant un petit logement dans son enceinte, moyennant une rétribution de trente roubles par mois à la dite Maison des Veuves. Vous aurez la bonté, Monsieur, de vous entendre à ce sujet avec S. E. Mr de Wassiltchikoff, chargé de l'administration de la Maison des Veuves et prévenu des intentions gracieuses de Sa Majesté Impériale... »

Успокоенный такимъ образомъ насчетъ своей маленькой семьи, дѣдушка могъ со спокойнымъ духомъ отправиться въ интересную свою командировку.

Въ послужномъ спискѣ его, въ рубрикѣ : «Былъ ли въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ?» значится: «Находился въ Средиземномъ Морѣ подъ командою Контръ-Адмирала Графа Гейдена съ 8-го Августа 1827 по 9-21 Сентября 1829 года и во время сраженія при Наваринѣ 8-го октября 1827 года былъ на Адмиральскомъ Кораблѣ Азовъ и при блокадѣ Дарданеллъ». Въ графѣ же порядка прохожденія службы и наградъ значится: «Въ воздаяніе отличнаго усердія къ службѣ и благоразумнаго поведенія при сношеніяхъ съ начальниками Эскадръ союзныхъ Державъ и нахожденія на кораблѣ Азовъ во время сраженія при Наваринскомъ портѣ Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени».

Мой дѣдъ къ сожалѣнію не оставилъ никакихъ записокъ, ни даже замѣтокъ о столь интересномъ времени, проведенномъ имъ на эскадрѣ Графа Гейдена, о сношеніяхъ адмирала съ сэромъ Эдуардомъ Кодрингтономъ и Графомъ де Риньи и о

сношеніяхъ его самого съ Англійскимъ и Французскимъ дипломатическими коммиссарами союзныхъ эскадръ. Сношенія эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ, благодаря быть можетъ именно «благоразумному поведенію» Гавріила Антоновича, который очевидно всею душею желалъ энергичнаго дѣйствія союзныхъ эскадръ, но въ то же время тщательно сдерживалъ себя и, по возможности, своего адмирала, дабы у начальниковъ англійской и французской эскадръ не сложилось впечатлѣнія, что русскій коллега хочетъ ихъ вести въ поводу.

Наканунѣ Наваринскаго боя, дипломатическіе коммиссары трехъ эскадръ посланы были, какъ извѣстно, на адмиральское судно Турецко-Египетскаго флота съ ультимативнымъ заявленіемъ Ибрагиму Пашѣ, что, если турецкія и египетскія войска будутъ высаживаться на Морейскій берегъ, то союзныя эскадры откроютъ огонь. Когда на другое утро Турки начали всетаки высаживаться на берегъ, а флотъ ихъ, превосходившій силами эскадры союзниковъ, принялъ угрожающее положеніе, — то армиралъ Кодрингтонъ первый открылъ огонь; за нимъ послѣдовали суда всѣхъ трехъ эскадръ, и черезъ нѣсколько часовъ весь Турецко - Египетскій флотъ былъ уничтоженъ и крѣпость Наваринъ спустила флагъ.

Наваринскій бой рѣшилъ въ благопріятномъ смыслѣ участь греческаго возстанія; — съ этого дня Россія, Франція и Англія должны были оказывать открытую поддержку Греческому революціонному правительству и защищать грековъ противъ Султана. Въ то же время и союзныя дѣйствія трехъ эскадръ превратились въ болѣе тѣсное и оформленное соглашеніе трехъ державъ. Дѣдъ мой былъ конечно въ восхищеніи отъ подобнаго оборота дѣла.

Послѣ Наварина Гавріилъ Антоновичъ посланъ былъ графомъ Гейденомъ въ Петербургъ съ политическими донесеніями адмирала и съ порученіемъ выяснить въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ дальнѣйшія политическія задачи эскадры. По пріѣздѣ своемъ въ столицу онъ удостоился чрезвычайно высокой въ то время для чиновника въ его рангѣ чести быть представленнымъ Государю Императору, отвѣчать на разспро-

сы Его Величества и выслушать Высочайшія указанія по нѣкоторымъ вопросамъ. Отвѣты моего дѣда, скромные и въ то же время дѣльные, произвели повидимому на Государя весьма благопріятное впечатлѣніе. Въ Министрествѣ Г. А. Катакази былъ отлично принятъ и, снабженный новыми инструкціями и письмами къ Графу Гейдену, долженъ былъ довольно скоро выѣхать изъ Петербурга черезъ Вѣну и Тріестъ обратно къ эскадрѣ.

Понятно съ какою радостью встрѣтила пріѣздъ мужа Софья Христофоровна, порядочно таки соскучившаяся въ столь хорошо знакомой и даже родной для нея обстановкѣ Смольнаго Монастыря, которая не могла не показаться черезчуръ однообразною для жизнерадостной замужней молодой женщины. Появленіе мужа, выѣзды съ нимъ, разсказы его самого и близкихъ пріятелей семьи о многообѣщающихъ въ будущемъ служебныхъ успѣхахъ его — оживили Софью Христофоровну, льстили ея самолюбію, и вѣроятно сама она была удивлена тѣмъ приливомъ супружеской нѣжности, который охватилъ ее въ это время. И ни одного изъ своихъ дѣтей не любила и не баловала она такъ, какъ родившагося въ томъ же Вдовьемъ Домѣ девять мѣсяцевъ спустя сына. Это былъ знаменитый впослѣдствіи дядя Коко, Константинъ Гавриловичъ Катакази, тоже будущій дипломатъ, но совершенно другого пошиба чѣмъ его отецъ: живой, отважный, неосторожный до безумія, пускавшій кстати и некстати цѣлые фейерверки остроумія, самонадѣянный и дерзкій, порядочно таки эгоистичный и въ сущности испортившій себѣ жизнь, хотя и прожилъ ее до конца въ довольствѣ и наружномъ весельѣ. Почтеныя подруги его бабки и покровительницы его матери, ведшія по стезямъ добродѣтели и дѣвичьей скромности цѣлыя поколѣнія Монастырокъ, обомлѣли бы отъ ужаса, если бы могли видѣть, что вып-

ло впослѣдствіи изъ этого младенца мужескаго пола, чуть ли не единственнаго когда либо появившагося на свѣтъ въ чопорныхъ стѣнахъ Смольной Общины — de la Communauté! Къ счастью и возвышенная Августѣйшая Покровительница Смольнаго, Императрица, и миловидная до старости Екатерина Ивановна Нелидова и добродѣтельная Юлія Ѳедоровна Адлербергъ давно уже почили отъ трудовъ своихъ и отъ земной суеты, когда Коко Катакази, еще молодымъ секретаремъ Миссіи, смущалъ непочтительными каламбурами строгій чинъ Лиссабонскаго, Ганноверскаго и Бразильскаго дворовъ, увозилъ жену своего неаполитанскаго коллеги и успѣшно пряталъ ее отъ поисковъ мужа и Ріо-Жанейрскихъ властей и, на грозный вопросительный окликъ Бразильской Императрицы — въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса: «Où l'avez-vous, Monsieur!», отвѣчалъ, почтительно склонившись: «Chez ma blanchisseuse, Madame». Но я перелетѣлъ изъ 1828 въ 1858 годъ и во времена Александра II изъ временъ Николаевскихъ, гдѣ такой продерзостный «пассажъ» не могъ быть и мыслимъ!

Вернемся вмѣстѣ съ моимъ скромнымъ и уравновѣшеннымъ дѣдомъ къ берегамъ Пелопоннеса и Троады, на эскадру Графа Гейдена, гдѣ онъ пробылъ до поздней осени 1829-го года. Эскадра эта, послѣ Наварина, направилась на о. Мальту, гдѣ съ подобающими почестями встрѣтила прибывшаго туда на Англійскомъ суднѣ Графа Каподистріа и эскортировала его до Навпліи, — Морейскаго укрѣпленнаго порта, служившаго мѣстопребываніемъ греческому народному правительству. Дѣдъ мой едва ли присутствовалъ при этой знаменательной встрѣчѣ: онъ, по всему вѣроятію, не вернулся еще къ тому времени, — декабрю 1827 года, — изъ своей поѣздки въ Петербургъ.

За время пребыванія Гавріила Антоновича на эскадрѣ Графа Гейдена, началась, въ маѣ 1828 года, и закончилась въ сентябрѣ 1829-го, Русско - Турецкая война, — закончилась блестящими побѣдами и взятіемъ Эрзерума на Кавказѣ и болѣе труднымъ, но не менѣе успѣшнымъ одолѣніемъ врага на Европейскомъ театрѣ войны, — взятіемъ Варны, Адріанополя и подписаніемъ (14 сентября 1829 г.) Адріанопольскаго ми-

ра, явившагося однимъ изъ самыхъ поразительныхъ памятниковъ Русскаго политическаго великодушія.

Правда, всѣ справедливыя требованія Россіи, столь дерзкимъ образомъ въ теченіи семи лѣтъ отвергаемыя Портою, были наконецъ приняты къ исполненію, правда и то, что на Кавказѣ Россія заняла окончательно Черноморское побережье и Ахалцыхъ съ его округомъ; но всѣ остальныя завоеванія ея: Карсъ, Баязидъ и Эрзерумъ возвращены были Султану и, уже послѣ подписанія мира, росчеркомъ пера Русскаго Самодержца, безъ чьего бы то ни было давленія, прощена была Турціи довольно значительная военная контрибуція, наложенная на нее Адріанопольскимъ мирнымъ договоромъ.

Что касается устройства Греческихъ дѣлъ, то Русскій Кабинетъ, соглаисвшійся еще до Наварина (по Лондонскому договору іюля 1827 г.) дѣйствовать въ этомъ вопросѣ за одно съ Франціею и Англіею, не счелъ себя въ правѣ выговорить въ Адріанополѣ въ пользу Грековъ чего либо иного, кромѣ обѣщанія Порты подчиниться рѣшеніямъ трехъ союзныхъ державъ.

Переговоры трехъ Правительствъ привели въ 1830 году къ окончательной ликвидаціи Греческаго возстанія и къ образованію Греціи въ объемѣ Мореи, Ливадіи и Спорадъ. Ни Эпиръ, ни Ѳессалія, ни о. Критъ, ни Циклады не вошли въ составъ освобожденной Греціи, хотя и тамъ поднималось неоднократно за семь истекшихъ лѣтъ знамя возстанія, лилась кровь, происходили избіенія христіанскаго населенія. Даже тѣ скромные, почти нищенскіе размѣры нововозникшаго христіанскаго государства съ трудомъ отвоеваны были графомъ Каподистріа при постоянной благосклонной поддержкѣ Русскаго Кабинета!

Въ ожиданіи возможности получить изъ рукъ Державъ въ короли Эллиновъ одного изъ членовъ Европейскихъ властительныхъ дворовъ, и тѣмъ самымъ окончательно закрѣпить независимость Греціи, — Президентъ народнаго правительства принялся, со свойственными ему твердостью и государственнымъ смысломъ, — за упорядоченіе страны, за излеченіе без-

численныхъ ранъ, нанесенныхъ ея и безъ того небогатымъ предѣламъ безпощадною семилѣтнею борьбою. Европейскія событія 1830-го и начала 1831-го года усложнили для благороднаго Грека эту труднѣйшую задачу; и осенью 1831-го года онъ самъ палъ жертвою своего пламеннаго патріотизма, своей вѣрности лучшимъ завѣтамъ прошлаго и своего стремленія поставить жизнь страны на стезю строгаго порядка и законности. Но объ этомъ послѣ.

Дѣдъ мой, какъ я уже сказалъ выше, оставался на эскадрѣ до конца 1829 года. Осенью этого года графъ Гейденъ ходатайствовалъ о дозволеніи Катакази, по разстроенному здоровью, вернуться въ С.-Петербургъ. Отвѣтъ на это ходатайство послѣдовалъ изъ Петербурга въ самыхъ лестныхъ для моего дѣда выраженіяхъ:

« Par une de vos dépêches, — писалъ адмиралу Гейдену Графъ Нессельроде, — Votre Excellence nous a fait connaître les motifs de santé qui engagent M. de Catacazy à solliciter la permission de retourner en Russie. Si ces motifs existent encore, l'Empereur lui accorde la permission dont il s'agit, et Votre Excellence voudra bien lui confier les premières dépêches qu'elle sera dans le cas de nous expédier, en lui bonifiant les frais de route. Mais Sa Majesté Impériale qui connaît les talents distingués de M. de Catacazy, qui apprécie ses services et qui lui a fait connaître ses intentions à l'époque de son dernier voyage à Saint-Pétersbourg, pense que vous éprouverez, Monsieur le Comte, le plus vif regret d'être privé de la coopération et des lumières d'un employé de ce mérite, surtout dans des circonstances très délicates. Si donc sa santé s'était améliorée et si vous pouviez l'engager à continuer son séjour près de vous, l'Empereur vous autorise à le garder, convaincu qu'il

ne pourrait que vous être encore dans la suite de la plus grande utilité par sa connaissance des affaires politiques en des pays avec lesquels vous êtes en contact. Recevez, etc... ».

Обладая, послѣ тридцати восьми лѣтъ дипломатической службы, нѣкоторою опытностью въ подобнаго рода перепискахъ, я позволяю себѣ предполагать, что ходатайство моего дѣда о возвращеніи въ С.-Петербургъ вызвано было не столько разстроеннымъ его здоровьемъ, сколько нѣкоторыми разногласіями его съ адмираломъ Гейденомъ и, вѣроятнѣе всего, по предмету отношеній къ Греческому національному Правительству и къ греческимъ населеніямъ Архипелага. Быть можетъ также Гавріилъ Антоновичъ считалъ себя предназначеннымъ къ посту Россійскаго Представителя въ Навпліи, гдѣ, какъ извѣстно, основалъ свое пребываніе Графъ Каподистріа, а въ такомъ случаѣ ему конечно крайне важно было находиться при самомъ источникѣ подобныхъ назначеній, т. е. въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. — Съ своей стороны адмиралъ вѣроятно не безъ нѣкотораго удовольствія передалъ и поддержалъ ходатайство Катакази, въ коемъ онъ — какъ ни какъ — долженъ былъ видѣть приставленнаго къ своей особѣ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ наблюдателя.

Въ Петербургѣ все это повидимому отлично поняли; и письмо графа Нессельроде доказываетъ, что, дорожа продолженіемъ командировки въ водахъ Леванта своего опытнаго и умнаго чиновника, онъ сдѣлалъ Государю докладъ именно въ вышеуказанномъ смыслѣ; причемъ многозначущее сообщеніе желанія Его Величества, чтобы Катакази оставался на эскадрѣ, и ссылка на то, что въ послѣднюю поѣздку его въ Петербургъ ему преподаны были самимъ Государемъ Императоромъ особыя инструкціи, — должны были служить для Адмирала обязательнымъ указаніемъ свыше.

Но Гавріилъ Анотновичъ, не желая оставаться на эскадрѣ при отсутствіи полнаго единенія мыслей между нимъ и его временнымъ начальникомъ, не захотѣлъ воспользоваться и тѣмъ преимуществомъ, которое давало ему столь лестное письмо Гра-

фа Нессельроде. Въ характерѣ моего дѣда вовсе не было стремленія настаивать во что бы то ни стало на своихъ мнѣніяхъ и навязывать кому бы то ни было и эти мнѣнія и свою особу; онъ до конца жизни оставался человѣкомъ разсудительнымъ и убѣжденнымъ «миротворцемъ», не только самъ избѣгая столкновеній, но и стараясь мирить другихъ. Въ виду всего этого онъ настоялъ на болѣзненномъ состояніи своего здоровья и отбылъ окончательно съ эскадры въ Петербургъ. Конечно влекло его туда, помимо всякихъ служебныхъ соображеній, и горячее желаніе свидѣться съ своею молоденькою женою, которую покинулъ онъ въ послѣдній разъ почти два года передъ тѣмъ.

Послѣдствія показали, что Гавріилъ Антоновичъ былъ вполнѣ правъ, не жертвуя своими семейными радостями порядочно таки надоѣвшей ему полу-морской службѣ. Двухлѣтнее пребываніе его на эскадрѣ въ столь знаменательное для нашей ближневосточной политики время оказало уже самое благопріятное и рѣшающее вліяніе на его карьеру. Всѣ дѣйствія его были одобрены, и самъ онъ произвелъ, повидимому, на молодого Императора весьма благопріятное впечатлѣніе. По возвращеніи своемъ въ Министерство Иностраныхъ Дѣлъ дѣдушка получилъ, 35-ти лѣтъ отъ роду, чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, довольно крупную денежную награду и, по Высочайшему повелѣнію, ему сохраненъ былъ тотъ окладъ содержанія, которымъ онъ пользовался на эскадрѣ. Но, главное, онъ назначенъ былъ «Правителемъ Дѣлъ въ Комитетъ, учрежденный, подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Дашкова, по дѣламъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи». Назначеніе это было значительнымъ и лестнымъ: однимъ изъ ощутительнѣйшихъ результатовъ побѣдоносной Забалканской кампаніи и Адріанопольскаго мира, поразившаго Европу умѣренностью нашихъ домогательствъ, — явилось признаніе за Россіею права упорядочить Дунайскія Княжества, руководить выработкою для нихъ органическаго статута и ввести этотъ статутъ въ дѣйствіе.

На мѣстѣ, т. е. въ самихъ княжествахъ, исполнителемъ великодушныхъ предначертаній Русскаго Монарха назначенъ

былъ Генералъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, который, въ годы, предшестовавшіе 14 Декабрю (1825), считался въ Южной Арміи, — равно какъ и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ на Кавказѣ, — покровителемъ и чуть ли не общникомъ дѣятельности, или по крайней мѣрѣ идей, членовъ тайныхъ обществъ и союзовъ. Но между между тѣмъ какъ Ермоловъ такъ и остался до конца Николаевскаго царствованія въ царской немилости и не у дѣлъ, — Киселеву поручено было примѣнить свои просвѣтительныя идеи, — и въ то же время свой строгій формализмъ, — къ упорядоченію обширнаго и богатѣйшаго края, сельское населеніе коего бѣдствовало, удрученное нѣсколькими вѣками полнаго безправія, хаотическаго безпорядка и безпрестанныхъ турецкихъ наскоковъ. Киселевъ исполнилъ эту задачу, какъ извѣстно, съ тактомъ и успѣхомъ, и имя его осталось доселѣ популярнымъ въ Румыніи. По окончаніи же его работы въ Княжествахъ, Николай І-й приблизилъ его къ себѣ какъ намѣченнаго въ будущемъ исполнителя важнѣйшей реформы — уничтоженія крѣпостной зависимости, реформы осуществленію коей при жизни Николая Павловича помѣшали революціоныя событія 1848 года.

Лицо, поставленное во главѣ Комитета по дѣламъ Дунайскихъ Княжествъ, Статсъ-Секретарь Дмитрій Васильевичъ Дашковъ былъ однимъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей младшаго поколѣнія, на которыхъ обратилъ свое вниманіе молодой Императоръ, какъ на людей способныхъ проводить въ жизнь его, до конца 30-хъ годовъ еще не опредѣлившіяся, но уже твердыя предначертанія въ области внутренняго управленія. Блудовъ, Уваровъ, впослѣдствіи Киселевъ явились, вмѣстѣ съ Дашковымъ, съ Графомъ Сперанскимъ, возвратившимся къ законоучредительной дѣятельности, съ Гр. Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ Новороссіи и съ Княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ въ Москвѣ, наиболѣе извѣстными и вліятельными выразителями этой стороны Николаевскаго царствованія.

Я уже говорилъ о близости и пріязни, существовавшихъ между дѣдушкою и Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ. Пріязнь эта длилась до самой кончины Дашкова (весьма преждев-

ременной) и установила близкую связь между обѣими семьями*).

Въ 1831 году Гавріилъ Антоновичъ, сверхъ своей работы въ Комитетѣ, назначенъ былъ «Членомъ Главнаго Управленія Цензуры**) со стороны Министерства Иностраныхъ Дѣлъ». Назначеніе это также указывало на довѣріе, съ которымъ относились къ Гавріилу Антоновичу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и на установившуюся за нимъ репутацію человѣка образованнаго. Однимъ словомъ карьера его казалась вполнѣ обезпеченною. Тридцати шести лѣтъ отъ роду, онъ занималъ въ Вѣдомствѣ Иностраныхъ Дѣлъ положеніе соотвѣтствовавшее учрежденной впослѣдствіи должности младшаго Совѣтника Министерства, и являлся такимъ образомъ однимъ изъ кандидатовъ на должность Посланника; положенію этому соотвѣтствовалъ и чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, въ тѣ времена гораздо болѣе значившій нежели въ концѣ царствованія Николая Павловича, — не говоря уже о временахъ позднѣйшихъ.

*) Я отлично помню изъ моего отрочества и ранней юности пріѣзды въ Москву Елисаветы Васильевны Дашковой, рожденой Пашковой. Это была типичная великосвѣтская старуха, красивая, властная, прямого нрава и живого и серьезнаго ума; и моя мать и мой отецъ выказывали къ ней большое уваженіе. Но особенно хорошо помню я ея старшаго сына Дмитрія Дмитріевича, проводившаго долгіе часы въ нашемъ домѣ при частыхъ проѣздахъ своихъ изъ Рязанскаго помѣстья, гдѣ онъ жилъ, въ Петербургъ къ своей матери и обратно. Это былъ чрезвычайно умный и образованный человѣкъ, типичный шестидесятникъ, убѣжденный либеральный земецъ, весь свой вѣкъ воевавшій въ Рязани съ Графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ изъ-за земской учительской семинаріи и другихъ вопросовъ, волновавшихъ въ тѣ времена либеральный и охранительный лагери земцевъ.

**) Въ тѣ времена учрежденія междувѣдомственнаго.

Но между тѣмъ какъ личная карьера Гавріила Антоновича Катакази принимала такой благопріятный оборотъ, — то дѣло, которое наиболѣе интересовало и волновало его, — я говорю о судьбѣ только что освобожденной Греціи, — это дѣло подвергалось новымъ и серьезнымъ опасностямъ.

Съ іюля 1827 до іюля 1830 года Русская политика, въ стараніяхъ своихъ на пользу Грековъ, поддержана была безусловно Франціей и, до извѣстной степени, Британскимъ Кабинетомъ. Іюльская революція подорвала въ корнѣ это временное и плодотворное согласіе. Николай I, при первой же вѣсти о сверженіи Карла X и о незаконномъ занятіи Французскаго Престола Принцемъ Орлеанскимъ, не могъ, да и не хотѣлъ подавить своего гнѣва и сдержать своего строгаго порицанія, и запрашивалъ даже въ Берлинѣ и Вѣнѣ, не считаютъ ли тамъ умѣстнымъ и возможнымъ подавить вооруженною силою начало новаго, угрожающаго Европѣ пожара. Бельгійская революція еще болѣе усилила негодованіе Русскаго Самодержца; но тѣмъ временемъ совершенно неожиданно вспыхнувшее въ ноябрѣ того же года Польское возстаніе положило конецъ русскимъ проэктамъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Западной Европы: достаточно было заботъ и съ усмиреніемъ Польши, коей вооруженныя силы, столь блестяще подготовленныя стараніями Александра, Константина и самого Николая, боролись нынѣ съ отчаянной храбростью, а въ первые мѣсяцы и съ успѣхомъ, противъ спѣшно собираемыхъ и отправляемыхъ на польскія границы русскихъ войскъ; между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ, и въ особенности во Франціи, все общественное мнѣніе горячо высказывалось за дѣло польской революціи и осыпало Россію и ея Монарха обвиненіями, упреками и угрозами.

При подобныхъ обстоятельствахъ не могло быть конечно и рѣчи о продолженіи русско-французскаго совмѣстнаго дѣйствія на ближнемъ Востокѣ. Напротивъ того и тамъ, какъ и въ другихъ областяхъ Европейской политики, сразу обозначился рѣзкій антагонизмъ между Россіею Николая I-го и Франціею Людовика-Филиппа; и этотъ антагонизмъ ободрилъ и укрѣпилъ издавна сказывавшееся недоброжелательство Великобри-

таніи къ политическимъ успѣхамъ Россіи на ближнемъ Востокѣ. Уже въ 1827 году, при полученіи извѣстія о Наваринскомъ боѣ, Торійское Правительство не сочло нужнымъ скрыть отъ Палаты Общинъ своего неудовольствія по поводу этого «неудобнаго событія» (*untoward event*), какъ выразился Каннингъ. Въ Лондонѣ думали и открыто говорили, что, съ исчезновеніемъ Турецкихъ морскихъ силъ, Константинополь является беззащитнымъ противъ предпріятій русскаго Черноморскаго флота, и Проливы легко могутъ очутиться въ русскомъ обладаніи. Политика Великобританіи по отношенію къ Россіи все рѣшительнѣе опредѣлялась въ смыслѣ коренного и систематическаго противодѣйствія, внушаемаго непреодолимымъ страхомъ передъ русскимъ продвиженіемъ къ Средиземному Морю съ одной стоорны и къ границамъ Индіи — съ другой.

Это коренное измѣненіе въ соотношеніи главныхъ политическихъ силъ Европы сразу почувствовалось въ столь недавно освобожденной Греціи. Доселѣ Греки имѣли дѣло съ согласованымъ, по наружности по крайней мѣрѣ, воздѣйствіемъ трехъ Великихъ Державъ — покровительницъ, изъ коихъ двѣ относились съ достаточною искренностью и другъ къ другу и къ предпринятому ими человѣколюбивому дѣлу; отнынѣ эти Державы, вліяніе коихъ наиболѣе значило на Востокѣ, были принципіально и кореннымъ образомъ разъединены, и это давало рѣшительный толчекъ личнымъ распрямъ и интригамъ и разногласію мнѣній, къ которымъ такъ склонны были въ тѣ времена греки, а за ними и всѣ нарождавшіяся балканскія народности. Рѣзко обозначались существованіе и борьба трехъ партій: русской, англійской и французской; и этотъ коренной расколъ дѣлалъ особенно затруднительнымъ положеніе лица, возглавлявшаго тогдашнюю Грецію, и которое года три передъ тѣмъ сосредоточивало еще на себѣ все расположеніе и всю надежду только что возродившагося къ гражданской жизни народа. Я говорю о графѣ Іоаннѣ Каподистріи, развязка жизни и дѣяній котораго была столь близка, привлеченная, — точь въ точь какъ въ классически построенной драмѣ, — трагическою борьбою идеальныхъ стремленій со строго понятымъ

долгомъ, возвышеннаго характера героя и его утонченныхъ чувствъ и мыслей со слѣпыми страстями и вожделѣніями окружающей толпы, съ грубымъ напоромъ внѣшнихъ силъ и съ ядомъ бездушной политической интриги.

Личность Графа Каподистріи имѣла столь сильное вліяніе на весь умственный и нравственный укладъ и на самую житейскую судьбу моего дѣда Гавріила Антоновича, что, прощаясь въ этомъ мѣстѣ моего разсказа со свѣтлымъ образомъ благороднаго грека, я не могу отказать себѣ въ удовлетвореніи вызвать еще разъ передъ собою и другими этотъ образъ въ возможно болѣе живомъ обликѣ и въ жизненной его обстановкѣ.

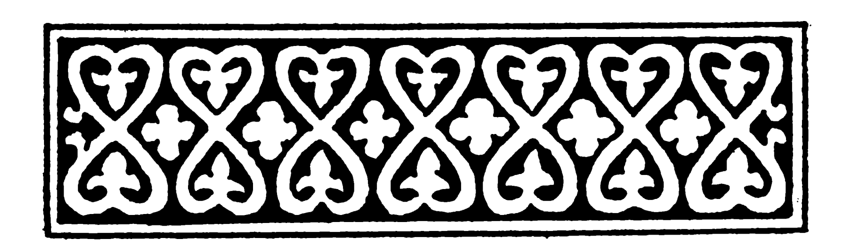

Графъ Іоаннъ Каподистрія
(1776—1831)

Le Comte Jean Capo-d'Istria
Président du Gouvernement Hellénique
(1776-1831)

Le Comte Capodistrias

ГЛАВА VIII

ГРАФЪ ІОАННЪ КАПОДИСТРІА (1776—1831. Историческая вставка). Воспитаніе графа Каподистріи и дѣятельность его на Іоническихъ островахъ до поступленія на русскую службу (1807). Дѣятельность Каподистріи въ качествѣ Статсъ-Секретаря Императора Александра І-го. Отставка и отъѣздъ за-границу въ 1822 году. — Гр. Каподистріа въ Женевѣ, по воспоминаніямъ Дм. Ник. Свербеева. — Каподистріа. — Президентъ Греческаго Правительства; поѣздка его въ С.-Петербургъ къ Императору Николаю І-му. — Трагическая кончина графа въ 1831 году.

Графъ Іоаннъ Каподистріа родился на о. Корфу въ 1776 году и былъ слѣдовательно почти ровесникомъ своего будущаго вѣнценоснаго покровителя Императора Александра I. Онъ принадлежалъ по происхожденію къ высшему общественному классу Іоническихъ осторовъ, и графскій титулъ, коимъ пользовались его предки, имѣлъ происхожденіе венеціанское. Гордые и, въ теченіе столькихъ вѣковъ, могущественные венеціанскіе патриціи сами не носили, какъ извѣстно, никакихъ титуловъ; ихъ звали: Мессеръ Барберини, Мессеръ Мочениго, Мессеръ Вендраминъ, Мессеръ Фоскарини, Мессеръ Джустиніани и т. д., и эти фамильныя прозвища значили болѣе чѣмъ многіе княжескіе и герцогскіе титулы Италіи. Но Дожъ, Совѣтъ Десяти и Прокураторы Свѣтлѣйшей Республики сами охотно раздавали графскіе титулы нотаблямъ тѣхъ провинцій и острововъ, на которые простиралась властъ или высокое покровительство Венеціи въ Адріатическомъ Морѣ и Архипелагѣ. Таково происхожденіе довольно значительнаго ко-

личества графскихъ титуловъ среди греческихъ и далматинскихъ фамилій.

Фамильное прозвище «Капо - д'Истріа» указываетъ на происхожденіе предковъ графа Іоанна Антоновича изъ города того - же имени, — столицы Истрійской области, — изъ чего дозволено заключить, что дальніе предки его были, по крови, либо итальянцами, либо хорватами. Но переселившись на о. Корфу и поженившись на греческихъ уроженкахъ острова, они приняли Православіе и такимъ образомъ совершенно огречились, оставаясь тѣмъ не менѣе, какъ и большинство корфіотовъ, вѣрными подданными Свѣтлѣйшей Республики.

Отецъ графа Іоанна, графъ Антонъ Каподистріа, человѣкъ богатый и образованный, пользовался значеніемъ среди своихъ согражданъ. И онъ и его жена отличались набожностью и неукоснительною преданностью восточному Православію.

Подобно большинству своихъ сверстниковъ, — сыновей мѣстныхъ примасовъ, — молодой Іоаннъ Каподистріа, по окончаніи средняго образованія въ Корфу, былъ отправленъ сначала въ Падуанскій унивеситетъ, гдѣ изучалъ медицину, а затѣмъ въ Венецію.

Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду политическія обстоятельства заставили его спѣшно вернуться на родину. Венеція съ 1797 года уже не существовала, — и Іоническіе острова очутились подъ протекторатомъ всесильныхъ въ то время въ Адріатикѣ французовъ. Графъ Антонъ Каподистріа, въ которомъ новые протекторы Острововъ видѣли — вполнѣ основательно — сторонника бывшей власти и бывшей политической системы, былъ заключенъ въ тюрьму, и сыну его, выказавшему въ этихъ обстоятельствахъ много настойчивости и политической ловкости, стоило большихъ усилій добиться освобожденія заключеннаго. Передряга эта и вообще грубое и самонадѣянное хозяйничанье въ Корфу французскихъ военныхъ властей оставили понятнымъ образомъ въ молодомъ Каподистріи неблагопріятныя по отношенію къ французамъ впечатлѣнія, усиленныя въ послѣдующіе годы многочисленными проявленіями

беззастѣнчивости и насилія, коими сопровождалось по всей Европѣ побѣдоносное продвиженіе республиканской, а потомъ и Императорской Франціи.

Въ 1799-мъ году Іоническіе острова были отняты у Франціи дѣйствіями соединенныхъ эскадръ Англійской, Русской и Турецкой. Партія мѣстныхъ патріотовъ, возглавленная семьею Каподистріа, получила снова перевѣсъ, и старый графъ Антонъ отправленъ былъ во главѣ депутаціи отъ Корфіотовъ въ Константинополь, гдѣ союзные Послы, купно съ Блистательною Портою, рѣшали судьбу адріатическихъ прибрежій и предѣловъ Архипелага, затронутыхъ войною. По Константинопольскому соглашенію 20-го марта 1800-го года, Іоническіе острова признаны были автономною республикою, состоящею подъ протекторатомъ Великобританіи и Россіи, и обязанною вносить Портѣ незначительную ежегодную дань. Графъ Іоаннъ Каподистріа принялъ съ первыхъ же поръ участіе въ административномъ управленіи своею родиною и, съ 1802-го по 1807-й годъ, занималъ послѣдовательно должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Иностранныхъ Дѣлъ и Мореплаванія и Торговли.

Новый оборотъ Европейской политики, явившійся послѣдствіемъ неожиданнаго Тильзитскаго замиренія и союза между Наполеономъ и Александромъ, не могъ не отразиться на судьбѣ графа Каподистріи. Замиреніе это выразилось, какъ извѣстно, на первыхъ же порахъ — и въ ожиданіи дальнѣйшаго — признаніемъ, со стороны Наполеона, преобладанія Русскихъ интересовъ на Дунаѣ, а со стороны Александра — первенствующаго положенія Франціи на берегахъ Адріатики и Іоническаго моря. При такомъ положеніи дѣлъ, Каподистріи оставалось лишь отстраниться отъ всякой политической дѣятельности на родинѣ и искать иного примѣненія своимъ способностямъ и своему обще-эллинскому патріотизму. Онъ нашелъ это примѣненіе въ Россіи.

Императоръ Александръ всегда былъ радъ возмѣщать отдѣльнымъ личностямъ, — въ порядкѣ Монаршей милости и ласки, — тотъ вредъ, который онъ принужденъ былъ наносить ихъ родинѣ или ихъ политическимъ вожделѣніямъ, какъ

верховный руководитель русской политики. Но кромѣ того, уже съ 1808-го года, т. е. съ Эрфурта, въ русскомъ уклончивомъ и дальновидномъ Монархѣ укоренилось убѣжденіе, что соглашеніе съ Наполеономъ есть соглашеніе временное, неустойчивое, и что слѣдуетъ запасаться и матеріальными и всякими иными силами на предметъ почти неминуемаго и рѣшительнаго столкновенія съ сегодняшнимъ союзникомъ и другомъ. Надобились люди, которые, при извѣстномъ оборотѣ дѣлъ и по мановенію свыше, могли бы явиться удачными проводниками русской политики, какъ въ сопредѣльныхъ странахъ Европы и на единовѣрномъ Востокѣ, такъ и въ болѣе отдаленныхъ предѣлахъ. И, въ силу этой-то надобности, продолжались царскія милости Спренгтпортенамъ и Армфельтамъ, оказывалось сердечное гостепріимство Штейну и постоянное вниманіе графу Іосифу де-Местру, приближалась ко Двору семья Стурдза и приглашался на русскую дипломатическую службу графъ Іоаннъ Каподистріа.

Пробывши два года въ русскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и соединившись за это время самою тѣсною дружбою съ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою, съ его родителями и сестрами, графъ въ 1811 году былъ отчисленъ въ распоряженіе Русскаго Посла въ Вѣнѣ, а въ 1812-мъ году назначенъ начальникомъ дипломатической канцеляріи — сначала при арміи Чичагова, находившейся еще на Дунаѣ, а съ 1813-го года при арміи Барклая де Толли, сражавшейся съ Наполеономъ въ Германіи. Здѣсь началась для графа Каподистріи и непосредственная работа съ Императоромъ Александромъ, который сразу полюбилъ и оцѣнилъ молодого, какъ и онъ самъ, но столь же уравновѣшеннаго, прекрасно образованнаго и воспитаннаго, и полнаго благородныхъ и человѣколюбивыхъ стремленій грека. Въ 1814-мъ г. въ Парижѣ, а затѣмъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, и въ 1815-мъ снова въ Парижѣ, Каподистріа почти не покидалъ Государя, работавшаго по всѣмъ дѣламъ внѣшней политики, то съ нимъ, то съ графомъ Нессельроде. Въ 1816-мъ году, по окончательномъ уходѣ отъ дѣлъ Канцлера графа Румянцова, Александръ назначилъ Министромъ Иностраныхъ Дѣлъ Статсъ-Секретря графа Нессельроде, но раз-

дѣлилъ de facto управленіе дѣлами внѣшней политики между нимъ и графомъ Каподистріей, получившимъ также званіе Статсъ-Секретаря Его Величества. И такимъ образомъ въ теченіе шести лѣтъ дипломатическое вѣдомство наше являло собою подобіе Императорскаго двуглаваго орла, или — еще точнѣе — двуликаго Януса; одно лицо, въ чертахъ коего Португальско - еврейская тонкость совсѣмъ почти затѣняла атавизмъ Рейнскихъ Рейхс-графовъ, — съ подобострастіемъ повернуто было въ сторону Князя Меттерниха и одобрительно улыбалось возстановленнымъ Бурбонамъ Франціи, Испаніи и Неаполя; другое, — лицо православнаго грека съ утонченнымъ англо-итальянскимъ образованіемъ, — смотрѣло въ сторону единовѣрнаго Востока, дорогой сердцу Монарха Швейцаріи и отчасти Англіи и Пруссіи. Казалось бы, что такая двойственность въ управленіи нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ должна была бы внести въ него разладъ и нестроеніе; но не надо забывать, что внѣшнею политикою Россіи руководилъ, не только въ главныхъ чертахъ, но зачастую и въ подробностяхъ, одинъ изъ тончайшихъ дипломатовъ своего времени, — самъ Императоръ Александръ I-ый.

Когда дѣло шло о с т а т и к ѣ этой политики, объ опорѣ ея на фундаментъ Священнаго Союза, объ обезпеченіи Европѣ мира путемъ безоблачнаго согласія между тремя сосѣдними Монархами, — Агамемнонъ Европы радъ былъ пользоваться убѣжденнымъ, скромнымъ и усерднымъ сотрудничествомъ маленькаго Графа Нессельроде; но когда становилась на очередь д и н а м и к а нашихъ дипломатическихъ сношеній, когда приходилось защищать и оправдывать великодушныя предначертанія Русскаго Самодержца въ Польшѣ, поддерживать Восточныхъ единовѣрцевъ, оказывать отпоръ обнаглѣвшей подъ Англо-Австрійскимъ вліяніемъ Оттоманской Портѣ и завоевывать Европейское сочувствіе гуманитарнымъ воззрѣніямъ и стараніямъ Александра, — въ этихъ случаяхъ прибѣгали къ блестящему перу, къ опытности и къ пылкому идейному сочувствію Графа Каподистріи, сильнаго и своимъ личнымъ обаяніемъ и безусловною высотою и серьезностью своего мышленія. Къ тому-же «статика» и «динамика» отнюдь не приходили при

этомъ въ столкновенія личнаго свойства, ибо олицетворявшіе ихъ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества были, какъ я уже имѣлъ случай говорить выше, людьми нарочито благовоспитанными, утонченно вѣжливыми и совершенно лишенными того мелочного чиновничьяго самолюбія, коего проявленія такъ много путаютъ и портятъ въ государственномъ обиходѣ.

Въ предъидущихъ главахъ, посвященныхъ моей прабабкѣ Марьѣ Александровнѣ Комнено, я уже приводилъ выдержки изъ воспоминаній почтеннаго москвича Дмитрія Николаевича Свербеева. Позволю себѣ снова обратиться къ этому источнику, дабы обрисовать обличіе графа Каподистріи, какимъ оно представлялось его современникамъ въ эпоху его наибольшаго въ Россіи вліянія.

«Первый разъ, — пишетъ Д. Н. Свербеевъ, — видѣлъ я графа Каподистріа осенью 1817-го года. Онъ пріѣхалъ тогда въ Москву съ Императоромъ Александромъ и находился при немъ въ званіи Статсъ-Секретаря по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣ минуло 17 лѣтъ, я только что поступилъ въ Канцелярію Кикина. Двоюродный братъ мой, Василій Обресковъ, женатый на княжнѣ Хованской, будучи Московскимъ полицмейстеромъ, заискивалъ у всѣхъ пріѣзжихъ съ Государемъ. Особенно заботилась объ этомъ его супруга, которая, вмѣстѣ со своими сестрами, — Соковниной и Булгаковой, — стояла на самомъ верху высшаго Московскаго кружка и принимала въ гостепріимномъ домѣ чваннаго князя Хованскаго знаменитостей, особенно иностранныхъ.

«Каподистріа былъ въ дружескихъ связяхъ съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Константиномъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, а потому братъ его, московскій Булгаковъ, залучилъ графа на небольшой вечеръ своей свояченицы, что было не совсѣмъ легко, ибо дипломатъ, занятый своимъ дѣломъ, избѣгалъ собраній, или по крайней необходимости, являлся на нихъ мелькомъ. Конечно и до моей неразвитой юности дошло уже значительное въ высшихъ сферахъ общества имя графа Каподистріа и увеличило нетерпѣливое желаніе его появленія на этомъ вечерѣ. И дѣйствительно онъ поразилъ меня своею строгою и въ то же время привлекательною наружностью. Ему было тогда не болѣе 40 лѣтъ (онъ былъ почти однолѣткомъ Императора Александра). Стройный, довольно высокій ростомъ, одѣтый весь въ черномъ, блѣдный лицомъ, которое представляло, какъ бы на древнемъ антикѣ или медали, изящный типъ греческой мужской красоты, обратилъ на себя оживленные горячимъ любопытствомъ взоры полдюжины молодыхъ красивыхъ дамъ, украшавшихъ небольшую, скромно убранную гостинную. Его черный костюмъ... и эта блѣдная античая фигура оживлялась выразительными, большими черными глазами, смягчались въ своей строгости бѣлизной высокаго галстука и волосъ, зачесанныхъ à la vergette и тщательно напудренныхъ. Добавлю еще одну скромную подрбность гостя Обресковой, которою онъ отличался отъ другихъ бывшихъ тамъ мужчинъ: на немъ не было никакого знака отличія, тогда какъ прочіе украсили себя звѣздами, разноцвѣтными ошейниками и петличными висюльками, — у кого что было. Впрочемъ всѣ благовоспитанные, замѣчательные умомъ и характеромъ люди временъ Александра рѣдко нашивали ордена и даже звѣзды, кромѣ парадныхъ случаевъ и — въ дорогѣ. Не знаю, какъ въ другихъ салонахъ, но въ этой ему не обычной средѣ графъ Каподистріа не походилъ на другихъ дипломатовъ нашихъ и чужихъ тѣмъ, что не игралъ въ карты. Разговоръ въ этотъ вечеръ не клеился, да это и не могло быть иначе. Едва ли, при всемъ своемъ умѣ, графъ могъ вести общую пустую бесѣду; врядъ ли, при его скромности, переходившей въ застѣнчивость, умѣлъ онъ любезничать, на виду всѣхъ, со свѣтскими московскими,

— но отнюдь не европейскими дамами; однимъ словомъ какимъ-то чужимъ издалека показался онъ мнѣ въ этомъ кружкѣ. Наконецъ хозяйка дома догадалась посадить его съ Булгаковымъ за шахматный столикъ, но ей не удалось задержать его до ужина съ вѣчными стерлядями и трюфелями.

«Послѣ этого вечера мнѣ ни разу не случилось встрѣтить графа. Я не бывалъ въ Петербургскихъ гостинныхъ, а онъ не показывался ни въ театрахъ, ни въ концертахъ, ни на гуляньяхъ. Зато много говорили о немъ въ гостинной Кикиныхъ, особливо, когда дошелъ до Петербурга слухъ о внезапномъ возстаніи грековъ. И лишь только касалось до моего слуха имя Каподистріа, фигура его отчетливо и привѣтливо рисовалась въ моемъ воображеніи...*)».

Всѣмъ извѣстно, что, начиная, съ 1815 года, русское общественное мнѣніе Александровской — да и позднѣйшей — эпохи было всецѣло на сторонѣ Каподистріи; извѣстно также, что въ 1822 году, убѣдясь въ побѣдѣ Меттерниховскихъ воззрѣній надъ колеблющимися чувствами и мыслями Александра и отчаявшись побудить сего послѣдняго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ греческомъ вопросѣ, — онъ покинулъ русскую службу.

Рѣшеніе, на которомъ остановился въ Лайбахѣ Императоръ Александръ, поставить переговоры съ Портою о греческихъ дѣлахъ въ зависимость отъ соглашенія между союзными дворами, это рѣшеніе приносило окончательно въ жертву Ека-

*) Конецъ выдержки изъ записокъ Д. Н. Свербеева.

терининскій принципъ не допускать посторонняго вмѣшательства въ распри наши съ Оттоманскою Портою; теперь вся Европа призывалась быть судьею, насколько наши притязанія къ Турціи были справедливы и подлежали удовлетворенію. Графъ Каподистріа не въ силахъ былъ продолжать на этихъ основаніяхъ сколько нибудь плодотворной работы и доложилъ объ этомъ Государю. Въ частной аудіенціи, длившейся два часа, Александръ благосклонно выслушалъ всѣ доводы Каподистріи и въ свою очередь изложилъ ему побудительныя причины, руководившія его политикою, и доказывалъ, что согласіе, изъявленное имъ Австрійской системѣ, вызвано лишь крайнею и существенною необходимостью сохранить миръ въ Европѣ. «На Вашемъ мѣстѣ, сказалъ Государь, я сталъ бы говорить точно также какъ Вы, но въ моемъ положеніи я не могу перемѣнить моего рѣшенія... Итакъ, закончилъ Александръ, если это нужно, — разстанемся. Вы останетесь однако пока при Вашей должности. Вы уѣдете лишь послѣ меня, докончивъ всѣ дѣла, и отправитесь на воды, какъ Вы дѣлали это прежде»... Каподистріа выѣхалъ изъ Петербурга въ половинѣ августа 1822 года въ Эмсъ и затѣмъ поселился въ Женевѣ. «Жаль, что любезный, умный графъ Каподистріа насъ оставляетъ», писалъ Карамзинъ. «Такихъ людей мало. Европа погребла Грековъ: дай Богъ воскресенія мертвымъ». Другой почитатель графа выражался, что для Россіи потеря Каподистріи была важнѣе проиграннаго сраженія.

Зато ликовалъ Меттернихъ. Онъ самодовольно доносилъ Императору Францу, что одержалъ самую полную изъ побѣдъ, когда либо одержанныхъ однимъ Дворомъ надъ другимъ. «Русскій Кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ»! «Корень зла исторгнутъ», говорилъ онъ одному изъ своихъ пріятелей, «Графъ Каподистріа похороненъ до конца своей жизни, и Европа избавилась отъ великихъ опасностей, которыми угрожало ей вліяніе этого человѣка».

Между тѣмъ какъ Меттернихъ въ такихъ выраженіяхъ праздновалъ свою побѣду надъ «Апокалиптическимъ Іоанномъ»

(Jean l'Apocalyptique), какъ звалъ онъ обыкновенно своего политческаго противника, Графъ Каподистріа, не сохранившій ни малѣйшей горечи въ сердцѣ противъ Александра, принялся въ Женевѣ, съ присущимъ ему рвеніемъ, послѣдовательностью и ясностью мысли, за дѣло помощи Греческому возстанію. Работая вмѣстѣ съ женевцемъ Эйнаромъ и возглавивъ Главный Филэллинскій Комитетъ, онъ пропагандировалъ дѣло грековъ въ общественномъ мнѣніи всей Европы, собиралъ пожертвованія, направлялъ волонтеровъ въ ряды возставшихъ, велъ огромную переписку, сохраняя при всемъ этомъ страстномъ напряженіи силъ свое обычное спокойствіе, справедливость и благоволеніе къ окружавшимъ. Но предоставимъ снова слово Д. Н. Свербееву, прожившему въ Женевѣ въ ближайшемъ общеніи съ Графомъ почти все время трехлѣтняго пребыванія своего въ Швейцаріи въ качествѣ младшаго секретаря нашей Миссіи.

«... Въ 1823 году я нашелъ графа Каподистріа живущаго въ Женевѣ въ нижнемъ этажѣ одного изъ тѣхъ аристократическихъ домовъ или палатъ, которые имѣютъ входъ съ улицы de la Cité, а главный фасадъ на террасу гулянья La Treille, съ видомъ на Jardin des Plantes и Plain Palais... Въ обширной комнатѣ, — кабинетѣ и гостинной вмѣстѣ, — устроено было графомъ два помѣщенія (deux établissements): у одного окна на солнечную сторону и съ каминомъ — зимнее, у другого, затѣненнаго цвѣтами и тропическими растеніями, — лѣтнее, съ выходомъ — какъ помнится — на террасу. Входили къ нему въ эту комнату черезъ небольшую столовую.

«Домашняя его жизнь была самая простая. Прислуга состояла изъ одного старичка корфіота, съ которымъ онъ никогда не разставался, и который замѣнялъ ему «bonne», и очень ловкаго и приличнаго камердинера. Изъ всего получаемаго имъ ежегоднаго дохода въ 90.000 франковъ издерживалъ онъ

на себя 10.000, а остальные 80.000 отдавалъ въ пользу боровшихся съ турками своихъ соотечественниковъ. Свой образъ жизни, какъ видите весьма умѣренный, подвергалъ онъ строжайшему контролю... Экипажа онъ не держалъ. Была, говорятъ, у него верховая лошадь, и до меня часто видали его верхомъ, гуляющаго по городу и окрестностямъ, но когда я пріѣхалъ въ Женеву, верховой лошади уже не было, и онъ ежедневно дѣлалъ предписаныя ему врачемъ длинныя прогулки, по десяти верстъ и болѣе въ день, пѣшкомъ. Женевцы еще издалека узнавали его по его всегдашнему костюму, сверхъ котораго носилъ онъ въ холодное время мохнатую бурку, постоянное его походное одѣяніе, въ которомъ онъ сопутствовалъ прежде Чичагову, а потомъ Барклаю.

«Его длинныя пѣшія прогулки всего болѣе меня съ нимъ сблизили. Пѣшеходовъ - товарищей, кромѣ меня, у него не было, и когда я въ послѣднее время — въ 1825 и 1826 годахъ — жилъ по-долгу въ Женевѣ, такія прогулки дѣлали мы ежедневно. Не менѣе знаменитый въ новѣйшей исторіи князь Адамъ Чарторыйскій, бывшій постоянно въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ графомъ, вызвался однажды прогуляться съ нами, но онъ былъ слишкомъ тученъ и не могъ продолжать возвратнаго пути въ городъ отъ деревеньки Chêne и долженъ былъ возвратиться оттуда въ шарабанѣ... По моимъ наблюденіямъ графъ Каподистріа никогда не былъ враждебенъ Царству Польскому; еще менѣе враждебенъ былъ онъ князю Адаму, котораго часто посѣщалъ, принималъ у себя и дружелюбно встрѣчалъ у женевскихъ патриціевъ, гдѣ и я видалъ ихъ изрѣдка вмѣстѣ, напримѣръ вечеромъ по средамъ у ученаго историка итальянскихъ республикъ и политико-эконома Сисмонди.

«... Обхожденіе графа со всѣми было одинаково просто и добродушно; таково было отношеніе его и ко мнѣ. Лицо, и особенно большіе, черные одушевленные его глаза выражали рѣдко встрѣчаемую въ политическихъ дѣятеляхъ кротость и благоволеніе.

«... Въ одно изъ частыхъ своихъ посѣщеній, графъ засталъ меня за чтеніемъ послѣдняго номера Journal des Débats, гдѣ было напечатано оффиціальное согласіе Испанскаго кабинета на отчужденіе отъ этого правительства всѣхъ колоній его въ Южной Америкѣ и предоставленіе ихъ самимъ себѣ; это было въ 1825 году. За независимость существованія колоній отъ метрополіи долго боролся Сентъ-Джемскій кабинетъ и первый англійскій министръ лордъ Каннингъ. Права Испаніи на южные, уже давно de facto образовавшіеся отдѣльные штаты всѣми мѣрами отстаивалъ Императоръ Александръ. Ни одно, сколько могу припомнить, дѣйствіе Великобританскаго кабинета и его двухъ главныхъ представителей, лорда Веллингтона и особенно Каннинга, не считалъ нашъ Государь столь лично для себя оскорбительнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ россійской политикѣ враждебнымъ, какъ это упорное со стороны Англіи нравственное и даже матеріальное участіе въ возстаніи южанъ-американцевъ противъ древнихъ, законныхъ ихъ властителей. Не одинъ разъ оба кабинета обмѣнивались самыми энергичными нотами въ продолженіи спора. Въ одной изъ своихъ депешъ, которая и понынѣ сохраняется въ памяти новѣйшей дипломатіи, лордъ Каннингъ употребилъ одно, не только въ высшей мѣрѣ оскорбительное, но и угрожающее европейскому монархическому континенту выраженіе, всего болѣе оскорбившее Императора Александра. «У меня, писалъ Каннингъ, есть ключъ отъ Эоловой пещеры; еще немного, — и мое терпѣніе истощится, — я выпущу всѣ вѣтры, сдерживаемые подъ этимъ замкомъ. Они забушуютъ по Европѣ, и тогда увидимъ, что въ ней уцѣлѣетъ!»

«Я поспѣшилъ вручить вошедшему ко мнѣ графу мою газету и сообщилъ ему, что вношу изъ нея извлеченіе въ мой журналъ. Онъ одобрилъ меня, и измѣняя въ первый разъ своей обычной сдержанности, изъявилъ свою радость по поводу великаго событія освобожденія колоній...

«Никогда еще графъ Каподистріа не увлекался при мнѣ, — юномъ своемъ собесѣдникѣ, — не останавливался такъ долго ни на одномъ политическомъ вопросѣ. Меня поразило это

тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе узъ испанскихъ колоній вызываемо было съ давнихъ лѣтъ и поддерживаемо происками Англіи. Я робко возразилъ графу, что изъ послѣднихъ циркулярныхъ депешъ нашего Министерства было мнѣ извѣстно все негодованіе Александра на поведеніе въ этомъ вопросѣ перваго англійскаго министра Каннинга. Ни одно изъ всѣхъ послѣднихъ событій не возмущало нашего Государя такъ сильно и такъ глубоко не парализовало его преднамѣреній. Дѣйствительно, послѣ этой неудачи, начали замѣчать въ немъ какое-то охлажденіе и къ дѣламъ внѣшней политики, подобно той апатіи, которая начала обладать имъ въ дѣлахъ внутренняго управленія.

«Графъ замѣтилъ, что я былъ изумленъ его сочувствіемъ въ этомъ отношеніи къ враждебной Англіи. Онъ самъ казался мнѣ, противъ обыкновенія, нѣсколько возбужденнымъ; хотѣлъ было, казалось мнѣ, объяснить свое разнорѣчіе съ мыслями Государя, но, умалчивая о колоніяхъ и о метрополіи, кончилъ довольно долгій свой монологъ выраженіемъ собственнаго своего негодованія, своихъ жалобъ на эгоизмъ и коварство Лондонскаго кабинета. «Никто, — заключилъ онъ, — не можетъ сравниться въ возвышенности, справедливости, нравственности съ англичаниномъ, — разумѣется образованнымъ и развитымъ; но ничто не можетъ, къ несчастью, сравниться съ узкимъ своекорыстіемъ и безразличною наглостью англійскаго министерства позднѣйшихъ временъ. То и другое я изучилъ въ исторіи и испыталъ на себѣ...*)».

«Въ одно воскресенье графъ, придя довольно поздно утромъ взять меня на прогулку, не засталъ меня дома. «Гдѣ это

*) Въ послѣдующихъ строкахъ Д. Н. Свербеевъ объясняетъ эти недомолвки и это противорѣчіе въ словахъ Каподистріи тѣмъ, что какъ грекъ, коего соотечественники въ это самое время отчаянно бились за свою свободу, онъ не могъ не сочувствовать дѣлу юго-американцевъ, возставшихъ противъ испанскаго ига; но въ то же время отлично понималъ, что политика Англіи, поддержавшей ихъ, но отнюдь не поддерживавшей Грековъ, одушевлена была вовсе не симпатіями къ независимости національностей, а исключительно выгодами Великобританіи.

Вы такъ долго гуляли цѣлое утро?» спросилъ онъ меня, когда я въ тотъ же день пришелъ къ нему къ обѣду. — «Я былъ въ церкви St. Pierre, слышалъ проповѣдь пастора Шеневіера (лучшаго проповѣдника того времени и одного изъ близкихъ Женевскихъ пріятелей графа)». — «А Вы часто слушаете проповѣди?» — «Да, въ мѣсяцъ раза три». — Замѣчу тутъ, что онъ никогда не разспрашивалъ меня, что я дѣлаю и гдѣ бываю, кромѣ иногда о посѣщаемыхъ мною лекціяхъ и кое-когда о спектаклѣ. «Говорятъ, что Г. Шеневіеръ, — съ которымъ Вы именно сегодня у меня обѣдаете, — замѣчательный проповѣдникъ...» — «Да развѣ Вы его никогда не слыхали?» — «Нѣтъ. Это кажется Вамъ очень страннымъ; и вотъ Вамъ мое объясненіе. Престарѣлый мой отецъ, всею душою преданный Православной нашей Церкви и всѣмъ вѣковымъ нашимъ преданіямъ, отправляя меня въ чужую землю, завѣщалъ мнѣ и заставилъ дать ему зарокъ — никогда не молиться съ невѣрными, которыхъ греки болѣе чѣмъ кто-нибудь считаютъ еретиками, и не ходить въ ихъ церкви, которыхъ всѣхъ они чуждаются. Я до сихъ поръ, какъ видите, свято соблюдаю завѣщаніе моихъ родителей и во всю мою жинзь не бывалъ въ иновѣрныхъ церквахъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, при извѣстныхъ торжествахъ, присутствіе мое требовалось оффиціальнымъ моимъ положеніемъ. У меня, какъ Вы знаете, много пріятелей между здѣшними пасторами, но я, къ великому сожалѣнію, ни одного изъ нихъ до сихъ поръ не слыхалъ и не услышу. Вы Русскіе въ этомъ случаѣ вѣротерпимѣе насъ Грековъ; но не забудьте, что у насъ вѣра неразрывна съ нашей бѣдствующей родиной. Въ ней и наше отечество».

«... Повидимому графъ Каподистріа прекратилъ всѣ сношенія свои съ Россіею. Безъ сомнѣнія не могло остаться скрытымъ отъ него то, что изъ Вѣны доносили въ Петербургъ о его зловредной дѣятельности въ Женевѣ въ пользу грековъ, о томъ, что этотъ городъ сдѣлался центромъ филэллинскихъ обществъ подъ предсѣдательствомъ графа, что туда, къ банкиру Эйнару, изъ Франціи и Англіи посылаются значительныя сум-

мы въ пользу возстанія, что тамъ закупалось оружіе и оттуда высылались и пожертвованія и волонтеры, стремившіеся въ Грецію служить ей лично. Общественное мнѣніе въ пользу грековъ, по мѣрѣ упорнаго, отчаяннаго ихъ сопротивленія, коего не могло рѣшительно одолѣть все могущество Порты, возрастало несмотря на всю враждебность правительствъ Англіи и Австріи; Тюльерійскій кабинетъ далеко этой вражды не раздѣлялъ и относился къ восточному вопросу и умѣреннѣе и сдержаннѣе. И не одни уже карбонары и заклятые враги всякаго порядка, а уже лучшіе изъ консерваторовъ и даровитѣйшіе изъ писателей, передовые ораторы правительственныхъ палатъ въ Лондонѣ и Парижѣ перешли на сторону грековъ и защищали ихъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ и брошюрахъ. Въ Швейцаріи всѣ безъ исключенія были за грековъ, даже Бернскіе патриціи. Дошло до того, что враги ихъ свободы не осмѣливались высказываться, кромѣ разумѣется дипломатовъ. Наши собственныя подозрѣнія на солидарность филэллиновъ и ихъ главнаго Женевскаго комитета съ карбонарами и революціонерами всѣхъ цвѣтовъ ничѣмъ не могли поддерживаться.

«Въ Женевскомъ благотворительномъ комитетѣ членами были всѣ безъ исключенія тамошніе аристократы, управлявшіе тогда республикой, всѣ капиталисты, всѣ пасторы и профессора, и несправедливо было-бы назвать хотя бы одного изъ нихъ сторонникомъ карбонаровъ. Говоря объ этомъ со мною, графъ Каподистріа желалъ, какъ мнѣ казалось, убѣдить меня въ святости и справедливости своего дѣла. Насколько было мнѣ это возможно, я самъ начиналъ склоняться на сторону грековъ; а въ томъ, что главные члены Женевскаго комитета отнюдь не были революціонерами, я уже давно убѣдился.

«Графъ однажды пришелъ ко мнѣ. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ о томъ, что я дѣлаю въ Женевѣ и зачѣмъ живу въ ней, онъ выложилъ изъ кармана и положилъ на мой столъ толстый свертокъ бумаги и сказалъ шутливо: « Je ne Vous prie pas de me répondre, mais il me semble que Vous êtes ici pour m'espionner; et voici, mon cher, toute la collection des protocoles de notre comité philhellène. Je vous laisse le choix d'agir comme Vous voulez: envoyez les à

8

Krüdner sans faire mention de moi, ou bien nommez moi ». Я конечно отнѣкивался отъ наблюдательнаго за нимъ надзора, на который впрочемъ и не имѣлъ ни малѣйшаго оффиціальнаго порученія. Крюднеръ, замѣтивъ, что я скучаю въ Бернѣ, что постоянные русскіе посѣтители мѣшаютъ мнѣ, а отчасти и ему, что пребываніе въ Женевѣ будетъ и пріятнѣе и полезнѣе для меня, — предложилъ мнѣ жить тамъ и съ нимъ оттуда переписываться обо всемъ, что могло быть для него интересно. Прочее подразумѣвалось и отгадывалось. Я поблагодарилъ графа за сообщеніе журналовъ Комитета и отъ его имени отправилъ ихъ въ Бернъ, но не по почтѣ, а съ какимъ-то изъ нашихъ соотечественниковъ*).

«... Вскорѣ прибылъ въ Женеву баронъ Крюднеръ и началъ тамъ же готовить свою курьерскую экспедицію въ Петербургъ. Онъ пекъ свои донесенія, какъ блины, я же занимался перепискою этихъ донесеній и греческихъ протоколовъ... Крюднеръ рѣшился, послѣ долгихъ со мною разсужденій, убѣждать графа Нессельроде, что общество филэллиновъ, — по крайней мѣрѣ въ открытыхъ главныхъ его членахъ, — не имѣло ни малѣйшей связи со всѣми другими разрушительными обществами... Вмѣстѣ съ депешами посылались и упомянутые протоколы, о которыхъ — по долгомъ колебаніи — Крюднеръ доносилъ Министерству, что онъ получилъ ихъ прямо изъ рукъ графа Ка-

*) Положеніе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при Швейцарскомъ Союзѣ по отношенію къ филэллинскому комитету, а слѣдовательно и къ графу Каподистріа, было чрезвычайно деликатное: онъ былъ сыномъ знаменитой Крюднерши, мистической піэтистки, имѣвшей въ 1813-мъ, 1814-мъ и 1815-мъ годахъ такое необычайное вліяніе на Императора Александра Павловича. Впослѣдствіи Государю нѣсколько прискучила ея экстатическая проповѣдь и она, замѣтивъ это охлажденіе, удалилась за границу. Но въ разгарѣ Греческаго возстанія, Баронесса Крюднеръ вернулась въ Петербургъ и со свойственною ей восторженностью стала проповѣдывать необходимость для каждаго христіанина поддерживать возставшихъ противъ мусульманскаго ига грековъ. Государь пересталъ ее принимать и, наконецъ, изъ уваженія къ шедшимъ изъ Вѣны протестамъ, Б-сса Крюднеръ выслана была изъ Петербурга. Сынъ ея очевидно опасался, что поведеніе его по отношенію къ филэллинамъ подвергнется строгому наблюденію агентовъ Князя Меттерниха, и что при малѣйшемъ уклоненіи его отъ строжайшей дипломатической сдержанности, на него посыплются изъ Вѣны въ Петербургъ доносы и обвиненія. (Примѣчаніе автора).

подистріа... Послѣ долгихъ толковъ, мы положили всю нашу надежду на проницательность Государя. Я утвердилъ въ Крюднерѣ моими доводами собственную его увѣренность въ томъ, что благородное и великодушное сердце Александра узнаетъ въ этомъ поступкѣ благородное сердце Каподистріа.

«... Въ это время изъ Петербурга стали доходить къ намъ слухи о разстроенномъ здоровьѣ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, о предпринимаемомъ, по совѣту сблизившагося съ нею Государя, путешествіи въ Крымъ на цѣлую зиму, о намѣреніи Александра соединиться съ нею въ Таганрогѣ по осмотрѣ войскъ второй арміи, расположенной въ Малороссіи, на Волыни, въ Подоліи и на границахъ Княжествъ. Вѣсти эти особенно занимали графа Каподистріа; изъ нихъ выводилъ онъ заключеніе, что Императоръ, упорно подозрѣваемый Австріей и Англіей въ покровительствѣ грекамъ и также упорно осуждаемый общественымъ мнѣніемъ, — какъ у себя въ Россіи, такъ и въ Европѣ, — за равнодушіе къ судьбѣ христіанъ — своихъ единовѣрцевъ, — доходилъ до предѣловъ своего долготерпѣнія и начиналъ уже склоняться на сторону грековъ.

«...Нѣсколько недѣль спустя графъ сообщилъ мнѣ, что онъ составилъ записку о восточныхъ вопросахъ для Императора Александра, что имѣетъ намѣреніе передать ее Государю черезъ Императрицу Елизавету Алексѣевну и потому желаетъ переслать вѣрнѣйшимъ путемъ свой трудъ въ Таганрогъ графинѣ Эдлингъ, урожденной Стурдза. Она, родная сестра дипломата, столь близкаго къ графу Каподистріа, долго была любимой фрейлиной Государыни, сохранила близкія съ нею сношенія и изъ Одессы пріѣзжала къ Ея Величеству въ Таганрогъ. Я припомнилъ тутъ, что въ Петербургѣ поговаривали о нѣжныхъ чувствахъ Каподистріи къ этой дамѣ. Довольно объемистая тетрадь, написанная связной рукой графа, была имъ мнѣ прочитана. Графъ краснорѣчиво взывалъ къ человѣколюбивому Александру о спасеніи восточныхъ христіанъ отъ конечной гибели и въ то-же время умолялъ его воспрепятствовать возникновенію магометанскаго владычества въ лучшей окраинѣ Европы.

«Я вызвался свезти эту записку до Берна, откуда она могла быть послана съ курьеромъ; и на третій день поздно ве-

черомъ, прозябши до костей, вошелъ къ Крюднеру съ конвертомъ отъ графа и съ переписанною мною для Крюднера меморіей. Крюднеръ предложилъ мнѣ отправиться съ нею курьеромъ во Франкфуртъ къ Анштету; но я полѣнился, и вмѣсто меня поѣхалъ Бондаревскій — нашъ пѣвчій и garçon de bureau.

«Недолго размышляли мы промежъ себя, — Крюднеръ, Фурманъ и я — будетъ или не будетъ имѣть вліяніе на Государя отправленная въ Таганрогъ меморія графа Каподистріа. Съ понятнымъ любопытствомъ слѣдили мы по газетамъ за путешествіемъ Александра, объѣзжавшаго южную свою армію и направлявшагося въ Таганрогъ для свиданія со своею супругою, съ тѣмъ, чтобы послѣ объѣхать Крымъ, какъ вдругъ нашъ Бернскій банкиръ Г. Марквартъ пришелъ къ Крюднеру съ извѣстіемъ о кончинѣ Императора въ Таганрогѣ. До банкира роковая для насъ вѣсть дошла изъ Гамбурга и Франкфурта. Въ коммерческомъ мірѣ важнѣйшія политическія вѣсти получались тогда ранѣе нежели посольствами. Въ ту же минуту вѣсть эта разнеслась по городу.

«Наконецъ получили мы и оффиціальное о смерти Государя извѣщеніе. Циркулярная депеша графа Нессельроде извѣщала о восшествіи на престолъ Константина, о принесенной ему присягѣ и предписывалъ намъ также присягать... Но вотъ опять сперва отъ банкира, а потомъ изъ нѣмецкихъ газетъ начали доходить слухи, что Константинъ Павловичъ царствовать не будетъ, что онъ задолго передъ тѣмъ отрекся отъ престола и что въ Берлинѣ извѣстно стало уже всѣмъ, что Императоромъ Россіи будетъ зять Прусскаго Короля — Николай. Вслѣдъ за слухами объ отреченіи Константина началъ распространяться темный слухъ о бунтѣ въ Петербургѣ, о революціи въ Россіи...

«Не думаю, чтобы кто либо изъ самыхъ приближенныхъ къ Императору Александру лицъ былъ болѣе графа Каподистріа пораженъ неожиданною смертью Государя. Несмотря на ихъ разлуку, графъ живо чувствовалъ, что въ Александрѣ лишился онъ своего вѣнценоснаго благодѣтеля и друга, преисполненнаго къ нему искреннею, сердечною привязанностью. Ихъ обоихъ разъединяла политика, но соединяло человѣческое чувство. Перетревоженный слухами о революціи въ Россіи, Каподистріа былъ уже не въ состояніи выдерживать свое женевское уединеніе, неожиданно пріѣхалъ прямо къ Крюднеру и у него остановился. Онъ чувствовалъ потребность раздѣлить съ нами, хотя и полурусскими (чисто русскимъ былъ одинъ я), тяжкія заботы свои о судьбахъ Россіи. Проживавшая въ то время въ Эльфенау близъ Берна Великая Княгиня Анна Θеодоровна, разведенная жена В. К. Константина Павловича, не менѣе насъ мучалась такою продолжительною неизвѣстностью. Она также, несмотря на продолжительное отсутствіе изъ Россіи, чтила и любила Императора Александра и кромѣ того находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Императрицею Елизаветою Алексѣевной, съ которою изрѣдка переписывалась.

«1825 года 31 декабря нашего стиля, т. е. наканунѣ нашего Новаго года, графъ Каподистріа, Крюднеръ, Фурманъ и я — всѣ приглашены были къ обѣду въ Эльфенау и къ встрѣчѣ у Августѣйшей хозяйки нашего новолѣтія. Графу, разстроенному нервами, нездоровилось и онъ отъ этой поѣздки отказался, меня оставили при немъ для развлеченія. Раннимъ вечеромъ пришелъ къ Каподистріа Французскій посолъ графъ Ренваль*). Долго вели они въ моемъ присутствіи между собой бесѣду, и я дивился все время почти сверхъ-естественной ихъ сдержанности. Они говорили о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ: о философіи права, о прогрессивномъ движеніи народовъ, о враждебной для всѣхъ ихъ принциповъ революціи, о застоѣ, къ которому ведетъ слишкомъ охранительная реакція, о томъ, о

---

*) Графъ де Ренневаль, женатый на д-цѣ Влодекъ (коей мать была рожденная княжна Вяземская) — пользовался всеобщимъ уваженіемъ; онъ былъ впослѣдствіи Министромъ Иностр. Дѣлъ Короля Карла X-го въ умѣренно-консервативномъ кабинетѣ.

другомъ, обо всемъ, — но ни разу не коснулись они какого-нибудь частнаго вопроса; а о событіяхъ въ Россіи, о доходящихъ оттуда слухахъ, которыми — какъ у всѣхъ — должны были быть въ то время переполнены изъ собственные умы и помышленія, — о такихъ угрожающихъ Европѣ событіяхъ не произнесли они ни одного звука, и, несмотря на такое долговременное упражненіе въ фигурѣ умолчанія, оба они, казалось мнѣ, другъ друга понимали, и все, что имъ хотѣлось высказать, въ сдержанныхъ формахъ другъ другу всетаки высказали *). Къ сожалѣнію не могу вспомнить, который изъ двухъ собесѣдниковъ кончилъ разговоръ мыслью, что главные политическіе дѣятели суть орудія, — иногда и самимъ имъ невѣдомыя, — совершающейся, зримой лишь для немногихъ исторіи, которая вызоветъ ихъ на судъ отдаленнаго потомства.

«По удаленіи отъ насъ графа Ренваля я нашелъ, что Каподистріа успокоился нервами и что мнѣ, какъ мы сговорились о томъ съ утра, не придется посылать для него за нашимъ докторомъ; но спокойствія наблюдаемаго мною нашего гостя было не на долго. Въ то время, какъ я сталъ съ обыкновенною моею неловкостью распоряжаться чаемъ, Каподистріа безмолвно ходилъ по комнатѣ и началъ жаловаться на холодъ, что было и не мудрено: термометръ къ вечеру спустился и уже показывалъ 20 гр. морозу, а въ комнатахъ не было и 10 гр. тепла и сносно было только передъ каминомъ. Я предложилъ ему надѣть утренній свой халатъ, — великолѣпную соболью шубу крытую зеленымъ бархатомъ. Не успѣлъ онъ его надѣть, какъ не лучше самой нервной женщины залился слезами: шуба подарена была ему Императоромъ Александромъ. Судорожно всталъ я изъ-за чайнаго стола, чтобы послать за докторомъ, какъ вошелъ камердинеръ барона, Antoine, и объявилъ о прибытіи фельдъегеря. Не успѣлъ я выбѣжать къ нему на встрѣчу и взять огромный пакетъ съ депешами, какъ по моимъ пятамъ прибѣжалъ въ переднюю и графъ съ нетерпѣливымъ вопросомъ: «Eh bien, eh bien, quoi donc?»

*) Вотъ что называлось въ то время «дипломатіей». Что этимъ именемъ стало зваться въ наши времена, — это мы видѣли; и испытали, увы, къ чему подобная дипломатія ведетъ. (Прим. автора).

Я объяснилъ, что не имѣю никакого права вскрывать пакета и предложилъ ему самому распечатать; онъ также отказался, и мы тотчасъ послали нарочнаго въ Эльфенау за Крюднеромъ. На мои отрывочные вопросы къ прибывшему, усталому отъ пути и окоченѣвшему отъ холода фельдъегерю, — «все слава Богу», отвѣчалъ онъ мнѣ, «имѣю честь поздравить съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ». — Какъ? что? — «Ничего: все обошлось благополучно. Убили только графа Милорадовича да немногихъ изъ черни, которая вздумала было пошумѣть вмѣстѣ съ толпой хмѣльныхъ солдатъ на площади». Почти совсѣмъ не знавши по-русски, графъ Каподистріа просилъ передавать цѣлый рядъ тревожныхъ его вопросовъ фельдъегерю; я въ нихъ путался, а пріѣзжій курьеръ не меньше моего путался въ своихъ отвѣтахъ, настойчиво успокаивая насъ тѣмъ, что въ Петербургѣ все идетъ какъ нельзя лучше. Не добившись отъ него никакого путнаго послѣдовательнаго разсказа, я выпроводилъ его къ камердинеру, совѣтуя отогрѣваться чаемъ и часа на два заснуть.

«Скоро пріѣхали Крюднеръ и Фурманъ, и всѣ мы предались съ жаднымъ любопытствомъ чтенію депешъ и обстоятельныхъ, подробныхъ въ приложеніи къ нимъ оффиціальныхъ описаній всего, что ровно за двѣ недѣли передъ тѣмъ совершилось въ Петербургѣ...

«Баронъ Крюднеръ въ ту-же ночь выѣхалъ съ Фурманомъ въ Люцернъ, чтобы представить Федеральной Директоріи, находившейся этотъ годъ въ Люцернѣ, своихъ новыхъ вѣрительныхъ грамотъ... Пожелавъ счастливаго пути нашимъ путешественникамъ, я привелъ въ порядокъ разбросанную кипу бумагъ и собирался уйдти къ себѣ, предполагая что и графу, послѣ всѣхъ потрясеній дня нуженъ былъ отдыхъ; но Каподистрія съ нѣжными извиненіями упрашивалъ меня остаться еще, чтобы помочь ему прочесть все полученное нами. И, во-первыхъ, приступили мы къ чтенію съ трогательнымъ краснорѣчіемъ написаннаго, — какъ я утверждаю Митрополитомъ Филаретомъ, — посмертнаго манифеста Императора Александра о на-

значеніи наслѣдникомъ престола брата Николая вслѣдствіе тутъ-же возвѣщаемаго отреченія Вел. Князя Константина. Манифестъ этотъ, хранившійся, какъ государственная тайна, въ Государственномъ Совѣтѣ и на Престолѣ Московскаго Успенскаго Собора, оканчивался умилительнымъ воззваніемъ отошедшаго уже въ вѣчность Императора ко всѣмъ его вѣрноподданнымъ — молиться о упокоеніи души его, усопшаго ихъ монарха. Графъ зарыдалъ при чтеніи мною этихъ умилительныхъ строкъ, я тоже расчувствовался и черезъ силу прочелъ ихъ. Тутъ чтеніе наше поневолѣ прекратилось и мы едва успѣли взглянуть на описаніе мятежа 14 Декабря и оба, какъ тотъ, такъ и другой, искренно порадовались самоотверженному мужеству новаго Государя, который рѣшительнымъ усмиреніемъ бунта спасъ свою Россію...

«На другой день за обѣдомъ графъ казался гораздо спокойнѣе и бодрѣе. Онъ говорилъ мнѣ, что хотя и не зналъ лично новаго нашего Государя, встрѣчая его рѣдко, но падѣется, что гибельное для Греціи и, по мнѣнію его, для Россіи вліяніе Меттерниха на нашу политику ослабится; что общественное мнѣніе многихъ вліятельныхъ и просвѣщенныхъ лицъ въ Петербургѣ и Россіи смягчитъ охранительный абсолютизмъ и произведетъ реакцію, — лишь бы не слишкомъ крутую, — во всѣхъ нашихъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. А какъ всѣ его мысли сосредоточивались на Востокѣ, то и надежды его на участіе Россіи и дѣятельное покровительство новаго Государя грекамъ оживились, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ, сколько помнится, отвѣтъ отъ графини Эдлингъ съ увѣреніемъ, что Императрица Елизавета Алексѣвна, прочитавъ его меморію, изъявила желаніе вліять на покойнаго Императора въ пользу ищущихъ независимости нашихъ единовѣрцевъ.

«Черезъ два-три дня возвратился въ Бернъ баронъ Крюднеръ, и тотчасъ послѣдовала новая присяга новому Государю... Графъ Каподистріа колебался, въ какомъ смыслѣ приносить ему свою присягу, и просилъ насъ справиться въ законахъ, существуетъ ли присяга не на подданство, а на вѣрную службу. Несмотря на наши справки съ законами, такого рода присяги мы въ нихъ не отыскали, и графу пришлось вмѣстѣ съ

нами подписать по формѣ наши клятвенныя обѣщанія на вѣрность.

«Еще гораздо прежде читали мы въ газетахъ о торжественныхъ поминовеніяхъ, т. е. панихидахъ, отправленныхъ по кончинѣ Императора Александра Павловича нашими главными миссіями въ Германіи, Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ, и рѣшено было подражать ихъ примѣру и устроить печальную эту церемонію въ нашей загородной церкви*). Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, безъ которой у насъ ничего торжественнаго произойти не могло, пожелала присутствовать при богослуженіи; набожный Каподистріа сердечно такому христіанскому изъявленію сочувствовалъ, а любившій по временамъ оффиціальную пышность и выставку баронъ Крюднеръ съ великою охотою приступилъ къ приготовленіямъ... Къ назначенному дню разосланы были отъ имени Россійской Миссіи при Швейцарскомъ Союзѣ печатныя приглашенія членамъ Бернскаго правительства и дипломатическому корпусу. Великую Княгиню, двухъ Avoyers**) и Французскаго посла — какъ Doyen de la Diplomatie — баронъ пригласилъ лично.

«Часовъ въ десять утра мы наскоро отслужили молебенъ и такъ съ нимъ поспѣшили, что православный въ обоихъ смыслахъ, — государственномъ и религіозномъ, — Каподистріа, несмотря на свое желаніе присутствовать, опоздалъ... За заупокойной обѣдней пѣвчіе наши, хотя и весь хоръ состоялъ изъ трехъ, пѣли умилительно; Великой Княгинѣ чуть-чуть не сдѣлалось дурно: потребовались и стаканъ холодной воды и одеколонъ. Каподистріа всю почти панихиду простоялъ на колѣняхъ и навзрыдъ плакалъ. Возвращаясь отъ службы въ Бернъ, онъ посадилъ меня съ собой и тутъ въ первый разъ узналъ я отъ него, что большая часть пѣснопѣній, нами слышанныхъ, и длинный канонъ за усопшаго, который у насъ

*) Церковь эта была устроена за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ стараніями графа Каподистріи. (Прим. автора).

**) Такъ звались два главныхъ директора Союза, избиравшіеся на годъ.

обычновенно опускается, написаны были однимъ изъ великихъ отцовъ восточной Церкви Іоанномъ Дамаскинымъ, по смерти оплакиваемаго имъ друга*).

«Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берна, по исполненіи скорбнаго долга, графъ Каподистріа обѣдалъ у Великой Княгини; я тоже былъ приглашенъ какъ не бывшій на ея обѣдѣ, данномъ Крюднеру.... Въ царствованіе Императора Александра, а потомъ и въ послѣдовавшія, не разъ предписывалось воздавать Аннѣ Ѳеодоровнѣ всѣ ей, какъ Россійской Великой Княгинѣ и какъ Германской принцессѣ, подобающія почести. Императоръ Александръ лично, какъ кажется, любилъ ее и считалъ своего буйнаго братца (Константина) болѣе передъ женой виноватымъ, нежели была она передъ своимъ мужемъ. Покойный Государь особенно любилъ и отличалъ ея брата, того принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, который долго служилъ, и служилъ храбро, въ рядахъ русскихъ войскъ, въ 1812 году, былъ нашимъ Корпуснымъ Генераломъ и командовалъ русскимъ отрядомъ подъ главнымъ начальствомъ наслѣднаго Принца Шведскаго Бернадотта. Нашъ Государь много способствовалъ браку принца Леопольда съ Англійскою Принцессой Шарлоттой, единственною дочерью и наслѣдницею Короля Георга IV-го. До смерти принцессы Шарлотты на Принца Леопольда смотрѣли, какъ на соправителя будущей Королевы; да и нынѣшняя Королева Викторія **) была родною племянницею нашей Анны Ѳеодоровны, и было время, и еще не такъ давно, когда принцевъ Кобургскаго Дома приглашали, по интригамъ Англіи, на разные упраздняемые и упраздненные

*) Д. Н. Свербеевъ отмѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ отсутствіе на поминовеніи Александра І-го его воспитателя Лагарпа, жившаго въ своемъ родномъ кантонѣ В о д ъ, и объясняетъ это воздержаніе тѣмъ, что знаменитаго въ Швейцаріи старика Бернскіе консерваторы, составлявшіе тогдашнее Федеральное правительство, ненавидѣли и чуждались настолько, что при встрѣчѣ съ нимъ отворачивались. А между тѣмъ именно вліянію Лагарпа на Александра и ихъ свиданіямъ въ Парижѣ обязана была Швейцарія тѣми рѣшеніями Вѣнскаго Конгресса, коими, по настоянію Александра, Швейцарія признана была совершенно независимою и нейтральною республикою въ объемѣ всѣхъ нынѣшнихъ двадцати двухъ кантоновъ, изъ коихъ нѣкоторые присоединились къ Федеральному союзу лишь въ концѣ восьмнадцатаго столѣтія.

**) Двоюродная сестра Шарлотты.

престолы, или хлопотали женить ихъ на разныхъ наслѣдныхъ принцессахъ... Съ нами Русскими, и въ особенности съ графомъ Каподистріа, Вел. Княгиня умѣла сочувственно бесѣдовать о Россіи и о модномъ тогдашнемъ вопросѣ*), кое-когда вмѣшивала въ разговоръ русское слово, потчевала кулебяками и квасомъ и даже будто бы любила русскія пѣсни...

«... Графъ Каподистріа спѣшилъ и къ своему камину и къ своему дѣлу въ Женеву и ждалъ только проѣзда черезъ Бернъ изъ Италіи нашего фельдъегеря. Съ нимъ-то отправилъ онъ то замѣчательное письмо къ Карамзину, которое Погодинъ напечаталъ гораздо позднѣе въ своемъ «Русскомъ». Отправленное изъ Миссіи, при моемъ участіи, 9-го января 1826 года, оно преисполнено было выраженій глубокой скорби о кончинѣ Государя, котораго и Карамзинъ любилъ такъ же искренно и безкорыстно.

«Послѣ всѣхъ этихъ происшествій, какъ и всегда послѣ чѣмъ либо — хотя и грустнымъ — оживленнаго времени, становилось мнѣ невыносимо скучно и я тоже рвался въ Женеву, къ своему камину и къ своему бездѣлью... Наконецъ воспользовался я первымъ пойманнымъ мною случаемъ, чтобы отпроситься «домой». — Въ Женевѣ встрѣтило меня солнце и, если хотите, дружба, по крайней мѣрѣ болѣе участія. Каподистріа принялъ меня съ изъявленіемъ удовольствія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не былъ сдержанъ. Я нашелъ его бодрѣе, дѣятельнѣе, оживленнѣе въ своихъ надеждахъ на успѣхъ отчаянныхъ борцовъ за свободу Эллады, которыхъ ободряло пламенное сочувствіе Европы. Безпрестанно появлялись брошюры и болѣе объемистыя сочиненія лучшихъ по духу и мысли европейскихъ писателей. Никто не говорилъ противъ мятежниковъ - христіанъ, а трибуны Французскаго и Англійска-

*) Восточномъ.

го парламентовъ оглашались постоянно упреками правительствамъ за равнодушіе къ истребленію чтителей Креста. На всѣхъ французскихъ изданіяхъ того времени, даже посторонпнихъ политикѣ, можете и теперь еще видѣть виньетку съ крестнымъ изображеніемъ и другими атрибутами христіанства и надписью къ ней: «Aidez-moi!».

«Женевскіе филэллины, по внушенію графа, начинали уже мечтать объ избраніи въ Короли Греціи принца Леопольда Саксенъ - Кобургскаго, который схоронилъ прелестную свою супругу принцессу Шарлотту и съ нею надежду стать во главѣ Англіи; но и по своемъ недавнемъ вдовствѣ онъ отрекся отъ шаткаго, непрочнаго престола еще воюющей Греціи, тѣмъ болѣе, что долженъ былъ бы тогда отказаться отъ блистательнаго, обезпеченнаго значительнымъ пенсіономъ положенія своего въ Англіи и въ то-же время сомнѣвался, чтобы великія державы отстояли когда либо въ пользу Греціи возможныя для ея существованія границы и чтобы согласилась на то Турція. — Въ Парижѣ явно открылась подписка въ пользу грековъ, и графъ Каподистріа началъ думать о поѣздкѣ туда, чтобы ощупать политическій пульсъ Франціи, и пробраться въ Англію для личныхъ сношеній съ принцемъ Леопольдомъ.

«Я началъ подумывать о томъ же... Предупредивъ графа о моемъ намѣреніи побывать въ Парижѣ, я получилъ отъ него приглашеніе ему туда сопутствовать; но вскорѣ прочитанное имъ въ какой то газетѣ извѣсіте о собственномъ его намѣреніи выѣхать изъ Женевы для совѣщанія съ филэллинами Франціи и Англіи навело на него сомнѣніе. «Если мы, — сказалъ онъ, — поѣдемъ вмѣстѣ, то дадимъ поводъ къ новымъ нелѣпымъ догадкамъ, почему, для чего и зачѣмъ ѣдетъ со мною чиновникъ русской миссіи? Лучше поѣзжайте одинъ и возьмите отъ меня письма къ Стурдзѣ и Гульянову».

«Итакъ я опередилъ графа, поѣхавъ въ Парижъ, на половинныхъ издержкахъ, вмѣстѣ съ ѣхавшимъ туда-же банкиромъ моимъ Геншелемъ.

«По прибытіи на мѣсто и отдавъ письма Каподистріа Гульянову и Стурдзѣ, я приглашенъ былъ ими отъискивать вмѣстѣ приличную квартиру для графа. Мы нашли ему

три большія комнаты на Итальянскомъ бульварѣ. Пріѣхалъ онъ очень скоро послѣ меня и, какъ помнится, во время нашего великаго поста; знаю навѣрное, что его не было у заутрени Свѣтлаго Воскресенья; видалъ я его рѣдко, не болѣе двухъ или трехъ разъ, но помню, живо помню тотъ обѣдъ съ нимъ у нашего посла Поццо - ди - Борго въ самый день полученія оффиціальнаго извѣстія о паденіи крѣпости Миссолунги, гдѣ греки, послѣ отчаяннаго сопротивленія, взорвали укрѣпленія и всѣ до единаго погибли; туркамъ достались однѣ развалины. Весь Парижъ пришелъ въ ужасъ. Впечатлѣніе, произведенное такою геройскою защитою на весь Королевскій Дворъ, на Французскій кабинетъ, на палаты, общество и весь дипломатическій корпусъ, не могло не быть благопріятно греческимъ инсургентамъ, какъ называли ихъ до этого времени въ оффиціальныхъ журналахъ. Съ этихъ поръ въ глазахъ всѣхъ и каждаго признаваемы они были законными борцами за вѣру и угнетенную родину. Нашъ посолъ, сообщившій передъ обѣдомъ роковую вѣсть разрушенія Миссолунги графу Каподистріа, объявилъ передъ всѣми своими гостями, что Европа не можетъ болѣе отказывать грекамъ въ своемъ покровительствѣ и должна принудить турокъ дать миръ на возможно выгодныхъ для греческой независимости условіяхъ. На этомъ обѣдѣ, на которомъ только и говорили, что о Миссолунги и грекахъ, были другія замѣчательныя лица: домашній докторъ Посла и его другъ - френологъ Галль, извѣстный тогда всему Парижу старикъ итальянецъ Альтести, который еще при Екатеринѣ II-ой, вмѣстѣ съ Орловымъ - Чесменскимъ, поднималъ къ бунту грековъ Мореи противъ турокъ, а потомъ и двѣ наши знаменитости — Стурдза и Гульяновъ. Дѣйствующими лицами безъ рѣчей были молодые люди: Убри, чиновникъ нашего посольства въ Италіи (?), поселившійся со мною Бергъ, вашъ покорнѣйшій слуга и всѣ чины Парижскаго посольства, которые за столомъ посла подобно намъ безмолствовали по заведенному у нихъ обычаю. — Дня черезъ два простился я съ графомъ, уѣзжавшимъ въ Лондонъ, и простился навсегда.

«Въ бытность свою въ Англіи Каподистріа получилъ рѣшительный отказъ отъ Принца Леопольда Кобургскаго и

самъ былъ избранъ народнымъ правителемъ Греціи подъ скромнымъ титуломъ президента. Въ 1826 году изъ Женевы представилъ онъ свою меморію Государю Николаю Павловичу. Въ 1827 году имѣлъ онъ личное свиданіе съ Императоромъ и былъ принятъ имъ не только съ чрезвычайнымъ благоволеніемъ, но и съ выраженіемъ ему искренняго и глубокаго отъ Государя уваженія. Встрѣтившій ихъ вмѣстѣ Петръ Андреевичъ Кикинъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что новый Государь, державшій себя со всѣми съ неприступнымъ почти достоинствомъ своего высокаго сана, въ обхожденіи съ графомъ былъ, противъ обыкновенія, ласковъ и привѣтливъ, какъ ни съ кѣмъ изъ иностранцевъ, за исключеніемъ развѣ Герцога Веллингтона. Императоръ безпрекословно согласился на избраніе Каподистріа правителемъ возрождающейся націи, призналъ его въ этомъ достоинствѣ и обнадежилъ своимъ покровительствомъ.

«Дальнѣйшая мученическая судьба сего мужа, напоминавшаго своею доблестью древнихъ героевъ Греціи, всѣмъ извѣстна. Онъ жилъ съ ранней молодости однимъ чувствомъ, одною мыслью, одною дѣятельностью для спасенія своихъ единоплеменниковъ — и былъ умерщвленъ освобожденными имъ дикими варварами*), когда съ тѣмъ же самоотверженіемъ и мужествомъ началъ вводить у нихъ законный порядокъ и гражданственность**)».

Въ декабрѣ 1827 года графъ Каподистріа высадился, какъ я уже разсказывалъ выше, въ качествѣ Президента Народна-

*) 6 октября 1831 г.

**) Онъ палъ главнымъ образомъ жертвою французской политики и французскихъ интригъ, въ началѣ новой эры Франціи, т. е. послѣ Іюльской революціи 1830 года и воцаренія Луи-Филиппа. (Конецъ выписки изъ воспоминаній Д. Н. Свербеева).

го Правительства на греческій берегъ въ Навпліи - ди - Романья*). Съ этой минтуы и въ теченіи почти четырехъ лѣтъ жизнь и дѣятельность его были сплошною борьбой. Сначала дѣло шло о спасеніи самой участи возставшаго греческаго народа, затѣмъ объ огражденіи его независимости, о признаніи Державами самостоятельной Греціи въ мало-мальски возможныхъ границахъ. Благодаря Наварину, русскимъ побѣдамъ 1828-1829 годовъ и тому соглашенію, — послѣдствію осторожныхъ и умѣренныхъ дѣйствій русской политики, — которое установилось между С.-Петербургомъ, Парижемъ и Лондономъ, Каподистріи удалось провести въ жизнь эту существенную и минимальную программу. Но, по мѣрѣ того какъ слаживались и устраивались для нарождающейся Греціи внѣшнія условія ея существованія, возникали и обострялись вопросы ея гражданскаго созиданія и упорядоченія. Президенту приходилось насаждать все за-ново и въ то же время бороться со своеволіемъ и съ безразсудными домогательствами многочисленныхъ вождей только-что закончившейся семилѣтней кровавой эпопеи. То были «адмиралы» возстанія, т. е. беззавѣтно смѣлые капитаны греческихъ «брандеровъ» и «бригандинъ», дерзкіе корсары, прекратившіе почти всякую морскую торговлю на турецкихъ берегахъ Эгейскаго моря; то были «стратеги» возстанія, т. е. говоря по-просту, атаманы вооруженныхъ четъ или наслѣдственные главари албанскихъ и иныхъ племенъ, ведшіе противъ турокъ безпощадную партизанскую войну и умѣвшіе, гдѣ надо было, взрываться и погребать себя и враговъ подъ развалинами импровизированныхъ крѣпостей и старинныхъ замковъ. Но большинство изъ этихъ храбрецовъ, — зачастую безграмотныхъ, — имѣли прямо-таки средневѣковыя воззрѣнія на цѣли и условія предпринятой ими борьбы. Побѣда обозначала для нихъ грабежъ вражескаго имущества, главенство надъ отвоеванной или отстоенной областью, главенство даже надъ христіанскимъ населеніемъ ея; а для побѣдившаго племени, для к л а н а — полная независимость отъ всякаго административнаго воздѣйствія и неподсудность общимъ гражданскимъ законамъ. Не свобода толь-

*) Древній Пилосъ.

ко, а воля, своя воля, разумѣется. А рядомъ съ этими буйными простецами, другіе дѣятели возстанія изъ получившихъ воспитаніе на Западѣ молодыхъ примасовъ, домогались немедленнаго насажденія въ Греціи самыхъ совершенныхъ свободныхъ формъ Европейской гражданственности, и притомъ такихъ, которыя и въ тогдашней Европѣ были болѣе предметомъ вожделѣній, нежели осязаемой дѣйствительностью.

Каподистріа, бывшій всю свою жизнь умѣреннымъ и просвѣщеннымъ консерваторомъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отграничилъ себя и отъ того и отъ другого лагеря своихъ соотечественниковъ. Онъ понималъ, что для нарождавшейся Греціи нуженъ прежде всего порядокъ, — порядокъ закона, управленія, финансовъ; онъ былъ убѣжденъ, что лишь твердая — съ перваго же дня — власть можетъ осуществить такой порядокъ. И этотъ добрый, благожелательный, незаносчивый человѣкъ не уступалъ ни пяди изъ того, что считалъ онъ безусловно необходимымъ для управляемой имъ страны и не поддавался никакимъ доводамъ чувствительности, когда приходилось обуздывать своеволіе, насиліе, вопіющія злоупотребленія или явное пренебреженіе къ авторитету государственной власти. Быть можетъ, насаждая столь твердою рукою въ Греціи гражданственность и уваженіе къ закону, являлся онъ черезчуръ непреклоннымъ въ своихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ; быть можетъ не принималъ онъ достаточно во вниманіе давнишнихъ бытовыхъ особенностей полу-дикой страны и вѣковыхъ племенныхъ обычаевъ и предразсудковъ; но не надо забывать, что самъ онъ былъ человѣкомъ своего времени, — того вѣка, когда лучшіе и образованнѣйшіе люди смотрѣли на законы и на гражданскія учрежденія какъ на всесильное средство для доставленія любымъ человѣческимъ обществамъ возможнаго благоденствія и счастія.

Пожертвовашій, при своемъ вступленіи на греческую почву, всѣмъ своимъ личнымъ состояніемъ (довольно значительнымъ), отдавшій всецѣло самого себя на службу возглавляемому имъ народу, Каподистріа обладалъ еще въ это время, несмотря на происки многочисленныхъ враговъ, — своихъ лич-

но и своего дѣла, — огромнымъ вліяніемъ на греческое население.

«Если», писалъ Каподистріа въ мартѣ 1830-го года Принцу Леопольду Кобургскому, уже избранному Королемъ Греціи, «если я достигъ нѣкотораго успѣха во мнѣніи эллинскаго народа, если онъ продолжаетъ давать мнѣ доказательства искренняго и безусловнаго довѣрія, то потому что видитъ, какъ я самолично раздѣляю его нужду и страданія, съ единственною цѣлью ихъ облегчить.... На бивуакѣ, подъ убогою кровлею хижины, въ которой я ютюсь, не взирая на погоду, на мой возрастъ и на мои недуги, народъ и воины часто говорятъ мнѣ о своихъ нуждахъ; тамъ научились они знать меня, тамъ удавалось мнѣ внушать имъ сознаніе ихъ долга передъ самими собой, передъ народнымъ правительствомъ и передъ цѣлымъ образованнымъ міромъ. Да, Государь, простите мою смѣлость: на этомъ испытаніи ожидаютъ Васъ греки. Если Вы выступите передъ ними въ качествѣ важнаго лица, не могущаго выносить бѣдности и лишеній, то, вмѣсто того чтобы поразить народъ, Вы сами добровольно лишите себя лучшаго средства вліять на его настроенія. Вамъ представляется случай принести первую жертву: пріѣзжайте лично присутствовать при тяжелой, болѣзненной операціи опредѣленія греческихъ границъ; не допускайте, чтобы другіе заняли Ваше мѣсто...» Подобныя письма неоднократно писались Каподистріею тому, кого онъ желалъ и привыкъ видѣть своимъ будущимъ Государемъ. И почти въ каждомъ письмѣ возвращается онъ къ вопросу о переходѣ Принца въ православіе, указывая, что лишь единеніе исповѣданія можетъ связать самого Короля и его преемниковъ священными нерасторжимыми узами съ православнымъ греческимъ народомъ. Въ равной мѣрѣ побуждалъ онъ Принца Леопольда употребить все свое вліяніе при иностранныхъ дворахъ и особенно въ Англіи, дабы издѣйствовать въ пользу новаго Эллинскаго Королевства болѣе широкихъ границъ, чѣмъ тѣ, которыя уже были намѣчены и въ которыхъ будетъ задыхаться и государственная и экономическая жизнь только что освобожденнаго народа. Леопольдъ въ это время былъ несомнѣннымъ кандидатомъ Державъ на эллинскій

престолъ, но самъ все еще колебался и медлилъ прибыть въ Навплію...

Послѣдовавшій окончательный отказъ Принца Леопольда Кобургскаго явился чувствительнымъ ударомъ для Каподистріи; тѣмъ не менѣе собраніе народныхъ представителей, созванное въ Іюлѣ 1829 года въ Аргосѣ, утвердило всѣ предложенія Президента и шумно одобрило всѣ его мѣропріятія. Но это было послѣднимъ торжествомъ великаго патріота...

Отношенія между Правительствомъ графа Каподистріи и нѣкоторыми изъ бывшихъ вождей возстанія, тѣми, кого французы того времени называли « le parti des Klephtes », — все болѣе обострялись; въ 1830 году вспыхнула настоящая междуусобная война; Майноты, — горное племя на югѣ Пелопонесса, — поднялись противъ центральной власти, а «адмиралъ» Міаулисъ, одинъ изъ морскихъ героевъ возстанія, увлекъ за собою флотъ и, когда флотъ этотъ окруженъ былъ русскою и англійскою эскадрами, то не поколебался сжечь всѣ находившіяся въ его распоряженіи суда, нанеся такимъ образомъ своему отечеству убытокъ, исчислявшійся болѣе чѣмъ въ двадцать милліоновъ франковъ.

Возстаніе въ Мореѣ подавлено было правительственною вооруженною силою также при помощи Державъ покровительницъ, согласіе коихъ еще продолжалось. Но Парижская Іюльская революція 1830-го года положила конецъ и этому согласію. Весьма скоро обрисовалось на Востокѣ враждебное отношеніе между французской и русскою политикою и въ 1831 году французскій представитель въ Навпліи уже открыто поддерживалъ « le parti des Klephtes », между тѣмъ, какъ его англійскій коллега усугублялъ благоволеніе свое къ молодымъ

сторонникамъ широкаго конституціоннаго режима и всѣхъ гражданскихъ свободъ, о которыхъ говорено мною выше, и во главѣ коихъ стоялъ «Алкивіадъ Греческаго возстанія» Маврокордато. Каподистріа могъ отнынѣ разсчитывать вполнѣ лишь на поддержку русской политики; но сообразно съ симъ и онъ самъ становился мишенью того осужденія и той непріязни, которыя начинали въ Англіи и Франціи выказывать относительно Николая I-го, его реакціонной политики и опасныхъ, «завоевательныхъ вожделѣній» Россіи.

Въ началѣ 1831 года вождь Майнотовъ Петро Мавромихалисъ, прибывшій въ Навплію по требованію Президента для переговоровъ объ окончательномъ замиреніи возглавленнаго имъ горнаго округа, бѣжалъ внезапно изъ Навпліи. Это обозначало скорое возобновленіе безпорядковъ въ Майнѣ. Каподистріа послалъ погоню за бѣглецомъ, и старый вождь, схваченный по дорогѣ, былъ снова привезенъ въ Навплію и, на этотъ разъ, посаженъ въ крѣпость, а къ брату и сыну его, продолжавшимъ жить въ городѣ, приставлены были особые стражники. — Родъ Мавромихалисовъ былъ не только всесиленъ у себя дома, но пользовался несомнѣнною популярностью во всей тогдашней Греціи: сорокъ три члена этого рода погибло съ оружіемъ въ рукахъ за время возстанія. Для Каподистріи самого было тяжело подвергать заключенію въ крѣпость стараго, украшеннаго сѣдинами и рубцами отъ турецкихъ ранъ вождя; но онъ считалъ своимъ безусловнымъ долгомъ поддержать авторитетъ Правительства. По его распоряженію назначена была слѣдственная комиссія изъ народныхъ представителей для разсмотрѣнія поступковъ Майнотскаго вождя, дальнѣйшая участь коего зависѣла отъ заключеній этой комиссіи. Въ Навпліи многіе открыто порицали дѣйствія Президента и французскій представитель усердно разжигалъ страсти...

Утромъ 9-го октября 1831 года Каподистріа вышелъ, по своему ежедневному обыкновенію, пѣшкомъ къ обѣднѣ въ храмъ Св. Спиридонія*). По дорогѣ туда его опередили братъ и сынъ Петро Мавромихалиса съ сопровождавшими ихъ двумя страж-

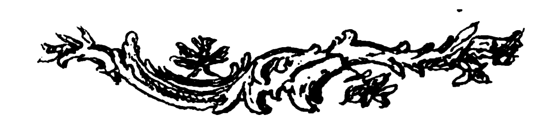
*) Св. Спиридоній считается, какъ извѣстно, покровителемъ о. Корфу, въ кафедральномъ соборѣ коего покоются его мощи.

никами и вѣжливо раскланялись съ Президентомъ. Когда послѣдній взошелъ на паперть, то одинъ изъ Мавромихалисовъ, Константинъ, стоялъ уже сбоку передъ самымъ входомъ въ храмъ, между тѣмъ какъ другой, Георгій, заступивъ Каподистріи входъ, обратился къ нему съ настоятельною просьбою освободить изъ крѣпости отца. Президентъ вѣжливо, но твердо отклонилъ эту просьбу: «Я желалъ бы сдѣлать это, но не могу. Дѣло зависитъ теперь отъ рѣшенія Слѣдственной Комиссіи...» Отвѣтъ этотъ послужилъ какъ бы условнымъ сигналомъ къ замышленному злодѣянію: Константинъ Мавромихалисъ выхватилъ изъ подъ полы пистолетъ и приставилъ дуло къ спинѣ Президента; тотъ быстро обернулся, но въ ту же минуту Георгій Мавромихалисъ выстрѣлилъ ему въ затылокъ, а Константинъ, бросивъ пистолетъ, обнажилъ свой ятаганъ и вонзилъ его въ нижнюю часть живота своей жертвы. Сбѣжавшійся народъ и оба стражника кинулись за убѣгавшими убійцами; Константинъ былъ схваченъ и умерщвленъ на мѣстѣ толпою; Георгію удалось скрыться во Французскую Миссію. Тѣмъ не менѣе французскій представитель вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, выдать убійцу Греческимъ властямъ. Тѣмъ временемъ Каподистріа, внесенный присутствовавшими въ самый храмъ, вскорѣ испустилъ тамъ свой послѣдній вздохъ.

Черезъ нѣсколько дней судъ постановилъ Георгію Мавромихали смертный приговоръ. Когда вели его на казнь къ гласису крѣпости, — на валу ея появился вдругъ передъ народомъ окруженный стражею отецъ преступника. Высокій, красивый старикъ, сѣдовласый и сѣдобородый, въ томъ самомъ Майнотскомъ одѣяніи, расшитомъ золотомъ, въ которомъ появлялся онъ, — безстрашный и властный, — передъ четами своими въ дни рѣшительныхъ боевъ съ Турками, — онъ поднялъ обѣ руки и красивымъ жестомъ благословилъ склонившагося передъ нимъ на колѣни сына. Вся обстановка разсчитана была на то, что присутствующій народъ умилится зрѣлищемъ, вспомнитъ жертвы, понесенныя на освобожденіе родины кланомъ Мавромихалисовъ, и потребуетъ помилованія...

Но негодованіе, возбужденное убійствомъ великаго патріота, оказалось сильнѣе всякихъ другихъ чувствъ; весь на-

родъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: «Анаѳема! анаѳема!»... Старика увели съ вала, и казнь надъ его сыномъ была приведена въ исполненіе. Лишь послѣ этого акта справедливаго возмездія состоялось 20-го октября погребеніе Президента при огромномъ стеченіи народа и непритворномъ его горѣ.

Прошло двадцать лѣтъ съ описанныхъ выше событій. Родители мои, пріѣхавъ, немедленно послѣ свадьбы, въ Аѳины, поселились на лѣто въ Киѳисіи, — въ то время небольшой деревушкѣ, — спасаясь отъ невыносимаго зноя и удручающей известковой пыли выжженнаго зноемъ города. — При выѣздѣ изъ деревни, по Аѳинской дорогѣ, высился, — и высится, если не ошибаюсь, и доселѣ, — огромный развѣсистый платанъ, изъ такихъ, какіе въ этихъ странахъ представляютъ собою цѣлый пейзажъ, покрывая тѣнью своею съ пол-десятины земли. Днемъ въ этой тѣни отдыхаетъ деревенское стадо овецъ; вечеромъ же подъ деревомъ сосредотачивается жизнь всѣхъ сосѣднихъ обывателей. Кафеджи приноситъ туда свою утварь и свою жаровню и разливаетъ желающимъ турецкій кофе; разносчикъ сластей раскладываетъ на лоткѣ и обмахиваетъ отъ мухъ свои лукумы, засахаренные фундуки, поджаренные фистики и халву; продавецъ свѣжей ключевой воды прохаживается, позванивая стаканами; дѣти рѣзвятся, дачники обмѣниваются новостями изъ города. И тутъ же, на видномъ, вѣками насиженномъ мѣстѣ, на двухъ-трехъ каменныхъ скамьяхъ, а то и просто на полузасохшей, пахучей и трескучей цикадами травѣ чинно засѣдаютъ «Геронты», — т. е. почтенные, коренные обитатели села, покуривая неспѣшно свои чубуки и толкуютъ о предметахъ высокихъ, — сирѣчь о политикѣ...

Подъ Киѳисійскимъ платаномъ, въ тѣ времена, главными ораторами этого засѣданія «старцевъ» являлись, — постоян-

но между собою препираясь, — пожилой, но еще бодрый Папасъ (священникъ) о. Аѳанасій и молодой «даскалосъ» (учитель) Ставраки. Первый, какъ то и подобало, основывалъ свои сужденія на ежедневно прочитываемой имъ консервативной газетѣ, — органѣ Православной и «русской» партіи, которую возглавлялъ почтенный Метаксасъ. Въ молодости своей о. Аѳанасій служилъ діакономъ въ приходѣ Св. Спиридонія въ Навпліи, и на его рукахъ, какъ гласило преданіе, испустилъ свой послѣдній вздохъ графъ Іоаннъ Каподистріа, — обстоятельство снискивавшее старому Папасу особое уваженіе его паствы. Даскалосъ же Ставраки читалъ пропитанную конституціоннымъ и западнымъ духомъ газету англійской партіи, возглавленной сподвижникомъ Байрона Александромъ Маврокордато, и проповѣдывалъ идеи новыя, ярко окрашенныя древнимъ эллинскимъ демократизмомъ. Обыкновенно сочувствіе большинства слушателей склонялось однако на сторону ихъ духовнаго отца; но иногда Ставраки, набравшись смѣлости и неотразимыхъ доводовъ, почерпнутыхъ изъ особо хлесткой и остроумной статьи своей излюбленной газеты, прижималъ старика, что называется, къ стѣнкѣ, и чувствовалось уже, что доводамъ юноши внимаетъ «совѣтъ геронтовъ» если и не съ безусловнымъ одобреніемъ, то все - же со вниманіемъ и нѣкоторымъ сочувствіемъ.

Но въ такія минуты о. Аѳанасій, покидая споръ по существу, прибѣгалъ къ аргументу личному. «Что говоришь ты, несчастный? и кому это говоришь? кому?», — набрасывался онъ на даскалоса. — «Какъ кому? — Тебѣ, — нашему почтеннѣйшему Папасу! Тебя хочу я убѣдить въ очевидной правотѣ моихъ словъ!...» — « А это ты знаешь? это ты видалъ?», — прерывалъ его снова старикъ, хватаясь за грудь, — «Конечно вижу и знаю! это твой честной іерейскій крестъ»... — «Крестъ самъ по себѣ! Святый крестъ — наилучшая оборона противъ ангеловъ тьмы и лживыхъ ученій ихъ; но вотъ это, здѣсь подъ крестомъ, — это помнишь ли ты?» — И отецъ Аѳанасій, доставая изъ-за пазухи тщательно свернутую и запрятанную въ шелковую ладонку бумажку, начиналъ развертывать ее передъ присутствовавшими, которые съ живымъ и уже

сочувственнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніями его рукъ. Въ бумажкѣ, на восковой пластинкѣ воткнуты были десять пожелтѣвшихъ человѣческихъ ногтей... «Вотъ они!» съ паѳосомъ восклицалъ старый Папасъ: «вотъ ногти великаго эллинскаго патріота, вѣрнаго сына Святой Православной Церкви, приснопамятнаго графа Іоанна Каподистріа! τοῦ Καποδίστρίας Когда въ храмѣ Св. Спиридонія лежалъ онъ, окровавленный, на каменныхъ плитахъ пола, и глава его покоилась на моихъ недостойныхъ колѣняхъ, — я не потерялъ присутствія духа и ножницами, припасенными въ это утро для крестинъ, обрѣзалъ всѣ десять ногтей на его честныхъ рукахъ! Вотъ они! смотри!!...» Къ папасу придвигались присутствующіе и склонялись надъ находившеюся въ его обладаніи святынею; принужденнымъ видѣлъ себя и даскалосъ выказать уваженіе свое къ этимъ останкамъ, и чувствуя, что съ этой минуты симпатіи «геронтовъ» снова и всецѣло склоняются на сторону о. Аѳанасія, — прекращалъ споръ и стушевывался, между тѣмъ какъ оппонентъ его въ сотый разъ начиналъ всегда захватывавшій слушателей разсказъ свой о добродѣтеляхъ великаго патріота и о мерзостномъ Навплійскомъ злодѣяніи...

Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, но память Графа Каподистріи доселѣ служитъ предметомъ пререканій между историками освобожденія и возникновенія новѣйшей Греціи. Особенно непріязненно относится къ его дѣятельности и даже къ его личности французская историческая школа, не забывшая и по сію пору, что знаменитый греческій патріотъ не любилъ въ сущности французовъ, и что ихъ просвѣщенному филэллинству предпочиталъ онъ на единовѣріи основанное покровительство и сочувствіе сѣверныхъ скиѳскихъ варваровъ и ихъ неограниченнаго повелителя. Историки свободомыслящіе, и не только французскіе, но и вообще западные, — не могутъ

простить его памяти этого непонятнаго, съ ихъ точки зрѣнія, заблужденія; историки-же ультрамонтанскаго лагеря переносятъ на имя Каподистріи ту вражду, которая извѣка раздѣляла Римъ съ Византіею, то вкоренившееся презрѣніе къ «схизматикамъ», которое сказывается прежде всего въ отрицаніи возможности строить что либо прекрасное и прочное на иномъ основаніи нежели на пресловутомъ «камнѣ Петровомъ», Римскими владыками безъ раздѣла захваченномъ.

И эти сужденія, эти пререканія оставятъ несомнѣнно свой слѣдъ на будущее время, ибо и при всемъ нынѣшнемъ совершенствованіи въ пользованіи источниками и въ провѣркѣ ихъ, на историческія изслѣдованія продолжаетъ влiять, сильнѣе чѣмъ когда либо, прискорбное стремленіе переносить въ исторію страсти современной политической борьбы и искать оружія для этой борьбы въ произвольно понятомъ и окрашенномъ прошломъ.

Критическое отношеніе къ возвышенной и чистой личности графа Каподистріи стало, увы, возможнымъ даже и въ самой Греціи, съ тѣхъ поръ какъ сошло съ жизненной стези поколѣніе современниковъ, знавшихъ его лично и принимавшихъ участіе въ его безкорыстной, самоотверженной работѣ.

Но если бы народный эпосъ, творившій нѣкогда въ русскихъ былинахъ, въ сербскихъ историческихъ пѣсняхъ, въ испанскихъ «романсеро» и, прежде всего, въ безсмертныхъ Гомеровскихъ рапсодіяхъ, — если бы этотъ эпосъ прислушивался съ тою же чуткостью къ подвигамъ доблести гражданской, съ какою откликается онъ на звонъ оружія и на зовъ воинской трубы, — то образъ перваго президента Греціи, его дѣянія, его плачевный конецъ увѣковѣчены были бы въ цѣломъ циклѣ неувядающихъ пѣсенъ. Эти пѣсни распѣвались бы въ Эпирѣ, и въ Мореѣ, и на Критѣ, и на цвѣтущихъ островахъ Іоническаго Моря; предъ ними безсильны были бы всѣ кривотолки новѣйшей политики и старой какъ міръ зависти; и къ нимъ, по всей правдѣ, примѣнимо было бы славное изреченіе Аристотеля:

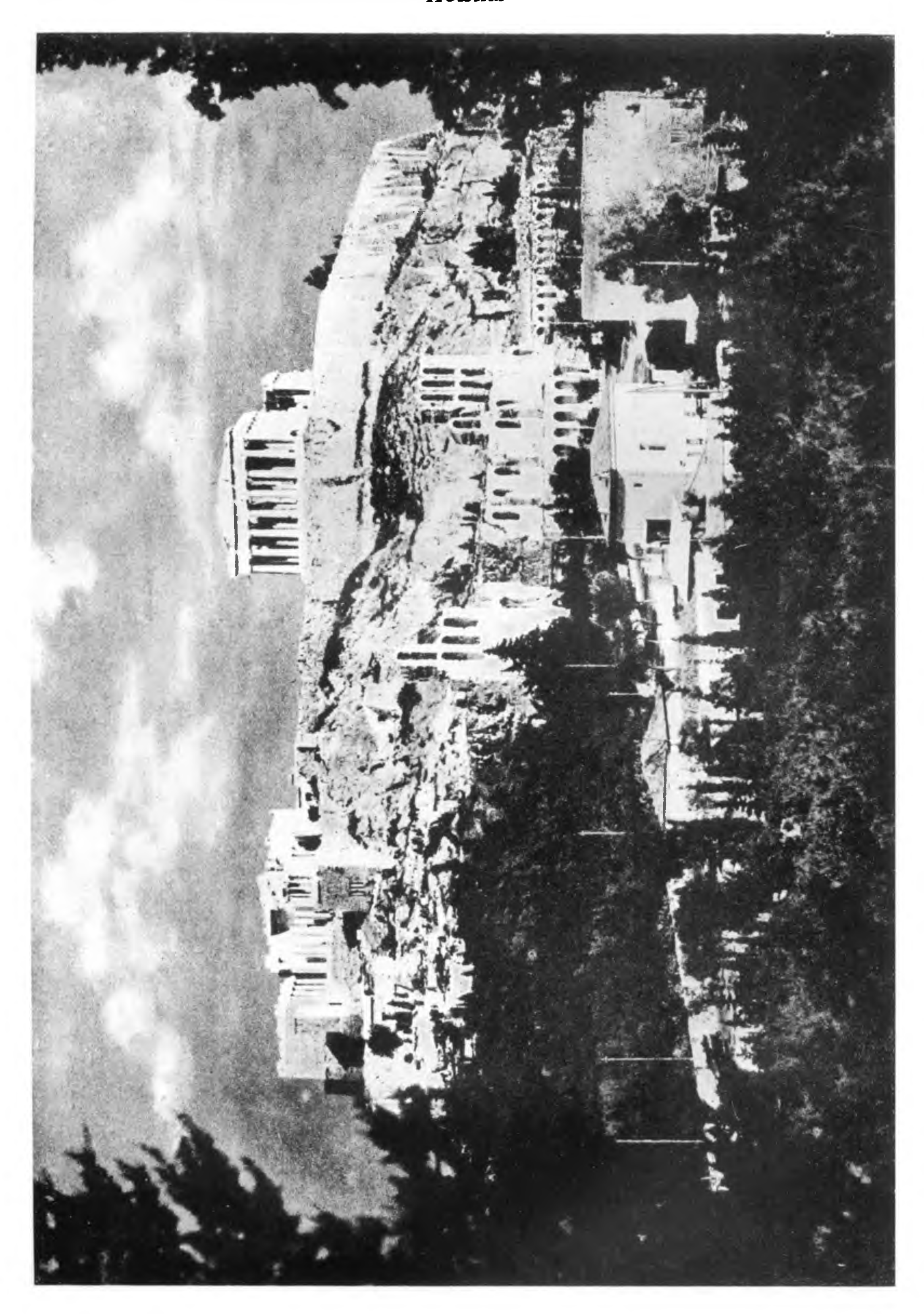
«Поэзія вдумчивѣе и проникновеннѣе самой Исторіи*)».

Но времена непосредственнаго народнаго творчества минули вообще безвозвратно, и вотъ почему показалось мнѣ достойнымъ и цѣннымъ отмѣтить на этихъ страницахъ проявленія сочувствія, уваженія и любви современниковъ, лично знавшихъ графа Каподистрію; ибо въ проявленіяхъ этихъ, — какъ въ былыхъ рапсодіяхъ, — сама жизнь откликнулась на мудрое слово и на самоотверженное дѣло одного изъ лучшихъ и самыхъ чистыхъ представителей эпохи нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

*) Καὶ φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποίησις ἱστορίας ἐστίν.

Аѳины

ГЛАВА IX

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБИХОДЪ ПЕРВАГО РУССКАГО ПОСЛАННИКА ВЪ АѲИНАХЪ.

Смерть графа Іоанна Каподистріи развязала до извѣстной степени руки — если не русской политикѣ вообще, то во всякомъ случаѣ лицу вѣдавшему этой политикой, т. е. графу Нессельроде. Съ Каподистріею исчезъ, какъ то полагали Нессельроде и его единомышленники, одинъ изъ главныхъ элементовъ розни, ощущавшейся послѣ воцаренія Николая I-го между русскими воззрѣніями и системою Меттерниха; отнынѣ легче было достигнуть примиренія Россіи съ Австріею на скользкой почвѣ ближневосточныхъ замѣшательствъ и затрудненій. Такому примиренію содѣйствовало къ тому же, повидимости, и взаимоотношеніе Европейскихъ державъ. Хотя, съ одной стороны, Николай I-й, столь цѣльный въ своихъ убѣжденіяхъ, негодовалъ на Австрію, — и даже отчасти на Пруссію, — за поспѣшную и, въ глазахъ его, малодушную сдачу въ вопросѣ Бельгійской революціи и признанія Бельгійскаго Королевства; но, съ другой стороны, коренная перемѣна, сказавшаяся съ 1830 года въ русско - французскихъ отношеніяхъ, и все болѣе обострявшаяся рознь между Россіею и Парижскимъ и Сентъ-Джэмскимъ кабинетами во всемъ, что касалось Востока, побуждали совершенно естественно Императорскую политику искать противовѣса хотя-бы въ частичномъ соглашеніи съ кабинетомъ Вѣнскимъ. И мало-по-малу соглашеніе это наладилось.

Въ Греціи, со смертью Президента, настроенія понятно лишь увеличились, и замѣнявшій своего знаменитаго брата, ограниченный и кичливый Августинъ Каподистріа оказался от-

нюдь не на высотѣ положенія. Новорожденную Грецію необходимо было, по общему мнѣнію кабинетовъ, возглавить властью монархическою; и спрашивалось лишь, гдѣ найдти кандидата, во первыхъ охочаго принять столь трудный и мало соблазнительный въ денежномъ отношеніи постъ, а во вторыхъ такого, на личности коего сошлись бы всѣ пять столь противуположно настроенныхъ великихъ державъ? Послѣ долгихъ исканій и переговоровъ, выборъ державъ остановился на одномъ изъ принцевъ Баварскихъ, во вниманіе къ горячему филэллинизму Короля Лудвига I-го, а также и къ тому немаловажному соображенію, что Баварскій Дворъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, никакихъ особыхъ вожделѣній на ближнемъ Востокѣ. Правда, существовало съ русской, — да и съ греческой,— точки зрѣнія одно значительное затрудненіе: всѣ принцы Баварскаго дома были католиками, а Принцъ Оттонъ, второй сынъ Короля Лудвига, коего сей послѣдній и пожелалъ именно провести на эллинскій тронъ, — предназначался дотолѣ въ кардиналы Римской Куріи и получалъ, соотвѣтственно сему, строго-католическое воспитаніе. Это былъ 18-ти лѣтній юноша, искренно набожный, тщательно образованный, чрезвычайно добрый, но весьма застѣнчивый, косноязычный и разумомъ болѣе увѣсистый, нежели живой и гибкій.

Не было никакого сомнѣнія, что не только въ простомъ греческомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ этого народа римско-католическое исповѣданіе отнюдь не могло содѣйствовать обаянію юнаго Монарха; и это вполнѣ оцѣнивалось Николаемъ Павловичемъ, весьма неохотно дававшимъ согласіе свое на выборъ въ Государи православной страны католическаго принца и воспитанника конгрегацій, издавна враждовавшихъ съ восточно - православнымъ исповѣданіемъ. Но Австрійскій Дворъ смотрѣлъ на это обстоятельство съ совершенно противуположной точки зрѣнія, и можно было слѣдовательно надѣяться, что, съ избраніемъ Принца Оттона, прекратится наконецъ упорное противодѣйствіе Меттерниховской политики всему тому, что связано было съ греческимъ возстаніемъ и отзывалось нарушеніемъ территоріальной неприкосновенности Оттоманскаго Царства; и такимъ образомъ Россія; въ искреннихъ ста-

раніяхъ своихъ на пользу единовѣрной Греціи, будетъ, какъ полагалъ Николай I-й, имѣть на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ Австрію и Пруссію. Дѣйствительно, С.-Петербургскій, Вѣнскій и Берлинскій кабинеты помирились въ концѣ концовъ на томъ, что будущій наслѣдникъ Эллинскаго престола крещенъ будетъ неукоснительно въ православную вѣру, и что принцъ Оттонъ женится на принцессѣ лютеранскаго вѣроисповѣданія; въ невѣсты ему тутъ же намѣтили принцессу Амалію Ольденбургскую, родственницу Русской Императорской Фамиліи и Прусскаго Королевскаго дома и сестру Королевы Ганноверской, т. е. близкую свойственницу Короля Англійскаго.

Съ превращеніемъ Греціи въ Монархію, представители тамъ великихъ державъ должны были очевидно играть вящую политическую роль и возводились сообразно съ симъ въ званіе Чрезвычайныхъ Посланниковъ и Полномочныхъ Министровъ. Роль новаго русскаго Посланника должна была быть особенно значительною; по мыслямъ Императора Николая, ему надлежало являться естественнымъ и благожелательнымъ посредникомъ между новымъ монархомъ и столь близкимъ Россіи по вѣрѣ народомъ. Первыми же условіями для успѣшнаго исполненія подобной миссіи были: основательное знаніе страны и народа и испытанное благоразуміе будущаго Посланника.

Любителямъ русскаго прошлаго памятна занимательная переписка братьевъ Александра и Константина Яковлевичей Булгаковыхъ, сыновей извѣстнаго Екатерининскаго дипломата, бывшихъ секретарей русской Миссіи въ Неаполѣ во времена королевы Каролины и Нельсона, а впослѣдствіи Московскаго и Петербургскаго почтъ-директоровъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1832 г. Александръ Булгаковъ пишетъ изъ Москвы брату: «Здѣсь говорятъ, что въ Грецію назначенъ будетъ при новомъ Королѣ Посланникъ. По моему, должны назначить либо Булгари, либо Катакази». — И дѣйствительно назначенъ былъ мой дѣдъ Гавріилъ Антоновичъ Катакази, близко знавшій грековъ, знакомый и съ Константинопольскою почвой и являв-

шійся естественнымъ носителемъ Каподистріевскихъ преданій; Къ тому-же Николай Павловичъ, равно какъ и графъ Нессельроде, знали его за чиновника разсудительнаго и склоннаго избѣгать всякихъ столкновеній, особенно личнаго свойства. Въ февралѣ 1833-го года Гавріилъ Антоновичъ посланъ былъ съ особымъ порученіемъ къ Баварскому Двору; въ іюнѣ того-же года Король Оттонъ высадился, при общемъ ликованіи, на греческій берегъ въ Навпліи, а въ іюлѣ въ Навплію прибылъ новый русскій Посланникъ. Вскорѣ послѣ этого столица Королевства Эллиновъ перенесена была въ Аѳины, и Греція начала свою жизнь самостоятельной монархіи.

Предвидѣнія Маріи Александровны Комнено оправдывались вполнѣ: избранный ею для младшей дочери супругъ сдѣлалъ карьеру быструю и блестящую; тридцати девяти лѣтъ отъ роду онъ былъ посланникомъ и притомъ на посту немаловажномъ; а Софья Христофоровна, — столь недавно еще маленькая, рѣзвая смолянка Sophie, а нынѣ 24-хъ лѣтняя, хорошенькая и въ сущности счастливая въ замужествѣ, хотя и удрученная частыми дѣторожденіями молодая женщина, вскорѣ прибыла къ мужу со своими четырьмя дѣтьми и многочисленными домочадцами и заняла въ Аѳинскомъ обществѣ чуть ли не первое мѣсто послѣ Королевы Амаліи, также незадолго передъ тѣмъ прибывшей въ свою столицу.

Матеріальныя условія жизни были, разумѣется, примитивны въ ничтожномъ греко - турецкомъ мѣстечкѣ, обступившемъ своими лачугами знаменитыя мраморныя развалины античныхъ Аѳинъ; но обиходъ русской Миссіи установился сразу широкій и зажиточный, а почетъ ей оказывался — огромный. Мнѣ лично довелось увидать подобную же картину толь-

ко что нараждавшагося государства и воздвигавшейся изъ ничего столицы — въ полу-дикой Болгаріи восьмидесятыхъ годовъ; и два года мною тамъ проведенные оставили во мнѣ воспоминанія интересныя и отнюдь не удручающія. Да и вообще могу я по долголѣтнему опыту завѣрить, что для большинства русскихъ дипломатовъ Балканскіе и вообще восточные посты были куда какъ пріятнѣе второстепенныхъ западныхъ столицъ, и что человѣкъ, разъ отвѣдавшій сладкой отравы восточной непосредственности и личной свободы, восточнаго «салтаната» и своеобразнаго восточнаго комфорта, — всегда стремится обратно туда изъ пасмурной и размѣренной обстановки такъ называемыхъ цивилизованныхъ городовъ и обществъ; исключеніе на Западѣ составляютъ только Римъ, да еще, пожалуй, Парижъ.

Дѣдъ мой и моя бабка провели въ Аѳинахъ цѣлыхъ десять лѣтъ жизни.

Я къ сожалѣнію, — по собственной моей винѣ, — лишенъ возможности обрисовать политическую дѣятельность въ Греціи моего дѣда на основаніи точныхъ и строго провѣренныхъ данныхъ. Нѣсколькихъ дней занятій въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ достаточно было бы для меня, чтобы основательно ознакомиться съ донесеніями и перепиской нашего Посланника въ Аѳинахъ за время съ 1833-го по 1843-й годы. Но, думалось мнѣ, — это всегда успѣется; и вотъ, на склонѣ жизни, для меня вдругъ закрылись двери не только въ какое бы то ни было учрежденіе моей родины, но и въ самое Россію! Вотъ когда сугубо сказался грѣхъ «прокрастинаціи», т. е., говоря по-просту, вѣчнаго откладыванія съ сегодня на завтра, грѣхъ, коему мы, русскіе, такъ особенно были подвержены! «Дѣло не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ»; анъ вдругъ вся Россія ушла въ лѣсъ, да еще въ какой дремучій, безпросвѣтный лѣсъ! — Волею - неволею придется, говоря о службѣ моего дѣда въ Аѳинахъ, удовольствоваться, помимо общеизвѣстныхъ историческихъ данныхъ, оставшимися въ моей памяти разсказами моихъ роди-

телей, коихъ къ тому же нельзя признать вполнѣ освѣдомленными свидѣтелями, ибо моя мать уѣхала изъ Аѳинъ 16-ти лѣтъ отъ роду, а отецъ находился подъ начальствомъ своего будущаго тестя всего какихъ нибудь три-четыре мѣсяца и лишь въ послѣдующіе годы ознакомился съ архивомъ Миссіи и наслышался разсказовъ о временахъ Катаказіевыхъ.

Когда дѣдъ мой началъ свою дипломатическую дѣятельность въ Аѳинахъ, страна только что начинала оправляться отъ долгихъ годовъ безжалостнаго разоренія и кровавой борьбы. Какъ и въ краткіе годы правленія графа Іоанна Каподистріи, въ Греціи продолжала сказываться, хотя и съ меньшею страстностью и въ менѣе дикихъ проявленіяхъ, борьба двухъ главныхъ теченій того вѣка, — консервативно - абсолютическаго и либерально-конституціоннаго. Второе, олицетворенное образованною на Западѣ молодежью высшихъ слоевъ эллинскаго общества, находило себѣ убѣжденную и сильную поддержку въ общественномъ мнѣніи Франціи и Англіи, а слѣдовательно и въ дѣйствіи на мѣстѣ французскаго и англійскаго посланниковъ; первое должно было бы пользоваться сочувствіемъ и содѣйствіемъ трехъ восточно-европейскихъ державъ, высшей іерархіи Православной Церкви и всего стариннаго населенія фанаріотскаго общества и мѣстныхъ провинціальныхъ примасовъ. Я говорю «должно было бы», ибо, на дѣлѣ, коалиція охранительныхъ силъ носила въ себѣ съизначала задатки непримиримаго раскола, — задатки съ каждымъ годомъ развивашіеся и крѣпшіе.

Первое время вся дѣйствительная власть въ странѣ сосредотачивалась въ рукахъ Баварскаго государственнаго дѣятеля изъ высшаго чиновничества, графа Армансперга, который приданъ былъ Королемъ Лудвигомъ въ руководители и совѣтчики юному и совершенно неопытному Оттону. Армансpергъ правилъ страною съ безспорнымъ авторитетомъ и старался неуклонно проводить въ законы, въ жизнь и въ общественные нравы Греціи строго размѣренные порядки небольшого Германскаго Королевства, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ эти порядки обрисовались въ Германіи къ концу двадцатыхъ годовъ подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ Прусскаго

примѣра и Наполеоновской административной муштры. Пріемы эти казались однако чуждыми и стѣснительными не только свободолюбивой молодежи Байроновскаго пошиба, но и старозавѣтному восточному люду, составлявшему толщу населенія. И кто-же правилъ столь строго; кто предъявлялъ на каждомъ шагу столь чуждыя духу и привычкамъ обывателей требованія? — Схизматикъ! первый слуга, а вѣрнѣе опекунъ Короля-схизматика!

И вотъ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ, и отчасти въ Берлинѣ, съ нескрываемымъ сочувствіемъ относились къ цивилизаторской и при этомъ благонамѣренной дѣятельности Армансперга; между тѣмъ, какъ въ самомъ Петербургѣ закрывали глаза на многое, лишь бы не нарушить съ такимъ трудомъ достигнутаго соглашенія и не выказать съ первыхъ же шаговъ — чего Боже упаси — противодѣйствія королевской власти вмѣсто обѣщанной ей поддержки, — на мѣстѣ, въ самой Греціи всѣ тѣ, кто были вѣрны старымъ православнымъ преданіямъ греческаго народа, лица составлявшія издавна въ Константинополѣ и провинціяхъ такъ называемую «русскую партію» и на сторонѣ коихъ стояло огромное большинство простецовъ-обывателей, — начинали чуждаться и вводимыхъ иностранцами порядковъ, а отчасти и самого Королевскаго Двора!

При такихъ условіяхъ положеніе Русскаго Посланника становилось изъ году въ годъ все труднѣе и труднѣе.

Гавріилъ Антоновичъ Катакази самымъ искреннимъ образомъ не сочувствовалъ конституціоннымъ вожделѣніямъ вожаковъ либеральнаго движенія; онъ боролся всюду, гдѣ могъ, съ происками и вліяніемъ своихъ французскаго и великобританскаго коллегъ*); но въ то-же время, понимая начала охранительныя совсѣмъ иначе, чѣмъ понимали ихъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ и, будучи прежде всего вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви, онъ неминуемо долженъ былъ, при Дворѣ Короля Оттона и Королевы Амаліи (женщины умной и властной), вхо-

---

*) Пискатори (впослѣдствіи графа) и адмирала сэра Эдмунда Лайона (впослѣдствіи лорда Лайона).

9

дить въ столкновеніе мнѣній съ людьми сильными при этомъ Дворѣ и, въ первую голову, со своими коллегами: австрійскимъ, — пылкимъ и убѣжденнымъ проводникомъ австрійскаго вліянія на ближнемъ востокѣ барономъ Прокешъ-Остеномъ, — и баварскимъ, — пронырливымъ графомъ Брейемъ.

Русскому представителю, крайне популярному въ самой странѣ, не однажды удавалось проводить свои взгляды въ совѣтахъ Короля Оттона, служить благожелательнымъ звеномъ между королевскою властью и православно - охранительными слоями общества и населенія; но, — какъ всегда бываетъ при подобномъ положеніи вещей, — совѣты русскаго посланника все болѣе и болѣе надоѣдали Двору и популярность его все болѣе и болѣе колола глаза. Невольно возникало и крѣпло съ годами желаніе отдѣлаться при удобномъ случаѣ отъ подобнаго совѣтчика, посредника и наблюдателя, коего начинали считать чуть ли не принципіально враждебнымъ Двору. И чувство это достигло естественнымъ образомъ своего апогея, когда ошибки, противъ которыхъ Катакази столь неоднократно предостерегалъ, привели Дворъ къ унизительной капитуляціи передъ военнымъ пронунціаменто; — ибо ничто столь трудно не прощается человѣку, какъ осуществившіяся на дѣлѣ предсказанія его и предостереженія. Но ко всему этому я вернусь въ свое время, когда буду говорить о крушеніи дипломатической карьеры моего дѣда въ 1843-мъ году. Теперь же перейду къ обстановкѣ и образу жизни Катакaзіевской семьи въ теченіи десятилѣтняго пребыванія ея въ Аѳинахъ, обстановкѣ, оставившей неизгладимый слѣдъ въ воспоминаніяхъ младшаго поколѣнія этой семьи, начиная съ моей матери, которая стала осмысленно сознавать себя лишь съ пріѣздомъ своимъ въ Грецію, а уѣхала изъ Аѳинъ 16-ти лѣтнею, но уже достигшею почти полнаго умственнаго и нравственнаго расцвѣта дѣвушкою.

Домъ перваго русскаго посланника при Аѳинскомъ Дворѣ поставленъ былъ на широкую ногу, насколько позволяли то мѣстныя условія. Одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ, если не самый большой въ тогдашнихъ, крошечныхъ Аѳинахъ, на скорую руку увеличенный и отстроенный внутри, служилъ прибѣжищемъ и для канцеляріи миссіи и для супруговъ Катакази съ ихъ многочисленнымъ потомствомъ; ибо за время отъ 1833-го по 1843-й годъ къ существовавшимъ уже четыремъ дѣтямъ: Маріи, Константину, Льву и Еленѣ, прибавились еще три дочери: Елисавета, Александра и Анна*). На лѣтніе мѣсяцы, когда слишкомъ уже начинала одолѣвать известковая пыль города, переѣзжали въ довольно просторный домъ съ болѣе или менѣе тѣнистымъ садомъ въ Ангелокипи**), небольшомъ поселкѣ, расположенномъ въ тѣ вреемна еще далеко за чертою города. Тамъ мой дѣдъ, слѣдуя столь обычному у грековъ добраго стараго времени влеченію — выстроить за свою жизнь хотя бы самый малюсенькій «параклизъ», — устроилъ на собственныя средства крошечную домовую церковь, гдѣ съ особымъ удовольствіемъ молился. Я видѣлъ еще этотъ домъ и домашнюю церковку въ 1889-мъ году.

Открытый и гостепріимный обиходъ посланническаго дома требовалъ соотвѣтствующаго количества прислуги, начиная съ ловкаго и плутоватаго дворецкаго - итальянца, съ неизбѣжнаго въ тѣ времена во всѣхъ Посольствахъ и Миссіяхъ егеря (chasseur), француза - повара, придруженнаго двумя греческими поваренками, носившими оба имя *Яни* и которыхъ ихъ принципалъ прозвалъ по этому: Jean bon et Jean bête, и кончая многочисленнымъ штатомъ прислужницъ при «барской барынѣ», при буфетѣ и при дѣтскихъ. Выѣздъ посланника и его супруги былъ всегда щегольской.

Обилію дѣтей соотвѣтствовалъ и составъ педагогическаго персонала: младшіе члены семьи находились на попеченіи взя-

---

*) Самая младшая сестра моей матери Юлія Гавриловна появилась на свѣтъ только въ 1845-мъ году.

**) Садъ (κῆπη), куда будто бы нѣкогда добѣжалъ и гдѣ упалъ замертво вѣстникъ (ангелосъ) Мараѳонской побѣды.

той изъ Петербурга нянюшки, мадамъ Фогель, вдовы газенпотскаго почтальона, отмѣнно преданной и доброй женщины, которая, поступивъ въ Катаказіевскую семью въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, скончалась въ этой семьѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, всѣми любимою и уважаемою старушкою. Въ послѣдующіе годы пребыванія въ Аѳинахъ, на помощь нянюшкѣ выписана была англійская бонна. При матери моей и при ея слѣдующей сестрѣ находилась гувернантка Mlle Renard, англо-француженка съ о. Джерсея, столь же образованная, сколь и высокихъ нравственныхъ качествъ особа. Къ мальчикамъ, — Коко и Леону, — пригласили въ качествѣ гувернера долго жившаго во Франціи и служившаго нѣкогда офицеромъ въ Наполеоновской арміи грека, носившаго отмѣнно классическую фамилію Тимолеона. Это былъ зоркій и очень строгій, — по военному, — воспитатель и хорошій учитель математики; онъ превосходно ѣздилъ верхомъ и объѣзжалъ лошадей, вслѣдствіи чего, когда бабушка пристрастилась къ верховой ѣздѣ, то на обязанности его лежало сопровождать ее, испробовавъ сначала, въ порядкѣ ли лошадь и сбруя (самъ дѣдушка никакимъ спортомъ не занимался, да это и не было въ обычаѣ въ тѣ времена для такихъ коренныхъ штатскихъ, какимъ былъ Гавріилъ Антоновичъ). Такъ какъ дѣдушка и бабушка вполнѣ резонно находили, что одного Тимолеона недостаточно для обученія и вспитанія старшихъ дѣтей, то выписанъ былъ еще воспитатель изъ Мюнхена, рекомендованный дѣдушкѣ, какъ примѣрный и высоко-образованный молодой человѣкъ. Это былъ филологъ, впослѣдствіи одинъ изъ извѣстныхъ второстепенныхъ германскихъ поэтовъ — Гейбель, стремившійся дополнить свои классическія познанія на мѣстѣ, въ Элладѣ, не имѣвшій на то средствъ и съ радостью ухватившійся за возможность осуществить свое завѣтное желаніе. У моей матери, ея второй сестры и братьевъ осталось наилучшее воспоминаніе о преподаваніи и воспитательныхъ пріемахъ Гейбеля; впрочемъ и всѣ въ домѣ его любили и цѣнили. Любимѣйшею забавою, введенною имъ въ дѣтскій обиходъ, былъ игрушечный театръ съ вырѣзанными изъ картона актерами, которыхъ на проволокахъ спускали сверху на сце-

ну и по ней двигали. Костюмы дѣйствующихъ лицъ, — въ соотвѣтствіи съ пьесами и ролями, — готовили изъ цвѣтной шелковой бумаги старшія дѣвочки, «нити» же отмѣнно послушныхъ актеровъ находились въ рукахъ Гейбеля, который и говорилъ за нихъ. Такимъ образомъ давались историческія драмы Шиллера, кое - что изъ Шекспира и даже изъ древне-греческихъ трагиковъ въ нѣмецкихъ переводахъ; а, по временамъ, и въ особенности, чтобы позабавить младшихъ дѣтей, Гейбель переносилъ на свой театръ сценки изъ обыденной, окружавшей его дѣтской жизни, причемъ мило и умно осмѣивалъ кое-какіе недостатки своихъ воспитанниковъ и ученицъ и повергалъ ихъ въ изумленіе знаніемъ такихъ ихъ продѣлокъ, ссоръ и дѣтскихъ, то мѣткихъ, то фантастически-вздорныхъ понятій объ окружающемъ, которыя, какъ мнилось имъ, были совершенно скрыты отъ взрослаго поколѣнія!

Гостепріимство Гавріила Антоновича и Софіи Христофоровны Катакази славилось въ Аѳинахъ. И дѣйствительно, въ русской Миссіи охотно принимали гостей; да и было кого принимать: кромѣ членовъ дипломатическаго корпуса, своихъ и иностранныхъ моряковъ, знатныхъ Европейскихъ путешественниковъ, зачастившихъ въ только что открывшуюся для ихъ образованной любознательности классическую Элладу, — и среди мѣстнаго общества было не мало людей съ живымъ умомъ и тонкимъ образованіемъ, людей того стародавняго фанаріотскаго пошиба и воспитанія, о которыхъ я говорилъ выше въ введеніи къ настоящей части моего разсказа.

Бабушка Софья Христофоровна была вышколена съ измалолѣтства такъ, что всегда находила о чемъ говорить со своими гостями, наводить ихъ на излюбленные и м и предметы и вторить имъ умно и находчиво; и эти качества она постаралась передать и всѣмъ своимъ дѣтямъ. А Гавріилъ Анотновичъ, тонко образованный и всегда много читавшій, отличался кромѣ того неизмѣнною ко всѣмъ учтивостью, любезностью и мягкостью.

Столъ — былъ однимъ изъ важнѣйшихъ для него вопросовъ: по общепринятому и, въ тѣ времена, безраздѣльно господствовавшему убѣжденію, гастрономія была неразрывно свя-

зана съ дипломатіей, и дѣдушка, понимавшій толкъ въ кушаньяхъ и въ винахъ, самъ завѣдывалъ этою отраслью домашняго обихода и общественныхъ отношеній, и завѣдывалъ съ любовью и щедростью. До конца жизни въ домѣ у дѣдушки Гавріила Антоновича, несмотря на довольно стѣсненныя его обстоятельства, кормили здоровою и отмѣнно вкусною пищею и часто приглашались обѣдать «запросто» близкіе пріятели дома, покровительствуемыя лица и тѣ, кому надо было отдать, хотя бы разъ въ годъ, ихъ хлѣбъ-соль. Можно изъ этого заключить, какую важность пріобрѣтало въ глазахъ дѣдушки гостепріимное потчеванье оффиціальныхъ приглашенныхъ за столомъ ввѣренной его руководству Россійской Императорской Миссіи.

По этому поводу я тутъ-же считаю необходимымъ отмѣтить, что щедрость была однимъ изъ главныхъ качествъ дѣдушкинаго характера, а безусловное неумѣніе считать и держать денежку — чуть ли не самымъ крупнымъ его недостаткомъ, бросившимъ безпросвѣтную тѣнь заботъ на всю его жизнь, да отчасти и на жизнь его присныхъ. Въ Аѳинахъ онъ этому качеству и этому недостатку предавался безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Русскій посланникъ долженъ былъ жить гостепріимно и широко; въ домѣ Русскаго посланника все должно было быть «первый сортъ»: выѣздъ, столъ, угощенія. Да кромѣ того и бѣдный людъ, прибѣгавшій за помощью, не могъ уходить изъ Русской Миссіи «тщъ». Просителямъ помогали, насколько то можно и дозволено было, изъ казенныхъ средствъ, хлопотали за нихъ у мѣстныхъ властей и мѣстныхъ богачей; но чаще всего самъ дѣдушка развязывалъ своими мягкими, нецѣпкими, расточительными руками собственный свой кошелекъ... Моя мать помнила, какъ на письменномъ столѣ ея отца стояло всегда два кустарныхъ боченочка полныхъ — одинъ мѣдною, а другой серебряною монетою для подачи, — подчасъ цѣлыми пригоршнями, — нищимъ и калѣкамъ съ улицы: «Voici, Marie, portez cela vous-même à cette pauvre femme!»

Въ бытность дѣдушки въ Аѳинахъ закончились работы комиссіи, въ которой онъ нѣкогда самъ засѣдалъ въ Петер-

бургѣ (послѣ Адріанопольскаго замиренія), «о претензіяхъ Россійскихъ подданныхъ къ таковымъ же Оттоманской Порты и къ самой Портѣ»*). Въ числѣ присужденныхъ къ возмѣщенію «претензій», оказалась и претензія семьи Катакази за раззоренное и отнятое нѣкогда турецкими властями семейное имущество. Гавріилъ Антоновичъ въ свое время уже свелъ претензіи свои и своего брата и сестеръ къ минимальной суммѣ, дабы не могли упрекать его въ использованіи своего служебнаго положенія въ собственныхъ интересахъ. Но и отъ тѣхъ пяти-шести десятковъ тысячъ піастровъ**), которые пришлись на личную долю дѣдушки, этотъ послѣдній отказался въ пользу и на воспитаніе своихъ племянниковъ, сыновей Константина Антоновича, который къ тому времени овдовѣлъ, оставилъ окончательно службу и жилъ въ Одессѣ чистенько, аккуратно, но весьма стѣсненно, будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ.

Но однимъ изъ самыхъ дорогихъ и, въ сущности, излишнихъ расходовъ явилось предпринятое въ тридцать девятомъ году всею семьею путешествіе въ Петербургъ и пребываніе тамъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Предлогомъ путешествія было помѣщеніе въ Училище Правовѣдѣнія обоихъ сыновей, достигшихъ 13-ти и 11-ти лѣтняго возраста, а второй дочери въ Институтъ (куда она впрочемъ такъ и не поступила, ибо на вакансію въ Смольномъ она вышла изъ возраста, а въ другой институтъ бабушка отдать свою дочь не пожелала). — Въ сущности Софьѣ Христофоровнѣ захотѣлось родныхъ, друзей повидать и вообще въ Петербургѣ людей посмотрѣть, да и себя показать: вотъ де какая я вальяжная, нарядная, и еще молодая посланница!

Изъ Одессы въ Петербургъ, черезъ Бѣлорусскія болота, въ распутицу и въ первые морозы поздней осени двинулся возглавляемый Софіею Христофоровною караванъ (дѣдушка поѣхалъ позже семьи и вернулся въ Аѳины раньше, ибо съ от-

---

*) См. Гл. VII.

**) Піастръ — отъ 8 до 10 коп. золотомъ, что въ тѣ времена равнялось по покупной силѣ нынѣшнему золотому франку.

пусками тогда не шутили); караванъ, состоявшій изъ семерыхъ дѣтей, гувернантки, англичанки - бонны, нянюшки мадамъ Фогель, курьера-итальянца Боско, лакея и горничныхъ. Проѣзжавшіе изъ Одессы въ Петербургъ вслѣдъ за этимъ «исходомъ» злополучные путники, застревали по часамъ и чуть ли не по днямъ на станціяхъ, гдѣ смотрители встрѣчали ихъ мольбы и упреки все тѣмъ же отчаяннымъ возгласомъ: «Подъ посланницу генеральшу Катакази съ семьею и свитою только что всѣхъ лошадей долженъ былъ отпустить; только двѣ фельдъегерскихъ тройки на конюшнѣ остались, — извольте сами удостовѣриться!»

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ столицѣ на нанятой квартирѣ, выѣздовъ бабушки ко Двору и въ свѣтъ и ежедневнаго родственнаго обхожденія съ семьею Пещуровыхъ, жившихъ въ то время уже въ Петербургѣ, пріѣзжіе аѳиняне двинулись, за исключеніемъ новенькихъ правовѣдовъ, въ обратный путь, — но не прямо въ Аѳины, а съ довольно продолжительною остановкою въ Буюкдере, — извѣстной лѣтней резиденціи русской миссіи въ Константинополѣ, во главѣ коей стоялъ тогда давнишній доброхотъ моего дѣда, Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ*).

Но тутъ мнѣ невольно приходится сдѣлать новое отступленіе въ моемъ повѣствованіи, дабы хотя поверхностно очертить типичный обликъ Бутенева, разсказы о коемъ такъ часто слыхалъ я отъ моихъ родителей.

Извѣстны заслуги Аполлинарія Петровича на поприщѣ дипломатическомъ. Занимая дважды и подолгу важное мѣсто

*) Я впрочемъ не вполнѣ увѣренъ, что семья Катакази останавливалась въ Б и в к г е п е, в о з в р а щ я с ь изъ Петербурга весною 1840 года, а не ѣ д у ч и туда осенью 1839-го.

посланника въ Константинополѣ, а въ промежутокъ (1843-1856) щекотливый постъ русскаго представителя при Святѣйшемъ Престолѣ, Бутеневъ и въ старомъ и въ новомъ Римѣ высказалъ выдающіяся качества вдумчивости, наблюдательности, уравновѣшенности и политическаго благоразумія. Основательно образованный и пополнявшій постоянно свои познанія тѣмъ, что подлежало его наблюденію, и тѣмъ, что выносилъ изъ чтенія, — онъ, въ общественной и частной своей жизни, отличался неизмѣнною благожелательною вѣжливостью, что не такъ уже часто встрѣчалось тогда и встрѣчается понынѣ среди сильныхъ міра сего. Принадлежа, по рожденію, къ старинному, но обѣднѣвшему дворянскому роду и явившись на свѣтъ однимъ изъ многочисленныхъ дѣтей небогатаго помѣщика и Каширскаго исправника, маленькій Аполлинарій еще въ дѣтствѣ взятъ былъ на воспитаніе семьею богатыхъ Калужскихъ помѣщиковъ и заводовладѣльцевъ Гончаровыхъ, — недавнихъ еще купцовъ, но уже вошедшихъ въ высшее дворянское общество Москвы и быстро воспринявшихъ западную образованность и европейскія привычки. Выведенный Гончаровыми, а затѣмъ семьею князя Н. И. Салтыкова, очень его полюбившею, — въ люди, онъ быстро дѣлалъ карьеру въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и сблизился съ моимъ дѣдомъ. Женился онъ (вторымъ бракомъ*) на одной изъ сестеръ графа Хрептовича, богатѣйшаго бездѣтнаго потомка многоземельныхъ Литовскихъ вельможъ, оставшагося вѣрнымъ Россіи въ 1830 году и поэтому особенно отличеннаго Императоромъ Николаемъ*). Казалось, что столь быстрые жизненные и свѣтскіе успѣхи должны были бы вскружить голову бѣдному дворянчику, ставшему сразу чуть не сановникомъ, обезпеченному прекраснымъ состояніемъ жены и породнившемуся съ высшею знатью. Но въ природѣ Аполлинарія Петровича не было и тѣни спеси

---

*) Первою супругою А. Н. Бутенева была дѣвица Шевичъ, дочь командира Лейбъ-Гусаровъ, убитаго подъ Лейпцигомъ; мать ея была рожденная Бенкендорфъ, сестра извѣстнаго графа Александра Христофоровича, генералъ-адъютанта и личнаго друга Ниоклая I-го.

**) Этотъ графъ Хрептовичъ женатъ былъ на дѣвицѣ Ренне, мать коей была долгіе годы очень приближена къ Русскому Двору, особливо въ царствованіе Павла I.

и того, что нынѣ зовется «снобизмомъ»; онъ былъ бариномъ по природѣ и бариномъ благимъ, высококультурнымъ и прекраснодушнымъ.

Какъ посланникъ въ Константинополѣ Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ отличался тонкимъ и основательнымъ пониманіемъ той почвы, на которой ему приходилось дѣйствовать; и Николай I-й не могъ найдти лучшаго проводника своимъ немного химеричнымъ и не всегда устойчивымъ, но отнюдь не лишеннымъ политическаго смысла планамъ — владѣть Проливами и защищать православную «райю» черезъ посредство самого Султана, т. е пріучая сего послѣдняго видѣть въ своемъ могущественномъ сѣверномъ Сосѣдѣ нелицемѣрнаго и великодушнаго покровителя.

Я уже говорилъ о вѣжливости и мягкости Бутенева; иногда онѣ принимали даже забавный оттѣнокъ. Моя мать както, въ письмѣ къ своимъ изъ Москвы, говоря про стоявшіе тамъ чудные, ясные и тихіе сентябрьскіе дни, выражалась: « Le temps rappelle les colères de Bouteneff » ; и на мой вопросъ, что это значитъ? — разсказала одинъ изъ многочисленныхъ анекдотовъ, ходившихъ въ Константинополѣ про милѣйшаго Аполлинарія Петровича.

Стаціонеръ Миссіи, посланный по какой-то надобности въ Архипелагъ, что-то ужъ очень долго тамъ задержался; а между тѣмъ Посланнику присутствіе посольскаго судна въ Босфорѣ было именно въ эту минуту очень нужно. На повторныя приказанія вернуться, командиръ судна, — старая морская косточка, не особенно культурный и весьма упрямый, — отговаривался то какими то починками, то противными вѣтрами, и Аполлинарій Петровичъ чуть ли не первый разъ въ жизни начиналъ раздражаться. Наконецъ давно желанный корветъ появился на горизонтѣ Мраморнаго Моря, причалилъ къ своей бочкѣ противу Топ-Ханэ, и командиръ, въ полной формѣ, съѣхалъ на берегъ, чтобы явиться къ Посланнику. «Вотъ вы увидите, какъ я его проберу!» говорилъ Аполлинарій Петровичъ своимъ сотрудникамъ. Но «проборка» на первый разъ ограничилась любезнымъ приглашеніемъ капитана на обѣдъ. «Вотъ

увидите, увидите...», отвѣчалъ Бутеневъ на вопросительные взгляды секретарей. И вотъ за обѣдомъ, посланникъ, воспользовавшись минутой общаго молчанія, обратился къ новоприбывшему любезно, но отчетливо: «Извините, Герасимъ Кузьмичъ, я совершенно запамятовалъ, какъ зовется Вашъ корветъ?» — «Язонъ», Ваше Превосходительство», — не безъ удивленія на подобную забывчивость отвѣчалъ командиръ. — «А не думаете-ли Вы», съ тонкою улыбкою продолжалъ посланникъ, «что ему слѣдовало бы называться Уллисомъ?» — «Да почему-же Уллисомъ, Ваше Превосходительство?», пробурчалъ въ отвѣтъ капитанъ, рѣшительно не понявшій миѳологическаго намека; «всегда былъ Язономъ... прекрасное имя... при чемъ же тутъ Уллисъ?...» — Аполлинарій Петровичъ смутился, покраснѣлъ и, склонившись къ своему сосѣду справа, шепнулъ ему: «Je crains d'avoir été trop loin: — le pauvre homme a l'air tout-à-fait malheureux!»

И самъ Аполлинарій Петровичъ и его супруга, — grande dame въ наилучшемъ смыслѣ этого слова, — приняли супругу и дочерей Гавріила Антоновича съ отмѣннымъ радушіемъ. И лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ въ чудномъ тѣнистомъ Буюкдере, семья Катакази вернулась въ выжженныя лѣтнимъ зноемъ Аѳины въ своему прежнему широкому обиходу...

Какимъ образомъ, при почти полномъ отсутствіи состоянія у супруговъ Катакази, могли они поддерживать подобный образъ жизни, — на это можно дать лишь одинъ простой и

весьма обычный въ лѣтописяхъ русскихъ семействъ отвѣтъ: тратя послѣдніе отъ родителей оставшіеся гроши и входя въ долги. За десять лѣтъ посланничества долги дѣдушки по счетамъ разныхъ поставщиковъ перевалили за двѣсти тысячъ піастровъ, что при тогдашней стоимости денегъ представляло сумму не маловажную; но въ этотъ счетъ отнюдь не входили кое-какіе крупные займы, заключенные Гавріиломъ Антоновичемъ у двухъ-трехъ Петербургскихъ и заграничныхъ греческихъ богачей, какъ напримѣръ у извѣстнаго своимъ богатствомъ и благотворительностью Вѣнскаго банкира барона Сина*); при чемъ эти богачи, — недавніе дѣятельные и щедрые филэллины, — считали за долгъ свой выручать изъ затрудненія человѣка, столь достойнаго уваженія и столь много потрудившагося на пользу Греціи и грековъ.

И всѣ эти накоплявшіеся долги вѣроятно не особенно и безпокоили моего дѣда. Всѣмъ вѣдь извѣстно было, что нашъ посланникъ въ Аѳинахъ собственнаго состоянія не имѣетъ, а между тѣмъ принужденъ жить широко и гостепріимно и вообще соотвѣтственно тому высокому положенію, которое занимаетъ онъ въ единовѣрной Россіи странѣ; ничего зазорнаго слѣдовательно въ денежныхъ затрудненіяхъ его не было, а было, напротивъ того, лишь исполненіе имъ служебнаго долга. Такой великодушный Монархъ, какъ Императоръ Николай, пойметъ это конечно, при случаѣ, и оцѣнитъ; и либо долги посланника велитъ изъ казны заплатить, либо пожалуетъ ему изрядное количество земли, чему примѣровъ было уже много; да наконецъ и Посольскій постъ отнюдь не составлялъ неосуществимой мечты для чиновника съ прекрасной репутаціей, еще не стараго и уже долгіе годы съ успѣхомъ подвизающагося на посту посланническомъ; словомъ, продолжала бы лишь идти благополучно служба, а все остальное само собою устроится!

---

*) На единственной наслѣдницѣ его женился единственный оставившій потомство сынъ князя Константина братъ Александра Ипсиланти, откуда и появилось нынѣшнее богатство этой, нѣкогда въ конецъ раззоренной турками семьи.

Но изъ этого спокойствія бѣдный дѣдъ мой, на одиннадцатомъ году посланничества и на сорокъ девятомъ своей жизни, выведенъ былъ внезапно стрясшейся надъ нимъ нежданною бѣдою...

ГЛАВА X

ВОЕННОЕ ПРОНУНСІАМЕНТО ВЪ АѲИНАХЪ (1843). Крушеніе дипломатической карьеры Дѣдушки.

Какъ я уже говорилъ въ предъидущей главѣ, Аѳинскій Дворъ и его излюбленные совѣтчики къ началу сороковыхъ годовъ начали все менѣе и менѣе пріязненно относиться къ русскому посланнику. Весною 1843 года безпорядочное финансовое хозяйничанье Королевскаго Правительства и, — какъ послѣдствіе этой безпорядочности, — упорная задержка въ уплатѣ Державамъ Покровительницамъ процентовъ по шестидесятимилліонному займу 1834 года, вызвали со стороны Русскаго Кабинета строгую отповѣдь, выраженную въ оффиціальной, присланной изъ Петербурга нотѣ отъ 7-го марта. Гавріила Антоновича Катакази считали, — и вѣроятно не безъ основанія, — главнымъ иниціаторомъ этой отповѣди, что весьма естественно навлекло на него вящее неудовольствіе Двора и въ особенности властолюбивой и гордой Королевы Амаліи. О томъ, чтобы слѣдовать благожелательнымъ совѣтамъ и внушеніямъ Императорскаго Правительства, конечно въ Аѳинахъ и не подумали; такова впрочемъ, какъ я самъ убѣдился изъ долголѣтней дипломатической практики, участь всѣхъ «благожелательныхъ совѣтовъ» со стороны союзныхъ или покровительствующихъ Державъ. Въ сентябрѣ въ Аѳинахъ получили коллективную ноту трехъ Державъ Покровительницъ, коею послѣднія требовали, чтобы Королевское Правительство приступило наконецъ къ осуществленію административныхъ и военныхъ экономій, удалило всѣхъ лишнихъ и дорого обходившихся бюджету страны иностранныхъ (читай Баварскихъ) чиновниковъ и, — дабы положить конецъ вновь начавшимся въ странѣ за послѣдній годъ смутамъ и движеніямъ, — созвало бы представителей націи для совѣщанія съ ними о

необходимыхъ мѣрахъ и законахъ. Тѣмъ временемъ Королевское Правительство, освѣдомленное заблаговременно объ Іюльскомъ протоколѣ, уже приступило къ осуществленію нѣкоторыхъ экономій; но экономіи эти коснулись исключительно военнаго вѣдомства и состояли въ оставленіи за штатомъ значительнаго количества офицеровъ, старыхъ, заслуженныхъ, изъ коихъ многіе принимали участіе въ славной борьбѣ за свободу 1821-1828 годовъ; можно себѣ представить, какой ропотъ вызвала эта мѣра въ народѣ и арміи!

Въ концѣ концовъ упорство Королевскаго Правительства въ своихъ заблужденіяхъ и неудачныя его мѣры привели къ давно предвидѣнному опытными свидѣтелями надрыву. Въ ночь на 15-е сентября 1843 года заговоръ, давно уже назрѣвавшій среди политическихъ противниковъ Правительства, разразился военнымъ «пронунсіаменто», вожакомъ коего явился одинъ изъ высшихъ начальниковъ Аѳинскаго гарнизона, полковникъ Калерги. Съ полночи на утро столица Эллинскаго Королевства очутилась, — безъ малѣйшаго сопротивленія съ чьей бы то ни было стороны, — во власти возмутившагося гарнизона, при шумномъ сочувствіи почти всего населенія города и ликованіи двухъ главныхъ партій: англійской конституціонной и православно - народной (бывшей «Русской»). Королевская чета, ея баварскіе и иные совѣтники и Министры, собранные во Дворцѣ, очутились тамъ какъ раки на мели среди всеобщаго ликованія и громкихъ криковъ войска и толпы, требовавшихъ отставки Министровъ, удаленія иностранныхъ чиновниковъ и новаго государственнаго устройства.

По почину старшины Дипломатическаго Корпуса, посланники Державъ рѣшили предложить посредничество свое между очутившимся въ столь трудномъ и жалкомъ положеніи Дворомъ и восторжествовавшею «революціею»; когда они поѣхали съ этой цѣлью во Дворецъ, то толпа, кишившая на дворцовой площади (нынѣ площадь «Синтагмы», т. е. «Конституціи»), привѣтствовала особо громкими и радостными кликами экипажъ русскаго посланника*).

---

*) Гервинусъ: «Исторія XIX-го столѣтія».

Посредничество иностранныхъ представителей, охотно принятое Королемъ, привело къ быстрому и полному улаженію кризиса; и Король, согласившись на главныя требованія, предъявленныя вожаками пронунсіаменто, призвалъ ко власти «національное» Правительство, возглавляемое вожакомъ «русской партіи» Метакса; удалилъ всѣхъ своихъ иностранныхъ, т. е. баварскихъ совѣтниковъ и далъ торжественное обѣщаніе созвать народныхъ представителей для выработки новаго Государственнаго устава.

На первый взглядъ казалось бы, что дѣдушка долженъ былъ торжествовать, видя какъ правъ онъ былъ, предостерегая Аѳинскій Дворъ и его баварскихъ совѣтниковъ противъ ихъ увлеченія внѣшнимъ порядкомъ и лоскомъ страны и невниманія и даже презрѣнія къ старозавѣтнымъ устоямъ греческой народной жизни. Все, что онъ предсказывалъ сбылось; и въ то-же самое время эти самые устои побѣждали, по видимости, въ лицѣ новаго правительства; революціонный переворотъ совершился безъ малѣйшаго кровопролитія и даже, въ концѣ концовъ, безъ большого ущерба личному престижу Королевской четы; совершился не столько къ удовлетворенію зачинщиковъ его, сколько къ наглядному торжеству консервативно-національныхъ силъ населенія и общества, начиная съ высшаго Православнаго Духовенства, при знаменательномъ подъемѣ русскаго обаянія и при кликахъ въ честь Россіи и ея представителя, коимъ народъ приписывалъ самый починъ столь благополучно закончившагося «дѣйства».

Но все это было лишь казовою стороною только-что совершившагося переворота; и дѣду моему съ перваго-же дня представилась ясно изнанка всего происшедшаго, — изнанка повергшая его въ тревогу и за ближайшее будущее Греціи, и за себя самого, т. е. за свою служебную карьеру и личную судьбу.

Гавріилъ Антоновичъ, пользовавшійся доселѣ неизмѣннымъ благоволеніемъ своего Монарха, былъ прекрасно освѣдомленъ о характерѣ и образѣ мыслей Николая I-го, — непреклоннаго и неумолимаго противника всякихъ революціон-

ныхъ выступленій, а тѣмъ паче военныхъ «пронунсіаменто», напоминавшихъ ему не столько «Cosas de Espagna», сколько зловѣщій день 14-го Декабря 1825-го года. Съ какими бы цѣлями ни выступали подданные противъ своего Монарха, какъ бы ни казался удовлетворительнымъ, съ точки зрѣнія русскихъ политическихъ интересовъ, достигнутый этимъ выступленіемъ порядокъ вещей, — самый фактъ заговора, военнаго и народнаго мятежа претилъ Николаю безусловно и вызывалъ въ немъ приливъ гнѣвныхъ воспоминаній и глубоко вкоренившихся опасеній, — приливъ, лишавшій его зачастую и врожденной ему справедливости и безспорнаго въ иныхъ случаяхъ великодушія.

«Да покажется-ли и на менѣе пристрастный взглядъ», — размышлялъ съ тревогою дѣдушка, — «да окажется ли на дѣлѣ благотворнымъ для самой Греціи и для отношеній ея къ Россіи только что закончившееся Аѳинское «дѣйство»? Не долженъ ли созывъ народныхъ представителей въ своего рода «земскій соборъ» или Etats Généraux имѣть логическимъ послѣдствіемъ водвореніе въ Королевствѣ Эллиновъ парламентарной конституціи, т. е. того именно образа правленія, который наиболѣе претилъ всѣмъ убѣжденіямъ и чувствамъ возвышеннаго и могущественнаго олицетворителя неограниченнаго Самодержавія?

Съ присущею ему ясностью мысли Гавріилъ Антоновичъ Катакази не могъ не видѣть, что самый заговоръ и удавшееся пронусіаменто шли со стороны давнишнихъ конституціоналистовъ, сторонниковъ Англіи; что участіе въ движеніи «паликаровъ» и «клефтовъ» и радость, проявленная народною гущею, могли легко быть приписаны отмѣнно ловкимъ пріемамъ настоящихъ иниціаторовъ и вожаковъ вчерашней революціи; и что, примирившись на сегодня съ кажущимся торжествомъ національно - православной партіи, эти вожаки завтра, при дѣятельной поддержкѣ Англіи и Франціи, проведутъ свою давнюю политическую программу, т. е. превратятъ Грецію въ конституціонное государство типа Бельгіи.

Не могъ также не сознавать Гавріилъ Антоновичъ, что однимъ изъ первыхъ движеній Аѳинскаго Двора будетъ жаловать-

ся въ Петербургѣ на дѣйствія русскаго посланника и обвинять его чуть ли не въ участии въ заговорѣ. Обвиненія эти несомнѣнно совпадутъ съ навѣтами изъ Мюнхена и Вѣны, — въ особенности изъ Вѣны, — гдѣ глубоко почувствуютъ пораженіе, нанесенное въ Аѳинахъ политикѣ еще всесильнаго Австрійскаго Канцлера; и послѣдній, въ негодованіи своемъ, не преминетъ видѣть во всемъ происшедшемъ руку русскаго посланника Катакази, — этого кліента и ученика столь ненавистнаго нѣкогда Князю Меттерниху «Апокалиптическаго Іоанна», т. е. графа Каподистріи.

Положеніе Гавріила Антоновича ухудшалось несомнѣнно и тѣмъ, что вожаки пронунсіаменто, — какъ это весьма скоро выяснилось, — съ безспорною ловкостью распространяли и въ войскахъ и въ публикѣ слухъ, что Россія съ ними, что русскій посланникъ мироволитъ задуманному ими плану и лишь для отвода глазъ сторонится отъ нихъ и избѣгаетъ съ ними общенія.

Дѣдушкѣ припомнилось, какъ дня за два до «пронунсіаменто» его поразило появленіе на еженедѣльномъ вечернемъ пріемѣ въ Русской Миссіи полковника Калерги. Послѣдній, — безспорно умный и образованный человѣкъ, принадлежавшій по происхожденію къ лучшему фанаріотскому обществу и имѣвшій личныя связи съ Россіею, — былъ одно время близокъ къ дѣдушкѣ; но перешедши за послѣдніе годы въ «англійскую» партію и заразившись, — какъ тогда выражались, — конституціонными вѣяніями, онъ мало-по-малу удалился отъ общенія съ дѣдушкой и пересталъ посѣщать Миссію; да и дѣдушка избѣгалъ входить съ нимъ въ разговоры, т. е. въ неизбѣжныя и излишнія словопренія; хотя г-жа Калерги продолжала бывать у бабушки, а дочь ихъ*) была самою близкою подругою моей подраставшей матери. Появившись неожиданно въ Миссіи, полковникъ съ особою любезностью привѣтствовалъ хозяевъ дома, затѣмъ незамѣтно и мало-помалу втянулъ дѣдушку въ оживленный разговоръ на злободневныя политическія темы, причемъ откинувъ обычную рѣзкость и страстность, соглашался во многомъ со своимъ собесѣдни-

*) Впослѣдствіи Г-жа Кундуріоти.

комъ. Разговаривая такимъ образомъ дружелюбно и оживленно, они прошли нѣсколько разъ взадъ и впередъ передъ освѣщенными и раскрытыми настежь на площадь окнами Миссіи (въ Аѳинахъ сентябрь — еще жаркая лѣтняя пора) и продолжали одно время свой разговоръ на балконѣ... Дня черезъ два послѣ «революціи» дѣдушка узналъ, что появленіе на его вечерѣ Калерги было тѣсно связано съ заговоромъ: прямо противъ дома Миссіи находились артиллерійскія казармы, въ офицерскомъ корпусѣ коихъ по вечерамъ происходили собесѣдованія участвовавшихъ въ заговорѣ офицеровъ съ ихъ товарищами артиллеристами; послѣдніе въ большинствѣ преданные Россіи и понимавшіе, что починъ задуманнаго движенія принадлежитъ «англофиламъ», колебались примкнуть къ заговору возглавленному Александромъ Маврокордато и другими завѣдомыми противниками русскаго вліянія. Тогда, въ одинъ изъ вечеровъ, исчерпавъ всѣ доводы убѣжденія, полковникъ Калерги сталъ увѣрять несогласныхъ офицеровъ, что самъ русскій посланникъ съ нимъ и покровительствуетъ задуманному движенію. «Да; вотъ именно сегодня я долженъ быть у г-на Катакази и добиться его окончательнаго согласія!» Объявивъ это, полковникъ вышелъ изъ казармъ и, пересѣкши площадь, вошелъ въ ярко освѣщенное зданіе Русской Миссіи; черезъ нѣсколько минутъ, всѣ могли видѣть, какъ онъ, въ оживленной и повидимому дружественный бесѣдѣ, проходилъ — чуть ли не подъ руку съ посланникомъ — по его гостиннымъ и продолжалъ разговоръ на балконѣ... «Все рѣшено», — радостно заявилъ Калерги, вернувшись къ совѣщавшимся офицерамъ, — «я убѣдилъ Катакази въ необходимости приступить немедленно къ исполненію нашего плана и онъ обѣщалъ мнѣ оправдать передъ Русскимъ Импраторомъ наше вынужденное выступленіе.. Итакъ — съ Богомъ, на послѣ-завтра!» Колебавшіеся артиллеристы сдались на очевидность завѣреній полковника и обѣщали ему свое содѣйствіе. Картинка — типично балканская, и которая не разъ вспоминалась мнѣ за время моей службы на ближнемъ Востокѣ!

Первое за что долженъ былъ взяться мой дѣдъ, это отправить въ Петербургъ подробный отчетъ обо всемъ происшедшемъ и освѣтить Аѳинскія событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Это было его прямымъ служебнымъ долгомъ и къ тому же, — какъ онъ полагалъ, — наилучшимъ и достойнѣйшимъ средствомъ оградить себя отъ клеветническихъ обвиненій и отвратить отъ своей головы несомнѣнно надвигавшуюся тучу царскаго неудовольствія. Въ самый короткій срокъ изъ подъ привычнаго пера Гавріила Антоновича вылился рядъ основательныхъ донесеній и довѣрительныхъ писемъ, и оставалось лишь озаботиться возможно быстрымъ доставленіемъ ихъ въ столь далекую столицу Полунощной Имперіи.

Во времена моей дипломатической службы на ближнемъ Востокѣ, подобнаго рода важныя «экспедиціи» поручались обыкновенно одному изъ секретарей Миссіи, который, получивъ «курьерскую дачу», садился въ вагонъ скораго поѣзда, или на очередной почтовый пароходъ любой національности, или же въ дорожную коляску (какъ то было въ Софіи въ восьмидесятыхъ годахъ), имѣвшую довезти его до ближайшей желѣзнодорожной линіи. И такимъ образомъ «дипломатическій курьеръ», съ непокидавшею его ни днемъ, ни ночью «экспедиціею» на четвертый или пятый, — самое позднее на шестой день въѣзжалъ на Дворцовую площадь и сдавалъ привезенные имъ пакеты въ Канцелярію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ тотъ-же вечеръ экспедиція, по прочтеніи ея Министромъ, доставлялась, — иногда при краткой объяснительной запискѣ, — въ собственныя Его Величества руки. Впрочемъ содержаніе донесеній было уже, — по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, — извѣстно въ Петербургѣ изъ предшествовавшихъ шифрованныхъ телеграммъ начальника Миссіи.

Но не такъ было въ 1843-мъ году. О подводныхъ телеграфныхъ кабеляхъ не было въ то время и помину; ближайшая отъ Аѳинъ станція «электрическаго телеграфа» находилась, если не ошибаюсь, въ Тріестѣ; желѣзныя дороги только строились и начинали работать на европейскомъ западѣ; срочные почтовые пароходы различныхъ компаній еще не бороздили ежедневно водъ Леванта; а сухой путь на Тріестъ и даже на

Константинополь представлялъ собою не лишенное романтическихъ прелестей, но и небезопасное и весьма долгое путешествіе, — гдѣ въ повозкѣ, а гдѣ верхомъ, — черезъ горные хребты, ненадежные броды и становища разбойниковъ, — словомъ нѣчто вродѣ экспедиціи черезъ Монголію изъ Семипалатинска въ Пекинъ или изъ Пешавера въ Ташкенъ черезъ Афганистанъ!

Но въ распоряженіи Миссіи въ Аѳинахъ стоялъ въ Пиреѣ стаціонеръ, т. е. превосходный по морскимъ качествамъ и быстроходный парусный корветъ Императорскаго флота, который, при попутномъ вѣтрѣ, могъ пожалуй доставить дня въ три курьера въ Константинополь. Здѣсь, при удачѣ, курьеръ могъ на той же недѣлѣ сѣсть на какой нибудь отходившій въ Одессу пасажирско-грузовой «пироскафъ», въ двое сутокъ прибыть къ подножію славной Ришельевской лѣстницы и явиться къ чиновнику Министерства Иностранныхъ Дѣлъ при Новороссійскомъ Генералъ-Губернаторѣ. А тамъ ужъ фельдъегерскія тройки были къ услугамъ гонца, — и, если дороги не были черезчуръ расхлябаны ненастьемъ, и если самъ онъ не зналъ устали, то на пятый, а не то даже и на четвертый день могъ онъ подкатить къ подъѣзду Зимняго Дворца или Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. — «Итакъ, разсчитывалъ дѣдушка, — дней черезъ 15 или даже черезъ 12, драгоцѣнная экспедиція можетъ быть на мѣстѣ! При удачѣ, конечно! При неудачѣ — гораздо позже... Но не будемъ задумываться надъ тѣмъ, что не отъ нашей воли зависитъ!»

Природа какъ будто бы благопріятствовала дѣдушкѣ. Дулъ свѣжій попутный вѣтеръ, когда стаціонеръ вышелъ изъ Пирея... Однако здѣсь я предоставлю слово покойному князю Виктору Ивановичу Барятинскому, разсказавшему мнѣ весь этотъ эпизодъ въ 1889-мъ году въ Константинополѣ, куда пріѣзжалъ онъ съ семействомъ освѣжить на старости лѣтъ впечатлѣнія своей молодости и дѣтства княгини Маріи Аполлинаріевны*). Князь Викторъ Ивановичъ, въ то время молодень-

*) Рожденной Бутеневой. Объ отцѣ ея Аполлинаріи Николаевичѣ Бутеневѣ я уже говорилъ выше.

кій морской офицеръ, служившій на стаціонерѣ русской Миссіи въ Константинополѣ, бывалъ неоднократно за зиму 1842-1843 года въ Аѳинахъ. Красивый, статный, весьма неглупый, принадлежавшій къ самому высшему кругу Петербурга и получившій, какъ всѣ братья Барятинскіе, утонченное воспитаніе, — молодой мичманъ былъ конечно съ особою любезностью принятъ въ Русской Миссіи и сохранилъ о моемъ дѣдѣ и о его семьѣ наилучшія воспоминанія.

« Мы великолѣпно шли подъ всѣми парусами, разказывалъ князь Викторъ Ивановичъ, и молодежь уже строила планы войдти на другой день къ вечеру въ Дарданеллы, — какъ вдругъ съ нами случилось нежданно-негаданно несчастье: у береговъ о. Пароса какой-то «купецъ» подъ австрійскимъ (замѣтьте себѣ!) флагомъ появился изъ-за ближайшаго мыса, держа курсъ на перерѣзъ нашему; не захотѣлъ ли онъ, или же не съумѣлъ повиноваться нашему сигналу и во-время посторониться, чтобы дать намъ проходъ, — на что корветъ нашъ, шедшій подъ военнымъ флагомъ имѣлъ безспорное право, — но только австріецъ курса не измѣнилъ и налетѣлъ носомъ на нашъ носъ; получилась столь значительная аварія, что о дальнѣйшемъ плаваніи не могло быть и рѣчи и пришлось, принявъ всѣ предосторожности, кое-какъ идти назадъ въ Пирей чиниться! Когда на другое утро мой командиръ отрядилъ меня въ Аѳины увѣдомить Посланника о случившемся, то дѣдъ Вашъ былъ крайне непріятно пораженъ моимъ неожиданнымъ появленіемъ съ его экспедиціей въ рукахъ. — «Mon Dieu! qu'est-il donc arrivé?» — вскричалъ онъ. Я разсказалъ ему подробно о случившемся съ нами несчастіи. — «А когда-же вы можете починиться и снова поднять паруса?» — «Да отнюдь не раньше недѣли!». — Дѣдушка Вашъ весь покраснѣлъ и вспыхнулъ; никогда не видалъ я его, столь всегда уравновѣшеннаго, такимъ взволнованнымъ. — «Votre commandant est un maladroit, Monsieur!» — вскричалъ онъ. Я, по долгу службы и морской чести, твердо отвѣчалъ Посланнику, что мой командиръ испытанный морякъ и что никакой рѣшительно вины съ его стороны не было; но бѣдный Гавріилъ Антоновичъ ничего не хотѣлъ слышать и снова нѣсколько разъ

повторилъ: — «un maladroit, Monsieur; un maladroit!» — Мнѣ оставалось лишь сухо откланяться и выйдти изъ кабинета. Я понималъ причину волненія Посланника, отъ души сочувствовалъ его тревогамъ и отлично зналъ, что при менѣе исключительныхъ обстоятельствахъ столь щепетильно вѣжливый человѣкъ и дисциплинированный чиновникъ никогда не отозвался бы такъ при подчиненномъ объ его начальникѣ; — но тутъ я все-таки обязанъ былъ обидѣться. Впрочемъ эта размолвка между нами была мимолетная: я очень уважалъ и любилъ Вашего дѣдушку и мнѣ искренно жаль было увидѣть впослѣдствіи, какъ дорого обошлась ему наша аварія! Да, капитанъ австрійскаго «купца» возгордился бы, если бы могъ знать, какую услугу оказалъ онъ самому князю Меттерниху!»

Донесенія дѣдушки пришли, разумѣется, значительно позже первыхъ — биржевыхъ и газетныхъ — вѣстей о греческой «революціи»; позже писемъ Королевы Амаліи къ ея русско-Ольденбургскимъ родственникамъ; позже жалобъ и инсинуацій, представленныхъ графу Нессельроде Австрійскимъ Посломъ и Баварскимъ Посланникомъ. И то, что писалъ Гавріилъ Антоновичъ Катакази, могло быть можетъ нѣсколько смягчить гнѣвъ Государя, но отнюдь не измѣнить принятаго уже имъ ab irato безповоротнаго рѣшенія. Русскій Посланникъ отзывался изъ страны, запятнавшей себя мятежомъ противъ своего Монарха; и до конца своего царствованія Николай Павловичъ не назначалъ Посланника въ Аѳины, гдѣ съ 1844-го по 1856-й годъ оставался, въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, старшій секретарь Миссіи Иванъ Эммануиловичъ Персіани. Что-же касается моего дѣда, то онъ не только лишился посланническаго поста, но и отставленъ былъ вовсе отъ службы съ назначеніемъ ему впрочемъ усиленной пенсіи. Когда Нессельроде, — человѣкъ добрый и защищавшій всюду, гдѣ могъ, своихъ подчиненныхъ, — началъ просить Государя о менѣе суровой санкціи относительно дѣдушки, то Николай Павловичъ гнѣвно отвѣчалъ: «Catacazy devait se laisser tuer, mais ne pas pactiser avec la révolution!» Будь донесенія Гавріила Антоновича раньше въ его рукахъ, онъ понялъ бы, что

никто не убилъ бы русскаго Посланника даже если бы тотъ на колѣняхъ объ этомъ умолялъ; что, напротивъ того, вожаки пронунсіаменто изъ кожи лѣзли, чтобы доказать народу, что Россія съ ними! Но все это Государь узналъ, — или быть можетъ захотѣлъ узнать, — лишь позднѣе.

Тяжелыя времена настали для бѣднаго Гавріила Антоновича: трудъ всей его жизни обрывался и рушился. Какова будетъ судьба его жены и дѣтей, привыкшихъ къ довольству и почету? Какъ съумѣетъ онъ прокормить своихъ? Какъ расплатится съ долгами? Наконецъ, куда направитъ онъ самъ свои шаги и гдѣ пріютитъ семью, не имѣя въ сущности нигдѣ родного угла и пристанища?

Но вѣра въ Провидѣніе Божіе не покидала моего дѣда, и огромную нравственную поддержку нашелъ онъ въ своей женѣ, что, къ слову будь сказано, должно было удивить всѣхъ знавшихъ, — или мнившихъ знать, — характеръ Софіи Христофоровны и интимныя стороны ея супружеской жизни.

Выданная замужъ, какъ мы выше видѣли, своею матерью еле семнадцати лѣтъ отъ роду, безъ всякой настоящей сердечной склонности не только къ нареченному жениху, но и къ самому замужеству, рѣзвая, скорѣе вѣтренная, но очень неглупая, — она сразу должна была стать на степенную ногу супруги серьезнаго и уже прожившаго свою молодость человѣка. Беременность, кончина любимой матери, рожденіе первой дочери, затѣмъ двухлѣтнее пребываніе, — вѣрнѣе заключеніе, — въ стѣнахъ родного, но уже порядочно пріѣвшагося Смольнаго монастыря, при новой беременности и рожденіи второго ребенка, — сына, — наполнили первые годы ея супружеской жизни. Окончательное-же возвращеніе мужа изъ двухлѣтней отлучки ознаменовалось для молодень-

кой, жизнерадостной женщины тѣмъ же самымъ, что и краткая побывка Гавріила Антоновича въ Петербургѣ послѣ Наварина, т. е. рядомъ новыхъ дѣторожденій! И вотъ надвинулось недоброе время, когда супружеская жизнь Гавріила Антоновича и Софіи Христофоровны начала принимать грустный оборотъ отчужденія молодой жены отъ мужа, почти непріязненнаго отношенія ея къ этому доброму и преданному мужу...

Это было въ годы знаменитой первой холеры. Гавріилъ Антоновичъ, уже удрученный, какъ и многіе въ то время, впечатлѣніями столь неожиданнаго Польскаго мятежа, потрясенъ былъ затѣмъ до глубины души вѣстью объ убійствѣ своего благодѣтеля графа Каподистріи. А тутъ еще невѣдомая «холера-морбусъ», гостья изъ далекой, таинственной Индіи, сестра чумы и другихъ бичей человѣчества, надвигалась съ неизбѣжными спутницами моровыхъ повѣтрій, — мятежами черни, карантинами, висѣлицами и зловѣщими слухами... На бѣду пріѣхалъ въ это самое время изъ Кишинева въ Петербургъ братъ дѣдушки, Константинъ Антоновичъ Катакази, на котораго холера наводила форменную панику; и въ домѣ Софіи Христофоровны начали охать и ахать, окуривать комнаты какими-то вонючими снадобьями, пить разные лѣкарственные чаи и декокты, чураться какъ огня фруктовъ и грибовъ и узнавать и передавать другъ другу съ блѣднымъ ужасомъ, что скончалась госпожа такая-то, умеръ графъ такой-то, заболѣлъ смертельно, только что вернувшись изъ клуба, добрѣйшій Сергѣй Яковлевичъ; что изъ сосѣдняго дома унесли на холерное кладбище кучера, а изъ дома насупротивъ — въ холерный госпиталь — няню и прачку!

И вотъ Софья Христофоровна убѣгала изъ дому вмѣстѣ съ гостившей у нея молоденькой и веселой племянницей - институткой — Машенькой Софіано*), покупала фрукты и ягоды, отдававшіеся разносчиками почти что даромъ, и объѣдалась ими вмѣстѣ со своей спутницей, ходила и ѣздила всюду, гдѣ

*) Если не ошибаюсь появленіе холеры въ учебномъ заведеніи вызывало роспускъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

можно было увидать что-либо новое, небывалое — вплоть до похоронъ тѣхъ же холерныхъ; — а возвращаясь домой заставала все ту-же ненавистную ей обстановку боязни и начинала почти-что ненавидѣть своего добраго мужа, казавшагося ей въ это время такимъ состарившимся, такимъ малодушнымъ. А тотъ по-прежнему продолжалъ предъявлять къ ней свои супружескія права, и — одинъ за другимъ — лѣтомъ 1831-го и лѣтомъ 1832-го года, родилась у ней дочь Елена и сынъ Левъ. Они то и остались навсегда злополучными, постылыми собственной матери дѣтьми!

Правда, мужъ носилъ ее, что называется, на рукахъ; назначеніе его посланникомъ въ Аѳины придало ея жизни оживленіе и неожиданный размахъ; но супружескія требованія Гавріила Антоновича оставались тѣми-же, и за девятилѣтнее пребываніе свое въ Аѳинахъ бабушка родила еще трехъ дочерей, изъ коихъ двѣ младшія были, къ счастію для нихъ, замѣчательно красивыми и живого ума дѣвочками и стали вскорѣ, — за отсутствіемъ помѣщеннаго въ Правовѣдѣніе Коко, — предметомъ гордости и баловства ихъ молодой еще матери.

Весьма довольная своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ, нарядная, окруженная въ свѣтѣ цвѣтомъ мѣстнаго общества и дипломатическаго корпуса, она была настоящею госпожею у себя дома, если и не хозяйкою въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо чисто хозяйственныхъ расположеній у нея вовсе не было, и эту часть она охотно предоставляла своему мужу. Никакихъ сердечныхъ влеченій внѣ своего домашняго гнѣзда она никогда не имѣла, и ухаживавшіе за нею мужчины должны были довольствоваться ласковымъ пріемомъ, пріятною и оживленною бесѣдою, прогулкой вмѣстѣ верхомъ, — но всегда въ сопровожденіи знакомаго намъ уже Тимолеона, — изрѣдка лишнимъ туромъ вальса на балахъ или модной тогда польки-мазурки; — но дальше дѣло не шло. Да и Гавріилъ Антоновичъ никогда не потерпѣлъ бы малѣйшаго уклоненія своей жены въ сторону того, что нынѣ называется flirt'омъ и всѣми практикуется и поощряется, —

но что въ тѣ времена кидало на молодую женщину предосудительную тѣнь. «Жена Цезаря» должна была быть выше всякихъ подозрѣній и нареканій.

Самъ, какъ мы видѣли, отдавшій въ молодости дань «шаловливому Эроту», онъ, со вступленіемъ въ бракъ, почелъ бы всякое собственное уклоненіе отъ супружеской вѣрности уродливымъ преступленіемъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ. Здѣсь въ немъ особенно сказывалась наслѣдственная фанаріотская мораль. Но семейный очагъ и «нескверное» супружеское ложе должны были съ лихвою возмѣщать его прежнія увлеченія. Онъ былъ съ первыхъ же поръ влюбленъ въ свою молоденькую жену и любовь его съ годами не остывала, несмотря на то, что для самой Софьи Христофоровны матеріальныя послѣдствія этого возвышеннаго чувства были подчасъ крайне тяжелы и даже несносны; и, — принадлежи моя бабушка къ нынѣшнимъ циничнымъ временамъ, — она съ убѣжденіемъ предвосхитила бы словцо французскаго аристократа «стиля модернъ», который, показывая пріятелямъ свой дворецъ, воздвигнутый на деньги богатѣйшей и уродливой жены, и указывая на входъ въ роскошную опочивальню, говаривалъ: «Et voici la chapelle expiatoire!»

«Я отнюдь не была влюблена въ вашего отца, выходя замужъ, и въ сущности долгое время весьма мало его любила», — признавалась въ старости моя бабушка одной изъ своихъ дочерей. — «Но когда я увидѣла его, послѣ крушенія его карьеры, столь глубоко несчастнымъ и въ то-же время столь покорнымъ волѣ Божіей и озабоченнымъ лишь обо мнѣ и о дѣтяхъ, — я почувствовала къ нему неизмѣримую жалость и желаніе, во что бы то ни стало утѣшить, поддержать этого добраго, достойнаго человѣка; съ тѣхъ поръ я дѣйствительно его оцѣнила и полюбила!» — Осязательнымъ послѣдствіемъ этого прилива любви и нѣжности было — (cela ne pouvait pas rater!) — рожденіе восьмого, послѣдняго ребенка, — дочери. И младшая дочь эта, наряду со старшимъ сыномъ, оставалась до конца предметомъ сильной, почти страстной любви Софьи Христофоровны. Къ великому и всегдашнему

горю ея, между «сыномъ радости» и «дочерью скорби», — какъ не преминули бы назвать ихъ во времена библейскія, существовала впослѣдствіи постоянная рознь, чуть ли не непріязнь, въ коей быть можетъ сказывалась, — хотя и безсознательно, ревность ихъ къ матери.

Съ своей стороны и любовь Гавріила Антоновича къ женѣ получила иной и болѣе глубокій оттѣнокъ: его поразило то отмѣнное достоинство, съ которымъ встрѣтила и переносила Софья Христофоровна обрушившуюся на нихъ невзгоду, — достоинство по отношенію къ окружавшему обществу, — къ друзьямъ и къ врагамъ, — безразлично. Вотъ гдѣ сказалась въ ней Комненовская кровь!

Но сдѣлавъ невольно столь длинное отступленіе въ область супружеской жизни моего дѣда, вернемся къ ближайшей судьбѣ его самого и его семейства.

Освѣдомившись о постигшей его суровой монаршей санкціи, Гавріилъ Антоновичъ прежде всего обратился къ графу Нессельроде съ ходатайствомъ о помощи ему для расплаты со своими, — какъ я уже говорилъ, — немалочисленными Аѳинскими долгами. Въ то-же время написалъ онъ нѣкоторымъ изъ своихъ вліятельныхъ друзей, — въ первую голову Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу, — прося ихъ заступничества и ходатайства за него предъ Государемъ.

Относительно долговъ получился отзывъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій обычному великодушію и государственному смыслу Николая Павловича: всѣ долги Русскаго Посланника въ Аѳинахъ повелѣвалось уплатить полностью и немедленно, причемъ Гавріилу Антоновичу не было даже сдѣлано никакого непріятнаго замѣчанія. Что же касалось вопроса, можетъ ли мой дѣдъ надѣяться быть снова принятымъ на службу и получить подходящее, хотя бы и болѣе скромное мѣсто, — то друзья со-

вѣтовали ему прибыть для личныхъ объясненій въ Петербургъ, но только немного погодя, дабы дать остыть Царскому неудовольствію.

Тогда Гавріилъ Антоновичъ, выѣхавшій немедленно по представленіи Аѳинскому Двору своихъ отзывныхъ грамотъ, въ Константинополь и выписавшій туда свою семью, — рѣшилъ основаться тамъ на нѣкоторое время подъ крыломъ Русской Миссіи.

Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ уже покинулъ въ это время Царьградъ, назначенный лѣтомъ 1843 года Посланникомъ при Святѣйшемъ Престолѣ. Но на его мѣсто назначенъ былъ другой товарищъ и пріятель моего дѣда почтеннѣйшій Владиміръ Петровичъ Титовъ, женатый также на графинѣ Хрептовичъ (Еленѣ Иринеевнѣ), родной сестрѣ Маріи Иринеевны Бутеневой*).

Супруги Титовы оказали самый радушный пріемъ бѣдному дѣдушкѣ и его семейству; и моя мать всегда съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминала о времени, проведенномъ ею подъ покровительствомъ этихъ добрыхъ друзей въ Буюкдере, гдѣ Катакази нашли помѣстительный и недорогой домъ почти рядомъ съ Миссіею.

Все это было конечно очень утѣшительно; однако, поселившись съ семьею въ тишинѣ столь пустыннаго зимою Буюкдере, Гавріилъ Антоновичъ не могъ не чувствовать всей тяжести своего новаго положенія: отсутствія дѣла, къ которому онъ привыкъ за всю свою жизнь, и надвигающагося полнаго безденежья, которое не могло не страшить его... А между тѣмъ

---

*) Владиміръ Петровичъ Титовъ, «арзамасецъ», младшій товарищъ и пріятель Блудова, Бутенева, Дашкова, Тютчева, Посланникъ въ Константинополѣ, затѣмъ Посланникъ при родственномъ Виртембергскомъ Дворѣ, наконецъ Членъ Государственнаго Совѣта, — былъ облеченъ одно время высокодовѣренными обязанностями Попечителя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Владиміръ Петровичъ и Елена Иринеевна Титовы дожили до глубокой старости; я бывалъ еще ласково принятъ ими въ Ялтѣ въ 1888 году. Владиміръ Петровичъ Титовъ, родившійся въ 1806 году, скончался въ 1891-мъ году.

ему необходимо было ѣхать въ Петербургъ и пожить тамъ неопредѣленное время, — что представляло уже ощутительный расходъ; да кромѣ того, пускаясь въ путь, нужно было оставить на расходъ семьи по крайней мѣрѣ на полъ года. Какъ тутъ быть? Удрученный этими заботами, отправился онъ подъ Рождество Христово къ службѣ въ столь знакомую ему Патріархію; горячо молился онъ тамъ, прося о заступничествѣ и помощи свыше и не зная, что сердцевѣдецъ Господь «и прежде прошенія подаяяй» внушилъ уже друзьямъ Гаріила Антоновича благую мысль поддержать этого достойнаго человѣка. Когда, по окончаніи службы, Гавріилъ Антоновичъ вышелъ изъ Храма и направился въ Патріаршіе покои дабы поздравить Его Святѣйшество съ великимъ праздникомъ. Патріархъ принялъ его отдѣльно, благословилъ его и вручилъ ему превосходныя янтарныя четки, пролежавшія цѣлую ночь на Гробѣ Господнемъ — а вмѣстѣ съ четками пять тысячъ рублей золотомъ, добавляя, что сумма эта есть лишь слабое и недостойное вознагражденіе за всѣ великія услуги, оказанныя Гавріиломъ Катакази Вселенской Церкви.

Можно представить себѣ, съ какою умиленною благодарностью принялъ дѣдушка столь неожиданную и щедрую помощь! Насущный хлѣбъ былъ ему дарованъ свыше; конечно и въ будущемъ не оставитъ его Божія милость. Обезпечивъ семью на время своего отсутствія, Гавріилъ Антоновичъ раннею всеною сѣлъ на пироскафъ и, погостивши нѣсколько времени у своего старшаго брата въ Одессѣ и поклонившись затѣмъ могиламъ родителей въ Кіевѣ, направился въ Петербургъ.

ГЛАВА XI

НАЗНАЧЕНІЕ ВЪ СЕНАТЪ. Виѳлеемскіе ключи (1853). Кратковременное Попечительство въ Харьковѣ (1857—58). — **ПОСЛѢДНІЕ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ ДѢДУШКИ КАТАКАЗИ.**

Графъ Нессельроде принялъ своего бывшаго подчиненнаго ласково; но дѣдушка сразу почувствовалъ, что графъ самолично копій за него ломать не будетъ, а развѣ что благожелательно отнесется къ стараніямъ другихъ. Въ глубинѣ души вице-канцлеръ нѣсколько опасался дипломатовъ съ предвзятыми идеями и съ опредѣленнымъ воззрѣніемъ на вопросы нашей внѣшней политики, — а таковымъ несомнѣнно былъ Гавріилъ Антоновичъ въ вопросахъ ближне-восточныхъ.

Напротивъ того, бывшій начальникъ дѣдушки въ Константинополѣ, графъ Григорій Александровичъ Строгановъ,

Димитрій Андреевичъ Блудовъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ и въ самомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ — Сенявинъ, весьма сочувствовавшій всей дѣятельности Гавріила Антоновича въ Греціи, соединили свои усилія, чтобы добиться возвращенія его на службу. Но особенно существенную поддержку оказалъ ему Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ. Ежедневно видая Государя и превосходно зная всѣ оттѣнки Царскаго характера и расположенія, Владиміръ Өедоровичъ выбралъ подходящую минуту, чтобы доложить Государю о Катакази все, что было нужно и умѣстно. Николай Павловичъ выслушалъ своего приближеннаго милостиво и, подумавъ немного, отвѣтилъ: «Можешь успокоить Катакази; скажи ему, что, когда придетъ время я объ немъ подумаю; но время еще не пришло».

Такимъ образомъ дѣло было, что называется, на мази, и Гавріилъ Антоновичъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Петербургѣ, — пребыванія гораздо болѣе пріятнаго чѣмъ онъ ожидалъ, — вернулся къ семьѣ въ Буюкдере съ надеждой на скорую перемѣну своей участи. Перемѣна эта однако наступила лишь годъ спустя.

Въ виду ожидавшагося такимъ образомъ возвращенія на службу, Гавріилъ Антоновичъ, посовѣтовавшись съ женою и съ Титовыми, рѣшилъ переѣхать съ семьею въ Одессу, откуда было ближе къ Петербургу и гдѣ жизнь въ тѣ времена, при существованіи еще porto franco, была необыкновенно дешева. А кромѣ того въ Одессѣ находился, подъ наблюденіемъ дядюшки Константина Антоновича, знаменитый Коко, старшій сынъ четы Катакази, который на второй же годъ своего пребыванія въ Правовѣдѣніи, былъ «съ трескомъ вышибленъ» оттуда за предводительство грандіозною классною шалостью и за «продерзость» вообще; но отнюдь симъ пассажемъ не подавленный, приготовился, при своихъ блестящихъ способностяхъ, въ одинъ годъ къ поступленію въ Одесскій Ришельевскій Лицей и, въ описываемое мною время, носилъ уже студенческій мундиръ этого заведенія. — Для Софьи Христофоровны найдти въ Одессѣ и снова пріютить подъ своимъ крыломъ своего любимца было разумѣется большимъ утѣшеніемъ.

Судя по тому, что я мимоходомъ слышалъ отъ моей матери и тетокъ о пребываніи ихъ семьи въ Одессѣ, — жили онѣ тамъ около двухъ лѣтъ въ обстановкѣ вполнѣ приличной и удобной. Вѣроятно дѣдушку снова поддержали кое-кто изъ богатыхъ Петербургскихъ и Одесскихъ грековъ; да помогала и необычайная дешевизна жизни.

Одесса была въ то время, въ общественномъ отношеніи, городомъ весьма пріятнымъ. Кромѣ богатой и тароватой греческой колоніи и нѣсколькихъ образованныхъ и весьма достаточныхъ итальянскихъ и французскихъ семей, осѣвшихъ тамъ еще въ Ришельевскія времена, въ Одессу при графѣ Воронцовѣ*), понаѣхало не мало служащихъ изъ высшаго круга столицы, а также довольно много представителей лучшаго польскаго общества, коихъ привлекали туда не столько химерическіе разсчеты на «одбудованіе ойчизны отъ можа до можа», сколько пріятность свѣтской обстановки, привѣтливое аристократичекое гостепріимство графа Александра Семеновича и сердечное покровительство его супруги, рожденой Браницкой.

Въ 1845 году дѣдъ мой снова поѣхалъ въ Петербургъ; въ скорости назначенъ былъ членомъ совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и ему обѣщано было впослѣдствіи мѣсто болѣе дѣятельное и лучше оплоченное. Однако назначеніе его на вскорѣ представившійся постъ Посланника при одномъ изъ Германскихъ дворовъ не встрѣтило одобренія Государя Императора; вмѣсто этого, въ 1847-мъ году, тайному совѣтнику Гавріилу Антоновичу Катакази Высочайше повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Приблизительно въ это время дѣдушка выписалъ семью свою въ Петербургъ, гдѣ и провелъ послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни, усердно и совѣстливо засѣдая въ различныхъ департаментахъ и присутствіяхъ Сената и восполняя скудость своихъ денежныхъ средствъ Высочайшими подарками вмѣсто очередныхъ

*) Впослѣдствіи Кавказскомъ Намѣстникѣ и Князѣ.

наградъ, арендами, а впослѣдствіи особой — сверхъ сенаторскаго содержанія — пенсіей.

Такимъ образомъ съ 1847-го года служебная дѣятельность моего дѣда не должна была уже представлять особаго интереса ни для него самого, ни для исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній. Однако ему пришлось еще разъ сыграть, — хотя и за кулисами, — извѣстную роль въ готовившихся на Востокѣ и чреватыхъ послѣдствіями событіяхъ. Это было передъ Крымской войною.

Причисленіе къ вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ не было для моего дѣда лишь лестнымъ, но платоническимъ признаніемъ заслугъ его на дипломатическомъ поприщѣ. Съ нимъ, по старой памяти, довольно часто совѣтовались по дѣламъ греческимъ и турецкимъ, и Канцлеръ просилъ его по временамъ представить записку по тому или другому вопросу. Когда началась исторія «Виѳлеемскихъ ключей», приведшая, увы, отъ связанныхъ съ Виѳлеемомъ святыхъ воспоминаній о «мирѣ на земли, въ человѣцѣхъ благоволенія» къ обильному кровопролитію, — Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ, чтобы ему объяснили наконецъ, какое высшее политическое значеніе имѣла распря изъ-за ключей святилища между мѣстнымъ Православнымъ духовенствомъ и католическими монахами. Графъ Нессельроде обратился за этимъ къ Гавріилу Антоновичу Катакази, и изъ подъ пера послѣдняго вылилась обширная и интересная записка.

Въ запискѣ этой Гавріилъ Антоновичъ объяснилъ, что самый вопросъ о ключахъ имѣетъ конечно лишь мѣстное и скорѣе символическое значеніе; но что въ сущности дѣло идетъ о вопросѣ несравненно большей важности. «Со временъ Людовика XIV-го, за Франціей признано было рядомъ договоровъ, султанскихъ фирмановъ и хаттъ право оффиціальна-

го покровительства всѣмъ католическимъ учрежденіямъ въ Турецкой Имперіи, а слѣдовательно, на дѣлѣ, и всѣмъ католическимъ подданнымъ Падишаха. — Россія постепенно, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, стремилась къ огражденію религіозныхъ и гражданскихъ правъ своихъ единовѣрцевъ въ Турціи; но наше имъ покровительство основано было почти исключительно на обаяніи Русскаго имени, на обычаѣ и на постоянныхъ предстательствахъ нашихъ передъ Портою и мѣстными властями; съ формальной же точки зрѣнія, мы основывались лишь на крайне распространительномъ толкованіи одной изъ статей Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. — Съ этимъ однако можно было бы мириться, если бы въ Турціи мы имѣли дѣло съ одними турками; но къ сожалѣнію мы постоянно сталкиваемся тамъ съ посторонними, зачастую коренньмъ образомъ враждебными намъ вліяніями. Такъ въ дѣлѣ о Виѳлеемскихъ ключахъ, — писалъ Гавріилъ Антоновичъ Катакази, — мы состязуемся не столько съ самою Портою, сколько съ заносчивыми притязаніями французской дипломатіи; и при этомъ намъ приходится ограждать права нашихъ единовѣрцевъ исключительно средствами политическаго давленія на Порту, между тѣмъ какъ Французское Посольство въ Константинополѣ обладаетъ юридическими основаніями для выступленія своего въ защиту захватовъ католическаго духовенства въ Виѳлеемскомъ храмѣ. — Примѣръ этотъ показываетъ, заключалъ Гавріилъ Антоновичъ, что намъ слѣдуетъ послѣдовательно и неуклонно стремиться къ установленію ясныхъ и формальныхъ правъ Россіи на защиту Православной Вѣры и Православныхъ учрежденій въ Турецкой Имперіи, — правъ равносильныхъ тѣмъ, коими пользуется Франція относительно Римско-Католической Вѣры и римско-католическихъ учрежденій».

Записка эта, имѣвшая, по мысли автора, скорѣе общее и принципіальное, нежели непосредственно практическое значеніе, чрезвычайно понравилась Николаю Павловичу. Въ ея заключеніяхъ усмотрѣлъ онъ путь, коимъ должно слѣдовать, дабы закрѣпить дружеское вліяніе наше на Турцію, — вліяніе, противъ котораго, въ особенности со времени Балта-Ли-

манскаго договора 1849 года, съ удвоеннымъ стараніемъ началъ работать нашъ давнишній антагонистъ въ Константинополѣ сэръ Стратфордъ-Каннингъ, поддержанный, съ 1851 года, еще сильнѣе прежняго своимъ французскимъ коллегою. — Закрѣпить формальными договорами съ Портою то, что уже было установлено обычаемъ, и сравняться въ правахъ съ другою великою державою, — вотъ въ чемъ заключались, значить, всѣ притязанія Россіи, которыя слѣдовательно, — думалъ Государь, — не могли показаться нигдѣ, — кромѣ развѣ въ Парижѣ, — чрезмѣрными и необыкновенными. Разсуждая, такимъ образомъ, Николай Павловичъ сообщилъ записку Катакази своему шурину — Королю Вильгельму IV-му Прусскому, какъ мѣрило того, чего онъ желалъ бы добиться въ Константинополѣ. Изъ Берлина записка, — по простодушію Короля или по коварству его совѣтниковъ, — сообщена была Вѣнскому Двору, между тѣмъ какъ самъ Николай I изложилъ основанія этой программы въ своемъ извѣстномъ разговорѣ съ Англійскимъ посломъ, лордомъ Сеймуромъ, добавивъ, — ибо въ эту минуту онъ гнѣвался на турокъ, — знаменитую фразу о «больномъ человѣкѣ». Но что было еще опаснѣе, — это что въ число пунктовъ, принятія коихъ Портою долженъ былъ добиться «чрезвычайный» (въ полномъ смыслѣ этого слова) посолъ Николая, князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, вставлено было и требованіе признать за Русскимъ правительствомъ право покровительства Православнымъ учрежденіямъ на Турецкомъ Востокѣ.

Легко представить себѣ, какой переполохъ произвело въ большинствѣ Европейскихъ столицъ это новое притязаніе и безъ того уже черезчуръ могущественнаго и, прибавимъ, весьма нелюбимаго на западѣ Русскаго Самодержца. Католики представляли въ Турціи, — за исключеніемъ одной только Сиріи и сѣверной Албаніи, — незначительное меньшинство, между тѣмъ какъ православное населеніе еле уступало въ численности правовѣрнымъ подданнымъ Султана; итакъ, если Россіи удастся добиться договорнаго права на покровительство «Православнымъ учрежденіямъ», — читай всѣмъ своимъ единовѣрцамъ, — то она заберетъ Турцію фактически въ свои

руки! Особенно живо почувствовали эту опасность, — быть можетъ весьма преувеличенную, — въ Вѣнѣ и Лондонѣ; и такимъ образомъ составилась крѣпкая дипломатическая коалиція кабинетовъ Французскаго, Австрійскаго и Великобританскаго, — коалиція, внушившая Портѣ мужество отвѣчать отказомъ на высокомѣрныя требованія князя Меньшикова. Конечнымъ результатомъ явилась война 1853-1855 годовъ, въ коей, какъ извѣстно, Франція и Англія приняли съ 1854 года непосредственное участіе, между тѣмъ какъ Вѣнскій кабинетъ производилъ на Россію сильное дипломатическое давленіе, поддержанное Австрійскими вооруженіями и занятіемъ Валахіи. Такимъ образомъ записка моего дѣда явилась одною изъ косвенныхъ причинъ того Европейскаго столкновенія, которое ему самому казалось нежелательнымъ и опаснымъ.

Но пока событія еще не приняли столь неблагопріятнаго оборота, на Гавріилѣ Антоновичѣ не замедлило отразиться сіяніе Высочайшаго одобренія изложенныхъ въ его запискѣ взглядовъ и программы. Канцлеръ сталъ чаще прибѣгать къ его сотрудничеству въ злободневномъ вопросѣ русско - турецкихъ отношеній, и когда Сенявинъ назначенъ былъ въ Государственый Совѣтъ, то въ освѣдомленныхъ кругахъ начали поговаривать о предстоящемъ назначеніи сенатора Катакази на постъ Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ. — Великая Княгиня Елена Павловна, столь вліятельная при Александрѣ II, но салонъ коей уже при Николаѣ I гостепріимно открывался передъ людьми интересными и въ особенности передъ тѣми, кто былъ въ силѣ или готовился войдти въ силу, — стала приглашать дѣдушку на свои вечера и обѣды*). Словомъ Гавріилъ Антоновичъ начиналъ входить въ моду...

Разразившаяся война и военныя неудачи наши положили конецъ этому временному повышенію акцій моего дѣда на биржѣ служебныхъ цѣнностей; а съ кончиною Николая Пав-

*) Какъ отголосокъ этого временнаго фавора я нашелъ въ бумагахъ дѣда довольно пространное письмо все на ту же тему турецкихъ дѣлъ, написанное ему зятемъ Великой Княгини Принцемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ на другой день послѣ разговора съ дѣдомъ въ Михайловскомъ доврцѣ.

ловича и въ особенности съ замѣною стараго графа Нессельроде княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ, дѣдушка и самъ скоро понялъ, что новому руководителю перестраивавшейся на новыхъ началахъ русской внѣшней политики не нужны дѣятели временъ Наварина и Адріанопольскаго мира. Гавріилъ Антоновичъ, какъ дипломатъ, сданъ былъ окончательно въ архивъ. Великая Княгиня Елена Павловна интересовалась уже совсѣмъ другими государственными задачами, окружала себя новыми людьми — Милютиными, Самариными, Абаза, Черкасскими, Рейтернами, — и салонъ ея становился какъ бы отправнымъ пунктомъ важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ Алексндровскаго времени. Въ это приблизительно время Гавріилу Антоновичу пожалована была, сверхъ сенаторскаго содержанія, пенсія (о которой я уже упомянулъ выше) за сорокъ лѣтъ его работы въ вѣдомствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и такимъ образомъ весьма милостиво, но окончательно ликвидировано было его положеніе въ этомъ вѣдомствѣ.

Конечно дѣдъ мой тѣмъ не менѣе и до конца дней своихъ продолжалъ интересоваться вопросами иностранной политики: кто разъ былъ заправскимъ дипломатомъ, тотъ уже не властенъ влить себя и свое мышленіе въ другую форму, — а тѣмъ паче подъ старость! Къ тому же у Гавріила Антоновича оставались кое какія старыя связи въ нашемъ дипломатическомъ мірѣ, а къ нимъ прибавилась и новая — и весьма крѣпкая: старшій сынъ его Константинъ Гавриловичъ, прошедши за границею нѣсколько секретарскихъ постовъ, успѣлъ въ Петербургѣ снискать себѣ особое расположеніе князя Горчакова и, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, бывъ назначенъ младшимъ Совѣтникомъ Министерства, т. е. однимъ изъ главныхъ редакторовъ вѣдомства, занялъ мѣсто въ кругу наиболѣе при-

близженныхъ къ Канцлеру лицъ*). И вотъ, когда въ Министерствѣ приходилось имѣть дѣло съ какимъ либо вопросомъ, касавшимся греческихъ дѣлъ или восточно - церковныхъ, и требовавшимъ знанія прошлаго, Горчаковъ поручалъ изученіе этого вопроса Константину Гавриловичу, зная, что тотъ имѣетъ за собою весь архивъ опыта и воспоминаній своего отца, но не желая обращаться непосредственно къ Гавріилу Антоновичу, съ коимъ у него были какіе-то старые счеты.

Былъ у моего дѣда еще одинъ близкій человѣкъ изъ числа приближенныхъ къ канцлеру лицъ, а именно баронъ Александръ Генриховичъ Жомини, старшій совѣтникъ Министерства, коего супруга (рожденая Юшкова) была большою пріятельницею бабушки Софьи Христофоровны, а пріемная дочь Луиза Александровна (впослѣдствіи г-жа Ону) закадычною подругою младшихъ дочерей дѣдушки. Черезъ Константина Гавриловича и черезъ барона Жомини Гавріилъ Антоновичъ входилъ въ соприкосновеніе кое съ кѣмъ и изъ иностранныхъ представителей при С.-Петербургскомъ Дворѣ, въ числѣ коихъ иногда попадались старинные коллеги временъ дипломатической службы дѣда; такимъ былъ, напримѣръ, извѣстный своимъ богатствомъ и широкимъ гостепріимствомъ Халиль Бей (впослѣдствіи Халиль Паша, изъ Египетскихъ принцовъ) бывшій довольно долго Турецкимъ Посломъ въ Петербургѣ. Я не говорю уже о Греческихъ представителяхъ, постоянно бывавшихъ въ домѣ моего дѣда.

Какъ я неоднократно слышалъ отъ моихъ родителей, а впослѣдствіи отъ младшей сестры моей матери, симпатіи дѣдушки къ Греціи и къ греческимъ вожделѣніямъ охлаждались по мѣрѣ того какъ все больше измѣнялся характеръ греческаго общества и росло въ средѣ его вліяніе западно-европейскаго духа. Переворотъ 1864 г., свергшій съ престола пожилыхъ уже и попрежнему бездѣтныхъ Короля Оттона и Королеву Амалію, —

*) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ былъ сдѣланъ Вице-Канцлеромъ въ 1862 году; а уже въ слѣдующемъ, — за блестящее выступленіе свое во время польскаго возстанія противъ попытокъ Англіи и Франціи вмѣшаться въ это дѣло внутренняго распорядка Россіи, — облеченъ былъ въ званіе Государственнаго Канцлера.

отнюдь не обрадовалъ стараго филэллина и умѣреннаго консерватора Николаевскихъ временъ. Но становясь все болѣе равнодушнымъ къ дѣламъ Эллинскаго Королевства, тѣмъ преданнѣе становился онъ интересамъ восточнаго Православія. Когда близкіе ему люди спрашивали его, въ чемъ видѣлъ бы онъ наилучшее и справедливѣйшее рѣшеніе вопроса о Царьградѣ и о Проливахъ, то дѣдушка неизмѣнно отвѣчалъ изложеніемъ своей собственной программы: образованіе въ Константинополѣ и по обѣ стороны Проливовъ «Православной Области» подъ главенствомъ Вселенскаго Патріарха, на подобіе и въ противовѣсъ Церковной Области Римскихъ Папъ. Состоя подъ покровительствомъ и гарантіею Россіи, подобная область служила бы дѣлу объединенія православныхъ народностей Востока, — грековъ, славянъ и румынъ, — коихъ противорѣчащіе интересы примирялись бы высшимъ Церковнымъ авторитетомъ Патріарха, при благосклонномъ содѣйствіи русской Церкви и русской политики.

Отношенія дѣдушки къ современнымъ его старости европейскимъ событіямъ (1858-1867) извѣстны мнѣ лишь въ отрывочныхъ чертахъ. Онъ весьма недолюбливалъ Наполеона III-го и продолжалъ опасаться англійскихъ интригъ на Востокѣ. Ближайшимъ образомъ знаю я, какъ смотрѣлъ Гавріилъ Антоновичъ на итальянскія событія 1859-1861 года, закончившіяся объединеніемъ Италіи.

Моя мать, проникнутая до извѣстной степени европейскимъ духомъ сороковыхъ годовъ, увлекалась итальянскимъ народнымъ движеніемъ, какъ увлекалось имъ въ 1860 году большинство русскаго мыслящаго общества. Припомнимъ хоть финалъ «Миссъ Мэри» Аполлона Майкова:

«Народный вождь вступаетъ въ городъ;
Все ближе онъ, все громче крикъ...
И вотъ онъ самъ средь этихъ кликовъ,
Отъ счастья нѣмъ... О, чудный мигъ!» и т. д.

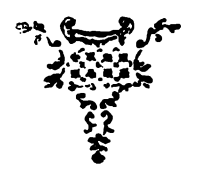
Подъ вліяніемъ этого подъема чувствъ и восхищенія Кавуромъ, Гарибальди и пр., мама написала какъ-то своему отцу письмо полное энтузіазма по поводу торжества итальянскаго дѣла. Дѣдушка отвѣтилъ ей на нѣсколькихъ страницахъ,

обличавшихъ коренное разногласіе его съ мнѣніями любимой дочери.

Въ письмѣ этомъ, которое дала мнѣ впослѣдствіи прочесть моя мать, Гавріилъ Антоновичъ указывалъ на то, что новорожденная Италія, одержимая тѣмъ крайнимъ честолюбіемъ и маніей величія, которые такъ свойственны всѣмъ внезапно освобожденнымъ народностямъ, — пожелаетъ несомнѣнно играть роль на Востокѣ и, по слѣдамъ былой Венеціи, установить чуть ли не господство свое надъ Адріатикой, Архипелагомъ и Анатолійскимъ побережьемъ. И предполагая не безъ основанія, что на этомъ пути итальянскія вожделѣнія встрѣтятъ противодѣйствіе «абсолютической» Россіи. — новая Италія не преминетъ стать въ ряды самыхъ страстныхъ противниковъ этой Россіи. — Пророчество, оправданное долгими годами итальянской политики...

Въ послѣдующей главѣ я влагаю въ уста дѣдушки, какъ изложенныя въ моемъ присутствіи, мнѣнія его о политикѣ нашей по отношенію къ назрѣвавшему съ 1864 года конфликту между Австріей и Пруссіей. Я въ тѣ годы конечно не могъ понимать подобныхъ политическихъ разсужденій, а ознакомился съ ними лишь впослѣдствіи изъ разсказовъ моихъ родителей.

На этомъ приходится мнѣ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ закончить обрисовку политической дѣятельноти и политическихъ мнѣній моего дѣда.

Въ началѣ царствованія Александра II-го дѣдъ мой соблазненъ былъ на кратковременную перемѣну службы и мѣстопребыванія. Одинъ изъ его пріятелей, Абрамъ Петровичъ Норовъ, потерявшій нѣкогда ногу при Бородинѣ, съ тѣхъ поръ много путешествовавшій и между прочмъ на Востокѣ, и

издавшій извѣстное описаніе своего путешествія по Святой Землѣ, — былъ, довольно неожиданно, назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и началъ, какъ водится, обновлять высшій составъ порученнаго ему вѣдомства. Норовъ зачастилъ къ дѣдушкѣ по вечерамъ и сталъ настойчиво предлагать ему любое изъ провинціальныхъ попечительствъ. Въ концѣ концовъ дѣдушка согласился, несмотря на крайнее нерасположеніе своихъ домашнихъ къ подобной крутой перемѣнѣ наладившейся жизни и привычной обстановки, — и былъ назначенъ Попечителемъ Учебнаго Округа въ Харьковъ. Конечно существовали довольно вѣскіе доводы, ратовавшіе за принятіе Норовскаго предложенія: содержаніе Попечителя было нѣсколько выше сенаторскаго, а, главное, въ его распоряженіи была прекрасная казенная квартира; жизнь въ провинціи была гораздо дешевле столичной. Но, съ другой стороны, Гавріилъ Антоновичъ, окунувшись въ эти, столь новыя для него обстановку жизни и дѣятельность, скоро почувствовалъ себя весьма мало къ нимъ приспособленнымъ, что претило его совѣстливому отношенію ко всякой принятой имъ на себя обязанности. А когда, по застарѣлой дипломатической привычкѣ, онъ началъ широко принимать и кормить гастрономическими обѣдами профессоровъ, учителей, а наконецъ и бывавшихъ въ его домѣ студентовъ, — не говоря уже о «властяхъ предержащихъ» духовныхъ и свѣтскихъ, — то оказалось, что жизнь въ Харьковѣ обходится гораздо дороже жизни въ Петербургѣ и что средствъ на нее не хватаетъ. Да къ тому же и пріятель Норовъ, человѣкъ безспорно гуманный и довольно образованный, но лишенный государственнаго смысла и опытности, оказался совсѣмъ не тѣмъ Министромъ, какимъ представилъ себѣ его дѣдушка.

Гавріилъ Антоновичъ, понявъ все это, воспользовался первымъ же своимъ разногласіемъ съ центральнымъ вѣдомствомъ, чтобы попроситься обратно въ Сенатъ. Разногласіе это было чисто теоретическаго свойства и касалось университетской дисциплины и отношеній между прфессорами и студентами. Норовъ, подлаживавшійся къ новому либеральному духу, вѣяніе коего повсюду тогда чувствовалось, — но въ особенности въ

высшихъ сферахъ, — стоялъ за полную ломку прежнихъ дисциплинарныхъ отношеній и за полную идейную свободу преподаванія; дѣдушка же, оставаясь вѣрнымъ своимъ всегдашнимъ гуманнымъ, но строго консервативнымъ убѣжденіямъ, совсѣмъ не могъ понять всеобщей ломки старыхъ устоевъ дисциплины; а въ высшемъ равно какъ и въ среднемъ преподаваніи, — не говоря уже о народныхъ школахъ, онъ желалъ бы видѣть, напротивъ того, вліяніе церковно-православнаго духа и учительства. При такомъ разногласіи мнѣній съ Министерствомъ, онъ конечно не могъ оставаться на своемъ посту и радъ былъ вернуться къ своимъ степеннымъ и почетнымъ сенаторскимъ обязанностямъ, къ своимъ Петербургскимъ друзьямъ и привычкамъ.

Одно только продолжало, по возвращеніи въ Петербургъ, угнетать и тревожить моего дѣда, — это постоянное неравновѣсіе его бюджета. Жизнь въ столицѣ вздорожала замѣтно со временъ Крымской кампаніи; перекочевка съ семьею въ Харьковъ и обратно и двухлѣтнее тамъ пребываніе отнюдь не поправили его денежныхъ обстоятельствъ, и бѣдному дѣдушкѣ приходилось чаще чѣмъ когда либо прибѣгать къ новымъ займамъ для уплаты старыхъ долговъ и посылать преданную мадамъ Фогель въ Ссудную Казну закладывать одну за другою уже и безъ того немногочисленныя драгоцѣнныя вещи, оставшіяся у Софіи Христофоровны отъ матери и отъ счастливыхъ Аѳинскихъ временъ.

«Вотъ если бы мнѣ вдругъ съ неба свалилось большое богатство»,—говаривалъ дѣдушка своимъ близкимъ,—«знаете-ли, какое я доставилъ бы себѣ разъ въ жизни удовольствіе? — Я отправился бы наканунѣ Рождественскаго Сочельника въ Ссудную Казну, сталъ бы на верху лѣстницы и, — останавливая всѣхъ бѣдныхъ чиновниковъ и чиновницъ и другихъ неимущихъ отцовъ и матерей, несущихъ закладывать свои незначительныя, но дорогія по воспоминаніямъ драгоцѣнности, чтобы имѣть съ чѣмъ встрѣтить Праздникъ, — выдавалъ бы каждому столько, сколько онъ желалъ бы получить за принесенную

имъ вещь, а вещь эту ему возвращалъ бы. Сколько было бы радости у нихъ дома!..»

Милому дѣдушкѣ конечно никогда не пришлось осуществить своей мечты; но самъ онъ, — и притомъ совершенно неожиданно, — избавленъ былъ на послѣдокъ своихъ дней отъ отправки семейныхъ вещей въ ломбардъ и отъ столь унизительныхъ въ его года займовъ и постоянныхъ ходатайствъ о пособіи.

Въ 1863-мъ году Гавріилъ Антоновичъ, — вѣроятно по почину своего вліятельнаго друга, — стараго графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, — взысканъ былъ особою, въ тѣ годы впрочемъ довольно часто оказываемою, монаршею милостью мягкосердаго Александра II-го.

«Надо бы сдѣлать что нибудь существенное для бѣднаго Катакази!», сказалъ однажды Государь Министру Юстиціи Дмитрію Николаевичу Замятнину, когда тотъ подносилъ Его Величеству свой ежегодный докладъ объ очередныхъ господамъ сенаторамъ наградахъ, среди каковыхъ наградъ значился не помню какой денежный подарокъ Гавріилу Антоновичу. Замятнинъ, весьма уважавшій моего дѣда и къ тому же состоявшій съ нимъ въ свойствѣ (будучи женатъ на старшей сестрѣ моего отца), поспѣшилъ выразить живѣйшее сочувствіе свое столь милостивому пожеланію Государя; и результатомъ явилось пожалованіе Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Катакази пяти тысячъ десятинъ земли въ Самарской губерніи.

Казалось бы, столь щедрая Царская милость должна была навсегда обезпечить благосостояніе дѣдушки и его семьи. Но вышло не совсѣмъ такъ. Во первыхъ цѣнность и доходность жалуемыхъ земель зависѣли всецѣло отъ добраго расположенія Министерства Государственныхъ Имуществъ; но тамъ у дѣдушки не было, что называется, руки; и землю ему отмежевали въ Николаевскомъ, т. е. самомъ восточномъ, отдаленномъ отъ Волги и засушливомъ уѣздѣ губерніи; а главное самъ Гавріилъ Антоновичъ, никогда не владѣвшій никакимъ имѣні-

емъ, ничего конечно не понималъ въ устройствѣ и хозяйственномъ оборудованіи своей «латифундіи». Впрочемъ на первыхъ порахъ онъ распорядился ею вполнѣ благоразумно, а именно съѣздилъ въ Самару и на мѣсто и, поживъ тамъ нѣсколько недѣль, сдалъ всю землю въ аренду какому то богатому старому татарину, владѣльцу большихъ табуновъ и овечьихъ стадъ, который нанялъ эту цѣлину на долгій срокъ для пастьбы своихъ коней, барановъ и верблюдовъ.

Дѣдушка взялъ съ собою въ это путешествіе, предпринятое въ маѣ мѣсяцѣ, свою пятую дочь, двадцатилѣтнюю Анну Гавриловну, — «тетю Нину», — прелестную дѣвушку, немножко восторженную, какъ то и полагалось по тогдашнимъ временамъ, немножко слабогрудую и чрезвычайно остроумную и забавную. Ей присовѣтывали пить кумысъ, и она прожила съ дѣдушкой четыре недѣли въ степи у того самаго татарина-кумысника, который желалъ арендовать пожалованную землю. Тетя, пріѣхавши къ намъ въ Москву, разсказывала про прелесть степной жизни и какъ она сошлась съ двумя младшими женами и старшею дочерью стараго сѣдобородаго хозяина, — настоящаго библейскаго патріарха по наружности и образу жизни, — какъ читала она этимъ молодымъ татаркамъ евангеліе и онѣ такъ внимательно слушали, впиваясь въ нее своими прекрасными черными глазами... «А папа?» — прерывала ее моя мать — «что дѣлалъ папа за эти четыре недѣли? Онъ долженъ былъ скучать?..» — «Представьте себѣ — нисколько! Въ началѣ ему дѣйствительно эта жизнь показалась немного дикою. Но онъ весьма скоро сошелся со старымъ хозяиномъ, въ которомъ находилъ сходство не только съ Авраамомъ и Іовомъ, но и съ какими то турецкими пашами и улемами, которыхъ онъ когда-то знавалъ; кушалъ съ отмѣннымъ аппетитомъ пилафъ съ бараниной и шашлыкъ, научилъ нашихъ хозяевъ готовить какія-то турецкія кушанья и сласти и часто вставлялъ въ разговоръ турецкія слова, къ великому удовольствію стараго татарина, который ихъ понималъ. Въ концѣ концовъ оба старика пускались въ политическіе разговоры о необходимости и пользѣ вполнѣ добрыхъ и искреннихъ отношеній между Халифомъ и Бѣлымъ Царемъ. Папа воображалъ себя вѣроятно въ Егип-

тѣ или въ Сиріи, ведущимъ переговоры съ вліятельнымъ шейхомъ... Только эти самые дипломатическіе переговоры объ арендѣ никакъ не налаживались въ нашу пользу: лишь только папа ставилъ вопросъ объ арендной платѣ, — патріархъ дѣлался столь меланхоличнымъ, такъ глубоко вздыхалъ и съ такимъ сокрушеніемъ поминалъ Аллаха, что бѣдный добрый папа въ концѣ концовъ согласился на 4.000 въ годъ и еще какъ будто извинялся передъ старымъ плутомъ въ необходимости такъ его обидѣть! Намъ потомъ говорили въ Самарѣ, что татаринъ могъ бы легко дать шесть и даже восемь тысячъ; но что землю онъ правда сохранитъ, — не знаю какимъ-то способомъ...» — «Очень простымъ и естественнымъ способомъ», — прерывалъ, смѣясь, мой отецъ, — «только это будетъ заслуга не его, а его лошадей, овецъ и верблюдовъ!»

Въ общемъ все таки, дѣдушка, какъ я уже сказалъ, поступилъ весьма благоразумно. Нѣсколько менѣе благоразумною являлась сдѣлка, заключенная имъ передъ отъѣздомъ въ Самарскія палестины. Желая прежде всего и какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ своихъ долговъ, онъ заложилъ пожалованную землю за 30.000 рублей своему коллегѣ по Сенату и давнему пріятелю на дипломатическомъ поприщѣ князю У.; и заложилъ при томъ изъ 12% годовыхъ! Такимъ образомъ, въ сущности имѣніе давало ему чистыхъ четыреста цѣлковыхъ дохода, что было весьма немного! Тѣмъ не менѣе Царское пожалованіе явилось для дѣдушки истиннымъ благодѣяніемъ, которое онъ глубоко чувствовалъ; ибо оно сняло съ него, по крайней мѣрѣ подъ конецъ его земного поприща, унизительную и тревожную обузу разныхъ частныхъ долговъ, всю жизнь надъ нимъ тяготѣвшую!

Старшій сынъ дѣдушки, — единственный оставшійся въ то время въ живыхъ, — и двѣ замужнія дочери заранѣе отказались въ пользу своихъ сестеръ отъ части въ наслѣдованіи. Такимъ образомъ участь непристроенныхъ дочерей могла считаться сравнительно обезпеченною. Раззорительный залогъ въ 12% могъ быть замѣненъ впослѣдствіи болѣе дешевою ипотекою въ земельномъ банкѣ; аренда, по окончаніи контракта съ

знаменитымъ «патріархомъ», могла быть по меньшей мѣрѣ удвоена; а цѣнность земли къ девятидесятымъ годамъ конечно упятерилась бы. Но наслѣдницы Гавріила Анотновича, — или вѣрнѣе Софья Христофоровна, получившая все имѣніе въ пожизненное владѣніе и пререкаться съ которою дочерямъ не входило и въ голову, — распорядилась, по совѣтамъ своего сына, совершенно иначе, — а именно продала всю землю около 1875-го года за сто тысячъ съ небольшимъ рублей, т. е. въ сущности за грошъ, и переѣхала съ дочерьми въ Парижъ, гдѣ въ то время уже основался дядюшка Константинъ Гавриловичъ. Оставшіеся за уплатою залога 70.000 рублей были пущены симъ послѣднимъ въ оборотъ и сначала сильно было поприбавились; но двѣ неудачныя покупки бумагъ, передъ самою кончиною бабушки, не только унесли всѣ барыши, но и сбавили капиталецъ почти на половину. И такимъ образомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, двѣ оставшіяся въ живыхъ незамужнія дочери Гавріила Антоновича и Софьи Христофоровны раздѣлили между собою вмѣсто пяти тысячъ десятинъ чернозему какія то жалкія 38 тысячъ рублей! Нѣтъ, положительно не судьба была въ нашей семьѣ сохранять земельныя имущества. Впрочемъ послѣдствія показали, что тутъ крылась и своего рода удача: нечего было у насъ отбирать и не о чемъ слѣдовательно намъ и тужить!

Но вернемся къ моему дѣдушкѣ, котораго мы на минуту покинули изъ-за никому не давшагося наслѣдства, и вернемся именно въ ту грустную и тяжелую для всей семьи минуту, когда это самое наслѣдство открывалось, т. е. когда дѣдушка заканчивалъ свое часто многотрудное, но всегда достойное и ничѣмъ незапятнанное земное существованіе.

Гавріилъ Антоновичъ скончался года четыре спустя послѣ столь обрадовавшаго его и семью Высочайшаго пожалова-

нія. Лѣто 1866 года онъ проводилъ по обыкновенію на дачѣ въ Царскомъ Селѣ. Однажды, когда онъ возвращался съ вокзала въ «эгоисткѣ», кучеръ, заворотивъ на дворъ дачи слишкомъ круто, вывалилъ барина изъ экипажа; дѣдушка упалъ на бокъ и, между прочимъ, зашибъ себѣ довольно сильно правый глазъ. Бѣднаго старичка немедленно уложили, растерли, призвали врача, словомъ сдѣлали все что слѣдовало, — и дѣдушка вскорѣ по видимости совсѣмъ оправился. Но ушибъ глаза отозвался черезъ нѣсколько недѣль болями и опухолью, не поддававшимися никакому леченію; и, въ началѣ 1867 г., окулистъ и другіе врачи констатировали ракъ въ правомъ глазу. Я живо помню, какъ моя матушка получила въ Москвѣ письмо съ этимъ горестнымъ извѣстіемъ, какъ горько она заплакала и какъ искренно опечаленъ и взволнованъ былъ мой отецъ. — Страданія свои бѣдный старикъ переносилъ съ большимъ терпѣніемъ и съ христіанскою покорностью волѣ Божіей. Скончался онъ, окруженный всѣми своими, 17-го апрѣля 1867 года, семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Смерть была болѣе легкая, чѣмъ того боялись, ибо послѣдовала скорѣе отъ истощенія организма нежели отъ развитія канцерознаго процесса. Мѣсто успокоенія дѣдушки Гавріила Антоновича находится на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры и на могильномъ памятникѣ его начертанъ, по мысли моего отца, евангельскій текстъ: «блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся» — текстъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій душевнымъ качествамъ и всей жизни моего добрѣйшаго дѣда.

У меня сохранилось, по счастью, два изображенія моего дѣда. Одно акварельное, любительское, впрочемъ недурно написанное (на акварели подпись: Ioh. Ender — Buyukdéré, 1820) представляетъ Гавріила Антоновича молодымъ человѣкомъ 26-ти лѣтъ. Черты лица пріятныя; славные, довольно большіе каріе глаза смотрятъ открыто и честно; прическа à la Titus надъ высокимъ, уже нѣсколько обнаженнымъ лбомъ; общее выраженіе доброе и оживленное.

Другое — превосходно удавшаяся фотографія начала шестидесятыхъ годовъ, изображаетъ дѣдушку уже совсѣмъ оста-

Гаврiилъ Антоновичъ Катакази
(1794 — 1867
въ старости

Mr. Gabriel de Catacazy
Ministre Plénipotentiaire, Sénateur.
(1794 - 1867)

рившимся. Лицо все въ мелкихъ морщинахъ, впавшій и съузившійся ротъ, какъ будто что-то жующій, глаза очень впалые подъ уставшими вѣками и густыми, нависшими, посѣдѣвшими бровями; характерный, умный «катаказіевскій» носъ какъ-то удлинился и выставился впередъ — въ сравненіи съ портретомъ въ молодости — и раздвоился нѣсколько на площадкѣ кончика, какъ у хорошей лягавой собаки; но все выраженіе старческаго лица привѣтливое, доброе и чрезвычайно тонкое. Тѣ-же самыя маленькія бачки, что и на первомъ изображеніи, — такія точно, какія носили Александръ I-й, князь Меттернихъ, графъ Нессельроде: а на головѣ — черный съ просѣдью парикъ, зачесанный къ вискамъ. Носить парикъ дѣдушка считалъ безусловно необходимымъ: «въ наше де время не показывали въ свѣтѣ лысую свою голову; это считалось неприличнымъ!» (Барклай де Толли, съ своимъ «челомъ какъ черепъ голымъ» — былъ очевидно исключеніемъ). Николай I-й сталъ впрочемъ неблагосклонно смотрѣть на парики своихъ старыхъ генераловъ, и они, — т. е. парики, а не старые генералы, — мало-по-малу вывелись... На фотографіи недостаетъ, къ сожалѣнію, въ старческихъ рукахъ дѣдушки его неразлучной табакерки и большого темнаго фуляроваго платка; одѣтъ онъ въ черный сюртукъ съ до-верху застегнутымъ бархатнымъ воротникомъ, изъ подъ котораго упираются въ щеки и въ подбородокъ съ доброю ямочкою высокіе бѣлые воротнички.

Такимъ именно помню я моего дѣда, и такимъ рѣшаюсь представить его благосклонному читателю въ его ежедневномъ обиходѣ и домашнемъ кругу.

ГЛАВА XII

ДѢДУШКА МОЙ ГАВРІИЛЪ АНТОНОВИЧЪ КАТАКАЗИ И ЕГО ПРИСНЫЕ, какъ я ихъ помню.

Хотя мнѣ было всего одиннадцать лѣтъ, когда скончался мой дѣдъ Гавріилъ Антоновичъ, тѣмъ не менѣе я совершенно живо помню его и то, что онъ вносилъ съ собою въ семейный обиходъ своимъ милымъ старческимъ присутствіемъ, своею вдумчивою, тонкою и незлобивою рѣчью, своимъ нешумнымъ добрымъ смѣхомъ. За время моего дѣтства онъ нѣсколько разъ гостилъ у насъ въ Москвѣ и въ деревнѣ, и я самъ дважды ѣздилъ съ родителями въ Петербургъ и гащивалъ по недѣлямъ у дѣдушки. И въ моей дѣтской памяти ярко запечатлѣлись и онъ самъ и окружавшая его обстановка и семья.

Домъ Гассе, — № 7 по Троицкому переулку, — гдѣ дѣдъ мой и бабка прожили съ 1858-го по 1867-й годъ, принадлежалъ, по своему облику, къ тѣмъ старымъ Петербургскимъ домамъ, которыхъ въ тѣ времена оставалось еще не мало, даже въ столь непосредственной близости къ Невскому. Бѣлый, безъ всякихъ украшеній, съ очевидно надстроеннымъ верхнимъ этажемъ, онъ отдѣлялся отъ улицы чахлымъ садикомъ; съ другой же стороны окна его глядѣли, — какъ тому и слѣдовало быть въ Петербургѣ, — въ большой, мощеный и конечно не первой чистоты дворъ, окаймленный деревянными конюшнями и сараями и надворнымъ флигелемъ, также трехэтажнымъ. Въ домѣ каждый этажъ составлялъ квартиру; входъ и лѣстница имѣли довольно примитивный обликъ; но за-то внутри комнаты были, начиная съ прихожей, просторныя и высокія, — конечно за исключеніемъ неизбѣжныхъ и столь прославленныхъ Кузьмою Прутковымъ «антресолей», служившихъ пріютомъ не только прислугѣ и старой нянюшкѣ мадамъ Фогель, но и четыремъ

«барышнямъ», моимъ тетямъ. Обширная столовая, — она же и «зало», — обставлена была такъ, какъ обставлены были въ тѣ, менѣе прихотливыя времена, всѣ столовыя людей средняго достатка, т. е. просто и незатѣйливо; тутъ же стояло и фортепіано, чтобы не быть ему въ слишкомъ непосредственной близости съ дѣдушкинымъ кабинетомъ. Гостинная имѣла всегда какой-то нежилой, «казенный» видъ, въ особенности въ сравненіи съ нашею Московскою; — единственнымъ украшеніемъ ея свѣтло-сѣрыхъ стѣнъ служилъ одиноко висѣвшій надъ среднимъ, чопорнымъ диваномъ портретъ Христофора Марковича Комнена (о которомъ я говорилъ въ главѣ I-й). Бабушка уютомъ своей гостиной вообще не дорожила. Гораздо болѣе жилою и уютною была ея спальня, увѣшенная фотографіями и акварельными портретами, съ письменнымъ столомъ, уставленнымъ принадлежностями стиля Empire, служившими еще ея матери; но и столъ и вся комната бывали въ порядкѣ только тогда, когда горничная успѣвала «прибрать за барыней».

За то въ дѣдушкиномъ кабинетѣ все было, хотя и просто, но чрезвычайно уютно, и царилъ тамъ, равно какъ и въ смежной съ кабинетомъ спальнѣ, образцовый порядокъ. Зеленые репсовые занавѣсы и обитая тою же матеріею мягкая мебель; большой письменный столъ съ папками и письмеными принадлежностями, аккуратно разложенными, шкапчикъ съ любимыми книгами дѣдушки; стѣны, оклеенныя недорогими темноватыми обоями и увѣшанныя массою гравюръ, фотографій и литографій, — все больше портретами Высочайшихъ особъ, старыхъ друзей и товарищей и любимыхъ начальниковъ, въ числѣ коихъ, — надъ самымъ письменнымъ столомъ, — красовалась небольшая раскрашенная гравюра, — подъ миніатюру, — Графа Іоанна Каподистріи; таково было дѣдушкино царство, въ которое я позволю себѣ ввести сначала снисходительнаго читателя.

Дѣдушка очень любилъ моего брата и меня, — единственныхъ своихъ внуковъ. Ко мнѣ его привлекало мое раннее развитіе и любовь къ серьезному — для моихъ лѣтъ — чтенію. Когда я гостилъ въ его домѣ, онъ просилъ мою мать отпускать меня

рано утромъ къ нему — пить съ нимъ кофе; и это было для меня настоящимъ праздникомъ. Ровно въ восемь часовъ я заставалъ моего дѣда въ его довольно большой опочивальнѣ, — она же служила ему и уборной, — передъ каминомъ, въ халатѣ, въ бархатной шапочкѣ съ кистью и въ мягкихъ съ очень широкими голенищами прюнелевыхъ бронзоваго цвѣта сапожкахъ, узко отороченныхъ краснымъ сафьяномъ, какихъ я съ тѣхъ поръ нигдѣ и ни на комъ не видалъ. Иногда, когда мнѣ случалось придти пораньше, я заставалъ дѣдушку стоящимъ еще на молитвѣ передъ старыми семейными, частью греческаго письма образами и читавшаго установленныя утреннія молитвы по греческому своему молитвеннику, послѣ чего читалъ онъ, уже сидя, евангеліе. Надъ кроватью дѣдушки, кромѣ иконъ, висѣлъ еще большой турецкій ятаганъ въ рѣзныхъ, слоновой кости, широкихъ ножнахъ и съ золоченой оправой. Это смертоносное и пышное и столь отличное отъ дѣдушкинаго облика оружіе страшно возбуждало мое любопытство, но я, по какой-то свойственной дѣтямъ застѣнчивости, такъ и не рѣшился ни разу спросить у дѣдушки, откуда оно? Былъ ли то ятаганъ его отца — Волошскаго Каймакама, носившаго турецкое должностное платье, т. е. шаравары, шитый золотомъ казакинъ, широкій и пышный парчевой халатъ, высокую мѣховую шапку съ султаномъ и поясъ изъ персидской шали при богато украшенномъ оружіи? Или же носилъ его, при греческомъ національномъ одѣяніи, президентъ Эллинскаго народнаго Правительства графъ Іоаннъ Каподистріа? Такъ таки по сію пору это осталось мнѣ неизвѣстнымъ; и впослѣдствіи, сколько я ни разспрашивалъ въ семьѣ о происхожденіи и дальнѣйшей судьбѣ таинственнаго ятагана, никто не могъ мнѣ дать никакого отвѣта.

Закончивъ свою молитву и чтеніе, дѣдушка начиналъ варить самъ кофе и сливки въ двухъ серебряныхъ кострюлечкахъ съ костяными ручками; кофе выходило конечно превкуснымъ, и дѣдушка разливалъ его, себѣ и мнѣ, въ двѣ большія гарднеровскія чашки, бѣлыя съ золотымъ узоромъ. Добрѣйшая, тучная и постоянно глубоко вздыхавшая нянюшка, мадамъ Фогель, приносила сама къ кофе печенье и, присѣвши по отдаль, разговаривала съ дѣдушкой, а меня, проходя, гладила по го-

ловкѣ и называла «своимъ умникомъ». Дѣдушка же разспрашивалъ меня про мои занятія, про мои чтенія и что больше всего меня занимаетъ.

Послѣ кофе начиналось важное дѣйство: приходилъ старый, сѣдой поваръ Кондратій, и мадамъ Фогель приносила купленную утромъ провизію; подвергался обсужденію завтракъ и обѣдъ, — особенно обѣдъ. Мясо, и живность, и рыба — обыкновенно только что изъ садка выловленный сигъ — осматривались и ощупывались съ нарочитымъ вниманіемъ; особенно много разговоровъ бывало о рыбѣ; обсуждалось что и какъ изготовить, подъ какимъ соусомъ подать, и т. д. Обыкновенно, къ тому времени какъ заканчивалась эта конференція, появлялся въ кабинетѣ курьеръ изъ Сената съ бумагами или-же «секретарь Дѣдушки», т. е. одинъ изъ прикомандированныхъ къ Секретаріату Сената молодыхъ людей, и меня отсылали къ моей матери; а если мама не была еще готова давать мнѣ ежедневный урокъ, то я усаживался въ гостинной, съ моею тогдашнею книгою «Путешествіе въ полярныя страны Д-ра Кэна», и углублялся въ Баффиновъ Заливъ, въ царство вѣчныхъ льдовъ съ его бѣлыми медвѣдями, моржами, эскимосами и пингвинами.

Однажды только мирное теченіе утреннихъ обрядовъ нарушено было появленіемъ въ Кабинетѣ дѣдушки просителя — молодого еще и простодушнаго съ виду парня-мѣщанина, или второй гильдіи купчика, въ чистой синей чуйкѣ и лаковыхъ сапогахъ «бутылками». Проситель, лишь только узрѣлъ дѣдушку, — тотчасъ же бухнулся ему въ ноги. Дѣдушка сконфузился и, потянувъ просителя за рукавъ, попросилъ его встать, объясняя при этомъ отборнымъ книжнымъ слогомъ, что «падать ницъ дозволено и умѣстно лишь въ храмѣ Божіемъ и передъ святыми иконами, а отнюдь не передъ смертными людьми»... «Ну что Вамъ, мой милый, отъ меня надобно?», спросилъ затѣмъ съ благосклонностью мой дѣдъ, садясь за свой

письменный столъ. «Какъ Ваше имя, званіе, занятіе? въ чемъ состоитъ Ваша просьба?» Проситель назвался и объяснилъ, что онъ обращается въ Сенатъ по тяжбѣ своей съ бывшимъ опекуномъ-дядею. «Двѣ лавки послѣ отца остались, да домъ въ Коломенской части, да деньгами...И все онъ, значитъ, забралъ, а насъ съ братишкою по міру пустилъ! Мы было въ судъ, а онъ въ судѣ-то кого слѣдуетъ подмазалъ; ему все снова и присудили. Насъ вотъ нашъ ходатай и надоумилъ въ Правительствующій Сенатъ жалобу подать. Такъ ужъ Вы, Ваше Высокопревосходительство, окажите намъ божескую милость, вступитесь за насъ сиротъ! Вѣдь вотъ послѣднюю значитъ рубашку съ насъ снялъ, дядюшка-то... Ужъ заставьте за себя Богу молиться...». И проситель снова — бухъ въ ноги. Дѣдушка, поморщившись, съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ снова просить молодого мѣщанина встать и говорить толкомъ (дѣдушка выразился «со спокойствіемъ»). Поискавъ на столѣ своемъ «дѣло» и удостовѣрившись, что оно еще не поступало къ нему изъ Сената, дѣдушка началъ разспрашивать, на чемъ основывался дядя-опекунъ, не выдавая просителю наслѣдства... «Да ни на чемъ значитъ не основывался, а такъ вотъ все отнялъ; да еще и говоритъ: ты дескать поступи ко мнѣ въ прикащики и поработай; я тебя за работу и награжу, когда время придетъ, по совѣсти значитъ. А какая у него совѣсть? Да и я ему не работникъ и не прикащикъ; мой отецъ самъ хозяиномъ былъ, а онъ — вотъ что придумалъ!... (проситель неожиданно всхлипываетъ и вынимаетъ изъ кармана большой пестрый платокъ). А главное, что судъ-то подмазалъ, — все ему и присудили...» — «Да нѣтъ, позвольте же, мой милый, — такъ нельзя»; — прерываетъ его дѣдушка, — «вы должны отвѣчать со спокойствіемъ на мои вопросы: вѣдь дядя вашъ, — или же его повѣренный, — должны же были объяснить суду, почему онъ считаетъ, что лавки, домъ и деньги, о которыхъ вы мнѣ говорите, не принадлежатъ болѣе вамъ и вашему брату, а принадлежатъ ему? Что нибудь на судѣ они да объясняли же?» — «Да ничего, какъ есть, Ваше Высокопревосходительство, онъ не объяснялъ; а что подмазалъ, такъ это мы навѣрное знаемъ; знаемъ и кого именно подмазалъ... Ужъ Вы насъ защи-

тите, будьте за отца родного!...» (новая попытка бухнуться въ ноги, во время остановленная вставшимъ изъ-за стола дѣдомъ). — «Ну, вотъ что я вамъ скажу, мой милый», уже съ важностью и авторитетомъ начинаетъ дѣдушка, «мнѣ ваше дѣло еще изъ Сената не прислано; какъ только я его получу, я его внимательно прочту; и если найду, что вы правы, то буду въ присутствіи Сената самъ васъ защищать, и господа Сенаторы рѣшатъ конечно въ вашу пользу, т. е. если только ваше дѣло правое... Нѣтъ, я же вѣдь дважды просилъ васъ не кидаться мнѣ въ ноги!... Ну, можете идти съ Богомъ; только отучитесь отъ этой привычки! И еще замѣтьте себѣ: когда вы будете говорить о рѣшеніи суда, то будьте осторожнѣе: не обвиняйте судъ въ лихоимствѣ, не представивъ тому непреложныхъ доказательствъ; иначе вы можете подвергнуться строгой отвѣтственности. Ну, идите! А если дѣло ваше правое, то будьте спокойны: Сенатъ васъ защититъ. Прощайте». — Новые, но уже поясные поклоны просителя и завѣренія его, что дѣло его правое... ужь такое правое!... — и наконецъ онъ удаляется.

«Бѣдный молодой человѣкъ!», говоритъ дѣдушка по французски; «надѣюсь, что его адвокатъ умнѣе его и съумѣетъ выяснить передъ нами дѣло. Да, много зла дѣлается на свѣтѣ людьми, которые забываютъ Бога!», — заключаетъ онъ, въ назиданіе своему юному внуку.

Меня вся эта «жанровая сценка», коей я только-что былъ свидѣтелемъ, преисполняетъ уваженіемъ къ дѣдушкѣ, который имѣетъ власть защищать невинныхъ и обиженныхъ и возстановлять правду. Въ искренности и правотѣ молодого мѣщанина съ такимъ славнымъ, открытымъ лицомъ я съизначала не имѣю никакого сомнѣнія, а дядю его живо представляю себѣ въ образѣ рыжаго и горбоносаго дяди Принца Гамлета о злодѣйствахъ коего повѣдали мнѣ обработанные для юношества разсказы изъ драмъ Шекспира, украшенные соотвѣтствующими иллюстраціями. Что же касается Сената, то съ выспренностью этого учрежденія я уже знакомъ по разсказамъ изъ Римской Исторіи Г-жи Ламэ-Флери, которые мы читаемъ съ Мама на урокахъ французскаго языка.

Завтракъ, подаваемый ровно въ полдень, не представляетъ собою такого торжественнаго семейнаго обряда какъ обѣдъ, но все-же проходитъ истово и чинно. Собрались къ столу, подъ предсѣдательствомъ дѣдушки: моя мать и я рядомъ съ нею, двѣ младшія тетушки и нянюшка Фогель, надѣвшая по этому случаю чепецъ съ темными лентами. Дѣдушка кушаетъ тихо и степенно и продолжаетъ разговоръ, начатый имъ еще въ кабинетѣ съ моею матерью: говорятъ они конечно по-французски, и видно, по выраженію ихъ лицъ и голоса, какое безграничное довѣріе питаютъ они другъ къ другу. Къ концу завтрака приходятъ запыхавшись бабушка съ тетей Сашей, нагруженныя разными пакетами изъ лавокъ и внося съ собою запахъ морознаго воздуха. Дѣдушка ласково и съ отмѣнною «куртуазіей» здоровается съ женою, обмѣнивается съ нею нѣсколькими фразами и удаляется, настоятельно прося бабушку не забывать, что сегодня у нихъ къ обѣду званые гости, и хотя все это свои, родные, но что было бы очень непріятно, если бы бабушка опоздала. Дѣдушкѣ пора переодѣться и ѣхать въ Сенатъ. Мама тоже выѣзжаетъ съ нимъ: онъ ее куда-то завозитъ, а я остаюсь на попеченіи моихъ тетушекъ, причемъ моя мать поручаетъ меня особому вниманію тети Саши и мадамъ Фогель. Если погода хорошая и не слишкомъ морозная, то я отправляюсь съ двумя тетушками гулять. Невскій проспектъ мнѣ нравится своею шириною и великолѣпіемъ окаймляющихъ его зданій, чего я не привыкъ видѣть, гуляя по Московскимъ улицамъ; но въ особенности прельщаетъ меня, — разумѣется въ весеннее время, — красавица Нева, пароходы по ней снующіе и многочисленные, — въ тѣ времена, — парусные двухмачтовые «шкоты» и «лайбы», стоящіе на якорѣ у Биржи и у Лѣтняго Сада и представляющіеся моему дѣтскому воображенію тѣми самыми кораблями, о которыхъ я столько читалъ и на которыхъ пускаются, по морямъ и океанамъ, въ далекія тропическія и полярныя страны, отважные моряки и путешественники, переживая захватывающія духъ опасности и приключенія... Но сегодня мама нашла, что для моихъ дѣтскихъ, довольно чувствительныхъ бронховъ слишкомъ вѣтрено, при порядочномъ морозѣ; и я поднимаюсь по темноватой деревянной лѣстницѣ на антресоли, отнюдь впро-

чемъ на это не сѣтуя, ибо двѣ довольно обширныя, но низенькія и пребывающія въ самомъ живописномъ безпорядкѣ тетины горницы представляютъ собою типичный притонъ своеобразной дѣвичьей «богэмы», полный по временамъ смѣха, веселыхъ выдумокъ и забавныхъ ссоръ и примиреній...

Тетя Ида (Елизавета Гавриловна), маленькая, съ тонкими, миловидными чертами лица и черными, умными, полными жизни глазами никогда не выздоровѣвшая вполнѣ отъ бывшаго у нея въ отрочествѣ жестокаго тифа и чудившая всю свою жизнь, — на половину изъ-за склонности къ чудачеству, а на половину отъ какого-то органическаго надлома, происшедшаго тогда въ ея хорошенькой и умненькой головкѣ, — тетя Ида еще не встала съ постели. Вчера вечеромъ еще, — изящно одѣтая и тщательно причесанная, — она поѣхала съ бабушкой куда-то въ гости. Но ночью, безъ всякаго видимаго повода, разразился «кризисъ». Часа въ четыре тетя Саша, спавшая въ одной комнатѣ со своею любимою — и ею же избалованною — сестрою погодкою (Идѣ 29 лѣтъ, Сашѣ 28), разбужена была плачемъ и жалобнымъ голосомъ Иды: «Саша, ты спишь?» — «Да,да, да сплю! И тебѣ совѣтую также спать. Что у тебя тамъ еще?» — «Ахъ Саша, Саша, какъ ты можешь спать? Подумай, — плачущимъ голосомъ шепчетъ Ида, — подумай: что мы всѣ сдѣлаемъ, если вдругъ, этой ночью, сейчасъ-же — наступитъ кончина міра?!» — «Ну, этого еще не доставало!» съ комическимъ негодованіемъ восклицаетъ Саша. «Теперь мы кончину міра встрѣчаемъ. Тогда вставай, одѣвайся, пойдемъ часа черезъ два въ Троицкое Подворье къ заутрени; это будетъ самое подходящее...» — «Нѣтъ, нѣтъ, Саша, не смѣйся, не шути; вообрази себѣ: вдругъ раздастся звукъ послѣдней трубы; какъ громъ... страшнѣе, гораздо страшнѣе грома!... и вся ночь освѣтится заревомъ; и все пропадетъ вокругъ насъ всѣхъ... и только цѣлыя толпы, цѣлые вихри людей, обнаженныхъ, дрожащихъ, завопятъ, завопятъ къ Небу о помилованіи! Пойми, Саша! — послѣдня труба въ устахъ Архангела!...» И Ида, пряча голову въ подушки, начинаетъ рыдать. — «Ида, Ида, голубушка, — да успокойся же», лепечетъ Саша, суетясь около нея, и уже капая валеріановыя и лавровишневыя капли въ рюмку

Александра Гавріиловна Катакази
(1837—1880)

Mlle Alexandrine de Catacazy
(« Marthe »)

съ водою. Но Ида и принявъ капли, не унимается. — Приходитъ на голоса, шлепая туфлями, старушка няня Фогель, — тоже значительно избаловавшая нѣкогда свою Идочку. И ей Ида, съ горящими, расширенными глазами, тщится передать охватившій ее, въ нощи, мистическій ужасъ. — «И-ихъ, Идочка! перестань, успокойся! Ну гдѣ тутъ страшный Судъ? Всѣ мы тутъ вмѣстѣ, дома; папа и мама спятъ внизу; и поваръ Кондратій храпитъ громче всякой трубы архангельской. Скоро свѣтать начнетъ; а тамъ охтенки съ молокомъ побѣгутъ; ну ложись, ложись, спи! И что это ты выдумала? какая кончина міра? Все это только выдумки, — дѣтей пугать; все выдумки!..» — «Какъ, няня, негодующимъ голосомъ восклицаетъ Ида: кончина міра, Страшный Судъ — это выдумки? этого никогда не будетъ? И въ Евангеліи все это выдумано? — Поклянись мнѣ сейчасъ-же какъ передъ Богомъ, что все это выдумки, — тогда я успокоюсь. Ну, ну что же?...»

Няня Фогель съ ужасомъ усматриваетъ въ какую западню завлекло ее стремленіе во что бы то ни стало успокоить свою Идочку. Няня благочестивая католичка (она происходила вѣроятно изъ католическихъ латышей) и часто исповѣдуется. Что скажетъ патеръ Радзиховскій, когда она ему повѣдаетъ, что побожилась въ томъ, что кончина міра и Страшный Судъ — выдумки! вѣдь это сцѣпленіе двухъ смертныхъ грѣховъ! Ай, ай, ай, какъ ей достанется, и какъ ей стыдно будетъ передъ своимъ духовнымъ отцомъ! Нянюшка пробуетъ дипломатически отвертѣться: «Ну, Идочка, зачѣмъ божиться? божиться — грѣхъ; я такъ это тебѣ сказала: конечно будетъ Страшный Судъ, но гораздо, гораздо позже, — черезъ тысячу лѣтъ. Мы всѣ умереть успѣемъ. Ну ложись, спи, Идочка!..» — «Вотъ видишь ли, няня, какая ты лгунья! И кто тебѣ сказалъ? А въ Евангеліи что говорится?» — Няня Фогель сходитъ совсѣмъ на нѣтъ и сконфуженно, но еще глубже обыкновеннаго вздыхаетъ....

Но, странное дѣло, побѣда одержанная надъ милленарнымъ тезисомъ нянюшки Фогель, — принужденной совнаться въ возможности и немедленнаго свѣтопреставленія, — не только не усугубляетъ мистическаго возбужденія Иды, но какъ-

будто бы успокаиваетъ ее; къ тому же и лавровишневыя капли съ валеріаномъ начинаютъ дѣйствовать; она мало-по-малу успокаивается и наконецъ засыпаетъ. На утро Саша и няня Фогель предупреждаютъ всѣхъ, что у Иды мигрень, что она ночью не спала, и что не надо ее будить и вообще безпокоить. Ей приносятъ кофе и завтракъ въ комнату; бабушка посѣщаетъ ее. И сегодня въ часъ дня она все еще лежитъ на своемъ «одрѣ», при спущенныхъ шторахъ, блѣдная, съ всклокоченными, черными, какъ смоль, волосами. — «Ида, да вставай же», говоритъ ей одна изъ младшихъ сестеръ, — «у тебя никакой мигрени нѣтъ; вѣдь прямо несносно тебя такою видѣть!» — «А кто же велитъ тебѣ на меня глядѣть? Да, у меня мигрени теперь нѣтъ, а если я встану, то сейчасъ же начнется... И къ чему вставать? что дѣлать?» — «Ну выйдемъ съ тобою куда нибудь; погода свѣтлая; освѣжимся; на людей посмотримъ...» — «Ахъ какой ужасъ ты говоришь! выйдти! на Невскій, неправда ли? и видѣть всѣхъ этихъ ужасныхъ дураковъ и дуръ! Нѣтъ, умоляю тебя перестань!...» И тетя Ида затыкаетъ себѣ пальцами уши и морщится какъ отъ самаго неистоваго лязга и скрипа... Но въ эту минуту взглядъ ея падаетъ на меня. «Ахъ, Толинька, милый мой мальчикъ, садись сюда ко мнѣ на кровать. Ты свою тетю любишь? Хочешь я тебѣ страшную исторію разскажу?», и зрачки тети Иды расширяются и лицо ея принимаетъ торжественное выраженіе. Я, разумѣется, въ восторгѣ отъ подобнаго предложенія и чувствую уже заранѣе нѣкоторое замираніе сердца.... «Ну такъ слушай же!» И тетя, немного помолчавъ и перебравъ вѣроятно въ мысляхъ вѣдомыя ей «страшныя исторіи», начинаетъ:

«Жилъ въ одномъ селѣ старый, старый священникъ сѣдой, какъ лунь, добрый такой, благочестивый...» (мнѣ немедленно представляется почтенный, очень старый протоіерей о. Орловскій, старшій настоятель Дворцоваго собора Рождества Богородицы въ Москвѣ, куда мы ходимъ ко всенощной и къ обѣднѣ, и который всегда такъ ласковъ ко мнѣ...). «И былъ у него діаконъ, — злой человѣкъ..» — «Тоже сѣдой?» спрашиваю я. — «Нѣтъ», выдумываетъ, не обинуясь, разсказчица: «волосы такіе черные, длинные и прямые какъ палки,

борода жидкая, глаза какъ-то косятъ и ротъ искривленъ.... Ну вотъ, этотъ діаконъ долженъ былъ, послѣ смерти стараго священника, стать самъ священникомъ въ томъ селѣ; но старый все живетъ да живетъ и не умираетъ; и надоѣло злому діакону такъ долго ждать, и задумалъ онъ ужасное дѣло... убить своего стараго священника (у меня глаза расширяются и волосы какъ будто бы пошевеливаются). Ну вотъ разъ зимою онъ и говоритъ ему: погода хорошая, поѣдемъ вмѣстѣ въ лѣсъ дрова рубить. Старикъ согласился; взяли топоры и поѣхали въ лѣсъ, и завезъ діаконъ его въ самую глубь дремучаго лѣса... Остановились они наконецъ на полянѣ, и началъ старикъ рубить молодую березку, — себѣ по силамъ. А діаконъ подкрался къ нему сзади, взмахнулъ своимъ топоромъ (тетя дѣлаетъ соотвѣтствующее движеніе) и раскроилъ священнику черепъ!» — «Какъ раскроилъ? что это значитъ?» спрашиваю я уже значительно оробѣвшимъ голосомъ. «Да вотъ, разрубилъ топоромъ ему голову», поясняетъ тетя, сама возбужденная эффектомъ своего разсказа; «пробилъ кожу и кость, и изъ головы потекла кровь ручьемъ; старикъ не вскрикнулъ даже и упалъ навзничь: на лицѣ кровь и на снѣгу кровь... А діаконъ сейчасъ же всталъ на свои дровни, хлестнулъ лошадку и ускакалъ. Вотъ проходитъ день, проходитъ другой, третій, а старый священникъ не возвращается домой. Старушка попадья плачетъ, убивается, и крестьяне повсюду его ищутъ. Діакона разспрашиваютъ, а тотъ говоритъ: мы вмѣстѣ выѣхали дрова рубить, я нарубилъ немного и уѣхалъ, а онъ захотѣлъ еще на одну полянку проѣхать, тамъ березку срубить; боюсь какъ бы съ нимъ чего не приключилось: волчьи слѣды я, ѣдучи домой, видалъ на снѣгу... И дѣйствительно нашли наконецъ въ лѣсу на полянкѣ кости человѣческія и лошадиныя, обрывки одежды, запекшуюся кровь и волчьи слѣды на снѣгу! Потужили добрые люди, поплакали; а діаконъ поѣхалъ въ городъ къ архіерею; тамъ его посвятили въ священники и вернулся онъ въ село на мѣсто стараго настоятеля».

«Въ первое же воскресенье пошелъ онъ въ храмъ Божій служить обѣдню; служитъ онъ хорошо, но все не такъ какъ покойный, чего-то не достаетъ! Только вотъ настаетъ минута,

когда выходитъ священникъ со святыми дарами... (Ты знаешь? когда причащаются....)». — (Я молча киваю головой, избѣгая сказать: да, ибо чувствую, что голосъ сорвется)... «Ну дакъ вотъ, выходитъ онъ; все какъ слѣдуетъ, «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите» — и потомъ, повернувшись, хочетъ снова съ Чашею войдти въ Царскія Врата,... и вдругъ останавливается, дрожитъ, блѣднѣетъ и возвращается въ Алтарь не прямо, а черезъ сѣверныя двери... Ты знаешь: направо отъ Царскихъ?.. (новый нѣмой кивокъ головы съ моей стороны)... Молящіеся очень удивлены. Только на слѣдующее воскресенье — то же самое: выйдти-то изъ алтаря съ Чашею онъ выходитъ, но назадъ не можетъ: дрожитъ, блѣднѣетъ и какъ то бокомъ, черезъ сѣверныя двери въ алтарь пробирается! И такъ, — вообрази себѣ, — каждое воскресенье! Всѣ прихожане удивляются, всѣ про это говорятъ... Наконецъ дошло это до архіерея. Тотъ вызываетъ священника къ себѣ въ городъ и начинаетъ его разспрашивать. Долго онъ его разспрашивалъ, усовѣщевалъ, убѣждалъ открыться во всемъ и сказать всю правду... И наконецъ священникъ упалъ владыкѣ въ ноги и покаялся во всемъ: я, говоритъ, великій преступникъ; я стараго священника въ лѣсу топоромъ зарубилъ и тѣло его на растерзаніе волкамъ оставилъ... И вотъ теперь, всякій разъ, что за обѣдней я выхожу изъ Алтаря со Святыми Дарами и затѣмъ хочу войдти обратно къ Св. Престолу, — передо мною въ Царскихъ Вратахъ стоитъ, распростерши руки, старый нашъ священникъ въ полномъ облаченіи и не пускаетъ меня; и я не въ силахъ пройдти и иду бокомъ въ сѣверныя двери...»

Въ эту минуту входитъ тетя Саша (Александра Гавриловна), — коротенькая, толстая кубышка, немного кривобокая, съ круглымъ какъ бы дѣтскимъ лицомъ, но съ добрымъ и умнымъ выраженіемъ сѣрыхъ, почти безбровыхъ глазъ. — Она слышала послѣднія фразы повѣствованія и набрасывается на тетю Иду. «Ну какъ тебѣ не стыдно ребенка пугать! Вѣдь онъ теперь ночью спать не будетъ. Толинька, не слушай ты ее: ничего этого никогда не было; все это она выдумала!» Я силюсь этому, для своего успокоенія, повѣрить, но не могу.

Анна Гавріиловна „Нина“ Семякина
рожд. Катакази
(1842—1873)

Mlle Nina de Catacazy
(« Marie »)

Старый священникъ, — точь въ точь отецъ Орловскій, — стоитъ въ Царскихъ Вратахъ съ распростертыми руками(какъ когда поютъ Херувимскую), и этотъ отвратительный, блѣдный, черноволосый злодѣй, косясь и дрожа, убѣгаетъ отъ ужаснаго видѣнія въ сѣверныя двери.... Нѣтъ, это не можетъ быть выдумкой; это конечно такъ и было; и какъ можно теперь это забыть?!

Но тетя Ида такъ увлеклась впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня ея разсказъ, что забываетъ свою ипохондрію и, отославъ меня къ тетямъ Нинѣ и Жюли (Аннѣ и Юліи Гавриловнамъ), начинаетъ сама продолжительно умываться, причесываться и одѣваться.

У Нины и Жюли безпорядку въ горницѣ столько-же, сколько и у Иды и Саши; но безпорядокъ другого сорта; много книгъ — французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, даже русскихъ. Жюли глотаетъ массу книгъ; Нина читаетъ меньше, но много размышляетъ и любитъ говорить о прочитанномъ. Она находится подъ сильнымъ вліяніемъ своей подруги, княжны Мери Дондуковой, впослѣдствіи посвятившей всю жизнь свою служенію ближнему; и тетя Нина желала бы слѣдовать ея примѣру и отдавать возможно большую долю своихъ помысловъ и дѣятельности Богу и страждущему человѣчеству; но она не имѣетъ независимости Мери; ее держитъ со всѣхъ сторонъ семья, авторитетъ родителей, недостатокъ собственныхъ и семейныхъ средствъ; а, кромѣ того, — молодая, красивая, привлекательная, — ей, въ 21 годъ хочется жизни и для себя самой: любви, о которой она такъ много читала, путешествій, пожалуй что и блеска и роскоши свѣтской жизни, коихъ она также лишена... Но, какъ бы то ни было, — милѣе человѣка въ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ, къ роднымъ, къ пріятельницамъ и друзьямъ, къ прислугѣ, къ старому и малому, трудно найдти.

Между нею и тетей Сашею часто происходятъ маленькія перепалки, т. е. вѣрнѣе тетя Саша часто на нее нападаетъ. Нина, — стройная, изящная, — паритъ въ облакахъ надъ

грѣшною земною юдолью; а Саша, со своею будничною незамѣтною наружностью, толчется всю жизнь въ прозаическихъ занятіяхъ, которыя возложила на нее вся семья, — кромѣ дѣдушки, — или которыя сама она, по своей добротѣ, на себя взвалила; всѣ въ домѣ надъ нею немножечко потѣшаются; да и сама она, съ присущимъ ей нѣсколько горькимъ юморомъ, не прочь посмѣяться надъ собою, какъ смѣется она, но безъ всякой злобы и зависти, и надъ другими. Нину называетъ она « le Reverend Anglais », беретъ ее иногда за плечи и выпроваживаетъ изъ комнаты, когда та слишкомъ «расфилософствуется» и «зарапортуется» и мѣшаетъ дѣлать дѣло. Но затѣмъ сама же первая служитъ Нинѣ, какъ служитъ матери и другимъ сестрамъ; и Нина вполнѣ понимаетъ и оцѣниваетъ самоотверженную любовь своей сестры. «Но почему все это только между собою, въ своей семьѣ, въ квартирѣ № 2-й дома Гассе, — когда, за этими стѣнами, цѣлое человѣчество страдаетъ и жаждетъ утѣшенія и помощи?!» — «Знаемъ, знаемъ мы это», отвѣчаетъ Саша. «Попробуй-ка сначала послужить тѣмъ, кто тебя окружаетъ; а тамъ увидимъ, останется-ли у тебя времени и силъ, чтобы жертвовать собою для идеальныхъ нищихъ и несчастныхъ, о которыхъ говорится въ романахъ!»

Тетя Жюли, самая младшая, — ей еле 19 лѣтъ минуло, — черненькая, востроносая, съ румянцемъ на смугломъ, довольно полномъ личикѣ и съ великолѣпными жгучими глазами — льнетъ къ на два года старшей Нинѣ, своей неразлучной товаркѣ, отъ которой у нея ничего нѣтъ тайнаго; но любитъ также и остальныхъ сестеръ, — особливо же Сашу. « Marthe et Marie » говоритъ она про нее и про Нину, и сама не знаетъ, къ которой изъ двухъ категорій суждено ей съ годами пристать. Жизнь прельщаетъ ее еще больше, чѣмъ Нину, ибо она здорова, очень крѣпка и отъ природы весела.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, трудно было найдти гдѣ либо столько природнаго ума, — да и извѣстнаго умственнаго развитія, — столько живости, веселости, остроумія, какъ въ этихъ двухъ комнатахъ на антресоляхъ дома Гассе. Съ под-

ругами своими, подобранными подъ ту же стать — Софи Демидовой*), Софи Ностицъ**), Лулу Жомини***), Софи Волконской****), — Ида и Нина пускали подчасъ по всему Петербургу забавные слухи, выдумки и шутки, напоминавшія былое «сотрудничество» Алексѣя Толстого и братьевъ Жемчужниковыхъ, — сотрудничество, вылившееся между прочимъ и въ безсмертномъ Кузьмѣ Прутковѣ.

Сегодня «антресоли» посѣщаетъ Софи Демидова, сверстница Иды и Саши, — дѣвушка не особенно красивая, но очень умная, начитанная и пріятная. «Ну что у Васъ новаго?», спрашиваетъ она Нину и Жюли, перецѣловашись съ ними. «Гдѣ Ида и Саша?». — «Ида еще одѣвается; она сегодня ночью опять имѣла кризисъ...» и Жюли съ большимъ юморомъ разсказываетъ гостьѣ про то, что происходило у нихъ ночью въ ожиданіи « de la trompette du Jugement ». — «Ну а бѣдная Саша прилегла вѣроятно теперь отдохнуть? Пойду бранить Иду!» — «Ахъ нѣтъ, погодите! пока Саша не придетъ, я вамъ разскажу недавнее злоключеніе, ее постигшее, но окончившееся впрочемъ для нея очень благополучно».

«Вамъ вѣдь говорили, что Мурузи привезли изъ Бадена рулетку; и теперь на семейныхъ вечерахъ, когда собираются семья Хартулари и мы съ Мамой и еще кой-кто, старый князь*) держитъ банкъ; изъ нашихъ играютъ — мама (у которой положительно есть игрецкая жилка) и Саша, ставящая послѣдніе свои гривенники и, разумѣется, всегда проигрывающая. Только вотъ въ среду опять тамъ играли. А надобно Вамъ

---

*) Софья Всеволодовна, скончалась незамужнею въ Москвѣ въ 1911 году.

**) Графиня Софья Григорьевна Ностицъ скончалась незамужнею.

***) Луиза Александровна вышла замужъ за Михаила Константиновича Ону, скончалась въ Парижѣ въ 1909 году.

****) Княжна Софья Григорьевна Волконская вышла замужъ за князя Николая Васильевича Репнина.

*****) Князь Александръ Дмитріевичъ Мурузи, о которомъ говорено выше въ главѣ I-й, женатъ вторымъ бракомъ на дѣвицѣ Хартулари изъ почтенной семьи Петербургской Греческой колоніи.

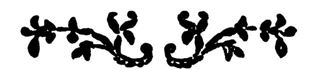
сказать, что на дняхъ Мари Трубецкая *) прислала намъ всѣмъ изъ Воронежа по серебряному образку Св. Митрофана Воронежскаго. Вотъ Саша и возьми свой образокъ на счастье и положи его въ портмонэ вмѣстѣ съ мелочью. Она, бѣдная, кажется уже рубля полтора проиграла и, вздумавъ отъиграться на номерѣ, — какъ теперь помню на тринадцатомъ, — положила на него, — вѣроятно перекрестившись подъ столомъ, — цѣлый двугривенный. Шарикъ пущенъ и, попадаетъ на тринадцать! « Le treize gagne! », провозглашаетъ князь. « A qui la mise? »— « Мой двугривенный! », въ восхищенiи восклицаетъ Саша. Князь отсчитываетъ выигрышъ — семь рублей! — и хочетъ положить ихъ, по правиламъ, на выигравшiй номеръ; — какъ вдругъ начинаетъ хохотать: «Саша, Саша, да у васъ не двугривенный на номерѣ лежитъ, а серебряный образокъ, — святой Митрофанiй Воронежскiй... — Увы, я не имѣю въ банкѣ тридцати пяти образковъ этого достойнаго святителя!» Всѣ на бѣдную Сашу набрасываются, смѣются, а Мама еще ей нравоученiе читаетъ: « Voilà ce que c'est de mêler les choses saintes aux choses profanes!»

«Но милый cousin Alexandre, посмѣявшись вдоволь надъ Сашей, поступилъ по-княжески: онъ на слѣдующiй день поѣхалъ въ Подворье, справился сколько стоятъ образки Св. Митрофанiя, и затѣмъ привезъ Сашѣ цѣлыхъ тридцать пять рублей — une fortune ! Саша долго отказывалась, но наконецъ должна была принять. Впрочемъ этотъ капиталъ уже почти весь разобранъ; даже Мама, если не ошибаюсь, заняла у Саши десять рублей! За то никогда еще милая Саша не была такъ популярна въ семьѣ!.. А! да вотъ и мои благочестивыя старшiя сестрицы»... Жюли пируэтируетъ на каблучкѣ и убѣгаетъ; но черезъ нѣсколько минутъ возвращается вмѣстѣ съ няней Фогель, неся подносы съ чаемъ и со сдобными булками. «А, вотъ и запрещенный чай!», смѣясь, говоритъ гостья: дѣдушка и бабушка считали дневное чаепитiе совершенно антигигiеничнымъ обыкновенiемъ; онъ портитъ де ап-

---

*) Княгиня Марiя Алексѣевна Трубецкая, рожденная Пещурова, о коей говорено уже выше.

петить къ обѣду ; но «на антресоляхъ» обычай этотъ процвѣталъ, не то чтобы совсѣмъ тайкомъ отъ родителей, а только не въ ихъ присутствіи.

Загодя передъ обѣдомъ, мама возвращается и зоветъ меня къ себѣ — читать съ нею изъ Священной Исторіи, а послѣ этого чтенія проходить къ дѣдушкѣ, уже вернувшемуся пѣшкомъ изъ Сената домой — съ заходомъ въ книжный магазинъ Фену и въ Милютинскія лавки. Приближается обѣденный часъ, а Софьи Христофоровны, выѣхавшей въ два часа съ визитами, все нѣтъ да нѣтъ! Дѣдушка начинаетъ уже волноваться. «Тихонъ, зоветъ онъ буфетчика, барыня не говорили, въ которомъ часу онѣ вернутся?» — «Какъ-же-съ, я самъ у генеральши объ этомъ спрашивалъ, но онѣ отвѣтили... (Тихонъ немного запинается)... отвѣтили: — въ пять часовъ седьмомъ» — «Въ пять часовъ шестомъ — ты хочешь сказать?» — «Никакъ нѣтъ-съ. Я еще переспросилъ, но онѣ такъ и изволили опять отвѣтить: въ пять часовъ седьмомъ!» Дѣдушка дѣлаетъ плечами жестъ, изображающій покорность злосчастной, но неотвратимой судьбѣ, и возвращается къ себѣ въ кабинетъ.

Но вотъ слышенъ скрипъ подъѣзжающей по снѣгу кареты, и бабушка появляется въ дверяхъ весьма довольная и гордая: «Ты видишь, что я не опоздала: еще шести нѣтъ!» — «А тебѣ не холодно было такъ долго кататься?» — «Какое холодно! — изъ кареты въ душную гостинную — изъ душной гостинной опять въ карету!.. Нѣтъ, кому я завидую, такъ это кучерамъ! Цѣлый день на вольномъ, живительномъ воздухѣ!..» Дѣдушка и мама оба невольно взглядываютъ въ сторону термометра, показывавшаго только что 15 гр. мороза, и въ душѣ немного сомнѣваются въ счастьи кучера, просидѣвшаго на «живительномъ» воздухѣ съ часу до шести. Но къ бабушкѣ въ спальню бѣжитъ

уже сверху горничная, чтобы помочь ей переодѣться, и бабушка сама уходитъ, не развивъ до конца темы о счастьи кучеровъ и извощиковъ.

Къ обѣду пріѣхали дядя Константинъ Гавриловичъ и баронъ Жомини, Леонидъ Петровичъ Софіано, племянникъ бабушки, видный молодой артиллерійскій генералъ*), и сестра его Марья Петровна, не племянница только, но и пріятельница Бабушки, жена браваго Севастопольскаго героя адмирала Аполлинарія Александровича Зарина, съ сыномъ Сашей — красивымъ симпатичнымъ молодцомъ — недавнимъ мичманомъ*)

Старикъ Кондратій превзошелъ самого себя; супъ всѣ (кромѣ меня) кушаютъ съ отмѣннымъ аппетитомъ; пирожки таютъ во рту. Огромный сигъ, окруженный фаршированными раками, съ соусомъ изъ раковыхъ шеекъ — верхъ совершенства. Телятина, — мое любимое почечное мѣсто, — съ густымъ коричневымъ соусомъ и разнообразнымъ «гарниромъ» заслуживаетъ единодушное и громкое одобреніе; наконецъ даже зелень, — какая то мудреная и, по словамъ дѣдушки, замѣчательно полезная, — съ пашотами и гренками получаетъ должную дань похвалы отъ заправскаго гастронома Жомини и отъ знатоковъ и практикантовъ хорошаго домашняго стола, — адмиральши Марьи Петровны и ея брата Леонида Петровича. На сладкое подаютъ компотъ изъ большихъ грушъ съ какимъ то желтоватымъ и ароматичнымъ не то кремомъ, не то соусомъ. Появленіе компота меня сильно разочаровываетъ сначала, но, отвѣдавъ, я рѣшаю, что у дѣдушки въ домѣ и компотъ становится превкуснымъ сладкимъ блюдомъ.

За обѣдомъ идетъ оживленный разговоръ, — разумѣется на темы внѣшней политики, — въ коемъ главное участіе принимаетъ дѣдушка, мама, баронъ Жомини, дядя Константинъ Гаври-

---

*) Объ немъ уже говорено въ главѣ I-й.

**) Александръ Аполлинаріевичъ Заринъ, погибъ, устанавливая спасательное сообщеніе между брошеннымъ бурею на мель кораблемъ «Александръ Невскій» и Ютландскимъ берегомъ. На «Александрѣ Невскомъ» находился тогда Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

ловичъ и отчасти Леонидъ Петровичъ Софіано. Идетъ 1865-й годъ. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Прусско-Австрійскія войска разбили храбрую, но небольшую Датскую армію, взяли послѣдній оплотъ сопротивленія — крѣпость Дуббельтъ и заставили Данію совершенно отказаться отъ Шлезвига и Голштиніи. Между вчерашними союзниками поднимается однако распря о дальнѣйшей судьбѣ этихъ двухъ «освобожденныхъ» нѣмецкихъ земель (которыя Пруссія желала бы прикарманить цѣликомъ), и чувствуется, что распря эта можетъ, пожалуй, перейдти въ вооруженное столкновеніе. Каковы могутъ быть послѣдствія такого столкновенія, и какъ отнесется къ нему Наполеоновская Франція и Пальмерстоновская Англія съ одной стороны и Россія съ другой, — вотъ вопросы, о которыхъ идетъ за столомъ рѣчь*).

Мама, — и въ этомъ сказывается вліяніе на неё мнѣній моего отца, — всецѣло на сторонѣ Пруссіи и увѣрена, что Австрію, въ случаѣ столкновенія, постигнетъ полный разгромъ. «И тѣмъ лучше. Она это заслужила вполнѣ своими интригами на Востокѣ, своимъ всегдашнимъ вѣроломствомъ, своимъ неумѣніемъ приноравливаться къ духу времени...» Жомини и дядя Константинъ Гавриловичъ ей поддакиваютъ, прибавляя, что, — по извѣстіямъ изъ Парижа, — тамъ едва ли склонны оказать Австрійскому Кабинету какую бы то ни было поддержку. Иное дѣло Англія: въ ея виды входило бы конечно возвращеніе Даніи по крайней мѣрѣ Шлезвига. Но объ этомъ никто въ Европѣ серьезно не думаетъ. Словомъ, пускай событія развиваются естественнымъ путемъ; намъ вмѣшиваться въ нихъ не пристало; исходъ столкновенія, при вѣроятной побѣдѣ Пруссіи, намъ безразличенъ; и намъ надлежитъ лишь внимательно приглядываться къ происходящему. Но дѣдушка не вполнѣ согласенъ съ подобнымъ рѣшеніемъ вопроса. «Вы забываете, говоритъ онъ, что отношенія между Австріей и

*) Конечно я тогда въ этихъ вопросахъ почти ничего не понималъ; но для полноты картины привожу все таки политическій разговоръ за столомъ на основаніи того, что я слышалъ впослѣдствіи о мнѣніяхъ дѣдушки и о тогдашнихъ настроеніяхъ.

Пруссіей представляли со временъ Петра І-го, а ужъ во всякомъ случаѣ со временъ Остермановъ, Бестужевыхъ и Воронцовыхъ, — чуть ли не главную заботу Русской политики и давали то или иное направленіе нашимъ собственнымъ политическимъ планамъ и предпріятіямъ; мы, старые дипломаты, были, такъ сказать, на этомъ воспитаны. И въ самомъ дѣлѣ, играя на соперничествѣ Вѣны и Берлина, мы многаго могли достичь, — и достигли. Напротивъ того, склоняя слишкомъ сильно вѣсы въ одну сторону, мы испытывали, въ концѣ концовъ, — и именно съ этой самой стороны, — разочарованія и недочеты. Николай Павловичъ это, — по временамъ, — ясно понималъ; и помните, какъ дѣйствовалъ онъ въ Ольмюцѣ въ 1851 году, когда такъ осложнился тотъ-же Шлезвигъ- Голштинскій вопросъ? — онъ запретилъ всею силою своего тогдашняго авторитета готовое разразиться Австро-Прусское столкновеніе...» — «Да, прерываетъ дѣдушку Жомини, но вспомните также, что это поведеніе наше на Ольмюцскомъ конгрессѣ сильно расхолодило русско - прусскія отношенія. Особенно озлобилось тогда на насъ прусское, или лучше сказать, общенѣмецкое мнѣніе, и это почувствовалось нами три года спустя; между тѣмъ какъ Австрія пакостила намъ въ Крымскую войну сколько могла, — Берлинъ велъ, по отношенію къ намъ, очень двусмысленную политику, продиктованную не столько Прусскимъ дворомъ, сколько нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ...» — «Да послушайте, Баронъ, я вовсе не хочу сказать, что мы теперь должны были бы повторить Ольмюцъ; времена, увы, уже совсѣмъ не тѣ! Но, по моему старческому уразумѣнію, не слѣдуетъ, — какъ то дѣлаетъ моя милая Мари, — заранѣе и съ такою радостью предвкушать пораженіе Австріи и торжество Пруссіи. Никто не можетъ поручиться намъ, что одолѣвшая Пруссія, и притомъ уже не «Пруссія», а быть можетъ Германія, и Германія вдохновляемая именно тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, о которомъ вы, дорогой Баронъ, только что такъ вѣрно упомянули, — что эта Германія останется по отношенію къ намъ хотя бы столь-же благожелательною, сколь была доселѣ маленькая и чаявшая нашей поддержки старозавѣтная Пруссія временъ Фридриха-Виль-

гельма III-го. А что несомнѣнно должно случиться, это, что Австрія, недавно вытѣсненная изъ Италіи, если будетъ вытѣснена и изъ Германіи, то конечно обратитъ всѣ свои вожделѣнія, всѣ свои усилія на югъ, на Балканскій полуостровъ и на Проливы, и будетъ тамъ всячески стараться чинить намъ всевозможныя затрудненія и ставить препоны, опираясь въ этомъ отношеніи на Францію Наполеона III-го и, въ особенности на Великобританію. Да, вы совершенно вѣрно говорите: нужно внимательно наблюдать за дальнѣйшимъ развитіемъ событій...» — «А что вы объ этомъ скажете, мой милый военный?..» обратился дѣдушка къ Леониду Петровичу Софіано, втягивая, — по долгу любезнаго хозяина, — и его въ общій интересный разговоръ. — «Я, дядюшка, какъ вы знаете, не особенно силенъ въ вопросахъ Европейской политики и съ тѣмъ большимъ интересомъ прислушиваюсь къ вашему разговору. Но, какъ военный, я могу высказать лишь одно искреннее пожеланіе, — это, чтобы Россія не была въ настоящую минуту вовлечена въ войну. У насъ, въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, идетъ теперь усиленная работа по перевооруженію артиллеріи и пѣхоты. Знаете ли вы, что на западѣ есть уже полевыя орудія, стрѣляющія на четыре версты? Его еще не видно, а оно уже наноситъ вамъ чувствительныя потери? А вопросъ о Прусской системѣ ружей: слѣдуетъ или не слѣдуетъ ввести подобныя ружья въ нашу армію? Объ этомъ идутъ уже жаркіе споры. А постройка стратегическихъ желѣзныхъ путей? А перестройка всей системы обученія войскъ сообразно съ сокращеніемъ сроковъ службы? Теперь уже сократили солдатскую службу съ 25-ти на 15 лѣтъ; но я предвижу и дальнѣйшія сокращенія, — до 12-ти и даже до 10-ти лѣтъ! Всей этой работы, какъ ни старайся, — раньше десятка лѣтъ не преодолѣть. Но если она не будетъ добросовѣстно исполнена, то можетъ повториться Крымская кампанія, гдѣ столько доблести и даже, что ни говори объ этомъ штатскіе, — столько военнаго таланта пропало даромъ!..»

Обѣдъ кончился, и «большіе» переходятъ въ дѣдушкинъ кабинетъ пить кофе и продолжать политическій разговоръ. А болѣе молодые элементы остаются въ гостинной, и потомъ сно-

ва перекочевываютъ въ столовую, гдѣ убрали и отодвинули обѣденный столъ и гдѣ находится фортепіано. Появляются новые гости: старый князь Мурузи и еще одинъ старичекъ Сенаторъ пополняютъ число дѣдушкиныхъ партнеровъ въ ералашъ; а двое молодыхъ артиллеристовъ Коко и Рома Семякины, внучатые племянники дѣдушки*), присосѣживаются къ молодежи. Пробирается туда же и еще одинъ артиллеристъ, товарищъ Леонида Софіано, введенный симъ послѣднимъ недавно въ Катаказіевскій домъ; его зовутъ Николай Васильевичъ Есиповъ; онъ малъ ростомъ, обладаетъ большою и не особенно красивою головою и весьма кривыми ногами**). Есиповъ безъ памяти влюбленъ въ Иду и силится вести съ нею разговоръ на французскомъ нарѣчіи, коимъ онъ владѣетъ плохо, но съ дерзновеніемъ. Ида конечно подымаетъ его на смѣхъ и другія сестры (кромѣ гуманной Нины) также. Но повидимому матримоніальные планы крѣпко засѣли въ голову кривоногаго, но пламеннаго подполковника, и онъ все переноситъ и настойчиво продолжаетъ осаду несдающейся твердыни Идиной любви. Сегодня онъ очень меланхоличенъ: Ида во всю кокетничаетъ съ кузеномъ Софіано, съ племянниками Зариньмъ и Семякиными, а когда появляется въ столовой, между роберами ералаша, Жомини, — пожилой, но еще бодрый, съ тонкими, нерусскими чертами лица и съ живымъ, остроумнымъ французскимъ говоромъ, — то Ида подсаживается къ нему; они болтаютъ, хохочутъ; и, когда бабушка, — любящая компанію молодежи, — садится къ роялю и начинаетъ con brio модный Вѣнскій вальсъ, Жомини схватываетъ свою даму и начинаетъ очень недурно вальсировать съ нею. Большой охотникъ до женщинъ, онъ видимо увлеченъ этою хорошенькою, умною дѣвушкою, да и она пожалуй отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. У бѣднаго Николая Васильевича кошки скребутъ на сердцѣ: назначенный начальникомъ крѣпостной артиллеріи въ

---

*) Имена ихъ родителей упомянуты уже въ главѣ V-й.

**) Когда впослѣдствіи въ парадную форму введены были высокіе сапоги, бѣдному Николаю Васильевичу особымъ приказомъ всемилостивѣйше разрѣшено было носить по прежнему длинные брюки!

Керчь, онъ долженъ скоро покинуть Петербургъ, — покинуть, ничего не добившись отъ предмета своей страсти! — « Mademoiselle Ida », говоритъ онъ мрачнымъ голосомъ, подходя къ ней, « je suis venu pour vous dire adieu! » — « Mais pourqui cela, mon cher Colonel? » — « Parceque la future semaine je vais dans le Crime...» (т. е. въ Крымъ!). Ида закусываетъ губки, чтобы не разсмѣяться, и легкомысленно отвѣчаетъ: «Comme j'aurai voulu partir avec vous!» — Эти слова снова окрыляютъ надежды Николая Васильевича; онъ остается подъ разными предлогами еще на нѣсколько недѣль въ Петербургѣ, и въ одинъ прекрасный вечеръ Ида, — подъ вліяніемъ вѣроятно какого нибудь сильнаго разочарованія или просто приступа ипохондріи, — соглашается стать женою некрасиваго, кривоногаго и говорящаго по французски «какъ испанская корова», подполковника! И родители ея изъявляютъ согласіе свое на столь неравный бракъ, руководствуясь надеждой, — и даже увѣренностью, — что только брачная жизнь можетъ излечить Идочку отъ ея непонятныхъ нервныхъ страданій и странностей. Увы, она всю жизнь продолжала чудить и страдать; но правда и то, что Николай Васильевичъ также всю свою жизнь не переставалъ носить на рукахъ свою жену и быть ея преданнымъ рабомъ.

Мало-по-малу приходятъ изъ кабинета и другіе тамъ игравшіе. Дядя Константинъ Гавриловичъ начинаетъ шутить, проказить и говорить такія вещи, — мнѣ впрочемъ непонятныя, — что мама спѣшитъ отослать меня спать.

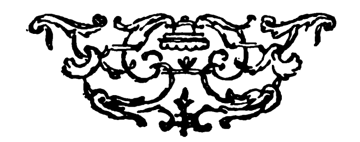
Я впрочемъ дѣйствительно усталъ отъ впечатлѣній дня и даже припомнившаяся мнѣ въ постели страшная исторія являющагося своему убійцѣ священника не лишаетъ меня возможности заснуть; напротивъ того эта священнослужительская драма переноситъ мои мысли совершенно естественнымъ путемъ къ отнюдь не «волнительному» вопросу: куда меня повезутъ завтра къ обѣднѣ? Поѣду ли я съ мама и бабушкою въ домовую церковь Адлерберговъ или же съ дѣдушкою на Малую-Итальянскую въ Греческую Церковь? У Адлерберговъ послѣ обѣдни даютъ шоколадъ, что вовсе не такъ дурно; но и

Греческая Церковь имѣетъ свою привлекательность: храмъ самъ по себѣ такой свѣтлый, красивый, пѣніе прекрасное; я стою рядомъ съ дѣдушкой, который молится такъ чинно и такъ внимательно, хотя и не становится на колѣни и замѣняетъ земной поклонъ пояснымъ съ прикосновеніемъ къ полу средняго и указательнаго пальцевъ протянутой правой руки. Я конечно ничего не понимаю по-гречески, но дѣдушка мягкимъ шепотомъ указываетъ мнѣ на важнѣйшіе моменты службы: «Символъ Вѣры», «Святъ, святъ, святъ», «Тебе поемъ», «Отче Нашъ» и т. д. И когда служба кончается, большинство присутствующихъ подходятъ къ дѣдушкѣ, стоящему рядомъ съ добрѣйшимъ Княземъ Мурузи и двумя, тремя другими старичками, и разговариваютъ съ нимъ по-гречески: «малиста, малиста»..

На этомъ я засыпаю и во снѣ переношусь въ Москву, къ оставшемуся тамъ Папа, къ брату Петро, съ которымъ мы воспитываемся вмѣстѣ, хотя онъ старше меня на четыре года, къ моей сестренкѣ Вѣрочкѣ, которую я такъ часто «дразню», врываясь въ ея дѣтскую и вѣшая за ноги на отдушникъ ея любимыхъ куколъ, пока энергичная Юлія Ивановна не прогонитъ меня оттуда со скандаломъ: къ доброй тетѣ Эленъ, нашей «подставной матери», какъ называетъ ее не совсѣмъ почтительно мой братъ; къ милому педагогу Павлу Ивановичу Несмѣлову, Тургеневскаго типа бывшему студенту, который занимается со мной какъ съ большимъ, читаетъ намъ прозу Пушкина и Записки Охотника и поощряетъ въ насъ, — вмѣстѣ съ нашимъ милымъ духовникомъ и учителемъ Закона Божія, Яковомъ Даниловичемъ Головинымъ, — склонность ко всему доброму, прекрасному и гуманному...

Это моя настоящая жизнь, съ ея маленькими драмами и большими радостями; а то, что я только что видѣлъ и слышалъ въ домѣ дѣдушки представляется мнѣ, — во снѣ, — какимъ то пріятнымъ, свѣтлымъ, но далекимъ сновидѣньемъ... И такимъ осталось оно въ моей душѣ и до сего дня, когда, на склонѣ моихъ дней, переживъ крушеніе всего того, что составляло для меня и для всѣхъ, кого я любилъ и зналъ, самую

сущность жизни, — я на чужбинѣ бужу воспоминанія о нормальной, тихой и спокойной старости моего добраго дѣдушки Гавріила Антоновича.

ГЛАВА XIII

ПОЖИЛЫЕ ГОДЫ БАБУШКИ СОФЬИ ХРИСТОФОРОВНЫ.

Я уже разсказалъ о томъ, какъ бодро встрѣтила Софья Христофоровна постигшее семью крушеніе карьеры и блестящаго положенія Гавріила Антоновича и какъ именно съ этой минуты оцѣнила она по достоинству и полюбила своего мужа.

Съ тѣхъ поръ опредѣлилась окончательно ея личность и ея дальнѣйшая жизнь.

Хозяйкой своего дома она такъ таки никогда и не сдѣлалась, да и не искала сдѣлаться, что однако отнюдь не шло въ ущербъ ея материнскому авторитету, — надъ дочерьми по крайней мѣрѣ, — и нѣкоторой власти надъ мужемъ. Вернувшись въ Петербургъ, который она хорошо знала и любила, Софья Христофоровна сразу и легко вошла въ колею пожилой сенаторши, — хотя ей было въ 1847 году еле сорокъ лѣтъ, — небогатой, незнатной, но тѣмъ не менѣе знавшей себѣ цѣну и вѣсъ. Менѣе всего порывалась она втереться, черезъ нѣкоторыхъ изъ своихъ высокопоставленныхъ сверстницъ и подругъ, въ высшій аристократическій кругъ столицы, гдѣ она могла играть лишь подчиненную, полу-приживальческую роль. Ей, — дочери Комненовъ, — пріятно было знаться лишь съ тѣми, съ кѣмъ она могла дружить на совершенно равной ногѣ. И для этого ей вполнѣ достаточно было общества своихъ старинныхъ монастырскихъ товарокъ и подругъ и кое кого изъ друзей ея мужа, по его прежнимъ служебнымъ связямъ.

Семья Пещуровыхъ, поселившаяся въ Петербургѣ къ концу тридцатныхъ годовъ и разъѣхавшаяся по всей Россіи со смертью главы дома и замужествомъ четырехъ дочерей Елиза-

веты Христофоровны, соединялась однако по возможности каждымъ лѣтомъ въ своемъ насиженномъ имѣніи Нестюгинѣ, Опочецкаго уѣзда, и бабушка съ дочерьми часто гащивала тамъ въ лѣтнюю пору у сестры и племянницъ. Ближайшими сосѣдями Пещуровыхъ были Дондуковы-Корсаковы, которые въ своей прекрасной усадьбѣ «Глубокомъ» вели такой широкій и гостепріимный образъ жизни, о какомъ въ позднѣйшее время сохранились лишь преданія*). Дружеская связь обѣихъ семей укрѣпилась замужествомъ Ольги Алексѣевны Пещуровой, вышедшей за князя Алексѣя Михайловича Дондукова-Корсакова. Естественнымъ образомъ эта близость перешла и на семью Софьи Христофоровны, коей дочери были постоянными гостьями въ «Глубкомъ»» и продолжали дружить съ Дондуковыми и въ Петербургѣ.

Затѣмъ изъ родственниковъ у бабушки оставался еще въ Петербургѣ пожилой и богатый князь Александръ Дмитріевичъ Мурузи**) добродушный и гостепріимный, женившійся подъ старость вторымъ бракомъ на дѣвицѣ Хартулари изъ весьма почтеннаго греческаго семейства, давно уже основавшагося въ Петербургѣ.

Домъ доброй графини Маріи Васильевны Адлербергъ*) былъ и остался главнымъ средоточіемъ свѣтской жизни бабуш-

---

*) Укладъ и бытъ Дондуковскаго дома, знакомый мнѣ съ юныхъ лѣтъ по разсказамъ тетушекъ, а гораздо позже по разсказамъ моего стараго пріятеля, Александра Николаевича Волкова, заслуживали бы особаго описанія, которое никогда не было сдѣлано. Крайне жаль, что не занялся этимъ нашъ даровитый и плодовитый романистъ Боборыкинъ, — въ молодости своей постоянный гость въ этомъ домѣ; его перо, столь мѣтко и живописно схватывавшее всѣ подробности окружающей среды, было создано для подобнаго очерка. Вся семья Дондуковыхъ была какъ бы собраніемъ оригиналовъ, но оригналовъ одаренныхъ недюжиннымъ умомъ, благородствомъ и добротою и которыхъ какая то особая судьба ставила подчасъ въ самыя невѣроятныя положенія. Между прочимъ глава дома, старый князь Дондуковъ-Корсаковъ, Предсѣдатель Академіи Наукъ, котораго шалунъ Пушкинъ такъ безпощадно заклеймилъ — съ тылу — своимъ крылатымъ стихомъ, быль на самомъ дѣлѣ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и общества и въ то же время безконечно гостепріимнымъ. Съ его кончиною распалась мало-по-малу своеобразная жизнь «Глубокаго».

**) См. главу III и гл. XII.

***) Рожденой Нелидовой; см. гл. II.

ки. Въ домовой церкви Министерства Императорскаго Двора, гдѣ царила глубоко-православная Марья Васильевна и замаливала нѣкоторые грѣшки старости своего лютеранскаго супруга, — бабушка была постоянною и усердною прихожанкою. А министерскія ложи въ трехъ Императорскихъ театрахъ, куда ее съ дочерьми часто приглашали, представляли для нея, — особенно на оперныхъ представленіяхъ, немалый источникъ наслажденія.

Кромѣ Марьи Васильевны, видалась бабушка часто и съ другими подругами ея ранняго дѣтства и отрочества: съ Марьей Александровной Кавелиной, съ Марьей Трофимовной Пашковой (рожденой Барановой), когда та жила въ Петербургѣ**), съ княгиней Трубецкой рожденой Нелидовой (родственницей Марьи Васильевны) и съ княгиней Марьей Петровной Волконской, рожденой Кикиной ***), мать коей была такъ дружна съ ея матерью. Любила бабушка также бывать у добрѣйшей Madame Жомини, рожденой Юшковой, тоже смольнянки, но позднѣйшаго выпуска.

Конечно посѣщала Софья Христофоровна и постоянныхъ покровительницъ и доброхотокъ своего мужа, графиню Юлію Петровну Строганову и Елизавету Васильевну Дашкову, но скорѣе по чувству долга нежели изъ удовольствія; въ вельможномъ домѣ графа Григорія Александровича ей было какъ-то не по-себѣ и въ сущности очень скучно; а Елизавета Васильевна Дашкова, женщина глубокаго ума, обширнаго образованія и непреклонной твердости характера, сама почему-то не особенно жаловала бабушку, поддерживя при этомъ сāмыя дружескія отношенія съ Гавріиломъ Антоновичемъ. У нея же въ домѣ находила себѣ постоянный уютъ тетя Hélène, — нелюбимая дочь бабушки, — подруга молодой и прекрасной Анны Дмитріевны Дашковой. Зато бабушка очень дружила съ золовкою Елизаветы Васильевны, — Варварой Васильевной Дашковой, — оригинальной и не лишенной ума старой дѣвой, которая отличалась между прочимъ, несмотря на принадлеж-

*) См. главу II.
**) См. главу I.

ность свою къ аристократической и къ тому же весьма образованной семьѣ, — чисто нижегородскимъ произношеніемъ французской рѣчи. Она нѣжно любила тетю Нину.

Всѣ эти дружескія посѣщенія, купно съ обязательными визитами, а по утрамъ — ѣзда по лавкамъ и магазинамъ для снаряженія на возможно дешевѣйшую ногу необходимыхъ туалетовъ, занимали все время Софьи Христофоровны, такъ что до шести часовъ вечера ее почти невозможно было застать дома, въ силу чего мой отецъ прозвалъ ее «Madame Benoiton», по заглавію извѣстной комедіи Сарду, гдѣ сама г-жа Бенуатонъ такъ таки до послѣдняго занавѣса и не появляется на сценѣ, хотя дѣйствующія лица о ней постоянно говорятъ и ее ежеминутно ждутъ.

Гостинная, гдѣ можно, если и неуютно, то прилично, принять гостью, имѣющую необычайную удачу, — или неудачу, — застать хозяйку дома; приличная и прочная карета, съ парой очень выносливыхъ клячъ и съ выносливымъ же кучеромъ — «отъ хозяина»; — выѣздной лакей въ ливреѣ, не слишкомъ потасканной, для визитовъ, — вотъ и все, что было нужно для личнаго удовлетворенія Софьи Христофоровны; и это дѣдушка, какъ мы видѣли, доставлялъ, — не мытьемъ такъ катаньемъ, — въ теченіи двадцати лѣтъ своей супругѣ.

Послѣдняя была бы даже совсѣмъ счастлива и довольна своею долею, если бы не постоянная забота о судьбѣ дочерей, изъ коихъ три были ей особенно дороги, и коихъ, по всему вѣроятію, ожидали, — какъ безприданницъ, — либо несоотвѣтствующіе ихъ природѣ и воспитанію браки, либо участь старыхъ дѣвъ. Озабочивало ее также подчасъ хрупкое здоровье ея мужа, перенесшаго съ пятидесятитрехлѣтняго возраста по кончину (наступившую на семьдесятъ четвертомъ году) не одну болѣзнь. — Но въ общемъ бабушку можно было назвать довольно счастливымъ образчикомъ «прежалкаго рода людского», чему способствовали, — какъ это впрочемъ всегда бываетъ, — не внѣшнія условія ея жизни, а свойства ея природы, — беззаботной и жизнерадостной. Здоровьемъ Богъ наградилъ ее превосходнымъ. Вставши непоздно, и совершивши

основательное умовеніе холодной водой (зимою она кромѣ того натирала себѣ лицо, шею и грудь кускомъ льду — противъ простуды), она во всякую погоду, пѣшкомъ, на извощикѣ и въ каретѣ, исхаживала и изъѣзживала десятокъ - другой верстъ по Петербургскимъ улицамъ, а лѣтомъ по аллеямъ дачныхъ мѣстъ или по дорогамъ Псковской деревенской глуши, и кушала съ аппетитомъ, но ровно въ мѣру, вкусный и отмѣнно здоровый столъ, поставляемый ей заботами Гавріила Антоновича. Какъ и всѣ совершенно здоровые люди она была убѣжденной и пламенной гомеопаткой.

Общество молодежи бабушка, какъ я уже говорилъ выше, любила пожалуй еще болѣе, чѣмъ общество сверстниковъ и сверстницъ; и при этомъ она умѣла обходиться такъ, чтобы не быть молодежи въ тягость своимъ присутствіемъ. Какъ я также уже упоминалъ, она имѣла замѣчательную способность вести разговоръ съ представителями самыхъ различныхъ національностей, слоевъ общества и профессій; она дѣйствительно «занимала» и ободряла своего собесѣдника, направляя бесѣду на предметы ему, а не ей, знакомые и интересные. Дѣти составляли исключеніе: она ими мало интересовалась и совсѣмъ не умѣла съ ними говорить; вотъ почему, быть можетъ, и не оставила личность бабушки въ моей памяти глубокаго отпечатка.

Софья Христофоровна совсѣмъ кажется лишена была художественнаго вкуса; подарки ея, — а она любила дарить дешевенькія вещи, — носили всегда какой-то случайный характеръ, не будучи вовсе приноровленными ко вкусу и потребностямъ одаряемаго лица, — точь въ точь какъ выигрыши благотворительной лоттереи. За то было ея эстетическое чувство направлено съ самаго дѣтства и направлено вѣрно — въ область музыки и пѣнія. Здѣсь бабушка являла себя подъ часъ не только искреннею любительницею, но и свѣдущимъ знатокомъ и критикомъ. Наружность бабушки въ тѣ годы, въ которые я ее помню, осталась, какъ и была въ юности, довольно миловидною, но незначительною. Приличная старая дама, какихъ много по визитамъ ѣздитъ, — и все тутъ!

Главнымъ достоинствомъ Софьи Христофоровны была ея постоянная и неукоснительная правдивость и, въ связи съ этимъ, отсутствіе въ ней всякаго снобизма и всякаго ломанья. Я уже говорилъ о ея благодушіи и о завидномъ дарѣ, доставшемся ей въ удѣлъ, — не помнить зла; ни того, которое ей сдѣлали, ни того, которое она сама кому-нибудь, — большею частью не по злой волѣ, — причинила. Послѣднее, — замѣтимъ въ скобкахъ, — для смертнаго пожалуй еще труднѣе, чѣмъ первое! Это благодушіе она, между прочимъ, показала по отношенію къ моему отцу, не особенно жаловавшему своей тещи и рѣдко бывавшему съ нею любезнымъ. Когда мой отецъ, безнадежно больной и безпрерывно страдающій, переѣхалъ съ моею матерью въ 1880 году съ юга въ Гейдельбергъ, бабушка поспѣшила туда изъ Парижа, утѣшала мою мать, старалась развлечь страдальца и разсталась съ нимъ, — на вѣки, — въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — « Maman est bonne, foncièrement bonne», говорила по этому поводу моя мать, «seulement il faut la connaître et ne pas s'arrêter à l'enveloppe de son caractère!».

Смерть дѣдушки Гавріила Антоновича была конечно большимъ ударомъ для Софьи Христофоровны. Переживъ мужа безъ малаго на шестнадцать лѣтъ, она до конца дней своихъ оставалась вѣрною его памяти.

Обиходъ дома, со смертью дѣдушки, разумѣется сразу съузился, несмотря на то, что бабушкѣ исходатайствовали, сверхъ полагавшейся вдовѣ сенатора пенсіи, еще и половину той, которую Гавріилъ Антоновичъ получалъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, пожалованныя же аренды принадлежали семьѣ до истеченія ихъ сроковъ. Но бабушка и не тщилась

поддерживать своего прежняго образа жизни. Она конечно не способна была извлечь какого либо дополнительнаго дохода изъ Самарскаго имѣнія, но очень способна — сократить до возможнаго minimum'а расходъ свой и оставшихся на ея попеченіи трехъ незамужнихъ дочерей, избѣгая такимъ образомъ, дефицитовъ въ домашнемъ бюджетѣ и, — Боже упаси, — новыхъ долговъ! Отъ экипажа, составлявшаго, какъ я уже говорилъ, главную пріятность ея жизни, она безъ малѣйшаго колебанія отказалась; отмѣнный столъ Катаказіевскаго дома замѣнился стряпнею дешевой кухарки; квартиру взяли небольшую, — сначала на Фурштатской, а потомъ, для дешевизны, даже на концѣ Гороховой, несмотря на ропотъ домочадцевъ, коихъ удручало такое удаленіе отъ пріятельскихъ домовъ и отъ привычныхъ магазиновъ и лавокъ.

Я помню бабушку именно на этой послѣдней Петербургской квартирѣ, показавшейся мнѣ такою пустой и неуютной! Это было лѣтомъ 1872 года; я только что вышелъ изъ отрочества и впервые пріѣхалъ въ Петербургъ съ того времени, о которомъ я писалъ въ предыдущей главѣ. Живо вспоминаю, между прочимъ, посѣщеніе, которое сдѣлалъ при мнѣ бабушкѣ мой дѣдъ Сергѣй Петровичъ Неклюдовъ, тогда уже восьмидесяти-двухълѣтній старикъ, начинавшій поддаваться бремени годовъ.. Не знаю почему, но рѣчь зашла объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Бабушка, у которой всегда оставалась въ сердцѣ заноза противъ покойнаго Монарха за несправедливость, учиненную ея мужу въ 1843 году, — отозвалась съ большою холодностью на хвалебныя рѣчи Сергѣя Петровича; тотъ разумѣется обидѣлся за своего идола и, переведя вопросъ съ теоретической почвы на личную, заявилъ безъ обиняковъ, что Софья Христофоровна потому де не любитъ Николая I-го, что тотъ «по дѣломъ» прогналъ со службы ея мужа! Тутъ ужъ и бабушка сильно обидѣлась и отвѣтила своему любезному собесѣднику твердо и съ большимъ достоинствомъ, что въ данномъ случаѣ Николай I совершилъ явную несправедливость, и что подобнаго рода дѣйствія отвратили отъ него сердца многихъ изъ его вѣрныхъ подданныхъ. Тогда Сергѣй Петровичъ вышелъ совершенно изъ себя: «Je vois maitenent ce que Vous êtes», закри-

чалъ онъ на бабушку, « Vous êtes une de ces femmes qui veulent donner des soufflets à tous les souverains ; mon pied ne sera plus chez Vous ! » всталъ и, не простившись, ушелъ въ прихожую, тяжело постукивая своимъ посохомъ. Вышедши проводить дѣда и запереть за нимъ входную дверь, я вернулся въ гостинную крайне возмущенный «неджентльмэнскою» выходкою Сергѣя Петровича (въ шестнадцать лѣтъ джентльмэнство было моимъ конькомъ). Замѣтивъ мое негодованіе, бабушка поспѣшила просто и добродушно сказать мнѣ, что на моего дѣда обижаться не слѣдуетъ, т. к. онъ уже совсѣмъ одряхлѣлъ и не понимаетъ самъ, что говоритъ, но что тѣмъ не менѣе она не могла позволить, чтобы въ ея присутствіи относились безъ должнаго уваженія къ памяти ея покойнаго мужа, который былъ человѣкомъ рѣдкихъ достоинствъ и котораго всѣ хорошіе люди уважали и любили.

Къ слову будь сказано, при жизни Гавріила Антоновича, между нимъ и раздражительнымъ и несдержаннымъ Сергѣемъ Петровичемъ не произошло ни разу, — а поводы тому были, — ни малѣйшаго столкновенія. Гавріилъ Антоновичъ, не питая особенно нѣжныхъ чувствъ къ своему свату, оказывалъ ему тѣмъ не менѣе всю ту сумму внѣшняго уваженія, которая, по его мнѣнію, полагалась свекру его дочери; а на Сергѣя Петровича выдержка и простое достоинство тестя его сына производили вліяніе отрезвляющее.

Вскорѣ послѣ моего послѣдняго свиданія съ бабушкой, въ жизни ея наступилъ новый переломъ, вызванный событіемъ весьма грустнымъ, но обернувшійся для нея въ концѣ концовъ благопріятно.. Около 1874-го года скончалась одна изъ любимѣйшихъ дочерей бабушки, прелестная тетя Нина, вышед-

шая года три передъ тѣмъ замужъ за двоюроднаго племянника своего Романа Константиновича Семякина; почти одновременно этотъ послѣдній лишился разсудка и вскорѣ также умеръ. Бабушка взяла къ себѣ круглую сироту внучку и отправилась за-границу. Въ концѣ концовъ она поселилась въ Парижѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ основался ея любимый сынъ Константинъ Гавриловичъ.

Я говорилъ уже, что бабушка была совсѣмъ русская по воспитанію, по вкусамъ, по всѣмъ своимъ связямъ. Но въ особенности и прежде всего принадлежала она къ той особой породѣ русскихъ людей, которые понимали родину главнымъ образомъ въ лицѣ «града Петрова», съ его высшими и средними государственными сплетнями, и со всѣмъ укладомъ его общественной, уличной и народной жизни. Для такихъ коренныхъ Петербуржцевъ — Москва являлась чѣмъ-то чуждымъ, полудикимъ и почти-что враждебнымъ; переселеніе въ Харьковъ, Казань или Воронежъ равнялося отдаленной ссылкѣ; а Варшава, Одесса, Тифлисъ представлялись интересною и красочною чужбиной, но все-же чужбиной, а отнюдь не родиной. Заправская «за-граница» привлекала ихъ по временамъ; но, поживъ тамъ мѣсяца три - четыре, они всѣми чувствами стремилися домой — на Невскій проспектъ, на набережныя и «стогны», воспѣтыя Пушкинымъ, на насиженныя кресла въ Императорскихъ театрахъ, къ извощикамъ, охтенкамъ, татарамъ, нѣмецкимъ булочникамъ и колбасникамъ и французскимъ парикмахерамъ, портнымъ и модисткамъ. Хороша «за-граница», но жить въ ней постоянно — тоска!

Исключеніе составлялъ съ издавняго времени, но въ особенности съ шестидесятыхъ годовъ, одинъ городокъ, гдѣ русскіе, будь они даже самыми преданными москвичами, или самыми нераскаянными петербуржцами, — какъ то незамѣтно для себя самихъ аклиматизируются и осѣдаютъ. Городокъ этотъ — разумѣется Парижъ. Правда и то, что въ Парижѣ, вокругъ ругаемаго за высокомѣріе посольства и наводняемаго по воскресеньямъ дамскими новыми туалетами, шушуканьемъ и даже громкими разговорами русскаго храма на «рю Дарю», —

образовалась въ тѣ времена большая русская колонія, и каждый новопріѣзжій обрѣталъ среди нея родственниковъ, старыхъ друзей, единомышленниковъ, — словомъ микрокосмъ своей родины, за исключеніемъ только «народа»: но мало-по-малу привыкали и къ мѣстному суррогату этого «народа» — къ парижскимъ фіакрамъ, боннамъ, бланшисезамъ и т. п., а дѣйствительно незамѣнимая прелесть русскаго широкаго обихода возмѣщалась удобствами и непритязательностью мѣстной жизни: дешевыми — въ тѣ времена — театрами, омнибусами, грошовыми «consommations» въ кафе и даровымъ зрѣлищемъ кипучей, веселой уличной и бульварной сутолоки.

Бабушка, поселившаяся съ дочерьми Сашею и Жюли и съ двумя внучками: Соней Есиповой и Нюничкой Семякиной (изъ коихъ послѣдняя впрочемъ скоро умерла) въ отдаленномъ уголку Пасси, — тогда еще почти дачнаго предмѣстья. — мало-по-малу совершенно втянулась въ новую жизнь, оказавшуюся точь въ точь по мѣркѣ ея природныхъ наклонностей и ея старческой безоблачности, почти даже рѣзвости. Частыя свиданія съ любимымъ и всегда столь оживленнымъ и забавнымъ сыномъ, усердныя молитвы по воскресеньямъ, праздникамъ и ихъ канунамъ въ русской церкви, дружеское обращеніе съ нѣсколькими семействами изъ русской колоніи, кое-когда посѣщеніе съ сыномъ, или съ дочерью, или съ пріятелями какого нибудь театра, гдѣ за недорогую цѣну можно вдоволь посмѣяться или поплакать; великолѣпные и также недорогіе концерты, остановки съ тѣмъ же сыномъ на заставленныхъ столиками широкихъ панеляхъ бульварныхъ кафе съ обязательною, но скромною «consommation», а днемъ — поѣздки на омнибусѣ «въ городъ», въ большіе магазины Louvre и Bon Marché, гдѣ и покупать то вовсе не нужно, а можно безъ конца глядѣть, прицѣниваться и ѣздить (какъ весело!) съ низу вверхъ и обратно въ переполненныхъ самою разнообразною публикою подъемныхъ машинахъ.

Бабушка, дѣлавшаяся съ годами все добродушнѣе и все беззаботнѣе, не имѣвшая, при своей природной разсчетливости и простотѣ вкусовъ, никакихъ денежныхъ заботъ, про-

жила такимъ образомъ въ Парижѣ почти совершенно безоблачно до семидесяти-четырехъ-лѣтняго возраста. Я говорю «почти», ибо и тутъ посѣтило ее большое семейное горе: добрая тетя Саша, — преданная дочь - служанка, — скончалась какъ то очень быстро и почти безболѣзненно. Бабушка погоревала, поплакала, но, какъ большинство старыхъ людей, быстро утѣшилась и свыклась съ этой потерей: ее окружали еще не старая, нѣжно любимая дочь и молоденькая, веселая внучка. Втроемъ можно было легче и дешевле путешествовать, жить по мѣсяцамъ въ пансіонахъ, — что бабушка очень любила, ибо легко знакомилась, была пріятно разговорчива и поэтому быстро становилась общей любимицей. И Софья Христофоровна до конца использовала эти скромныя, неприхотливыя радости жизни, продолжая къ тому же пользоваться отмѣннымъ здоровьемъ.

Но разъ какъ то, вернувшись подъ вечеръ домой, она почувствовала приливъ крови къ головѣ и слегла. Ночью у нея оказалась очень повышенная температура и она впала въ полузабытье. Пригласили врачей; тѣ опредѣлили болѣзнь какъ воспаленіе мозга; прибѣгли къ кое - какимъ оттягивающимъ средствамъ; но сознаніе больной дѣлалось все слабѣе и черезъ сутки-другія она совершенно тихо скончалась, совсѣмъ такъ же, какъ скончалась за два года передъ тѣмъ ея дочь Саша.

Обѣ онѣ, равно какъ и маленькая дочка тети Нины, погребены въ общей семейной могилѣ на старомъ кладбищѣ Пасси, насупротивъ Трокадеро, — кладбищѣ, гдѣ нынѣ нельзя покупать новыхъ мѣстъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ та-же могила приняла останки дяди Константина Гавриловича, скончавшагося лѣтъ шестидесяти двухъ отъ роду, а въ 1905 году туда положили его вдову.

Оставалось послѣднее, шестое мѣсто. Въ 1918 году оно приняло останки нашего второго, — и послѣдняго изъ трехъ, — сына, Петра Анатольевича Неклюдова, скончавшагося въ Парижѣ отъ свирѣпствовавшей тамъ, какъ и по всей Европѣ, легочной чумы... Эту чуму велѣно было повсюду называть, — очевидно въ интересахъ продолженія міровой бойни, — менѣе пугающимъ публику именемъ «испанскаго гриппа». — Обра-

зецъ, нерѣдкихъ въ исторіи, повальнаго людского безумія и лицемѣрія, хитростямъ сумасшедшихъ подобнаго...

Да! — безумія и лицемѣрія, охватившихъ тогда человѣчество и ставшихъ отнынѣ политическими владыками и водителями міра.

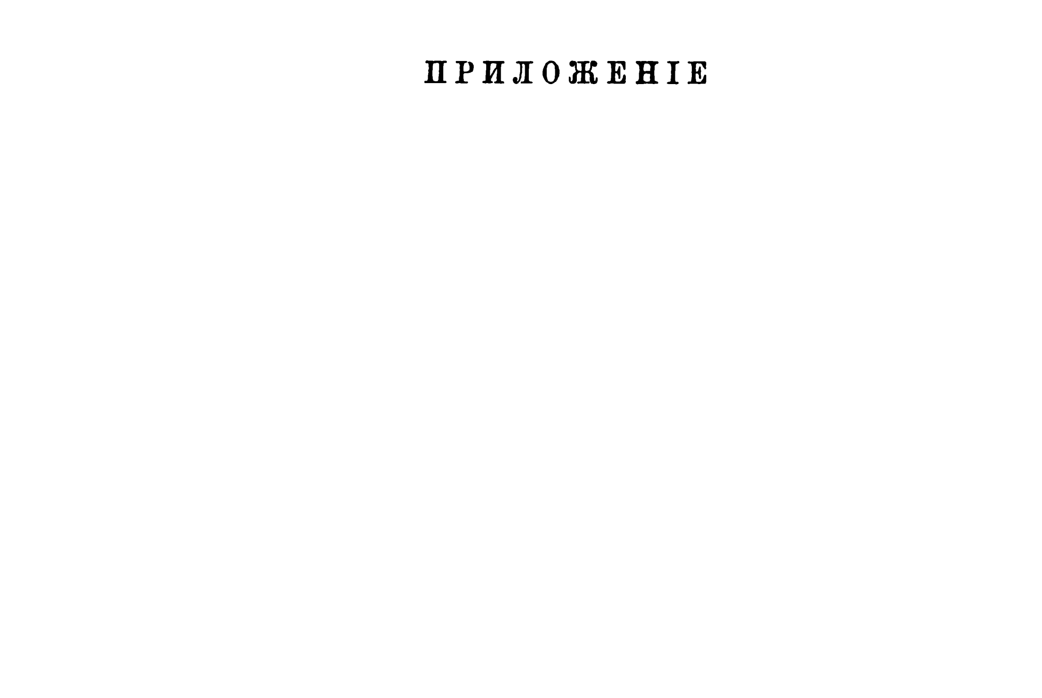
Но среди того, что видишь и слышишь ежедневно, среди неотступныхъ призраковъ ужаса и насилія, mentre chè il damno e la vergogna dura, — мысль и сердце любятъ воскрешать родные, милые образы, сущностью коихъ при жизни были: правда, ясность, незлобіе. Живъ Богъ — жива душа моя, говорятъ вамъ эти образы, и миръ водворяется снова въ душѣ вашей, какъ торжествуетъ онъ и въ этомъ цвѣтущемъ уголкѣ заштатнаго, охваченнаго огромнымъ городомъ кладбища надъ немолчнымъ прибоемъ уличнаго грохода и людской суеты.

Третья и послѣдняя часть нашего повѣствованія, уже готовая къ печати, посвящена будетъ преимущественно жизни родителей въ періодъ времени 1840-1901 годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПЕРЕВОДЪ ПИСЕМЪ, ПРИВОДИМЫХЪ ВЪ ГЛАВАХЪ: II-Й, Ш-Й, IV-Й, V-Й, VI-Й, VII-Й И НАПИСАННЫХЪ ЧАСТЯМИ ИЛИ СПЛОШЬ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Примѣчаніе: Курсивомъ напечатаны здѣсь части писемъ и слова, написанныя Маріей Александровной Комнено по-русски*).

Гл. II-я 92 Завтра, т. е. 9-го, очень печальный для насъ день: это день именинъ папа и какъ разъ годъ съ его несчастнаго паденія; мостъ еще не наведенъ, и это помѣшаетъ намъ отправиться на Смоленское, чтобы исполнить нашъ долгъ.

93—94 Софи не писала тебѣ, такъ какъ у нея болѣли глаза. Эта крошка очаровательна. Я навѣщаю ее каждый день. Но какъ у меня нѣтъ ни лошадей, ничего, мнѣ довольно часто случается возвращаться на извощикѣ. Признаюсь тебѣ, что всякій разъ какъ это со мной случается, сердце у меня сжимается до того, что... но не будемъ говорить объ этихъ бѣдахъ; мнѣ надо страдать одной; зачѣмъ я стала бы мучить васъ непріятнымъ разсказомъ о моемъ теперешнемъ существованіи?..

94 *Теперь стану Тебѣ, моему другу, подробно отвѣчать на всѣ Твои вопросы: 1) Что я дѣлаю — ничего. 2) Таскають меня и утро и вечеръ, чему я рада, ибо дома когда сижу, то тоскую слишкомъ. Вчерась была въ другой разъ въ театрѣ,давали Весталку по русски.* 3) Мое хозяйство идетъ очень хорошо; я купила дрова по 10 рублей сажень. Когда у меня дома на обѣдъ бифштексъ и два яйца, то весь обѣдъ обходится мнѣ только въ 60 копѣекъ, съ хлѣбомъ въ восемь

---

*) Прекраснымъ переводомъ симъ я обязанъ любезности знатока русскаго языка и словесности Приватъ - Доцента, Константина Андреевича Вогака.

грошей, — и половина его остается. 4) Я купила вчера пару лошадей со сбруей за 225 рублей; и прошу тебя не смѣяться, когда скажу тебѣ, что за эту цѣну у меня пара **гнѣдопѣгихъ**. Увидишь, я вамъ обѣщаю, что у меня будетъ очень приличный маленькій выѣздъ. **Яковъ**, которому дѣлать нечего, у меня лакеемъ. Великолѣпная шляпа съ галуномъ и совсѣмъ новая шинель, которую я ему сдѣлала, вполнѣ его осчастливила. У меня только онъ съ женой и **Сидоръ** со своей. Все покойно вокругъ меня и все въ полномъ порядкѣ; у меня также мадемуазелль **Дашка**, которая записываетъ весь расходъ по дому; **«жалуемъ ее въ наши штатсъ-секретари»**. Иванъ — кучеромъ, тоже одѣтъ заново... Комнаты теплы, и находятъ, что я помѣщена (очень) щегольски. **Моя горка во всемъ нарядѣ. Вотъ, другъ мой, на всѣ Твои пункты мой отвѣтъ: и я не только не удивляюсь Твоимъ вопросамъ, но чту ихъ должными, и не натурально-бы было, ежели моя Катенька оные не дѣлала»...**

99 Мнѣ отсовѣтовали просить въ Бессарабіи, такъ какъ тамъ наобѣщали уже двѣсти тысячъ десятинъ — на какое время, Богъ вѣсть! и потомъ земли у васъ будутъ чрезвычайно дешевы, такъ какъ всѣ станутъ продавать одновремснно. Теперь значитъ придется выбирать между одиннадцатью губерніями! Богъ мнѣ снова поможетъ...

100 **Съ помощью Божіей я продала свои десятины, и всѣ удивляются теперь, какъ мнѣ удалось отъ нихъ избавиться, хотя, дѣйствительно, земли теперь — настоящій лабиринтъ.** Но я сдѣлала лучше: я продала свою претензію за 27.000 рублей и оставила проценты за годъ: такимъ образомъ въ будущемъ году у меня будетъ на 3.000 рублей больше; въ данный моментъ у меня только вексель на 30.000 рублей; покупщикъ человѣкъ надежный и я спокойна...

107 Я поѣхала навѣстить добрыхъ друзей Кикиныхъ на дачѣ. Ихъ радость и ихъ удовольствіе были очень искренни; они тронули меня до глубины души. Мари очень интересуется тобой, а ея мужъ — твоимъ мужемъ. Напиши, мой добрый другъ, Машѣ, она тебя любитъ очень искренно. Ея дочка — ангелъ красоты, ума и послушанія. Она нисколько не дикая, — она какъ взрослая, которая давно васъ знаетъ; Мари и ея мужъ основательно пополнѣли. Добрая Марья Савишна похудѣла и, слѣдовательно, довольно слаба; но кто постарѣлъ, такъ это Катринъ.

107—108 Ахъ, если бы ты знала, дружокъ, какой прiятный день я провела сегодня! Я только что вернулась съ Марiей и всю дорогу она только и говорила мнѣ о воздушныхъ замкахъ. Вотъ въ чемъ дѣло: она хочетъ поѣхать лѣтомъ съ мужемъ въ свою деревню въ Польшу. Я знаю, что это только верстъ 500 отъ Кишинева, — вотъ я хочу поѣхать съ ними, а оттуда я слетала бы къ вамъ хотя бы только на недѣльку. Не правда ли, **Душенька**, у меня больше храбрости, чѣмъ силъ? Богъ мнѣ ихъ дастъ, на такое безумiе я вѣдь пойду, чтобы увидать своихъ дѣтей...

Ахъ, ежели-бы это сбылось... и безъ дѣвки, при двухъ рубахахъ, да два капо'та-бы взяла — и катай... То-то бы Тебѣ, глупенькой, была-бы радость...

Но пока будемъ все таки надѣяться, дружочекъ, и если изъ этого ничего не выйдетъ, то помечтать объ этомъ по крайней мѣрѣ позволитъ намъ прiятно провести время. И потомъ Мари говоритъ: « **Катенька вѣрно захочетъ Тебя проводить до деревни, итакъ мы ее увидимъ. Какъ весело намъ будетъ...**

109 Госпожа Вязьмитинова крайне нѣжна ко мнѣ. У ея бѣднаго мужа, когда онъ поцѣловалъ меня, были слезы радости на глазахъ. Всякiй разъ, какъ онъ отправлялся въ монастырь, онъ просилъ повидать Софи; бѣдняга страшно постарѣлъ и сталъ болѣзненнымъ (хворымъ); я очень боюсь за этого славнаго, честнаго человѣка. Сама она пополнѣла, помолодѣла и процвѣтаетъ! Софья Петровна и ея дочь очень плакали, видя меня, и задали мнѣ тысячу вопросовъ про тебя.

110 Я прошу Тебя, первый же разъ, какъ Ты будешь писать мнѣ, припиши внизу, чтобы я могла показать доброму Вязьмитинову «**Мое нижайшее почтенiе Папинькиному и нашему благодѣтелю Сергѣю Кузьмичу, мое искреннѣйшее высокопочтенiе, ручку у него цѣлую, что онъ насъ вспомнилъ. Александрѣ Николаевнѣ** засвидѣтельствуйте также мое нижайшее почтенiе и я всю жизнь буду помнить ея доброту и ласку къ намъ. **Соню милую и любезную Сашу въ душѣ цѣлую; пожалуйста, маменька, покрѣпче за меня ихъ поцѣлуйте.** Спиши это буквально, такъ какъ можетъ быть это будетъ полезно.

110 Дорогая Като, къ несчастiю я тебѣ пишу изъ дома нашего дорогого и уважаемаго покровителя графа Вязьмити-

нова; къ несчастью, да, — дорогая Като, этого человѣка, который жилъ такъ хорошо, больше нѣтъ. Онъ окончилъ свои дни 15 октября въ 9 часовъ утра отъ апоплексическаго удара, вчера его уже похоронили, а я остаюсь день и ночь при его несчастной вдовѣ. Церемонія была великолѣпна; она ничего не пожалѣла, чтобы воздать ему послѣдній долгъ; это будетъ стоить болѣе 25.000 рублей. Она поступила очень благородно; да и какъ могла бы она вести себя иначе, когда онъ въ теченіи пяти лѣтъ все для нея устроилъ до малѣйшихъ мелочей. Онъ оставилъ завѣщаніе по всей формѣ и обычныя въ подобныхъ случаяхъ довѣренности; онъ оставилъ ее полной хозяйкой всего, что у него было. Четыре дня тому назадъ онъ еще пилъ за твое здоровье — только чтобы доставить мнѣ удовольствіе! Словомъ я потеряла въ немъ истиннаго друга, но такъ какъ это воля Божія, то я утѣшаюсь.

113—114 **Ну, теперь я Тебѣ скажу, что я рыскаю, какъ никогда. Не прогнѣвайтесь, сударыня, — отъ графовъ до княгинь...** Третьяго дня я обѣдала у графини Потоцкой съ графиней Вязьмитиновой по особому приглашенію. Надо тебѣ сказать, что мнѣ было очень любопытно пообѣдать за такимъ знаменитымъ и расхваленнымъ столомъ. Но, между нами, **мнѣ за нее стыдно стало. Во первыхъ, на простомъ фаянсѣ, а во вторыхъ**, это было немножко скаредно: былъ только одинъ **сносный** супъ, **бифштексъ, въ раковинахъ устрицы (телячья голова изрублена и поджарена, какъ будто бы устрицы) соусъ изъ филейчиковъ, другой соусъ съ гребешками, въ коробочкахъ бумажныхъ родъ пуддинга (прескверный), а послѣ — курица съ воробьями на жаркое, а къ оному по половинѣ огурца. Бисквиты вмѣсто пирожнаго, десертъ самый простой, какой можетъ только быть, — даже** des bonbons **не было... Вотъ славный столъ, о которомъ она сама такъ громко кричитъ и говоритъ, что — безъ десерта и безъ винъ — 10.000 каждый мѣсяцъ на столъ издерживаетъ...**

114 **Смотри**, не говори этого м-мъ Бахметьевой. Ты можешь сказать ей все, кромѣ того, что мы нашли столъ немножко скареднымъ. Впрочемъ, лучше сказать ей просто, что я тамъ обѣдала, не называя ни блюдъ, ничего...

115—116 **И еще пріобрѣла я 15 дессертныхъ приборовъ, вызолоченныхъ прекрасныхъ; да еще что Тебѣ скажу, — ни копейки не стоило, будто даромъ пришлось!**

Я отсюда вижу твое любопытство, моя Като... Ну, я постараюсь тебя удовлетворить. Ты помнишь золотую шпагу папа? Я ее заботливо хранила, думая, что когда нибудь Митенька сможетъ ею пользоваться. Но когда мнѣ сказали, что нынѣшнія шпаги совсѣмъ не такія, какія давали раньше, и что она никогда не сможетъ служить моему сыну, тогда я подумала - подумала (какъ я это всегда дѣлаю) да и придумала эту мѣну. Вотъ теперь отлично могу убрать свой маленькій столъ... И никому не обязана. Потому что подарки, которые получаешь, не имѣя возможности отдарить, даютъ ужасное несвареніе желудка. Слава Богу, этого нѣтъ.

118 М-лль Архарова выходитъ за Васильчикова, брата м-мъ Кочубей; дочь графини Строгановой разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ; скажите г. Литке, что я видѣла его двоюроднаго брата и что мы много говорили о немъ; его жена очаровательна (это — генералъ Панкратьевъ...)

118 Графъ Милорадовичъ влюбленъ въ графиню Ольгу.... на прощанье онъ заказалъ для нея великолѣпный альбомъ, который будетъ стоить 15.000 рублей, съ великолѣпной мозаикой и разными драгоцѣнными камнями; рисунки первыхъ мастеровъ, — и чтобы принудить ее принять такой роскошный подарокъ, онъ вставляетъ въ альбомъ портретъ Великой Княгини Александры.

Эдуардъ уѣхалъ не простившись съ графиней Потоцкой... Свѣчина, Екатерина Вас. (Энгельгардтъ) умираетъ, у нея чахотка.

119 Теперь разскажу тебѣ секретъ, который мнѣ довѣрили на этихъ дняхъ: Алексѣй Бобринскій женится на графинѣ Самойловой. Ея мать сказала мнѣ объ этомъ, и никто еще не знаетъ. Это будетъ объявлено только въ февралѣ послѣ ея возвращенія изъ Москвы. А уѣзжаетъ она на этихъ дняхъ, чтобы вернуться черезъ десять дней, ты можешь сказать это Александру, но никому другому не говори; отъ васъ могли бы написать сюда, и это было бы нехорошо съ моей стороны. И знаешь, какъ смѣшно: юные влюбленные видятся только у графини Ливенъ, чтобы никто не могъ ничего замѣтить; старуха посвящена въ тайну...

Гл. III-я Моя бѣдная кузина все очень грустить. Государь такъ
133 добръ, что всякій день посылаетъ справляться о ея здоровьи!

12

133—134 Третьяго дня я накормила обѣдомъ нашего добраго Алеко съ женой; она милая особа, но очень слаба здоровьемъ.

Графъ отмѣнно добръ ко мнѣ. Въ прошлый вечеръ я отправилась въ городъ, чтобы повидать Софи, и вечеромъ, когда я вернулась домой, графъ пріѣхалъ раздѣлить мою скуку. Онъ у меня остался почти до полуночи. Какой ангельскій человѣкъ! Я говорила съ нимъ о своихъ дѣлахъ и о своихъ обстоятельствахъ. Онъ сдѣлаетъ все, что отъ него будетъ зависѣть, чтобы быть мнѣ полезнымъ. Онъ пригласилъ меня на завтра къ себѣ на обѣдъ и отмѣнно обошелся со мною, спросилъ меня въ свою очередь, не желала бы я, чтобы онъ пригласилъ кого-нибудь. Я разумѣется, ничего не пожелала, и тогда онъ пригласилъ Алексѣя, который пріѣхалъ сюда на недѣлю, и Мазаровича. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ свою карету на 24 часа, говорилъ онъ; я не стала церемониться, взяла карету и съѣздила повидать милую семью Кикиныхъ на дачу...

134 Я не дала знать Графу, что я въ городѣ, потому что онъ предложилъ бы мнѣ свою карету на все время, потому что онъ уже просилъ меня принять ее; а ты знаешь, моя Като, хочу ли я когда-нибудь злоупотреблять дружбой своихъ друзей.

135 Нашъ Габріель получилъ крестъ св. Анны съ бриллiантами на шею и годичный окладъ въ награду... У меня отличныя отношенія съ Габріелемъ, и я больше его совсѣмъ не ревную, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что у него новая интрига. Вотъ живенькій пѣтушокъ — двѣ разомъ! И я заявила ему, что онъ больше не достоинъ обладанія Софи.

Онъ защищается и говоритъ мнѣ: Почему нѣтъ? Увѣряю васъ, я буду отмѣннымъ мужемъ, я буду обожать свою жену. — На это я говорю ему: Нѣтъ, дорогой мой, вы слишкомъ распутны! — И мы оба расхохотались! Дорогой Гавріилъ меня дѣйствительно любитъ, и я плачу ему тѣмъ же, но теперь безъ всякаго особеннаго интереса.

140—141 Марья Савишна сказала мнѣ, что она очень тобой довольна; это доставило мнѣ удовольствіе, моя милая... Надѣюсь, что ты прилежно занимаешься уроками греческаго? Помни, это твой родной языкъ!

Вотъ, Машенька, помоги мнѣ размотать эту шерсть; если ты будешь держать мотокъ хорошо натянутымъ и если

прочитаешь мнѣ въ это время басню Лафонтена, я позволю тебѣ войти на минутку къ маленькому Александру, только ты не возьмешь его на руки...

142 Графъ получилъ Владиміра I ст. и Прусскаго Чернаго Орла; въ газетѣ написано, что онъ получилъ отпускъ на годъ; между тѣмъ это невѣрно, я скажу тебѣ черезъ нѣсколько дней; я жду его пріѣзда для моихъ земель. Всетаки я думаю, что онъ долго не останется у своего отца.

143 Александръ мой уѣхалъ 24-го вечеромъ. Онъ прожилъ послѣднюю недѣлю у меня, мы были неразлучны. Посуди же, какую пустоту онъ оставилъ — представь себѣ. Ну, это былъ второй... Не знаю, почему я себѣ вообразила, что не увижу его больше, а изъ за этого я потеряла все мужество, какое у меня было. Ты знаешь его привязанность ко мнѣ, ну такъ мнѣ кажется, что она утроилась. Я сожалѣю о немъ, какъ о сынѣ, будучи столь одинокой. Во всѣхъ случаяхъ жизни или смерти я на него одного и надѣялась. Но увы, Всеблагій Богъ наказываетъ меня въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ, —все, что мнѣ дорого, должно быть далеко отъ меня. Да будетъ воля Его! И Онъ благоволилъ послать мнѣ помощь: — мой братъ не покидалъ меня ни на минуту и это было великимъ утѣшеніемъ въ томъ состояніи, въ какомъ я находилась.

144 Вчера, мой дружокъ, я получила Твое милое письмо отъ 23 февраля. Почему ты мнѣ ничего не говоришь о моемъ Александрѣ? Почему ты не говоришь ни слова о Георгіи Мано? Его родителей, которые здѣсь, надо дѣйствительно пожалѣть, онъ имъ не пишетъ ни слова, и они сомнѣваются даже, живъ ли онъ... Добрая и милая княгиня здорова, говоришь ты? Слава за это Богу! Я цѣлую ей ручки и напишу ей съ оказіей, если таковая будетъ... Здѣсь въ этотъ моментъ узнаешь только новости очень серіозныя для Греческой Націи. Я думаю, что очень много лгутъ, ибо когда не видишь ни одного документа о томъ, что говорятъ, съ трудомъ вѣришь всѣмъ этимъ росказнямъ. Впрочемъ будетъ то, что угодно Богу; я не люблю вмѣшиваться въ политику и говорить о ней, потому что я ничего въ ней не понимаю, да и не женское это дѣло...

145—146 Нѣсколько дней тому назадъ графъ былъ у меня; два часа мы были совершенно одни; послѣ чего Габріель пріѣхалъ

провести остатокъ вечера съ нимъ... Ты знаешь, что это несчастное греческое дѣло очень не понравилось Императору. Даже положеніе графа колебалось нѣкоторое время. Ты знаешь, что Императоръ не хочетъ и слышать о нашемъ добромъ другѣ Катакази. Онъ увѣренъ, что онъ зналъ все, что говорилось въ Кишиневѣ. Я убѣдила графа, что онъ ничего не зналъ, но онъ говоритъ — тѣмъ хуже: какъ губернаторъ онъ долженъ былъ это знать, и, хотя родственникъ Александра, если онъ это зналъ, онъ долженъ былъ освѣдомить правительство по долгу присяги! Такимъ образомъ, говорятъ, нашъ другъ выходитъ виноватъ во всякомъ случаѣ. Но я надѣюсь на Бога, что это долго не будетъ длиться. Будетъ рѣшена война, такъ все будетъ забыто и прощено, ибо Императоръ нашъ — ангелъ доброты... Война, я думаю, неизбѣжна. Пока же во всѣхъ церквахъ дѣлаютъ сборы для несчастныхъ греческихъ бѣженцевъ. Это Роксандра написала письмо князю Голицину (Синодскому), и онъ его представилъ нашему ангельскому императору, который разрѣшилъ, чтобы имъ была оказана помощь. Все отлично устроится и всѣмъ губернаторамъ пошлютъ приказъ на этотъ счетъ. Пиши время отъ времени словечко о Яковаки: г-жа Влангали, бѣдняжка, все время безпокоится за свою сестру и за своего племянника, который былъ съ моимъ любимымъ Александромъ.

Гл. IV-я ...Между тѣмъ мнѣ предложили очень хорошую для него вещь: сдѣлать его адъютантомъ генѣрала Ермолова; меня
151 увѣряли, что онъ попечется о его карьерѣ. Я не знаю, гдѣ стоитъ Нейшлотскій полкъ, въ какомъ городѣ? Если ты это знаешь — скажи мнѣ..

152 Я получила очень утѣшительное письмо отъ Митиньки... Его графъ употребилъ дежурствомъ управлять! Это большое отличіе, такъ какъ онъ самый молодой изъ адъютантовъ. Онъ далъ ему 500 рублей столовыхъ и кромѣ этого его квартира будетъ частью оплочена. Это еще 300 рублей лишнихъ. И когда онъ теперь сюда прiѣдетъ, графъ хочетъ просить Императора принять его въ гвардію. Вотъ счастливыя новости, слава Божіей Благости!.. Письмо Мити — можно умереть со смѣху! Ты его знаешь, и можешь представить себѣ!

153 Митинька уже уѣхалъ. Онъ оставилъ за собой большую пустоту. Софи очень грустила. Что дѣлать? Все въ этомъ бренномъ мірѣ мгновенно, и радость и горе. Но, признаюсь,

тебѣ, я безпокоюсь за участь Митиньки. Если генералъ Закревскій захочетъ взять его къ себѣ, я спокойна. Но если онъ долженъ вернуться сюда въ свой полкъ, то, такъ какъ расходы сильно увеличились у меня съ выходомъ Софи, у меня нѣтъ никакого представленія, какъ я смогу содержать еще Митиньку, такъ какъ здѣсь онъ не могъ бы обойтись тысячью рублей, которые я давала ему въ Финляндіи. Охъ, Господи! Это Онъ, Онъ одинъ соблаговолитъ помочь мнѣ по своему великому милосердію. Не будемъ унывать, ибо Господь никого никогда не покинулъ.

156 Мадемуазелль де Комнено, Я получила ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете меня о Вашей предстоящей свадьбѣ, прося моего благословенія, и я съ удовольствіемъ скажу Вамъ, что я возсылаю къ Небу молитвы, дабы Господь благоволилъ благословить вашъ союзъ и сдѣлалъ его счастливымъ. Конечно, онъ такимъ и будетъ, если, какъ я въ этомъ не сомнѣваюсь, вы всегда останетесь проникнутой принципами, которые были внушены вамъ въ нашемъ Смольномъ монастырѣ и которые научатъ васъ исполнять обязанности вашего новаго состоянія такъ, чтобы заслужить благословеніе Неба. Это будетъ въ то же время вѣрнымъ средствомъ всегда сохранятъ право на мое благоволеніе.

Ваша любящая Марія

Павловскъ 21 августа 1814.

157 Като, дорогая, сегодня вечеромъ мы ѣдемъ къ княгинѣ Роксандрѣ. Ты надѣнешь свое платье mauve, ты причешешься тщательнѣе чѣмъ въ послѣдній разъ и ты будешь очень любезна съ г. Крупенскимъ, котораго намъ представятъ.

158 Если ты хочешь выказать, свое послушаніе, свою нѣжность и свою любовь къ матери, съ самаго дня полученія этого письма ты начнешь учить Зозо французскому: — каждый день по три слова; въ первый день пусть это будетъ «Богъ», во второй Пресвятая Дѣва; потомъ все, что тебѣ захочется, но непремѣнно три слова — хлѣбъ, вода, соль... Вотъ самое большое доказательство твоей привязанности, какое ты мнѣ можешь дать.

164 Ея И. В. поручила мнѣ увѣдомить васъ о полученіи письма, которое вы Ей отправили и сообщить вамъ, сударь-

ня, объ удовлетвореніи, съ которымъ Она узнала новость о предстоящемъ союзѣ вашей дочери съ Коллежскимъ Совѣтникомъ Катакази. Выражая пожеланіе, чтобы устройство м-лль Комненъ могло обезпечить ея счастье и доставить вамъ утѣшеніе, Ея И. В. желаетъ выказать ей знакъ благосклонности и интереса, который она всегда будетъ проявлять къ участи своей пансіонерки. Она назначила ей брилліантовый фермуаръ, который я имѣю честь при семъ препроводить вамъ.

Что же касается до просьбы, съ которою вы обратились къ Его Вел. Императору, Ея В. поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что Ей не пришлось приложить своихъ стараній въ вашу пользу, ибо Императоръ, по особой добротѣ къ Вамъ, благоволилъ ассигновать сумму, дабы облегчить издержки на приданое м-лль Комненъ.

Исполняя приказанія Ея И. В. , я имѣю честь выразить Вамъ съ моими поздравленіями, чувство глубокаго уваженія и пр.

165 Мадамъ де Комнено, Я разрѣшаю и очень охотно, чтобы вѣнчаніе Вашей любезной дочери состоялось въ церкви монастыря, гдѣ она была одной изъ хорошихъ ученицъ. Посылаю очень искреннія пожеланія счастья ей и подтверждаю Вамъ выраженія благоволенія, съ коимъ Я пребываю.

Ваша любящая Марія.

СПБ 15 августа 1826.

Гл. V-я
170—171 Милостивый Государь, извлеченіе изъ письма изъ Константинополя, которое вы мнѣ доставили, даетъ мнѣ новое доказательство вашего рвенія къ службѣ Его Императорскаго Величества, и я могу только засвидѣтельствовать Вамъ свою благодарность. Внимательное ознакомленіе съ содержаніемъ этого письма заставляетъ меня смотрѣть на него какъ на пугало, спеціально изготовленное или турецкой или англійской партіей. Можетъ быть также, что эти новости обязаны своимъ происхожденіемъ князю Маврокордато, который во время враждебныхъ дѣйствій находился въ Яссахъ, а со времени заключенія перемирія удалился въ Константинополь. Я предполагаю это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что мнѣ трудно вѣрить, чтобы столь важныя событія, которыя постарались сдѣлать также и тревожными, могли остаться тайной для его Превосходительства генерала Себастьяни, французскаго посланника въ Константинополѣ. Какъ бы то ни было, прошу васъ продолжать сообщать мнѣ новости, ко-

торыя дойдутъ до васъ, а также вѣрить глубокому уваженію, съ которымъ я имѣю честь пребывать

вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Князь Прозоровскій.

Гл. VI-я Буюкдере. 18 августа 1818

181—182 Призванный довѣріемъ Августѣйшаго Монарха къ почтенной обязанности реорганизовать по принципамъ суровой морали службу Его Величества на Востокѣ, я нашелъ драгоцѣннѣйшее вознагражденіе моимъ усиліямъ въ милостивомъ пріемѣ, которымъ Его Величество удостоилъ почтить справедливые отзывы, данные мною о всѣхъ моихъ подчиненныхъ. Его Величество, удостоивъ оцѣнить принципы и рвеніе, характеризующіе Вашу службу, а также выдающееся исполненіе Вами обязанностей Секретаря Комитета, изволилъ пожаловать Вамъ, въ знакъ своего высокаго благоволенія, знаки ордена св. Анны 2-й степени и мѣсто 2-го секретаря посольства съ увеличеніемъ оклада, опредѣленнаго новымъ положеніемъ о Миссіи. Его Величество, вознаграждая своихъ вѣрныхъ слугъ, пожелалъ отмѣтить честность и рвеніе, какъ качества, неразрывныя со службой Россіи: бдительное и дѣятельное правосудіе поразило бы полной немилостью перваго же изъ служащихъ, который имѣлъ бы несчастіе удалиться отъ принциповъ морали, долженствующихъ характеризовать все его поведеніе во всѣхъ обстоятельствахъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, общественномъ и частномъ.

Я счастливъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, о наградѣ, которою Его Императорское Величество почтилъ Васъ, и я препровождаю при семъ копію съ указа, даннаго по сему случаю. Этотъ знакъ благоволенія нашего Августѣйшаго Монарха усугубитъ, я увѣренъ, рвеніе и преданность, которыми вы одушевлены къ Его службѣ.

Имѣю честь пребывать съ глубокимъ уваженіемъ, Милостивый Государь, Вашимъ нижайшимъ и покорнымъ слугою.

Баронъ Строгановъ.

186—187 Буюкдере 9 іюня 1820.

Графъ,

я чрезвычайно сожалѣю, что мнѣ приходится поддержать передъ министерствомъ Его Величества препровождаемое при семъ прошеніе объ отозваніи Коллежскаго Совѣтника Катакази, 2-го Секретаря Посольства. Его вынуждаетъ къ этому вліяніе климата, и мнѣ невозможно не присоеди-

ниться къ его просьбѣ, какъ бы ни была чувствительна потеря, которую я испытаю съ удаленіемъ одного изъ главнѣйшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ служащихъ Миссіи. Вашему Превосходительству извѣстно, что ему, въ качествѣ Секретаря Комитета, были спеціально поручены части коммерческая и судебная; къ этому присоединялась также переписка съ консульствами на Востокѣ, и въ этой обширной и сложной работѣ, чуждой собственно дипломатической сферѣ, онъ не переставалъ проявлять самое дѣятельное и просвѣщенное рвеніе и знанія, ежедневно увеличиваемыя практикой и истинными талантами, отмѣчающими его, какъ лицо въ высшей степени способное къ дипломатической карьерѣ, которой онъ посвятилъ себя. Онъ служилъ также посредникомъ въ секретныхъ сношеніяхъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ, — и эти обязанности онъ исполнялъ съ тѣмъ же рвеніемъ и проницательностью. Къ этой оцѣнкѣ дѣятельности и талантовъ Г-на Катакази, я долженъ прибавить исключительно почтенные принципы и личныя качества, которые четырехлѣтній опытъ заставилъ меня признать въ немъ и день ото дня укрѣпляютъ уваженіе и довѣріе, внушаемыя мнѣ его характеромъ.

Онъ со всѣхъ точекъ зрѣнія имѣетъ право на мое участіе и на мое желаніе успѣха въ его карьерѣ, а также и на то, чтобы я взялъ на себя смѣлость привлечь на него вниманіе Его Императорскаго Величества и благосклонность Министерства..

Гл. VII-я Павловскъ, сего 1 іюня 1827. № 2067.

195 Милостивый Государь, Ея Величество Императрица Мать поручила мнѣ передать Вамъ, что она требуетъ себѣ ребенка, которымъ разрѣшилась отъ бремени г-жа Катакази, и что Она удостаиваетъ быть его крестной матерью. Ея Императорское Величество желаетъ быть замѣщенной при крещеніи Г-жей Адлербергъ, начальницей Общины. Спѣшу, Милостивый Государь увѣдомить Васъ о такомъ милостивомъ къ Вамъ расположеніи Ея Императорскаго Величества и имѣю честь пребывать..

196—197 Особое Порученіе, относящееся къ службѣ Его Величества Государя Императора, только что возложено на меня Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и мнѣ дано приказаніе отплыть съ Императорскимъ флотомъ, который долженъ немедленно поднять паруса. Исполненный благодарности за этотъ знакъ довѣрія и горячо желая исполнить приказаніе мо-

его Государя съ усердіемъ и быстротою, я черезъ нѣсколько дней покидаю столицу, не зная времени своего возвращенія.

Супруга моя, удаленная отъ всѣхъ своихъ и моихъ родныхъ, безъ житейскаго опыта, только что лишившаяся своей матери и едва оправляющаяся отъ жестокой болѣзни, нѣсколько дней тому назадъ ставшая матерью, должна будетъ остаться въ столицѣ безъ покровительства, безъ руководителя, безъ опоры. Моимъ первѣйшимъ долгомъ будетъ посвятить всѣ средства, коими я могу располагать, чтобы обезпечить ея существованіе; но и при этомъ она къ сожалѣнію остается совсѣмъ одинокою и даже можетъ подвергнуться осужденію свѣта...

Одно слово Вашего Императорскаго Величества могло бы совершенно измѣнить ея положеніе. Удостойте, Государыня, разрѣшить ей вернуться на нѣсколько мѣсяцевъ подъ ту кровлю, подъ коей она провела девять лѣтъ своей жизни.. Удостойте приказать, въ несказанной добротѣ Вашей, чтобы ей было назначено хотя бы очень маленькое помѣщеніе или въ Смольномъ Монастырѣ или во Вдовьемъ Домѣ, находящемся въ той же оградѣ, — съ тѣмъ, чтобы она никоимъ образомъ не была на иждивеніи Общины. Она нашла бы тамъ священный пріютъ, и Августѣйшее покровительство Вашего Императорскаго Величества было бы для нея и для меня вторымъ Провидѣніемъ...

197—198 Милостивый Государь,

Ея Величество Императрица поручила мнѣ увѣдомить Васъ, что Ваша просьба идетъ въ разрѣзъ съ обычными правилами, которыя не были бы для нея благопріятными, — но особенное участіе, которымъ Ея Величество всегда изволила удостаивать г-жу Катакази, побудило оказать ей то покровительство, котораго Вы для нея просите. Принимая во вниманіе Высокое покровительство, которымъ постоянно пользовалась мать Вашей супруги, и которое простиралось и на Вашу супругу, какъ дѣвицу Комнено и воспитанницу Общины, также какъ и совершенно исключительное обстоятельство Вашего внезапнаго отъѣзда, Ея Императорское Величество соизволила разрѣшить, чтобы Вдовій Домъ предоставилъ г-жѣ Катакази и ея ребенку маленькое помѣщеніе въ своихъ стѣнахъ за плату въ тридцать рублей въ мѣсяцъ въ пользу того же Вдовьяго Дома. Будьте такъ добры, Милостивый Государь, войти по сему предмету въ соглашеніе съ Его Превосходительствомъ г. Васильчиковымъ, управляющимъ Вдовьимъ Домомъ, который поставленъ въ извѣст-

ность о всемилостивѣйшихъ намѣреніяхъ Ея Императорскаго Величества.

203—204 Одной изъ Вашихъ депешъ Ваше Превосходительство довели до нашего свѣдѣнія мотивы здоровья, заставляющія г. Катакази просить разрѣшенія вернуться въ Россію. Если эти мотивы еще существуютъ, Императоръ даруетъ ему это разрѣшеніе и Ваше Превосходительство довѣритъ ему первыя же депеши, которыя потребуется отправить намъ, возмѣстивъ ему путевыя издержки. Но Его Императорское Величество, зная выдающіяся таланты г. Катакази, цѣня его службу и повѣривъ ему свои намѣренія во время его послѣдняго путешествія въ С.-Петербургъ, полагаетъ, что Вы, Графъ, испытаете живѣйшее сожалѣніе, лишаясь сотрудничества и знаній столь заслуженнаго чиновника, особенно въ такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ. Итакъ, если здоровье улучшилось и если Вы можете побудить его продолжать службу при Васъ, Императоръ разрѣшаетъ Вамъ удержать его, будучи увѣренъ, что онъ и въ дальнѣйшемъ можетъ быть для Васъ только очень полезенъ своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ въ странахъ, съ которыми Вы въ сношеніяхъ.

Примите и пр...

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

